

Юрий Левада

УДК 316.61(470+571)
ББК 60.53(2Рос)
ЛЗ4

Составитель Т. В. Левада

Левада, Ю. А.

ЛЗ4 Сочинения : проблема человека / Ю. А. Левада : [сост. Т. В. Левада]. – Москва : Издатель Карпов Е.В., 2011. – 526 с. : ил.
ISBN 978-5-9598-0151-9

Это шестая книга из серии, посвященной жизни и работе Юрия Александровича Левады, руководителя ВЦИОМ в 1992-2003 г.г. и Левада-Центра в 2003-2006 г.г.

В неё включены статьи разных лет, в том числе разделы «Проблема человека советского» и «Координаты человека» из двух, изданных при его жизни, сборников социологических очерков.

Книга, особенно анализ эмпирического материала, полученного путём систематических опросов общественного мнения, может быть полезна широкому кругу специалистов и всем, кого интересует состояние человека в условиях всеобщего кризиса.

УДК 316.61(470+571)
ББК 60.53(2Рос)

ISBN 978-5-9598-0151-9

© Русинов В.Ю., 2011
© Левада Т.В., составление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Проблемы экономической антропологии у К. Маркса	8
Ценностные ориентации личности и массовые коммуникации (Кяярику II)	29
ПРОБЛЕМА «ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО»	55
Человек советский пять лет спустя: 1989–1994	57
Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа	74
Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев	91
Человек советский десять лет спустя: 1989–1999	111
Человек приспособленный	146
Человек недовольный: протест и терпение	174
Человек лукавый: двоемыслие по-русски	197
Человек ограниченный: уровни и рамки притязаний	224
КООРДИНАТЫ ЧЕЛОВЕКА	247
Человек в корруптивном пространстве	249
Координаты человека	275
«Человек советский»: реконструкция архетипа	301
Перспективы человека: предпосылки понимания	315
«Человек ностальгический»: реалии и проблемы	340
«Человек советский» в эпоху перемен	366
«Человек советский» как человек «особенный»	388
«Человек советский» и его рамки самоопределения	408
Функции и динамика общественных настроений	434
О «большинстве» и «меньшинстве»	461
«Человек обыкновенный» в двух состояниях	485
О гражданской нации	512

От автора

Человек – советский и постсоветский^{*}

<...> В научном отношении самым амбициозным проектом ВЦИОМ является широко задуманный «Человек». Как материалы, так и программные установки этого проекта не раз публиковались в журнале «Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения». Если первое исследование и написанная на его основе книга^{**} базировались на одном опросе, то теперь в распоряжении исследователей не только возможность сопоставительного анализа двух опросов (1989 и 1994), но и множество данных, полученных в ходе исследований типа «Мониторинг», которые позволяют видеть существенные моменты динамики и статичности на «человеческом» уровне. Видимое богатство материала, однако, не компенсирует методологических и теоретических проблем, которые нуждаются в значительно более глубокой разработке.

Изменения, происшедшие за последние годы в различных сферах жизни общества, вынуждают исследователей принимать во внимание новые предметы социально-антропологического анализа, не существовавшие или малозаметные в конце 80-х годов, а также изменять подходы к ряду рассматривавшихся ранее проблем.

Тогда многим представлялось, что крушение официальных институтов принуждения и идеологической обработки, присущих советской системе, высвободит человека «нового» по отечественным масштабам – или «нормального» по мировым – способного действовать в рамках демократии. Действительность оказалась более сложной, ломка старой общественной системы – длительной и мучительно противоречивой.

* Отрывок из статьи «Наши десять лет»: итоги и проблемы. «От мнений к пониманию», М.: 2000.

** См.: Советский простой человек. М.: Мировой океан, 1993.

В этих условиях приобрели самостоятельное значение проблемы положения человека в системе социальных институтов, возможностей квазиполитической мобилизации, различных уровней адаптации к изменившимся условиям официальности и повседневности, утверждения сферы приватности, формирования новых групповых рамок деятельности, механизмов идентификации, комплексов и фобий, наблюдаемых в исследованиях общественного мнения. Достигнутая в результате перемен последних лет открытость по отношению к внешнему миру оказалась противоречивой и болезненной – и в человеческой сфере не менее, чем в экономической и социальной.

Сохраняет свою напряженную актуальность и вопрос о том, насколько долго и какой ценой человек может этот тяжелый переход выдерживать – иначе говоря, о «запасе прочности» человеческого материала в различных его структурных образованиях и слоях, а также и о самой природе этой «прочности».

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ У К. МАРКСА

Как писал К. Маркс, исходным пунктом его анализа «является не человек, а данный общественно-экономический период» [1, т. 19, с. 386], – и этим обозначалась та принципиальная позиция, которая определилась у него после окончательного разрыва с антропологизмом фейербаховского типа, т.е. после 1845 г. С тех пор в его работах общественная жизнь предстает как «естественноисторический процесс», человек – прежде всего как «мир человека, государство, общество» [1, т. 1, с. 414], а отдельные социальные типы – капиталист, земельный собственник – как «олицетворение экономических категорий» [1, т. 23, с. 10, т. 25, с. 385]. В экономической системе Маркса позиция и деятельность экономических субъектов представлены через их суммарный результат, в «снятом» виде. Здесь не рассматриваются отдельные действия или деятели, и именно потому, что принимаются как нечто заданное, как своего рода постоянные величины (по крайней мере, в конкретных социальных условиях).

Это не просто один из возможных методологических способов исследования социально-экономического процесса, он в известном смысле соответствует той исторической ситуации, в которой проблематизированы объективные обстоятельства человеческой деятельности («...сделать обстоятельства человеческими»). Здесь и было необходимым сконцентрировать внимание на «мире человека», т.е. на системе общественных отношений.

В тех же исторических условиях, когда проблемой становится сам человек (т.е. когда утрачиваются черты «заданности» его потребности, интересы, возможности, рамки деятельности), эксплицирование человеческих, антропологических предпосылок социально-экономических систем и процессов приобретает принципиальное значение. В связи с

этим понятно и внимание к выявлению «антропологических» компонентов (скрытых или подразумеваемых) в классических теориях таких систем.

В дисциплинарном плане экономическая антропология, по-видимому, должна занять позицию на грани экономики, социологии (относя к ней и социальную психологию) и культурологии (культурной антропологии), поскольку в этих областях знания рассматривается человек в его экономических функциях и отношениях. Сюда можно отнести довольно широкий круг проблем положения человека в системах экономической деятельности (труд, организация, потребление, распределение, мотивация, профессиональный и потребительский выбор, обмен, партнерство, конфликт, инструментальные и символические ценности и др.). Определяющей здесь в конечном счете оказывается проблема эффективности социального действия. В плане историческом экономическая антропология должна заниматься типологией субъектов экономической деятельности, способов их действия, соответствующими моделями – т.е. прежде всего «экономическим человеком» (*Homo oeconomicus*) и сопряженными с ним концептами человека «рационального», «традиционного», «играющего», «всестороннего» и др. Интересна проблема «статусной» метаморфозы подобных конструкций – превращения, скажем, рациональной модели в некий идеологический или мифологический фантом, или, наоборот, редукции какой-нибудь мифологемы утопического сознания до положения позитивно-ограниченной рабочей модели.

Разумеется, в данной работе проблематика экономической антропологии затрагивается лишь в постановочном плане и в той мере, в какой она инициирована в системе социально-экономических воззрений Маркса.

Основная антропологическая концепция классической политэкономии – идея «экономического человека» – у Маркса по имени не названа. Но она не названа и у Адама Смита, и, по-видимому, не только потому, что еще не был придуман соответствующий термин. Термин и не был нужен, так как Смиту «экономический человек» казался еще естественным, т.е. просто человеком «без прилагательного»: «Большинство людей предполагает и желает улучшить свое положение посредством увеличения своего имущества... а самый надежный способ увеличить свое состояние – это сбережение и накопление...» [2, с. 252]. Много позже, в изменившихся условиях (к характеристике их изменений мы еще обратимся) чуть ли не натуралистический персонаж классических экономистов изображается как некое сказочное чудовище: «Экономический человек – это личность, которая всегда стремится максимизировать свой долларовый доход или минимизировать свои затраты... Экономический человек, как предполагается, занят холодным расчетом. Он обладает полной информацией о рынке и всегда делает правильный ход... У него нет эмоций вообще, это самая бессердечная и отвратительная личность. К счастью, мы не встречаем экономического человека в реальной жизни» [7, с. 145]. Отметим, что в основе переоценки концепта лежит метаморфоза его статуса: реалистический образ превращается в фиктивную, идеальнотипическую (в смысле Маркса Вебера) конструкцию. Основные ее черты таковы:

1. Рациональность. Экономический человек стремится максимально ясно представить себе собственные действия, как бы вынося их на «табло сознания». («Быть рациональным означает буквально превратиться в исследователя по отношению к своему собственному действию» [см. 9]). Этим он принципиально отличается от всякого субъекта, который руководствуется привычкой или аффектом, иначе говоря, ир-

рационально относится к собственному действию.

2. Целенаправленность. Деятельность экономического человека предстает как последовательное использование средств (программа, выражаясь современным языком) для достижения цели; его потребностью является реализация интересов, отнесенных в перспективу по стреле времени, причем эти интересы постоянно воспроизводятся в расширенном масштабе. Характерный для него способ ориентации в социально-экономическом континууме – постоянное аналитическое расчленение последнего по «инструментальной» оси: «средства (инструменты) – цель»; отсюда же и преобладание инструментального (или технологического) отношения к реальности, т.е. стремления использовать любые ее элементы – будь то природные силы или социальные отношения, действия и интересы других людей – как инструменты для реализации собственных целей. С этим связана и практически-инструментальная ориентация знания, нормативных регуляторов поведения и т.д. Все это противопоставляет «экономического человека» образцам «традиционного» поведения, ориентирующегося на воспроизведение прошлых стандартов, а также нормативно-ценностного поведения (регуляторами которого выступают апелляции типа «жить достойно», «поступить, как все» и т.п.).

3. Эффективность. Стремление к наибольшей выгоде при наименьших затратах, оптимизация рационального целенаправленного действия. Именно такое суммирование перечисленных черт делает поведение «экономического человека» собственно экономическим. Это предполагает постоянное использование определенных (локальных) критериев оптимальности, соответствующих средств соизмерения затрат и результатов и т.д. При этом существует тенденция подчинять оптимизирующему расчету все сферы человеческой деятельности, расширив беспредельную область действия денежных оценок или найдя какие-то эквиваленты для них.

4. Индивидуализм. Субъектом действия и ответственно-

сти считается отдельно взятый индивид. Такая методологическая (а также и этическая) установка противостоит всякому выдвиганию на первый план группы, сообщества, института, в том числе государственного. При этом неизменно делается допущение о «разумности» эгоизма «экономического человека»: он попросту вынужден быть разумным, т.е. считаться с интересами других, а тем самым и общества, поскольку иначе он не может реализовать и собственные интересы... «Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них» [2, с. 27-28]. «Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» [2, с. 332]. Нелишне вспомнить, что создатель модели экономического эгоиста А. Смит наследовал и продолжал традицию шотландских моралистов, начал с «Теории нравственных чувств»; в качестве морального философа он неизменно взывал к сочувствию и взаимопомощи между людьми. Но в качестве экономического теоретика он нуждался в модели расчетливого разумного эгоиста.

И наследники, и критики классической политической экономии (и авторы альтернативных моделей) на Западе, как правило, продолжают пользоваться моделью «экономического человека»¹, что говорит лишь о том, что любая модель экономического поведения предполагает модель (или, менее строго, образ, «имидж») соответствующего действующего лица. В то же время предметом принципиальной дискуссии остается проблема методологического статуса этого концепта, иными словами, вопрос о степени реальности соответст-

¹ «История политической экономии за прошедшие двести лет может быть адекватно охарактеризована как ряд примечаний к Адаму Смиту» [5, с. 19].

вующего образа. В приведенном выше популярном определении современного американского учебника «экономический человек» представлен как предмет этической оценки («бессердечный»), что некорректно по отношению к идеально-типическому конструкту. Часто можно встретить утверждение о том, что «экономический человек» слишком рационален в своем поведении. (В связи с этим находится, например, концепция «ограниченной рациональности», предложенная в свое время Г. Саймоном [см. 9]. С другой стороны, К. Боулдинг полагает, что время этого конструкта прошло, поскольку «экономическая» ориентация деятельности все более заменяется «социальной» («социальным евангелием»), как он выражается [6, с. 206]). М. Мосс же еще недавно утверждал, что даже в западном мире человек не полностью превратился в «экономическое животное»: «Ното оесотомісус не позади нас, но впереди, подобно моральному человеку, домашнему человеку, научному человеку и разумному человеку...» [Цит. по 10, т. 1, с. 171].

Преобладающие в настоящее время макроэкономические подходы в экономике как будто позволяют избавиться от модели человека вообще. Э. Жамс писал, что макроэкономическая теория «...позволяет избежать фиктивности принципа изучения ното оесотомісус, т.е. она не основывается более на легко вводящей в заблуждение психологии отдельного индивидуума или отдельной фирмы. Не придавая большого значения индивидуальным побуждениям, она исходит главным образом из учета совокупности движущих сил...» [4, с. 295]. К этой позиции можно отнести приведенное выше замечание: она обоснована – в данном аспекте – постольку, поскольку в «совокупных движущих силах» можно допустить некую, пусть неназванную, константу человеческих потенций, ориентаций, мотиваций. Если же почему-либо она становится проблематичной, если, скажем, утрачивается относительно устойчивая связь между затратами на рабочую силу и отдачей, макроэкономическая позиция оказывается

здесь уязвимой, приходится искать пути дезагрегирования факторов производства, обращаться к мотивационному анализу и т.д.

Вряд ли случайно, что попытки спасти идею «экономического человека» принадлежат сегодня скорее социологии, чем экономической теории: бихевиористская социология ищет однозначную модель человека. О том, какой ценой конструируется такая модель, можно судить по версии, предложенной Дж. К. Хоумансом – одним из известнейших теоретиков социологического бихевиоризма. Бедой «старого» экономического человека, по его мнению, была ограниченность круга его ценностей. «Но новый экономический человек не столь ограничен. Он может иметь любые ценности, от альтруизма до гедонизма, и хотя он не расточает все свои ресурсы в погоне за этими ценностями, его поведение все еще не является экономическим. Действительно, если он научился получать вознаграждение за то, что он не управился со своими ресурсами, если он ценит отсутствие всякой заботы о завтрашнем дне и соответственно поступает, его поведение все еще экономично. Поистине, экономический человек – это обычный человек» [8, с. 79-80]. Как видим, стремясь как будто спасти классическую модель, Хоуманс лишает ее всякой определенности, т.е. попросту всякого содержания. Ведь для классического экономического человека его ценности были тесно связаны с механизмом их реализации – рационального целенаправленного действия. «Всеядность» предлагаемого Хоумансом «нового экономического человека» объяснима его предельной методологической изолированностью: в поле зрения его концепции элементарных форм поведения попадают лишь отдельные изолированные поведенческие акты, все же ориентации, мотивационные структуры и прочее, поскольку они выходят за рамки отдельного поведенческого акта, охватываются общей скобкой – предельно широкой и потому лишенной конкретного содержания. Именно такой прием и позволяет отнести любые ориентации

человека к «экономическим» (как, пожалуй, и к каким угодно).

На основании беглого обзора различных взглядов на «экономического человека» можно заключить, по-видимому, что этот персонаж не имеет шансов на сохранение своего статуса в экономической антропологии. К причинам этого нам еще придется вернуться.

* * *

В отношении Маркса к антропологическим моделям классической политэкономии прослеживаются две принципиальные линии: во-первых, отстаивание их исторического, более того, специфически-исторического характера, во-вторых, выявление противоречий и опять-таки исторически-переходящего характера капиталистического разделения труда и соответствующего ему типа «частичного» человека.

«Пророкам XVIII века, на плечах которого еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века – продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой – развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, – представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе, согласно их представлению о человеческой природе, признается не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой. Эта иллюзия была до сих пор свойственна каждой новой эпохе» [1, т. 46, ч. 1, с. 17-18]. Особенностью этого «человека XVIII века», по словам Маркса, было освобождение «от природных связей и т.д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного организованного человеческого конгломерата» [там же, с. 17]. «Лишь в XVIII веке, в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступа-

ют по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако, порождающая эту точку зрения – точку зрения обособленного одиночки, – есть как раз эпоха наиболее развитых (с этой точки зрения всеобщих) отношений [там же, с. 18].

Таким образом, «точка зрения обособленного одиночки» (действовавшего не только в экономической, но и в политической, философской, моральной и других сферах) выступает продуктом уникального исторического перелома XVI-XVIII веков. Если первоначально он терминологически обозначается как переход от «природной зависимости» к «гражданскому обществу», то в дальнейшем разрабатываются более развернутые понятийные средства, при помощи которых строятся представления о переходе от «традиционных» общественных организмов, опирающихся на личную зависимость, к «современным», опирающимся на дифференцированную систему социальных институтов и тем самым придающим человеческим отношениям «овеществленный» характер. (В более специальной социологической терминологии этому соответствуют, в принципе, категории «общинного» и «общественного»).

Характерная, как отмечал в вышеприведенном тексте Маркс, для переходных эпох иллюзия «естественные» (традиционные) системы отношений и свойственные им человеческие типы и позиции представляла как противоестественные, провозглашая «естественным» то, что как будто радикально отрицало все эти типы и отношения. Под видом возврата к «первоначальным», «истинным» и т.п. принципам предпринимались попытки конструировать новые системы морали, права, поведения, в том числе экономического. Новый человеческий мир – и, соответственно, новый человек, *Ното novus* – представал в этом сознании как сконструированный, «построенный». Образцом же для такого конструирования выступали определенные модели человеческих от-

ношений (норм, ориентаций) и самого человека. В дальнейшем стало ясно, что никакой мир новых отношений – по крайней мере, если иметь в виду устоявшиеся и устойчивые формы – не конструируется по каким бы то ни было моделям, а складывается под влиянием объективных обстоятельств и противоречивых влияний. Реально «построенными» конструктами были и всегда бывают лишь сами модели, в том числе – антропологические. Именно их появление на арене общественного сознания и культуры знаменовало принципиальное изменение самих «правил» исторического движения с переходом к новой эпохе.

Правда – и это тоже достаточно наглядно показано позднейшим развитием – такое изменение «правил игры» касалось лишь некоторых плоскостей социокультурного механизма. В определенной его «глубинке» продолжают действовать и воспроизводятся ориентации и регуляторы «традиционного типа», что составляет основу противостояния и метаморфоз «конструктов» и «природных» («почвенных») форм человеческой деятельности.

Непременная черта конструктов «классического» сознания, корнящегося в XVIII веке (его философии, морали, эстетики, экономических воззрений), – их предельная рациональность. Значение той ориентации прослежено Максом Вебером, отметившим, что «в конце концов создателями капитализма были рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику» [3, с. 221]. Рациональный образ мысли предполагал и сугубо рациональное воображение. Антропологические конструкты классицизма сейчас можно отнести к классу простейших рациональных автоматов.

При всем том – и это, пожалуй, самая важная и самая удивительная черта всего «классического» сознания – гос-

подставало представление о предельной близости таких моделей к реальности, возникшей в результате самого развития последней: казалось, исторический перелом как бы вынес на поверхность, обнажил, освободил от наслоений фундаментальные элементы и скрытые пружины всей человеческой деятельности. Представлением о том, что реальность вполне (или почти вполне) соответствует их рациональным моделям, жила вся классическая философия, классическая эстетика, классическая политэкономия – пожалуй, даже и классическое естествознание. По словам Маркса, такая «простейшая абстракция политической экономии» как труд вообще становится «практически истинной» в самых развитых формах буржуазного общества [см. 1, т. 46, ч. 1, с. 41]. Классичность научной мысли поэтому выступает чем-то вроде синонима ее глубины, отличающие ее от пошлой поверхности и вульгарности. «Рикардо слишком классичен, чтобы впасть в пошлость...» – отмечал Маркс [т. 46, ч. 1, с. 311].

В ряду образцов рационального поведения, возведенных на пьедестал классическим сознанием, находится и «экономический человек». Первоначально, как мы уже видели, эта модель представляется вполне реалистической, почти совпадающей с оригиналом (неважно раскрытым или же сконструированным). Для того, чтобы оценить дальнейшую судьбу антропологической модели классической политэкономии, следует принять во внимание ту особую, внерациональную «нагрузку», которую несли все разновидности рациональных конструктов классицизма; они выступали в качестве ценностных ориентиров – своего рода идеологических фантомов, призраков, покоровивших Европу в начале нового времени. Причем речь идет о фантомах, призванных исполнять весьма ответственные функции структурирования общественного сознания своего времени (роль фундаментальных мифологем), т.е. определения некоторого центра, вокруг которого сосредоточивался целый комплекс ценностей, стремлений, иллюзий данной эпохи. С некоторой долей упрощения мож-

но допустить, что для XVII века такую роль играла идея Разума, для XVIII века – идея Человека, для XIX – идея Прогресса и т.п.

Историческая и культурная значимость подобного рода явлений выражается, между прочим, в том, что в их судьбе наблюдается одна и та же характерная метаморфоза: сыграв свою «мифологическую» роль, они не исчезают бесследно, но сохраняют некое частичное, позитивное, операциональное значение в каких-то конкретных сферах социальной жизни. Это происходило с перечисленными идеями «с большой буквы» и целым рядом подобных или производных: справедливости, равенства и т.д. Другая линия эволюции приводит к иной «разгрузке» фантомных комплексов, когда за ними сохраняются чисто фикциональные, методологические функции (все сказанное относится, конечно не к масштабу, а только к типу значения). Именно это произошло с «экономическим человеком». В «постклассическую» эпоху, когда развеялись иллюзии простоты и рациональности человека и человеческого мира, «прозрачные» модели могут быть лишь частичными, вариантными, заведомо относительными моделями, и притом в ряду моделей иного типа (нормативных, ситуационных, глубинных и пр.).

* * *

Как известно, для А. Смита разделение труда и, тем самым, существование человека как «частичного» субъекта деятельности, представлялось необходимым началом всякой социальности [см. 2, гл. 1, 2]. Следуя методологической традиции английского эмпиризма (Д. Юма прежде всего), он «выводит» эмпирически необходимость общественного человека из наличного факта разделения труда. Отсюда вытекал и точка зрения Смита о непреходящем характере разделения труда – и человека – которое поддается лишь усовершенствованию. Историческое измерение общества для него

сводилось лишь к противопоставлению примитивной бедности «одинокого охотника» (доисторического) цивилизации с ее разделением труда и прогрессом техники. Критикуя такую точку зрения, Маркс многократно возвращается к тезису о том, что «человек по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное» [1, т. 23, с. 338]. Причем первоначально эта «общественность» выглядит как «стадность», далее как подчинение человека семейно-родовым связям – «ограниченному конгломерату» [1, т. 46, ч. 1, с. 18; с. 486]; лишь историческое развитие в условиях всеобщего товарного производства создает предпосылки для «универсального развития» индивидов и «всеобщих связей» между людьми [см. 1, т. 46, ч. 1, с. 104, 105]. По мысли Маркса, в буржуазном обществе «более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву» [1, т. 26, ч. 2, с. 123], поскольку общественные связи между людьми действуют в отчужденной от них вещной форме [1, т. 46, ч. 1, с. 105]. Подлинная универсальность развития индивидов достигается лишь тогда, когда «общественные отношения... будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю...» [там же].

Как видим, здесь отвергаются и точка зрения, рассматривающая характерные для капитализма вещные связи между людьми как естественные и непреходящие, и романтическая критика таких связей с позиций якобы существовавшей в прошлом «полноты» человека: «Так же как смешно тосковать по этой первоначальной полноте индивида, так же смешно верить в необходимость остановиться на нынешней полной опустошенности» [там же, с. 105].

Маркс полагал, что подняться «выше» противоположности буржуазного взгляда и его романтической критики [там же, с. 105-106], можно лишь рассматривая реальные истори-

ческие предпосылки возникновения «универсальной индивидуальности». Как правило, такое рассмотрение облечено у него в логико-диалектическую форму, представляющую выход за пределы «овеществленных» отношений результатом самого их высокого развития [см. там же, с. 104]. Понятие универсально развитого человека имеет очевидные историко-философские истоки, прежде всего в традиции, ведущей от возрожденческой идеи всесторонней личности, «*Homo Universalis*», к идеалу «целостного человека», совпадающего с «миром человека» в классической немецкой философии. Стремясь «материализовать» эту концепцию, Маркс искал в известной ему социально-экономической реальности конкретные признаки действительной и потенциальной универсализации человека как субъекта общественной жизни (психологическую сторону проблемы мы в данном случае не рассматриваем). Такой признак он усматривал в появлении принципиально нового типа работника – промышленного рабочего, который свободен не только от внешней зависимости и сословных рамок, но, в отличие от ремесленника, и от связи с определенным типом труда: «Быть носителем труда как такового – т.е. труда как потребительной стоимости для капитала – вот в чем состоит экономический характер рабочего...» [1, т. 46, ч. 1, с. 248]. «Безразличие к определенному виду труда соответствует такой форме общества, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой данный определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным» [там же, с. 41]. Абстрактная категория «труд вообще» становится поэтому реальной «в самой современной из существующих форм буржуазного общества – в Соединенных Штатах» [там же].

Здесь мы вновь сталкиваемся с тем классическим по своей ясности выражением классического экономического сознания, о котором уже шла речь: история совпадает с абстракцией (т.е. предельно абстрактной моделью). Причем мож-

но достаточно конкретно указать временные рамки такого совпадения: это первоначальный период развития машинного производства, уже сломавший узкие рамки ремесленной специализации и прикрепления работника к определенной сфере производства или отрасли, и еще не сформировавший рамок узкопрофессиональной специализации. На первых порах машинное разделение труда упростило функции работника и сделало ненужной длительную процедуру обучения, которая обычно свойственна ремеслу. В констатации этого обстоятельства совпадают позиции А. Смита, полагавшего, что для овладения даже самыми сложными из известных ему специальностей достаточно нескольких недель или дней [см. 2, с. 104-105], и Маркса в его анализе упрощения труда и снижения качества рабочей силы при становлении машинного производства [см. 1, т. 23, с. 386, 406 и др.]. К этому периоду относятся и выводы Дж. Ст. Милля (на которого, в частности, ссылается Маркс) [см. там же, с. 382] о том, что машины не облегчают чьего-либо труда, положения о неизбежности удлинения рабочего дня, интенсификации труда и т.д. Последующие фазы технологического, экономического и социального развития способа производства, становление которого было прослежено Марксом, обнаружило, в числе других, тенденцию к растущей профессионализации и специализации работников, требующей все более длительного общего и профессионального образования.

Можно сказать, что если рассматривать труд рабочего в технологическом плане, т.е. как элемент данной технологической системы производства, то представление о его «бессодержательности» следовало бы отнести к пройденным фазам промышленного развития, скажем, так, как принадлежат начальным фазам развития соответствующих сфер труд (и роль) «инженера вообще» или «механизатора». Но ограничиваться только таким подходом к труду и человеку в труде было бы неправомерно. Ведь, по мнению Маркса, рабочий «вообще» противостоит капиталу не технологически, а эко-

номически. Экономическая однородность рабочих развивалась вне прямой зависимости от растущей профессионализации, но конкретные формы их организации на определенных стадиях неизбежно принимают профессиональный характер.

Другое существенное различие, которое мы находим у Маркса, касается двух типов разделения труда – внутри общества и внутри предприятия. В первом случае происходит, по его словам, «отталкивание друг от друга различных отраслей общественного труда и превращение их в свободные, друг от друга независимые и лишь внутренней необходимостью... соединенные в совокупность и единство» [1, т. 46, ч. 2, с. 450]; во втором – «сознательное расчленение и сознательное комбинирование расчлененных элементов» [см. там же]. Как замечает Маркс, эти два типа разделения труда соответствовали бы друг другу «скорее в египетской, чем в современной системе» [там же].

Учет реального многообразия форм и типов дифференциации и интеграции человеческих функций в развитии общества позволяет оценить такие вполне современные тенденции, как сочетание высокой профессионализации («технологической») с возможностями межотраслевой мобильности, заранее заданного определения функций работника в системе отдельного предприятия со свободным выбором между предприятиями и т.д. Конечно, такие и подобные им тенденции не только реализуют, но и трансформируют «классические» воззрения на возможности универсализации человеческой деятельности.

Это относится и к развитию еще одной, весьма важной методологически и практически, линии структурной дифференциации такой деятельности, которая связана с разделением рабочего и свободного времени. Рассматривая рабочее время «субъективно... в форме деятельности» [1, т. 46, ч. 1, с. 114], Маркс считает правомерным сопоставлять его с «пространством» свободного времени [см. 1, т. 26, ч. 3, с. 264]. Один тип деятельности (рабочей) выступает, таким

образом, как длительность, последовательность операций, расположенных во времени, другой тип деятельности (свободной) – как множество вариантов, как пространство выбора. Так строятся принципиальные «координаты» анализа соотношения двух типов человеческой активности (промежуточные и переходные формы в расчет, очевидно, не принимаются), конкретное же содержание его определяется исторически, а точнее – характером капиталистической организации общественного производства; «Капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени...» [1, т. 46, ч. 2, с. 217].

Здесь Маркс, как обычно, полемизирует с наиболее ценным из классических экономических мыслителей – А. Смитом. Последний писал, что для труда рабочий «должен пожертвовать... долей своего досуга, своей свободы и спокойствия» [2, с. 40], как будто «досуг» и «свобода» существуют извечно как некая естественная принадлежность человека. Как сейчас хорошо известно, в традиционных обществах не существует никакой дихотомии «рабочего» и «свободного» действия (соответственно, времени) – там действуют иные разграничения, задающие оппозиции ритуального – светского, праздничного – будничного и т.п. Классическое рационалистическое сознание – конечно, не задумываясь специально над этим – переносит традиционные оппозиции на почву иной реальности и в результате не столько демифологизирует их, сколько создает новую, рационализированную мифологию «свободного времени», противостоящего «принудительному времени» труда и, к тому же, его восполняющего².

Этой схеме Маркс противопоставляет два соображения. Во-первых, это уже приведенный тезис о том, что само свободное время – как и свободный труд, свободный рабочий

² Ср. аллюзию в жестокой карикатуре Великого Инквизитора: «Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, с хором, с невинными плясками» (Ф.М. Достоевский. ПСС, т. 14, с. 236. Л., 1976).

(по сути дела, «свободный» здесь имеет одинаковый смысл) – не только похищаются, но и создаются капиталом, т.е. развитием капитализма. Во-вторых, по поводу суждений Смита о «жертве» Маркс замечает: «Да будешь ты трудиться в поте лица своего!» – таково проклятие Иеговы, обрушенное им на Адама. И Адам Смит рассматривает труд именно как проклятие. «Покой» выступает у него как адекватное состояние, тождественное «свободе» и «счастью». То обстоятельство, что индивид... испытывает также потребность в нормальной порции труда и в прекращении покоя, – по-видимому, совершенно чуждо пониманию Смита...» [1, т. 46, ч. 2, с. 109]. Но противопоставление «проклятого труда» и «счастья досуга» достаточно правильно отражают самоощущение работника как «раба капитала» [см. там же, с. 110].

По мнению Маркса, в будущем обществе свободное время должно служить «самоосуществлению» человека, всестороннему развитию его индивидуальности [см. 1, т. 26, ч. 3, с. 264-266], но к той же цели должен быть направлен и свободный коллективный труд; тем самым устранялась бы принципиальная противоположность между ними. Однако, как мы уже видели, в буржуазной реальности такая противоположность существует только в самоощущении рабочего и в конструктах классического научного сознания. Реальным содержанием человеческой деятельности в свободное время является воспроизводство (и простое и расширенное, т.е. развитие) того, что Маркс называл «сущностными силами человека» и что он сам раскрыл как «совокупность общественных отношений». «Предметом» воспроизводства здесь оказывается сам человек в его общественных связях, в том числе и «внутренних», т.е. интернализированных в структуре его личности. Практически свободное время оказывается, таким образом, временем (деятельностью) «конечного» потребления материальных и культурных благ человеком, результатом чего и является его воспроизводство как общественной личности, индивидуализированной и стандартизированной

ванной, нагруженной интересами своего времени и, в определенной мере, вступающей в противоречия с ними и т.д.

Здесь, однако, требуется одно существенное уточнение. Для эпохи классического развития (становления) капитализма и классического научного сознания строгое разделение функции «рабочей» и «свободной» деятельности почти верно, т.е. почти совпадает с рациональной дихотомической моделью: в рамках первой создаются материальные компоненты социально-экономической системы, в рамках второй – человеческие.

Как и в иных случаях, последующее, «постклассическое» развитие общества во всех формах привело к усложнению и своего рода иррационализации этой картины. Значительные – и, видим, растущие функции воссоздания общественного человека несут теперь социальная организация самого производства, системы формального образования, массовой коммуникации. Более ясными и, должно быть, более важными стали социализирующие функции ранних фаз человеческого онтогенеза. Все это приводит к тому, что «пространство» свободного времени превращается в поле влияния не только различных социальных институтов, что было и в предыдущие эпохи, но и специально существующих для этого социальных организаций, преследующих цели формирования определенных интересов и потребностей социализированного человека. Иными словами, свободное время выступает не только как общественно-необходимое, но и как общественно-принудительное по отношению к отдельно взятому индивиду. Правда, поскольку сохраняется пространство выбора деятельности, это принуждение носит косвенный, «статистический» характер. А свободное время может быть и полем борьбы против него (в аномальных условиях принудительности конечного потребления благ, например, в ситуации универсального их рационалирования, положение меняется и события «производства людей», выражаясь словами Маркса, по

своей организованности не отличаются от способов «производства вещей»).

По-видимому, можно считать, что чем больший удельный вес в современных цивилизациях (в смысле затрат энергии, интересов, времени) занимают различные формы человеческой деятельности, которые в статистическом учете и социографическом описании принято относить к досугу (что и составляет реальное содержание «цивилизации досуга»), тем больше их общественная значимость и общественная принудительность. Выражаясь несколько фигурально, можно распознать три основные силы, которые ведут «конкурентную» борьбу за влияние на этом поле: во-первых, это сфера социально-трудовых отношений (включая сюда разного рода приложения, продолжения и проявления в виде профессионального образования, общественных организаций, транспортных перемещений), во-вторых, это сфера массовых коммуникаций (включая сюда действие рекламы, пропаганды и т.д.), в-третьих – сфера «традиционных» по своему происхождению и изменяющихся в современных условиях семейно-бытовых связей (обязанностей, обычаев). Вряд ли можно усмотреть на этом поле какие-то специальные зоны неприкосновенности индивидуальности человека, специфичности его вкусов и неповторимости его творчества, т.е. его свободы в том смысле, которым вдохновлялась классическая философская антропология. Свободная деятельность человека существует и может существовать во всех сферах его жизни и времени, на пересечении влияний разных социокультурных сил, в борьбе с ними – и за их рамками, или, как выражался Маркс, «по ту сторону» царства необходимости [см. 1, т. 25, ч. 2, с. 387].

* * *

Концепция человека, присущая экономическим воззрениям Маркса, носит конкретно-исторический характер, она в высшей степени полемична, поскольку связана с общим «выяснением отношений» с предшествовавшей социально-экономической мыслью. Методологические принципы понимания места человека в социально-экономических процессах, использованные им, составили целую эпоху в самосознании общества. Обращение к ним и сегодня важно для понимания современных тенденций и форм экономической деятельности человека.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962
3. Вебер М. История хозяйства. Петроград, 1923
4. Жамс Э. История экономической мысли. М., 1968
5. Adam Smith and modern political economy. Ames. 1979
6. Boulding K. Beyond economics. Ann Arbor. 1970
7. Consumer Behavior. Ed. by Clark. N.Y. 1958
8. Homans G.K. Social Behavior. Its elementary forms. N.Y. 1961
9. Simon H. Models of man, social and rational. N.Y. 1957
10. Theories of Society, v. I. Glencoe, 1982

*Экономика и общество. Сборник трудов
ВНИИ системных исследований.
Вып. 8. М., 1983*

**KÄÄRIKU
КЯЯРИКУ**

II

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Выступление в дискуссии^{*}

Мне кажется, что в общем дискуссия пока не носит направленного характера. И это, я думаю, чувствуют все. Это происходит от того, что проблема ценностей нигде и никогда в литературе не была сформулирована, не была строго научно поставлена. О них говорят в самых разных аспектах, относят к разным содержаниям. Наиболее выгодно было бы договориться, в каком аспекте ценность нужна на этом обсуждении и попытаться потом по намеченной линии двигаться. Я не уверен, что это удастся сделать. Мне кажется, что удобного, всестороннего понятия ценностей в науке вообще нет.

Оно существует только тогда, когда мы берем человеческую деятельность или точнее программу человеческой деятельности, сопоставляем ценностные ориентации с некоторыми другими. Например, удобно сопоставлять ценности с нормами и знаниями, видя в этом разные степени расчлененности человеческой деятельности. И тогда в этом аспекте можно видеть, чем ценности отличаются от иных типов ориентаций, работающих, в человеческой деятельности и человеческом сознании. Если пойти дальше и попытаться классифицировать ценности по видам, то, по-моему, здесь действительной классификации не было. Они все до сих пор хаотичны и не могут быть последовательными.

Какой смысл, на мой взгляд, имеет выделение ценностей? Универсального значения, они, наверно, не имеют. И сделать из них этакий универсальный кирпич, из которого можно, в ряду с другими, строить все в обществе, не удастся. Во всяком случае, до сих пор не выходило. Термин «ценность» имеет это значение лишь при определенной постановке вопроса: как и чем регулируется человеческая деятельность.

^{*} Публикуется с сокращениями.

Вот при такой постановке вопроса мне кажется, можно выделить разные способы регуляции этой деятельности, разные способы программирования деятельности.

Один способ – может быть, он был генетически самым древним, или во всяком случае мы можем себе представить его таким. Он состоит в том, что человеку задается требование действовать так-то и так-то, без мотивировок, без рассуждения о том, что хорошо и что дурно. Вот поставили и иди так. Я думаю, что это самая элементарная форма регуляции, возможно, она была первичной. Она состоит в том, что дается как норма, как обязанность делать то-то. И освоить норму, значит, делать то, что в эту норму входит. Здесь нет ни специальной задачи ее осмысления, то есть, задачи ее анализа, выяснения всех «почему», «до каких пор» и так далее. Всего этого не существует, пока задается просто норма. Когда воспитывают детей, то сначала им задают норму: «Кушай кашу и не бери в рот что-либо дурное». А потом, когда они вырастают, им начинают объяснять, почему одно нужно делать, а другое нет, потому что есть хорошее и есть плохое. Я допускаю, что это можно считать первичным, и в онтогенезе и филогенезе человечества, т.е. на какой-то примитивной стадии и, может быть, на какой-то стадии индивидуального развития.

Что происходит дальше? Я думаю, что можно видеть некоторое расчленение этого способа ориентации. Появляется как бы расчленение мира на субъективном основании, на полезное и вредное; потом это расчленение усложняется, появляется хорошее и плохое, прекрасное и безобразное и масса других расчленений. Но сначала здесь все-таки плюс-минус. Это уже более сложный способ программирования деятельности, чем когда задается просто норма. Вот такого типа способы, вероятно, относятся к ценностным. Их много, они разные. Когда это + - переносится на разные области и употребляется там, тут появляется, конечно, множество сложностей, множество противоречий. Скажем, добро и зло – это

одно, а красота – совершенно иная плоскость, а допустимое, правовое – это третье; а потом еще разные степени этики и этикета появляются. Вот такого типа регуляция человеческой деятельности (кто регулирует? – конечно, общество регулирует), вероятно относится к ценностной ориентации.

Дальше, более расчлененный способ, более сложный способ программирования деятельности возникает тогда, когда появляется знание. Знания предметны, в большей или меньшей степени они содержат характеристики и самого предмета, на который обращена деятельность и самих норм деятельности, самих ценностей и так далее. Разумеется, знания могут быть разными, самыми примитивными, самыми сложными, расчлененными, тем более, они содержат долю каких-то ошибок – сейчас речь не об этом. Но когда задаются предметные знания, это иной тип программы, если сравнивать с тем, когда задаются ценности, и когда задаются только нерасчлененные нормы.

Я думаю, вы сможете меня упрекнуть: разделение этих трех типов несколько условно, в реальной действительности в любой нашей деятельности мы встретим все эти вещи вместе взятые. Причем встретим в довольно сложном сочетании. Например, мы можем знать о ценностях, знание – точнее – обладание знанием – само может у нас выступать в качестве ценности, потому что в современном обществе стремление к знаниям безотносительно к тому, что оно дает: власть, богатство, положение, уважение, победу над природой, просто к знанию – это тоже одна из таких ценностей, которая воспитана развитием человечества за последние сотни лет, и играет свою роль. Можно дальше сказать, то же самое стремление к знаниям может сделаться нормой, которая даже задается без объяснений. И действительно, такие ситуации бывают! Положим, когда ребенка заставляют учиться, заставляют учиться и студентов. Поскольку обществу нужно, чтобы люди учились, оно заставляет, создавая специальные условия для этого, поощрения, а также престиж образования. Здесь

много студентов, а остальные бывшие студенты, они знают, что многие из тех, которые сидят и учатся, делают это вовсе не по внутренней убежденности или из любви к знаниям, и даже не из желания получить квалифицированную профессию. Разного типа стимулы, начиная с семейных – стимулируют их учебу. Я говорю все это к тому, что все эти три типа взаимодействуют. Но это не значит, что они не отличаются друг от друга. И это отличие помогает нам разбирать некоторые проблемы.

Как, например, быть с человеком, который выучил в наших условиях атеизм, а сам религиозен? Это – проблема не новая. Мы знаем, что в буржуазном обществе многие миллионы людей ни в Бога, ни в черта не веруют, а этот самый Закон Божий учат. И у нас в России, например, учили, сдавали, хотя исповедывали что-то другое. Во всех биографиях В.И. Ленина имеются фотографии его аттестата зрелости; в этом аттестате есть «5» по Закону Божьему. Причем, ни у кого особенного удивления это не вызывает, потому что совершенно понятна ситуация и поведение человека в данной среде. Некоторый формальный конформизм является необходимым для человека, который не согласен с обществом, и тем не менее вынужден в нем жить и работать. Иначе он не сможет и свои задачи и свои идеалы реализовывать. Так вот, что собственно, представляет это явление? Явление довольно простое. Знание и ценности – вещи разные. Их различие является во-первых, источником большого увеличения знания, потому что в форме знания человеку и человечеству можно задать неизмеримо бóльшую информацию, чем в форме ценностей, и тем более, чем в форме непосредственных директивных норм – знания более богаты. Именно поэтому люди могут много знать, что они отделили знания от ценности, и могут складывать знания в этакий нейтральный сундук и по разному их использовать.

Можно выучить нечто, что для меня довольно безразлично. Я получил, скажем, в школе или позже, какие-то знания

по физике, которые мне до сих пор никогда не были нужны, и я в общем о них без большого восторга вспоминаю. Просто они для меня являются нейтральными. Если я, по роду деятельности, занимаюсь совершенно чуждыми и враждебными мне течениями в общественной религиозной мысли, я должен изучать, выучивать много разных произведений, сочинений совершенно мне неприятных, но я должен их знать, иначе я своего дела не сделаю. Здесь знания существуют совершенно отдельно от ценностей. И вообще такой необходимой связи в современной культуре нет. Может быть, об этом можно пожалеть, но это бессмысленно. Тот период, когда норма, знания, ценность были едины и то, что узнали, одобрили, то, что одобрили, узнали, – прошел. Он невозможен сейчас, вернуться к нему нельзя. Знания не обязательно предполагают ценность, а ценность и уважение к такому-то типу результата научного знания – есть вещь несколько особая.

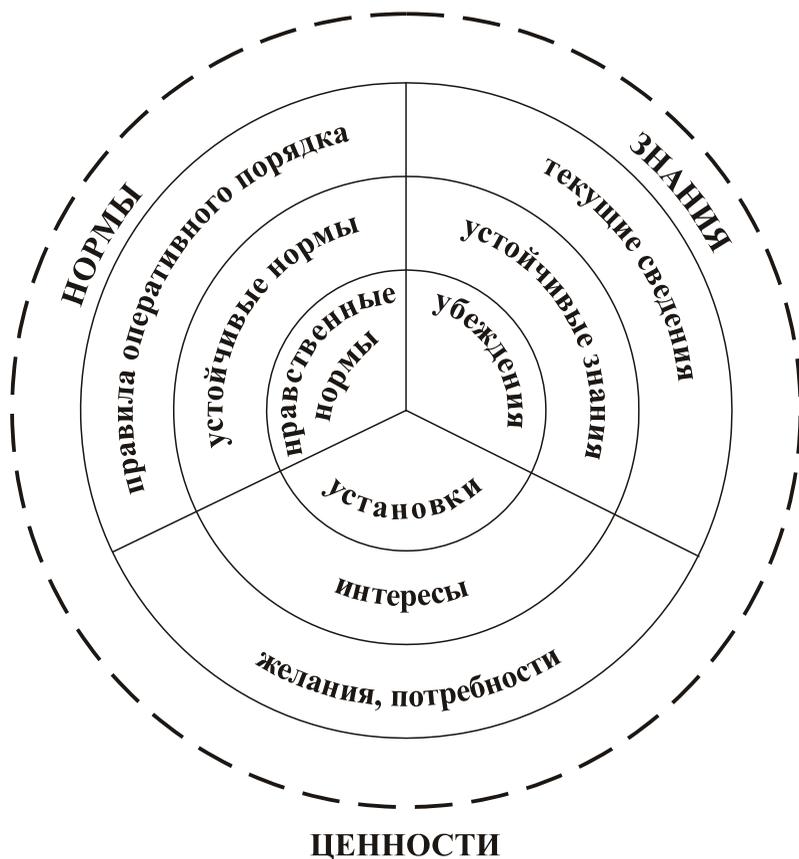
Проблема практическая более серьезна. И практическая и педагогическая проблемы состоят в том, как нашей молодежи не только дать определенную сумму знаний, но вместе с этими знаниями и на основе их привить какие-то ценности. Главная социальная задача здесь в том, чтобы интернализировать в подрастающем поколении ценности данного общества, ценности, которые сложились и показали себя важными и нужными для общества.

Я думаю, что интернализация предполагает не только заучивание индивидом общественного богатства культуры, а некоторое углубление, усвоение. Ну, скажем, если мы едим хлеб, и мы возьмем его в рот, то это самый начальный этап процесса еды, если мы его разжует, то это другой этап, а если мы его усвоим и он станет нашей плотью и кровью, то это, наверно, будет интернализацией хлеба. Я думаю, такая же штука может быть со знаниями, нормами и т.д.

Видимо, следует учитывать, что в процессе социализации индивида, когда человек усваивает некоторую совокупность

заданных ему обществом норм, ценностей и знаний, то в этом процессе можно выделять некоторые поверхностные усвоения и некоторые более глубокие усвоения. Можно для схематических и учебных целей, по-моему, видеть в человеческой личности разные слои и разные что ли секторы.

Рисунок 1

Предположим, что это условная схема (см. рисунок 1) намекает на некоторые особенности структуры человеческой

личности. В ней есть свои, более устойчивые, более фундаментальные слои, есть слои прочные, но менее устойчивые, наконец, слои подвижные, поверхностные. Далее, здесь есть три сектора: (три условно, возможно, следует выделить больше). Вот знания, это та сторона личности, ее деятельности, которая воспринимает накопленные как-то обществом, может быть, при участии данной личности, знания – ее информационное богатство. Здесь три слоя. Верхний слой – это знания, оперативной информации, текущие сведения, газетные или полученные иным путем: из слухов. Это то, что мы узнаем сегодня, забываем завтра и то, что постоянно у нас течет, меняется. Далее, поглубже, где-то ближе к «ядру» личности стоят знания устойчивые, те, которые мы запомнили, может быть, в школе, может быть, иным путем, но которые не меняются. Здесь будут и научные и политические знания (я пока иду только по этой схеме). Далее, еще глубже, еще ближе к «ядру» стоят, скажем, убеждения. Видимо, это наиболее глубокая сторона личности, поскольку мы говорим о знаниях. Убеждения складываются долго, прочно и в принципе, сравнительно редко меняются. Можно представить себе ситуацию, когда у человека бывает перелом в самой глубокой его структуре и может быть смена убеждений. Скажем, один раз это может смениться на протяжении жизни. Если человек будет второй раз менять убеждения, то у этого человека и убеждений не останется, я так думаю.

Вторую часть круга я бы назвал нормативной. Здесь требования: что и как нужно делать, чего и как не нужно делать. Видимо, существуют разные слои норм в процессе их усвоения личностью. Есть некоторые быстротекущие правила, которые вытекают из меняющейся обстановки и которые меняются в зависимости от того, в какую ситуацию мы попадаем. Если человек будет жить только со стабильными правилами, то он не сможет ориентироваться, не сможет менять свое поведение в сложных условиях. Где-нибудь поглубже будут стоять устойчивые нормы. Это нормы законного пове-

дения в государстве, ряд норм этикета, которые являются довольно устойчивыми. Наконец где-то ближе к ядру лежит некоторая часть нравственных норм (видимо, сюда не только нравственные, но и иные могут попасть), они являются устойчивыми и, в принципе, определяют саму суть личности, складываются на всю жизнь. Это нормы различения добра и зла, это уважение к человеку в нашей системе понимания, уважение к труду, основные правила и нравственные критерии, которые заключены в наших кодексах, тоже должны сюда входить. Это та основа, которая относится к нравственному убеждению.

Видимо, третью часть этого круга можно называть активными ориентациями. Может быть, это ценностные ориентации. Ориентации – это желания, потребности, стремления человека, причем они тоже могут быть разного типа. Есть желания быстротекущие, скажем, хочется бежать, спать, есть. Есть сфера интересов к определенному виду работы, знаний, учебы или к людям такого-то склада характера и т.д. Это интересы устойчивые, они реже меняются, хотя, конечно, они развиваются и обогащаются или обедняются в процессе развития и т.д. И где-нибудь, опять-таки поглубже, к центру поближе, представим себе более устойчивые установки, определяющие ориентацию человека на протяжении всей его жизни. Это тоже тип убеждений. Я раньше думал, что здесь можно использовать более удачные слова, чтобы как-нибудь ближе к центру отличить все три сектора, а потом увидел, что они здесь не различаются. Легко различать «снаружи», где информация нормативная, где она чисто информационная, и где она активная. А вот «ядро» – неделимое. Самое глубокое убеждение – это убеждение, которое относится к разным сферам деятельности. Может быть, можно придумать и другой термин, более удачный.

Это различение, эта схема – условная, она изображает только некоторые аспекты процесса и отнюдь не является реалистическим портретом личности. Я думаю, что по ней

можно попытаться проследить, что такое интернализация. Интернализируются знания, переходя из внешней сферы куда-то внутрь, превращаясь в убеждения, интернализируются нормы, переходя из сферы быстротекущих правил в сферу нормативных установок и убеждений. Тут возникает целый ряд других вопросов. Совершенно очевидно, что все на свете интернализироваться не может. Когда новые знания даются личности, она воспринимает эти знания в свете имеющихся у нее убеждений, она отталкивает иногда, перекладывает на свой лад, заставляет всякие новые знания, всякую новую информацию подчиняться своей схеме, как бы раскладывает по своим полкам. Это в общем всегда бывает и с этим всегда приходится иметь дело.

Эта схема годится, по-моему, для описания интернализации и, кроме того, чтобы выделить различия в разных типах регуляции деятельности. Сами по себе знания, вне ценности и вне норм не действуют, они лежат в сундуке, их надо запрячь в колесницу, их надо запрячь в систему каких-то ценностных ориентаций.

*Материалы встречи социологов, на базе Тартусского
Университета ЭССР в 1967 г.
Кярику II. Тарту. 1968.*

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Сообщение

Один из специфических вопросов, относящихся к теме нашего обсуждения, состоит в том, чтобы попытаться выяснить, на что в личности влияет массовая коммуникация. При этом, мне кажется, вопрос состоит не в том, что массовая коммуникация дает некоторые новые «что», она дает некоторые «как», некоторый способ мышления, а если более строго говорить, то, видимо, некоторый особенный способ включения личности в социальную структуру. Вопрос в данном случае в том, что особенного в способе интеграции личности и общества через массовую коммуникацию в сравнении с другими способами.

Массовую коммуникацию, по-видимому, имеет смысл сравнивать с другими типами коммуникации, в которых действует человек и которые действуют на человека. Я пользуюсь очень примитивным разделением, предположим, трех типов, трех «миров» коммуникации, в которых человек растет, а потом живет, работает и участвует. Во-первых, это *личная* коммуникация. Достаточно понятно, что это такое: личная в смысле первично-личной; сначала это семья, малая группа, уличная компания и т.п. Далее – *массовая* коммуникация, которая известна всем, участвующим в разговоре (поэтому нет нужды определять специально). Далее я бы выделил такую не очень строгую категорию, но все-таки, вероятно, работающую, как *специальная коммуникация*. Специальная коммуникация – это те средства общения, которые действуют в специальной, например, профессиональной среде, в специальном процессе обучения. Это тот источник, из которого мы получаем научные знания, относящиеся к данной специальности, к данному роду деятельности. Это не очень строгая категория, потому что иногда в специальной комму-

никации действуют личные отношения и другого типа явления.

Каким образом, каждый из этих типов коммуникации социализирует индивида, включает его в социальную среду (систему) и тем самым эту систему интегрирует?

Видимо, все эти три типа исполняют такие функции по-разному, на разных уровнях, при помощи разного типа механизмов. Ну, что касается личной коммуникации, то вполне понятно, что исключительно она действует на ранних стадиях развития индивида, а в современной культуре, в дополнениях к другим типам коммуникации, она действует всегда. Она формирует личные отношения, устойчивые, не формальные, мало осознаваемые, и, видимо, трудно разрушаемые. Я думаю, что в принципе это отношения личной симпатии и антипатии, привязанности, товарищества и пр. Они меньше всего осознаются, не требуют осознания. Продукты личных коммуникаций отлагаются где-нибудь возле «ядра» личности, накладывая отпечаток на другие отношения.

Я теперь перешагну через одну из названных категорий и возьму специальные коммуникации. Специальные коммуникации проще всего будет представлять как обучение специальности. Специальная коммуникация играет решающую роль при формировании того, что профессионально нужно, практически важно для человека как специализированного, работающего в какой-то области существа. Далее, специальные коммуникации дают плоды, которые мы воспринимаем более осознанно, ибо знание, которое мы осваиваем здесь препарировано таким образом, чтобы мы могли с ним максимально свободно, максимально целесообразно оперировать. Преимущественная сфера целесообразной деятельности человека именно здесь, в области специальной коммуникации. Конечно, тут нужно употреблять ряд оговорок; часть из них я потом сделаю. Но важно то, что специальные коммуникации – это коммуникации в области, где человек участву-

ет в выработке знаний, как бы на кухне, где варятся какие-то новости, появляются знания.

Массовая коммуникация – и не личная, и не специальная, она не касается ни круга первично непосредственного общения человека, ни круга его профессиональной работы. Серьезный инженер не узнает о принципах и новинках инженерного дела из газетных передовиц, хотя там иногда пишется о новых открытиях, изобретениях, и т.д. Или, скажем, серьезный дипломат не узнает о своей работе из информации о международном положении в газетах. У него есть иные, более серьезные источники, более активный способ отношения к этим источникам. Кто же и что получает из массовой коммуникации? Здесь я воспользуюсь старым изречением, которое многие повторяли, и я забыл, кто употребил его первый: «Человек может знать все кое о чем и кое-что обо всем». Можно знать много и основательно кое о чем, т.е. о некоторой узкой специальной проблеме. Это собственно говоря и есть принцип специальной коммуникации. Обо всем остальном я буду знать более или менее понаслышке. Массовые коммуникации – это и есть те самые средства, которые дают широкой массе, в принципе всему обществу, знания «обо всем понаслышке». Я хочу сразу оговориться: в этом нет никакого критического отношения. Это просто образный способ описания реального положения дел. При помощи массовых коммуникаций мы приобщаемся к большому, бесконечно большому миру человеческих дел, стремлений, открытий, желаний, событий в разных сферах жизни в нашей стране и за рубежом, в науке, в технике, в космосе и еще где-либо, но приобщаемся как *не специалисты*, приобщаемся по принципу «кое-что». Дальше я скажу как более строго это можно определить. Для более детального пояснения этого совершенно банального, на мой взгляд, различения, можно дать такой пример: представьте себе, как человек знакомится с наукой. Освоение науки может быть представлено в двух видах: 1) изучение – мы сидим и учимся, штудлируем; 2) про-

цесс, который называется у нас пропагандой науки, популяризацией научных знаний. Это работа общества «Знание», а также большая часть нашего обычного образования – и университетского и школьного. Вот эта пропаганда имеет своей целью усвоение некоторых, поверхностных, популярных сведений о разных науках и о разных элементах наук. Специалист с разной степенью популярности знает то, что не относится к его специальности. Эта ситуация в общем, есть нечто неизбежное, потому что в условиях развитого разделения функций и многообразий форм знаний, иного способа общения человека к большому миру практически не существует. Другой любопытный вопрос – зачем вообще нужно такое приобщение? В силу особенностей современной культуры. Для современного общества и живущего в нем человека является необходимым не только участие в том, что он хорошо знает, понимает, но и в массе других действий – отношений. В том числе здесь есть популярное отношение к науке и не только к науке, но и к социальной жизни, к политике. Я думаю, что это различие нам важно, потому что, когда мы оцениваем активность человека, его знания, мы иногда не учитываем наличие двух разных типов приобщения к знаниям. В условиях социально-политического организма мы встречаемся с разными типами «включения» индивида в этот организм. Одно дело – это специальное включение, когда человек со знанием принимает решение, другое дело – включение в политическую жизнь при помощи поверхностно усвоенных знаний, требований, лозунгов. На этом строится за рубежом вся система пропаганды, относящаяся к политике, вся система, предположим, обеспечивающая участие избирателей в выборах и т.д.

Следующий вопрос, который, по-моему, более или менее связан со сказанным ранее, касается стереотипов. Я не буду говорить о том, что понятие это полезно и даже универсально-полезно. В этом кроется опасность. Примерно такая же, какая сказывается в нашем отношении к ценностям, где мы

начинаем употреблять их всюду и без разграничения. Польза этого понятия состоит в том, что оно удобно для описания различных моментов положения личности в системе коммуникации, при чём это касается и пассивных стереотипов восприятия, и стереотипов активной ориентации. Глобальная причина или «глобальный» пессимизм в отношении того, что люди пользуются стереотипами, пошла еще от Липпмана. Но реальная проблема состоит в том, что без стереотипизации отношений и своей внутренней структуры, личность существовать не может, а потому надо определить, какие стереотипы работают, для чего они годятся.

К нашей теме относится такой вопрос: какого рода стереотипы создаются в разных типах коммуникации и в чем особенность стереотипов, которые создаются в системе массовых коммуникаций? Я буду пользоваться схемой из трех concentрических кругов для изображения некоторых элементов социальной структуры личности. На каждом уровне личности создаются определенные блоки, определенные стереотипы. Как в том смысле, когда мы говорим о восприятиях, так и тогда, когда говорим об установках, об активных ориентациях, о поверхностных и т.д. Всегда здесь будут какие-то заданные заранее куски, которыми и определяются способы ориентации интересов. Какие стереотипы здесь формируются?

Я опять-таки приведу очень вульгарную систематизацию проблемы и представлю дело так: система личных коммуникаций дает, формирует, искажает личные отношения, довольно устойчивые, мало осознанные, мало расчлененные. По-видимому, она воздействует где-то на центральное «ядро» личности.

Я предположу, что система специальной коммуникации выдает устойчивые, более или менее глубокие знания, устойчивые нормы поведения и т.д., будет, по-видимому, ориентирована преимущественно на второй слой.

Что же касается оперативной информации, поступающей

ежедневно и меняющейся, то она сосредоточена в «верхних» слоях личности. Она не всегда идет в структуру личности, но часто входит в её деятельность. Так вот, мне кажется, что главные обязанности массовой коммуникации в обществе состоят в том, что она задает структуру, задает стереотипы непосредственно на внешнем слое личности. Я для простоты беру просто информацию, предполагая, что это знания (но это могут быть также и ориентации, и нормы). Человек должен ее упорядочивать. Он может к ней упорядоченно подходить при помощи своих внутренних стереотипов, того что у него глубоко заложено процессом обучения плюс воспитания, в какой-то степени генетическими особенностями и при помощи этих рамок он «раскладывает» поступающие к нему извне стимулы. Но их слишком много, и они слишком многообразны. Появляются некоторые функциональные необходимости для того, чтобы ориентироваться во всем этом потоке. Во всяком случае, люди с готовностью хватаются за оказавшиеся под рукой готовые полочки, сколоченные специально для расположения внешней информации. Готовые стереотипы, при помощи которых человек включается в бесконечно большой и в общем поверхностно известный ему мир, мир научный, социальный и т.д. Это и есть те полочки, которые несет нам система массовых коммуникаций. Предлагая в готовом виде шаблонные термины, некоторые установки, при помощи которых обыкновенные люди, не знающие профессионально, сравнительно легко и быстро раскладывают всю массу международных новостей сегодняшнего дня по некоторым полочкам, по рубрикам. Конечно, в некоторой степени здесь играет роль и свет внутренних установок; но есть проблемы, которых этим фонарем осветить в достаточной мере нельзя. А здесь полки всегда под рукой, «полки» типа газетных рубрик, заголовков, терминологии. Бесконечный мир оказывается расположенным по полкам и благодаря этому человек может его выносить, может как-то в него включаться, не будучи специалистом.

Система стереотипов, задаваемая человеку массовыми коммуникациями, касается, следовательно, стереотипизации поверхностного слоя информации, который получает личность. Конечно, способы ориентации в мире, заданные системой массовой коммуникации, могут оказывать и более глубокое воздействие на человека, они могут прямо или косвенно влиять на формирование знаний, на мировоззрение и т.д. Но все-таки специальные задачи, собственно свои задачи у массовых коммуникаций не в этом, потому что знание и мировоззрение формируется в системе других коммуникаций прежде всего.

В какой мере можно говорить о нормальности, желательности этой ситуации? Мне кажется неизбежным её существование, ибо иного вида приобщения к миру у нас нет. Но можно поставить вопрос: а вообще зачем нужно человеку приобщаться к тому, чего он как следует не знает? Видимо, существует целый ряд факторов социального порядка, которые не дают возможности человеку быть только «специалистом», хотя бы потому, что общество из специалистов (т.е. такое, где все действовали бы в рамках своей компетенции) невозможно. Реально вопрос стоит иначе – каковы нормы соотношения массовой и специализированной коммуникаций. Об этом идет речь, когда мы обсуждаем, насколько хорошо у нас организовано обучение и воспитание в школе, в вузе и т.д.

В школе не известно, кем будет данный ребенок, и тем оправдана степень знакомства его с различными отраслями знания, причем, главным образом в порядке популярных знаний. В некоторой степени это знакомство предполагает начало серьезной науки, вероятно, более всего это относится к математике, которую нельзя изложить как сумму популярных сведений, а нужно излагать как некоторую систему, где все логически связано друг с другом и друг из друга вытекает. Но вы знаете наверняка, что когда юноша приходит в университет, ему говорят: «Прежде всего забудьте, что вы

учили, мы будем начинать сначала по-новому». Ведь его учили сумме популярных знаний, а здесь нужно строить систему.

Вопрос о том, как наиболее рационально сочетать специальные знания и знания общие, в которых неизбежен фактор популярности – вопрос серьезный для любой системы обучения, в том числе для любого – говоря в общем виде – процесса социализации индивида.

Я хотел бы высказаться теперь по вопросам, чуть-чуть отходящим от темы нашего обсуждения, но связанными с обсуждавшимися здесь материалами и возникшими дискуссиями.

Во-первых, насчет конформизма. Я говорил о наивности подхода к стереотипам как к чему-то негативному и такой огульной их оценке. Она нас далеко не приведет. Видимо, то же самое может быть отнесено и к проблеме конформизма, с той, правда, оговоркой, что само словоупотребление здесь оценочное, конформизмом обычно называют нечто уже нехорошее. Реальная проблема состоит в том, что общество без стереотипов не живет. Не научив своих членов говорить на одном языке, пользоваться одними типичными категориями и, больше того, подчиняться групповым типам ориентации, – общество существовать не может.

Реальный вопрос опять-таки состоит в разнообразии стереотипов, в праве модернизировать их, в том, кто таким правом обладает – личность, группа, или система целиком. В последнем случае личность ничего не имеет, ничего не варьирует и система практически мертва. Проблема стереотипизации реакции индивида в группе – это, видимо, и есть проблема конформизма. Эта стереотипизация в большой степени реализуется сейчас при помощи массовых коммуникаций.

Для каждого типа общественной группы и для каждого типа социальной системы существует свой набор ролей, который предполагает, разумеется, свои степени согласия индивида с ними и несогласия. И работать система может толь-

ко при наличии определенного уровня согласия. Здесь наблюдается следующая любопытная закономерность, на которую иногда не обращают внимания. Существует такое обыденное представление, что если имеет место конформизм, как требование согласия личности с ролями или согласия ролей между собой, то нарушение его есть некоторый подрыв существующего списка действующих лиц, развал пьесы. Между тем, в систему, где существует высшая степень конформизма, прямо или косвенно оказываются включенными также элементы активного антиконформизма. Предположим, что в монастыре, где есть послушники, в церкви, где от всех требуется строгое послушание одной системе догматов, обязательно должны быть и еретики, и они будут. Они будут существовать на периферии этой системы, несколько, может, даже оживляя её существование, потому что инквизиторы должны иметь работу, чтобы они могли нагнетать страх на всех остальных в обществе. Получается так, что конформизм и антиконформизм – это два конца коромысла, два конца одного рычага, одной качели. Там, где есть одно, неизбежно возникает, как некоторое дополнение к нему, и другое, причём, не разрушая всей системы. Такая «монастырская» степень конформизма – необязательна для человеческого общества. В науке такие вещи в принципе невозможны, если это действительно наука. И в «нормальном» обществе, немонастырском, они тоже, наверное, не нужны. В таком случае просто существуют определенные требования разнообразия типов людей, разнообразия стереотипов, условия выбора возможностей. Какое многообразие – это может в принципе удастся даже измерить. В таком случае нет ни конформизма, ни антиконформизма.

Далее, следующее замечание, которое я хотел бы сделать, касается затрагивавшейся здесь уже несколько раз проблемы мифа. Товарищи здесь использовали некоторые, правда, неодинаковые по значению, концепции мифа, имеющие хождение в литературе. Наиболее интересна из них та, на которую

ссылается Вихалемм, – это психологическая трактовка мифа А.М. Пятигорского. Она хорошо работает, поскольку под мифом понимается определенная процедура, которая может нейтрализовать любую напряженность, снять любую оппозицию, а поэтому может нейтрализовать любую напряженность в личности.

По существу дела, трактовка религии как средства, при помощи которого снимается противоречие между смертным и бессмертным, конечным и бесконечным и т.д. дана была Гегелем в лекциях по философии религии. Эту трактовку можно разворачивать в двух планах. Можно попытаться выяснить, что представляют собой типы мифологических систем, которые сложились в обществе, которые являются извне навязанными отдельным индивидам и какие оппозиции и противоречия они могут решать.

Далее, отсюда вытекает и вопрос о том, как могут существовать подобные системы представлений вне прямой культовой связи. И здесь возникает вопрос о влиянии мифологического способа мышления на некоторого рода человеческие идеи, на системы идеологии ни с какими культами прямо не связанные. Этот план социологии религии, план изучения мифа как явления социального.

Другой план, который и берет А.М. Пятигорский и которым пользуются товарищи, в том, чтобы взять внутреннее значение мифа, внутренний механизм преодоления всех оппозиций. Действительно, такой механизм, где-то там в человеке, видимо, действует. И это один из способов, благодаря которым человек может выдерживать всяческого типа напряженности, не раскалываясь на мелкие кусочки, не теряя себя.

Получается аналогия тому, как миф, действующий в обществе, снимает оппозиции. Причем тут есть очень существенная оговорка: миф потому и миф, что он снимает иллюзорно, или более строго выражаясь, снимает противоречия не в той системе, где они существуют. Возникает вопрос о бо-

лее глубококом родстве социального механизма мифов и систем массовых коммуникаций. Для того, чтобы выяснить это родство, нужно посмотреть откуда появилось собственно мифологическое отношение к мифу. Ведь это отношение есть проекция субъективного отношения, развертывание некоторой личностной структуры на мир.

Отдельный индивид, переживающий процедуру такого мифологического разрешения своих напряженностей, как будто бы действует внутри себя и находится глубоко в своей индивидуальности. Отсюда, по-видимому, представление о том, что мифологизм может быть запрятан глубоко во внутренней личности. Но ведь то, что он делает, весь механизм его действия, является повторением одного из наиболее стандартных, наиболее шаблонных общественных действий. Существуют сейчас успокаивающие, возбуждающие, тонизирующие и т.д. пилюли. Если я принимаю эту пилюлю, это глубоко мое личное дело, и я здесь нахожу некоторые средства решения своих психических и т.д. напряженностей.

Но эти пилюли выпускаются массово в массовом производстве, на современной фабрике, делаются специально для того, чтобы миллионы таких индивидов, которые находятся в сходных ситуациях, глотали и находили тут разрешение каких-то своих проблем. Точно такой же процесс получается, по-видимому, в мифе – в сознательном использовании мифов.

Последнее замечание относится к проблеме подтекста в коммуникации, в частности, массовой. Эта целая большая тема и жаль, что она не затронута. Толчок для размышления над ней дал мне недавно опубликованный в «Литературной газете» рассказ Альберта Моравиа «Коммуникабельность». Мне показалось даже странным, что я не слышал, что бы кто-нибудь к нему апеллировал. Между тем этот рассказ очень теоретический, и на нем можно построить целую конференцию по проблеме коммуникации. Выясняется вопрос о том, в каких условиях люди, в данном случае мужчина и женщина,

могут вступить в ситуацию общения друг с другом.

Рассказчик утверждает, что если Он начинает говорить Ей, пытаясь выразить реальные свои переживания – в данном случае то, что она для него дорога и всякие высокие ценности, с этим связанные, – нет коммуникации, это скучно и не воспринимается. Реальная коммуникация начинается и происходит тогда, когда об этом не говорится, а говорится о вещах банальных, предельно пустяковых.

Герои Моравиа говорят о скорости автомобилей, о шуме самолетов и о всяких абсолютно никому не нужных пустяках. Но именно через разговор об этих пустяках, которые бесконечны, легки, универсальны, люди реально устанавливают контакт.

Читая газету, мы видим в каком-нибудь заголовке не только то, что в нем написано, а видим, что данный автор печатается, мы видим, что война пока не началась, а что там дальше написано, это уже не важно и т.п. Некоторые намеки запланированы заранее. В сообщениях о дипломатических встречах встречаются слова о «дружественной», «теплой» обстановке, «полном единодушии» и т.д. Эти фразы обыденны, человек их не различает, но сколько-нибудь разбирающиеся специалисты и даже не специалисты знают, что есть очень серьезная разница между словами «теплый», «товарищеский», «дружественный» и разными другими мельчайшими деталями, которыми изобилуют дипломатические коммюнике. Реальный смысл состоит именно в оттенках этих слов.

Найти способ изучать уровни подтекста, было бы любопытно для изучения аудитории, а также в конце концов и для выяснения теоретических проблем.

Ответы на вопросы

Вопрос: Правомерно ли четкое разграничение специальных и массовых коммуникаций? Существуют, наверное, переходные типы.

Ответ: Бесспорно, но я от них заведомо отделяюсь, говоря о том, что беру некоторые крайние типы, идеальные типы.

Вопрос: Каков принцип классификации? Получается так, личные и массовые коммуникации различаются по каналам, а специальные коммуникации определяются своей функцией.

Ответ: Мне кажется ясным, что в различия массовой и личной коммуникаций все не укладывается.

Убеждения, стойкие установки людей, точные знания и т.д. берутся из другой системы. Из какой? Из системы общения с семьей и малой группой? Наверняка, нет. Надо подумать над более строгим выделением этих типов. Я думаю, когда мы выделяем личную коммуникацию, когда мы берем массовую коммуникацию, нигде не действует *один* критерий, а несколько.

Массовая коммуникация ведь тоже одного критерия выделения не содержит. Здесь предполагается и безличность, и безадресность, и быстрое действие, и определенное место в обществе – есть больше или меньше таких указаний. Это и дает мне право определять специальную коммуникацию, описывая ряд ее признаков. Коммуникатором у меня может быть и Маркс через книгу, которую я штудирую. Этим коммуникатором может быть и непосредственно человек, дающий мне эту информацию. Но так или иначе, результатом должно быть некоторое специальное усвоение данной суммы знаний, установок и т.д., а не только знакомство с ними для ориентации.

Здесь тоже действуют стереотипы, но они в большей степени подлежат выбору, их больше всего можно анализировать и разбирать. Что касается стереотипов, заданных массо-

вой коммуникацией, то здесь активное отношение к ним меньше, потому что мы здесь неспециалисты.

Вопрос: В какой последовательности располагаются на схеме массовых коммуникаций и «спецкоммуникаций», следующие издания: «Известия», «Наука и жизнь», «Рыболовство и рыбоводство», «Вопросы философии» и «Природа»?

Ответ: Наверно, надо произвести эксперименты, если хотите, попытайтесь найти способы их проведения. Я могу пока сделать их чисто мысленно. Мне кажется, что из всех названных изданий, строго специальным является только третье – «Рыболовство и рыбоводство», хотя я его никогда не читал. Вот «Вопросы философии», скажем, специальный журнал, но он не очень специальный и не только из-за характера наших знаний по философии, но и потому, что он в большой мере журнал для пропагандистов, журнал для изучающих. Остальные – популярные – и «Наука и жизнь», и «Природа», и «Известия» – они в основном относятся к сфере массовой коммуникации. «Наука и жизнь», скажем, дает нам каждый месяц массу любопытнейших сведений о том, чего мы не знаем, и никогда не узнаем, в чём никогда не сможем активно ориентироваться.

У Честертона очень любопытное маленькое эссе на тему о том, почему люди охотно читают в газетах всякий не значащий вздор – где-то на море выбросило кита, где-то опрокинуло лодку, кто-то удавился – то есть всё, что читающему совершенно не нужно. Честертон говорил, что это продолжение исконно детской любознательности, смотрящей на мир широкими, открытыми глазами и жаждущей чистого, бесполезного знания. Вот эту полезную функцию, по Честертону, и выполняет газета.

Вопрос: К какому виду коммуникации отнести восприятие искусства?

Ответ: Я не считаю себя достаточно компетентным, и все, что я читал на этот счет, не дает уверенности в том, как происходит на самом деле здесь коммуникация, кого с кем. Я

допускаю, что усвоение искусства вообще идет иначе и структура личности, о которой мы говорим, как о структуре для усвоения знаний, для выработки установок, возможно, совершенно не годится для процесса восприятия искусства.

*Материал встречи социологов на базе
Тартусского Университета ЭССР 1967 г.
Кяярику II, Тарту 1968 г.*

ПРОБЛЕМА
«ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО»*

* Воспроизводит текст раздела III из книги «От мнений к пониманию», М., 2000 г.

ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: 1989–1994

Анализ экономических, социальных, политических перемен, происшедших в стране, должен быть дополнен анализом изменений, происходящих (или не происходящих) на уровне *человека*. Ведь прочность человеческого «материала» в конечном счете определяет ресурсы стабильности всякого общества, его способность к переменам и к сопротивлению переменам.

В ноябре 1989 года ВЦИОМ провел обширное исследование «Советский человек», результаты которого составили основу коллективной монографии.

Пять лет спустя было осуществлено новое исследование, направленное на выявление изменений в установках, ценностях, нормативных структурах поведения человека в условиях социальных перемен и потрясений прошедшего периода. Как и ранее, средством исследования был массовый опрос по репрезентативной выборке городского и сельского населения. В первом исследовании было опрошено 2700 человек в нескольких республиках СССР, в том числе 1250 человек в России, во втором – 3000 человек в различных регионах России. (В дальнейшем данные второго опроса сопоставляются с результатами исследования 1989 года на территории России.)

Изменения в обществе и накопленный исследователями опыт сделали нецелесообразным и просто невозможным точное воспроизведение всей анкеты 1989 года в новых условиях. Часть вопросов повторена в прежних формулировках, некоторые изменены, ряд тематических блоков разработан заново в интересах более полного и адекватного изучения различных сторон происшедших перемен.

В настоящем очерке представлены результаты сопоставления данных исследований 1989 и 1994 годов. Изложенные соображения носят во многом предварительный характер.

Произошли ли большие перемены?

Одна из постоянных трудностей сопоставления данных массовых опросов, особенно если они разделены во времени на несколько лет (как в данном случае) в том, чтобы разграничить *декларативный* и *реальный* планы высказываемых утверждений.

56% опрошенных в ноябре 1994 года полагали, что за прошедшее время в стране произошли большие изменения, и только 13% – что, «по сути дела, ничего не изменилось». Несколько меньшая, но все же значительная часть респондентов (45%) отметили большие изменения в собственной жизни (только 26% респондентов таких изменений не видели). Аргументы в пользу приведенных утверждений как будто самоочевидны и не требуют пояснений. Но сопоставим два ряда данных, относящихся к одной из важнейших ценностных установок (см. *табл. 1*).

Таблица 1

«Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать...?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994
Небольшой заработок, но больше свободного времени	9	4
Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45	54
Много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	27	23
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	9	6
Затрудились ответить	10	13

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Как видим, суммарный результат перемен в установках различных слоев населения за пять лет – почти нулевой. (Нуждается в специальном анализе предположение о том, что активизация предпринимательских установок у части населения «гасится» усилением традиционно-«советских» ориентаций на стабильный заработок у значительно большей его части.)

Рассмотрим оценки респондентов относительно «важности» и «неважности» перемен в различных областях жизни в 1994 году.

Таблица 2

Насколько важны перемены
(в % от числа опрошенных)*

Оцениваемые позиции	«Важно»**	«Неважно»***
Рост безработицы	82	9
Обнищание людей	82	8
Исчезновение дефицита	76	16
Ослабление единства России	73	11
Увеличение зависимости страны от Запада	54	25
Рост коррупции и безвластия	78	14
Политические свободы	51	31
Возможность учиться, работать, отдыхать за рубежом	47	31
Возможность стать собственником, открыть свое дело	45	39
Возможность жить, не обращая внимания на власти	44	28
Появление слоя состоятельных, богатых людей	41	40
Крах коммунистической идеологии	35	40

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек).

** Сумма оценок «очень важно» и «достаточно важно».

*** Сумма оценок «не очень важно» и «совсем не важно».

Примечательно, что первые места в приведенном ранжированном списке занимают ссылки на ухудшение экономического положения людей, средние места – политические и экономические свободы. Самыми спорными в массовом сознании оказываются такие изменения, как появление богатых людей и, в еще большей мере, идеологический переворот.

Времена и имена

Сдвиги во временных рамках массового восприятия прослеживались по изменениям в списке значительных для нашей страны событий XX века.

Таблица 3

Значительные события XX века (в % от числа опрошенных)*

События	1989	1994
Отечественная война	75	73
Октябрь 1917 года	65	49
Распад СССР	–	40
Чернобыльская катастрофа	36	34
Полет Ю. Гагарина	33	32
Война в Афганистане	11	24
Первая мировая война	8	19
Репрессии 30-х годов	31	18
Начало перестройки	24	16
Коллективизация	10	8
События октября 1993 года	–	7
Путч 1991 года	–	6
Падение Берлинской стены	–	6
Реформы Е. Гайдара	–	6
Многopартийные выборы, декабрь 1993 года	–	3

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Как видим, исторические рамки массового сознания изменяются не слишком заметно. В значительной мере это по-прежнему рамки «советского» сознания, определяемые набором героических событий. В 1994 году несколько меньшую роль играл «Октябрь 1917», зато стабильной осталась позиция войны 1941–1945 годов. Чаще упоминается первая мировая война. Только одна, да и то негероическая, дата попадает в первую по частоте упоминаний группу – распад союзной державы. Теряют вес события, которые выделялись в годы «ранней» гласности, – репрессии, коллективизация, да и сам этот период. Рост внимания к злосчастной афганской войне требует своего объяснения. Скорее всего, здесь действует связь между этой войной и крушением советской державы.

Респондентам в ноябре 1994 года предлагалось оценить, какие периоды нашей истории XX века принесли больше хорошего или больше плохого.

Таблица 4

Оценки периодов отечественной истории XX века
(в % от числа опрошенных)*

Период	Что принес данный период?			Затруднились ответить
	больше хорошего	больше плохого	ничего особенного	
Революции	27	38	7	28
Сталина	18	57	5	20
Хрущева	33	14	33	20
Брежнева	36	16	33	15
Перестройки	16	47	17	20

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек).

Здесь уже советские рамки исторического восприятия если и заметны, то в перевернутом виде. Только «спокойные» – как они сейчас кажутся людям – времена получают преиму-

щественно позитивные оценки, тогда как беспокойные, переломные оцениваются преимущественно негативно. Обращает на себя внимание, конечно, резко негативная в целом характеристика периода перестройки. Относиться к ней следует с некоторой осторожностью. Дело в том, что общая оценка периода не всегда совпадает с оценкой существенных его компонентов, конкретных действий и лиц. Так, многие результаты перемен периода перестройки сегодня воспринимаются вполне положительно.

Таблица 5

«Что принесли России...?»
(в % от числа опрошенных)*

Новшества	Больше пользы	Больше вреда
Свобода слова, печати	53	23
Сближение со странами Запада	47	19
Свобода выезда из страны	45	23
Свобода предпринимательства	44	28
Многопартийные выборы	29	33
Право на забастовки	23	36
Распад СССР	8	75

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Таким образом, практически все политические свободы принимаются населением положительно (примерно в соотношении 2:1). Хуже воспринимается свобода предпринимательства. Тем более – право на забастовки.

Наконец, отметим оценки населением роли в истории ряда деятелей XX века. Полученные результаты позволяют дополнить представления об исторических рамках существующего массового сознания (см. табл. 6).

Таблица 6

Оценки исторической роли деятелей XX века
(в % от числа опрошенных)*

Лица	Положительная**	Незначительная	Отрицательная***
Николай II	36	20	8
В. Ленин	44	4	29
И. Сталин	25	5	51
Н. Хрущев	39	29	12
Л. Брежнев	29	33	20
М. Горбачев	33	11	40
Б. Ельцин	30	18	31
А. Сахаров	65	11	2
А. Солженицын	50	19	3
А. Гитлер	2	1	85
Мао Цзэдун	10	10	31
А. Пиночет	11	6	38

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

** Сумма позиций «значительная положительная роль» и «в целом положительная роль».

*** Сумма позиций «в целом отрицательная роль» и «значительная отрицательная роль».

Нетрудно заметить, что оценки относительно правителей страны в принципе соотносятся с приведенными выше в табл. 4 суждениями о соответствующих периодах истории страны. Наиболее высокие позитивные оценки получают в общественном мнении не политические деятели, а духовные авторитеты, ставшие известными именно в период перестройки (прежде всего А.Д. Сахаров и в несколько меньшей мере А.И. Солженицын). Это позднее признание – с отрывом на одну фазу исторического процесса – носит символический характер, то есть связано не столько с определенными дейст-

виями конкретных лиц, сколько с тем ореолом, который вокруг них сложился.

В массовых представлениях о критическом для современных перемен периоде «после 1985» очевидно присутствует та двусмысленность, которая свойственна всему менталитету советского и постсоветского человека: довольно резкое отторжение на общеидеологическом уровне, с одной стороны, и готовность, даже привычка, к принятию оценок и установок «перестроечного» происхождения – с другой. Отсюда и парадоксальное расхождение оценок разного уровня и непрерывные метания между тоской по авторитарному порядку и надеждами на демократию, между цивилизационными стремлениями и тягой к агрессивному изоляционизму. Исследование 1994 года дает обширный материал (в частности, через тематические наборы суждений) для характеристики этой противоречивой картины.

Приведу лишь один пример. Более половины опрошенных (54%) согласны, полностью или в основном, с тем, что «за 75 лет советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить». И в то же время 58% признали, что «Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран».

«Разгосударственный» человек

Образцовый человек советского времени утверждал себя – не только на плакатах и в плакатных кинофильмах – как человек государственный, готовый служить казенной машине, надеющийся на ее заботу и отождествляющий себя с ее символами. В несколько ослабленной форме эта черта была отмечена в исследовании 1989 года. Последующие перемены, как можно судить по данным 1994 года, привели к дальнейшему разгосударствлению и так называемой «приватизации» человека (см. *табл. 7*).

Таблица 7

«Несет ли человек моральную ответственность...?»
(в % от числа опрошенных)*

Год исследования	Безусловно, несет	В какой-то мере несет	Безусловно, не несет	Затруднились ответить
<i>...за действия своего правительства</i>				
1989	14	29	37	20
1994	8	31	42	19
<i>...за работу своего предприятия</i>				
1989	49	40	5	6
1994	21	50	17	12
<i>...за действия лиц своей национальности</i>				
1989	20	32	28	20
1994	10	28	40	22
<i>...за события в стране</i>				
1989	22	42	17	19
1994	9	35	33	23
<i>...за действия близких родственников</i>				
1989	45	34	13	8
1994	39	42	11	8

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Если оставить в стороне последний по порядку вопрос о близких родственниках, все остальные типы «обязательственных» связей оказываются значительно ослабленными. Люди не чувствуют себя столь ответственными за страну, правительство, предприятие, как пять лет назад. Стоит отметить, что резко ослаблена и «национальная» ответственность: этносоциальные связи никак не восполняют государственно-социальных.

Сопоставим теперь структурные компоненты представления о собственном народе.

Таблица 8

**«Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью
о нашем народе?»**

*(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа	1989	1994
Место, где я родился и вырос	38	41
Наше прошлое, наша история	26	37
Наша земля, территория	12	25
Язык моего народа	22	19
Государство, в котором я живу	27	18
Родная природа	15	38
Наши песни, праздники и обычаи	14	17
Душевные качества нашего народа	14	16
Великие люди моей национальности	8	10
Родные могилы, памятники	8	9
Наша религия	3	8
Наше трудолюбие, хозяйственность	5	6
Наша военная мощь	2	5
Знамя, герб, гимн	5	2

** Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).*

Итак, все параметры *государственной* идентификации теряют значение, зато набирают вес *традиционные* (история, земля, обычаи и другие). Примечательно, что сохраняются в качестве неких «констант» человеческого существования, в неизменном размере, ссылки на родной язык и место рождения.

Подойдем к той же, по существу, проблеме с помощью другого блока вопросов анкеты 1994 года (см. *табл. 9*).

Таблица 9

«Можете ли Вы сказать про себя, что Вы гордитесь...?»
*(в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	Очень горжусь	В общем горжусь	Не очень горжусь	Вовсе не горжусь	Затруднились ответить
Своей страной	11	39	27	13	11
Своей семьей	24	48	13	6	9
Своей работой	14	34	22	14	17
Тем, что Вы – гражданин России	20	40	18	10	12

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек).

Страна как предмет гордости выступает реже, чем семья, работа и – что кажется несколько странным – гражданская принадлежность. Видимо, в понятие «страна» у респондентов включаются оценки ее состояния, политических институтов и так далее, тогда как гражданство означает идентификацию с государством безотносительно к его преходящим состояниям.

Около двух третей опрошенных (63%) утверждали, что постоянно чувствуют себя *русскими* людьми, еще 17% в отдельных случаях чувствуют себя русскими. (Кстати, *советскими* людьми чувствуют себя постоянно 35%, а в отдельных случаях еще 23%.) Здесь можно усмотреть определенную основу формирующейся новой государственной идентификации человека в постсоветскую эпоху. С рамками этнической принадлежности она не совпадает полностью.

Терпимость: признаки сдвигов

Изменения в позициях общественного мнения, о которых идет речь ниже, вероятно, наименее очевидны и менее всего ожидалось исследователями. В условиях непрерывного общественного и политического насилия, при постоянном муссировании этой проблематики прессой, усиливающей чувство незащитности рядового человека, правомерно было бы ждать и более частых апелляций к жестким мерам. Время от времени такие апелляции заметны, в том числе и в опросах общественного мнения. Однако, если сопоставить результаты исследований за период в пять лет, картина изменений оказывается существенно иной (см. табл. 10).

Таблица 10

«Как поступить со смертной казнью?»

(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994
Немедленно отменить	3	5
Постепенно идти к ее отмене	15	15
Оставить ее применение в нынешних рамках	33	37
Расширить ее применение	35	25
Затруднились ответить	14	18

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Заметных перемен в отношении отмены смертной казни, естественно, не наблюдается. Но очевидно ослабление требований расширить применение казни – перемена важная, особенно в тех условиях, о которых шла речь. Наряду с факторами ожесточения, как видим, действуют в обществе и факторы цивилизующие. Это можно подтвердить и рядом данных об отношении к носителям девиантного поведения, нарушителям принятых большинством норм (см. табл. 11).

Таблица 11

«Как следовало бы поступить...?»
(в % от числа опрошенных)*

Год исследования	Ликвидировать	Изолировать	Помогать	Предоставить самим себе
<i>...с проститутками</i>				
1989	27	33	8	17
1994	18	23	12	30
<i>...с гомосексуалистами</i>				
1989	31	32	6	12
1994	22	23	8	29
<i>...с наркоманами</i>				
1989	29	24	24	39
1994	26	23	38	5
<i>...с больными СПИДом</i>				
1989	13	24	57	1
1994	7	20	68	1
<i>...с бродягами</i>				
1989	9	25	44	7
1994	10	20	55	5
<i>...с алкоголиками</i>				
1989	7	22	59	6
1994	9	20	59	5
<i>...с рокерами</i>				
1989	20	14	9	27
1994	26	18	7	25
<i>...с родившимися неполноценными</i>				
1989	25	9	50	1
1994	18	7	56	1
<i>...с сектантами</i>				
1989	4	6	5	57
1994	6	12	8	51

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Ответы 1994 года обнаруживают заметные отличия от результатов 89-го в сторону несколько большей терпимости, сдержанности. Практически по всем позициям снизилась доля сторонников крайне жестких (хотя и декларативных) мер. Единственное исключение – «рокеры» (искусственный термин, используемый в качестве показателя ненадежности оценок массового сознания). Видимо, непонятность, «чуждость» этого термина и стимулирует реакцию агрессивного отторжения.

Лозунги и ценности

Ниже приводится сопоставление данных, которые формально не могут считаться строгими: в анкете 1989 года речь шла о главной задаче, стоящей перед страной, в 94-м – об идее, которая могла бы объединить общество. Однако по сути дела респонденты в обоих случаях выбирали главные ценностные ориентиры. Вот три наиболее распространенные позиции (см. табл. 12).

Заметим, что самая распространенная позиция в 1994 году собрала вдвое меньше поддержки, чем пять лет назад. В обществе явно отсутствуют идеи, способные увлечь значительную часть населения. На первые места выдвинулись требования, не связанные с идеологическими установками.

Таблица 12

Смена главных ориентиров (в % от числа опрошенных)*

№№ п/п	1989		№№ п/п	1994	
	Главная задача страны	Доля ответов		Объединяющая идея	Доля ответов
1	Материальное благосостояние	40	1	Законность и порядок	20

№№ п/п	1989		№№ п/п	1994	
	Главная задача страны	Доля ответов		Объединяю- щая идея	Доля ответов
2	Справедли- вость	30	2	Стабильность	16
3	Возрождение деревни	30	3	Достойная жизнь	10

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

В ином ракурсе предстает иерархия актуальных ценностных ориентаций в ответах на вопрос о том, чего не хватает человеку в нашем обществе.

Таблица 13

«Чего, в первую очередь, не хватает сегодня человеку?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994
Материального достатка	51	54
Культуры, воспитанности	41	25
Трудолюбия	35	13
Нравственных принципов	15	12
Уверенности в себе	15	26
Политических прав	11	5
Уважения к своему прошлому	6	13
Возможности отдохнуть	6	7

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек). В 1989 году в вопросе имелся в виду «советский человек», в 1994-м – «человек в России».

Здесь остались практически без изменений две позиции: ссылки на материальный достаток и нравственные принципы. Интересны для анализа произошедшие изменения: почти вдвое реже стали жалобы на недостаток культуры, воспитанности, а также на отсутствие политических прав. В первом случае, скорее всего, отражается то, что «мода» на самобичевание ушла в прошлое, во втором – утрата актуальности вопроса о политических правах в массовом сознании. Примерно вдвое более частые обращения к идеям уверенности в себе и уважения к своему прошлому можно трактовать как поиски новой определенности.

Самооценка

Из обширного набора характеристик различных этнических групп, повторенных в исследованиях 1989 и 1994 годов, выделим в данном случае только те, которые относятся к русским (см. табл. 14).

Заметны изменения, заслуживающие внимательного анализа. В общем уровень самооценки – то есть частоты упоминания «положительных» характеристик – явно вырос. Заметно чаще повторяются ссылки на терпение, трудолюбие, особенно же – на энергичность. Правда, в определенной мере они нейтрализуются участвовавшими упоминаниями таких качеств, как непрактичность, безответственность.

Таблица 14

«Какие из перечисленных качеств чаще всего можно встретить у русских?»
(в % от числа опрошенных)*

Качества	1989	1994
Открытые, простые	60	72
Гостеприимные	55	67
Терпеливые	52	62
Миролюбивые	50	52

Качества	1989	1994
Непрактичные	32	39
Трудолюбивые	27	42
Ленивые	26	26
Безответственные	22	29
Энергичные	8	22

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Эмоциональные рамки человеческого существования

В заключение остановимся на вопросе о том, насколько *счастливыми* чувствовали себя люди в 1989 и 1994 годах. В первом исследовании вполне или в основном счастливыми считали себя 46% опрошенных, в 1994-м ровно столько же! Но доля считающих себя *несчастливыми* («в целом» или «совершенно») возросла за эти годы с 14 до 34%, то есть более, чем вдвое. Все же «счастливые» преобладают.

«Мониторинг...» 1995. № 1

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ФЕНОМЕНУ «ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО»: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Накопленный опыт – как социальный, так и исследовательский – вынуждает нас уточнить или даже пересмотреть некоторые исходные предположения. Реальные процессы, происходившие в обществе и в общественном мнении, оказались более сложными, чем казались в конце 80-х годов. Прежде всего это относится к самому предмету периодического наблюдения, то есть к природе тех многообразных данных, которые фиксируют разновременные замеры состояния общественного мнения. Наблюдаемые колебания в оценках определенных процессов, лозунгов, деятелей могут интерпретироваться в различных рамках: как колебания в настроениях, как смена установок, как реакции на внешние факторы и так далее. Характерная политическая (а также и исследовательская) иллюзия «начального» периода – явное преувеличение роли переменчивых настроений и недооценка консервативности стереотипов сознания; как всякая иллюзия, она стимулирует разочарования и ламентации разного рода.

Сейчас не подлежит сомнению, что за прошедшие пять лет нельзя было ожидать фундаментальной трансформации общественного сознания, в том числе – и даже тем более – на уровне социальной личности, антропологического «материала» общества. Ситуация глубокого общественного перелома, которую переживает общество, ранее именовавшееся советским, не столько формирует *новые*, не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, сколько *обнаруживает*, выводит на поверхность его скрытые структуры и механизмы.

Очевидно, например, что открытая, демонстративная готовность заняться предпринимательством, уехать за границу, видеть своих детей политиками и тому подобное – все это

совершенно новые типы ориентаций, не имеющие аналогов и корней в «советской» реальности или в традиционных характеристиках «человека советского». Но очевидное, как это часто бывает, при более пристальном рассмотрении оказывается противоречивым и даже парадоксальным. Ни один из параметров видимых как будто «простым глазом» перемен не является бесспорным, однозначно принимаемым. Это относится не только к темам, которые получают явно противоречивые оценки в общественном мнении (например, период перестройки, экономическая реформа, частная собственность на землю и так далее), – но и к оценкам, поддерживаемым преобладающим большинством (политические свободы, открытость по отношению к остальному миру).

В условиях продолжающегося кризиса государственно-политических институтов общества не только важнейшими показателями его состояния, но в значительной мере и условием социального выживания являются именно те нормативные и ценностные структуры, которые действуют на уровне социального человека, то есть интериоризированы в структуре усвоенных им ориентаций и рамок восприятия действительности.

Сопоставляя данные исследований, разделенных пятью первыми годами потрясений и сдвигов «в верхах», на поверхности общества мы не видим никакого «нового» человека, который был бы свободен от своих советских корней и рамок. Но мы можем лучше понимать, каким был – и каким остается и может быть – этот сложный социально-антропологический феномен, способный к приспособлению и сохранению собственной стабильности в довольно широком диапазоне условий.

Для исследования массовых процессов, в том числе общественного мнения, характеристиками социального человека выступают распределения статистических данных, относящихся к реальному поведению, взглядам и настроениям определенных множеств (социальных групп, поколенческих

когорт и других). В этом – и только в этом – плане массовые феномены рассматриваются как бесструктурные, лишенные внутренней организованности. Традиция социологического анализа требует рассматривать данные любой описательной статистики в рамках определенных структур, прежде всего функциональных. На фиксируемой стадии разработки интересующей нас социально-«антропологической» проблемы правомерно выделить такие тематические узлы как:

- двуслойная (бинарная) структура массового сознания;
- элитарные структуры организации общества;
- поколенческие механизмы трансляции культурных образцов.

Двойственная структура сознания

Важность феномена *двоемыслия* для понимания монолитного тоталитарного общества признана давно, подтверждается она и данными, полученными в исследованиях, выполненных по программе «Советский человек».

Наиболее очевидное проявление двоемыслия – всеобщее и доминирующее лицемерие, которое рассматривается большинством как необходимость: нельзя жить, не нарушая закона, не выражая показной лояльности властям, не поступая вопреки совести. Иногда предполагается, что во всех подобных случаях люди знают истину и сознательно отступают от нее. Такая трактовка проблемы представляется сейчас, в свете всего полученного опыта, недостаточной. Феномен «двойного» мышления не сводится к лицемерию, он значительно более сложен – и более универсален, присущ разным общественным системам. Просто эта структура была прежде всего обнаружена и описана в одном из своих экстремальных вариантов и в экстремальной «лабораторной» общественной ситуации. В условиях тотального принудительного единомыслия выпячиваются – а потому и становятся доступными для наблюдения – те стороны организации массового созна-

ния, которые в «обычных» условиях представляются маргинальными и потому малозаметными.

Ситуация «лицемерия» предполагает наличие некоторой нормативной одномерности: когда существует *одна* универсальная система ценностей, которая в «правильном» варианте поведения соблюдается, в «неправильном» нарушается. Но это и есть экстремальная, вырожденная ситуация, в которой как действующему субъекту, так и наблюдателю «все ясно». В иных же, гораздо более распространенных ситуациях действует одновременно несколько нормативных систем или, скажем, разных систем отсчета нормативных оценок (например, «правильное для своих» и «для чужих»). Здесь нет единой точки отсчета, а потому и различия «правильного» и «неправильного» («честного» и «нечестного» и тому подобное); в терминологии структурного функционализма такие нормативные системы относятся к партикуляристским. В игровой модели социального действия это может быть представлено как многообразие ролевых предписаний и масок. В ней не бывает проблемы истинного, но существуют проблемы требуемого и допустимого («как надо») в рамках данной ролевой модели. Причем взаимодействие и взаимодополнение различных нормативных систем исполняют определенные значимые функции для субъекта, обеспечивая его приспособление, самосохранение, приватность и так далее.

Практически любое действующее множество нормативных систем обычно выступает как парное или двоичное, поскольку определяющим является грань, переход между каждым двумя системами отсчета. Так образуются сопряжения «официальных–неофициальных», «внутренних–внешних», «праздничных–будничных» нормативных структур. В каждом из них различные зоны допустимого и недопустимого не просто сосуществуют, но подкрепляют друг друга, не могут работать друг без друга. Широко понимаемая двойственность, *бинарность* нормативно-ценностных регуляторов мо-

жет считаться свойством любых социокультурных систем и эпох. В любом известном типе человеческого общества люди одновременно пользовались разными языками и поведенческими кодами культуры (то есть разными мерками разрешенного и запретного) в официальной и домашней обстановке, в общении с чужими и своими. И это, в частности, позволяло поддерживать разграничения между этими сферами жизни. Нормативный универсализм обычно определяет принципиально важные рамки – но только рамки – многообразия партикуляристских норм.

Тем самым и порождается функция интерпретации сферы действия определенной нормы, способов и «цены» каждого нормативного перехода. Способ ее реализации, вероятно, можно считать существенным признаком различения общественных систем и цивилизаций. Если в традиционных, как иногда говорят, обществах нормативные разграничения жестко заданы («что дозволено Юпитеру, то...»), то в современных общественных системах такие жесткие разделители вытеснены на обочину, в специфически маргинальные сферы деятельности, явно ориентированные на «чужих» (разведка, дипломатия и тому подобное). В советском обществе, которое возвело на пьедестал принцип вседозволенности ради высшей цели (а практически – ради сохранения позиций постреволюционной элиты), разграничение разных систем «должного» стало таким же универсальным и обязательным, как дифференциация привилегий, в том числе на информацию. И столь же подкрепленным механизмами принуждения и принудительно формируемого единомыслия (единодушные одобрения–осуждения...). В этих условиях диктатура двоемыслия превращается в тотальную и ничем не ограниченную: поскольку закрепляется всеобщая уверенность в том, что единственно возможным является разграничение сферы официально предписанного (поступать, говорить, думать «как надо») и сферы допустимого или терпимого, которую весьма условно можно назвать «приватной». Это разграни-

чение воспроизводится на разных уровнях – от семьи и школы до художественной литературы, прессы и «большой» политики. Везде противопоставляются и дополняют друг друга «малая» и «большая» правда.

Важно учитывать, что это положение держалось не только на страхе или иллюзиях; в определенном смысле оно *устраивало* и официальную и «приватную» стороны. Видимость всеобщей поддержки сохранялась, в значительной мере, благодаря сохранению некоторой зоны официального безразличия, с не очень определенными, но все же реальными границами. И в то же время – нравственно *разлагало* обе. Кризис советского общества проявился – еще в 60–70-х годах – как кризис элитарных слоев и структур, а уже потом перекинулся на их массовые опоры.

Наследие «двоемыслия»

В исследовании 1989 года только 17% опрошенных ответили, что им никогда не приходилось «поступать вопреки тому, что они считали правильным, справедливым», но только 6% утверждали, что «так приходится жить постоянно». Остальные оправдывались ссылками на давление начальства, на давление семьи, на «пользу дела», на собственную слабость, на страх за близких. Причем «давление начальства» чаще упоминают опрошенные из числа руководителей и специалистов (21% при 16% среди прочих категорий), высокообразованные чаще, чем малообразованные (соответственно, 24 и 13%). Элитарные слои первыми проходили «школу двоемыслия» и прежде других начали – или попытались – ее осуждать.

Согласно тому же опросу, 61% опрошенных с высшим образованием (и 30% с образованием ниже среднего) относились к самым неприятным занятиям «убеждать других в том, во что сам не верю». Следует подчеркнуть, что это пример самокритики задним числом, столь характерной для ранней

поры перестройки. Модель классического советского двоемыслия казалась в эти годы опрокинутой и сравнительно легко ушедшей в прошлое. Однако, как видно сейчас, начавшаяся трансформация была более сложной. Модель держалась на страхе, привычке, отчасти – на иллюзиях. Когда развеялся страх, остались и привычка жить по «двойному стандарту», и иллюзии относительно его полезности; правда, претерпели изменения предметные компоненты.

Ожидания и разочарования

Возьмем уже описанные ранее вкратце соотношения ответов о предпочтениях населения в 1989–1994 годы (см. *табл. 1*).

Получается, что ни одна из возрастных или образовательных групп не обнаруживает роста предпринимательских и даже просто либерально-трудовых склонностей, для всех преобладающей остается типично советская ориентация на «небольшой, но твердый заработок». Но ведь приведенные данные относятся к *разным* предметам: в первом случае это оценка предпринимательства воображаемого (и широко расхваливаемого), которое многим представлялось панацеей от всех бед, во втором – отношение к реально переживаемой ситуации распространения малоцивилизованного (и к тому же повсеместно критикуемого в СМИ) предпринимательства. В более широком плане здесь перед нами проблема соотношения различных структур или уровней сегодняшнего массового сознания – и сегодняшней модели его бинарной структуры.

Характер разочарований, по-разному охвативших в то время буквально все слои общества, нельзя объяснить никакими объективными обстоятельствами, не учитывая характер ожиданий, которые в этих слоях формировались.

Таблица 1

«Что бы Вы предпочли...?»
(в % от числа опрошенных по группам)*

Группы	Небольшой заработок, но больше свободного времени		Небольшой, но твердый заработок		Много работать и хорошо зарабатывать		Иметь собственное дело	
	1989	1994	1989	1994	1989	1994	1989	1994
По возрасту								
до 25 лет	10	35	35	38	29	29	15	16
25–39 лет	10	34	40	50	30	30	13	7
40–54 года	10	3	49	63	26	25	6	3
55 лет и старше	8	4	56	61	18	10	1	1
По образованию								
высшее	18	33	39	46	31	32	15	11
среднее	10	34	48	54	25	26	8	7
ниже среднего	11	34	46	58	24	17	2	3

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Сравнение ответов на вопрос «Чего, в первую очередь, не хватает сегодня человеку...?» выявляет некоторые парадоксальные, на первый взгляд, зависимости между показателями. Более половины голосов опрошенных собрала только одна позиция – «материальный достаток», причем за пять лет она стала несколько более распространенной (с 51 до 54% опрошенных). Как и ранее, нуждаются в достатке прежде всего не бедные и слабые, а наоборот, наиболее активные и зажиточные слои или группы населения: мужчины заявляют об этом чаще, чем женщины, жители больших городов, молодые, высокообразованные чаще, чем жители сел и малых городов. Здесь перед нами – хрестоматийный пример давно известного в социологии феномена «относительной деприва-

ции»: люди оценивают достаточность или недостаточность некоторых благ не просто в соответствии с количеством таковых, но с оглядкой на других людей, которые задают уровень запросов¹. Понятно, что у более активных социальных групп этот фактор наиболее силен. (Другое дело, когда на проблему материального достатка ссылаются социально слабые, например, пожилые, – тут налицо прямая, абсолютная нуждаемость.)

Если же обратиться к показателям перемен изучаемого пятилетия, то самым поразительным кажется то, что значительно чаще стали упоминать проблему достатка наиболее зажиточные.

Таблица 2

«Чего не хватает человеку»
(в % от числа опрошенных)*

Группы по уровню дохода	Не хватает «материального достатка»	
	1989	1994
Низкий душевой доход	57	60
Средний	51	52
Высокий	45	56 (!)

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Итак, самые богатые стали самыми обделенными материальным достатком (звучит почти как в известном тексте песни-молитвы: «...богатому дай денег»). Объяснить это можно известным в социологии «правилом Матфея»: запросы растут прежде всего у зажиточных.

¹ См.: Merton R. On theoretical sociology. N.Y.: The Free Press, 1967. P. 40-41.

«Человек неуверенный»

Другой парадокс из того же ряда сопоставлений двух опросов касается проблемы «недостатка уверенности в себе». На первый взгляд кажется понятным, что за пять лет люди стали чаще упоминать такую позицию (соответственно, 14 и 25%), поскольку это легко связать с дестабилизацией общества. Но дело в том, что наименее уверенными выступают опять-таки не социально слабые, а социально наиболее сильные – молодые, высокообразованные, городские. Более того, сторонники продолжения экономической реформы и развития предпринимательства оказываются менее уверенными в себе, чем сторонники прекращения реформ и возврата к положению «до 1985 года». Например, из числа одобряющих такой возврат не уверены в себе 20%, из не одобряющих – 30%. Из тех, кто не может приспособиться к новым условиям, отмечают недостаток уверенности 24%, а из нашедших новые возможности для самореализации – 30% и так далее. Получается, что неуверенность в себе в большей мере присуща носителям новых (для данного общества) ценностей, тогда как традиционный тип человека, не знающего сомнений и альтернатив, предстает более уверенным в себе.

В рассмотренных случаях парадокс разрешается или снимается при обращении от очевидного к закономерному.

Жупел «коллективности»

Нетрудно показать, что реакцией на «лобовой» вопрос у большинства массовых респондентов служит декларация лояльности коллективу – этой первичной ячейке принудительного и двусмысленного единомыслия. 59% опрошенных целиком или в основном согласны с тем, что «в России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде» (против – ровно вдвое меньше, 30%). Почти столько же (58% против 22) соглашается с тем, что «у нас привыкли

делать все сообща, а потому не терпят тех, кто ставит себя выше коллектива». Это – уровень общих деклараций.

Несколько иной поворот в постановке вопроса позволяет подойти к более конкретным суждениям на ту же, в принципе, тему. Только 20% полагает, что человек «должен поступать так, как решило большинство» даже вопреки собственному мнению; для 56% более близка другая точка зрения – «человек волен думать и действовать, как он сам считает правильным». Демонстративный коллективизм уступает место декларативному индивидуализму. Последний безусловно, хотя и в разной степени, преобладает во всех без исключения возрастных и социальных группах (см. табл. 3).

Таблица 3

«Как нужно поступать?»
(в % от числа опрошенных)*

Группы	Как решило большинство	Как сам считает...	Затруднились ответить
<i>По возрасту</i>			
до 25 лет	14	65	22
25–39 лет	15	60	25
40–54 года	21	55	24
55 лет и старше	28	44	27
<i>По образованию</i>			
высшее	22	58	20
среднее	18	60	22
ниже среднего	22	48	30
<i>По месту жительства</i>			
Москва и Санкт-Петербург	17	61	22
большие города	21	54	24
малые города	21	55	27
села	18	55	27

Группы	Как решило большинство	Как сам считает...	Затруднились ответить
По общественному положению			
руководители	24	59	17
специалисты	20	59	21
квалифицированные рабочие	18	56	27
учащиеся	14	68	19
пенсионеры	29	42	29
По политическому предпочтению			
«Выбор России»	20	58	21
«Яблоко»	22	60	18
ЛДПР	31	49	20
КПРФ	38	44	18

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек). Предложенные варианты ответа:

- «Даже если это кому-то не нравится, нужно поступать так, как решило большинство».
- «Каждый человек волен думать и действовать, как он сам считает правильным, не обращая внимания на действия других».

Из табл. 3 следует, что наиболее заметными являются два разделяющих признака: возраст и политические пристрастия. Очевидно, коллективизм – явление преимущественно политическое и возрастное, то есть наследие известной традиции (и по большей части декларативное). В данном случае сопряжение «коллективистских» деклараций с ориентациями вполне индивидуалистического порядка можно считать данью «советскому» прошлому. Это значит, что проблема отношения к коллективности в значительной мере превращается в проблему поколений.

Установки «отцов» и «детей» в узле противоречий

Расхождение ценностных ориентаций старших и младших возрастных групп хорошо прослеживается во всех сериях социально-экономических и социально-политических исследований. Различение чисто возрастных (циклически повторяемых) и поколенческих (в принципе необратимых) сдвигов определяется действующими установками в отношении тех норм и ценностей, носителями которых выступают более молодые группы населения.

Обратимся к уровню декларативных установок. В 1994 году 37% опрошенных (против 53%) были готовы оценить свое отношение к современной молодежи с помощью такого термина как «возмущение» (то есть тех, кто полностью или скорее разделяли суждение «Современная молодежь меня возмущает»). Примерно столько же (39% против 40) были готовы завидовать нынешней молодежи, поскольку у нее больше возможностей. Понятно, что первая из указанных позиций свойственна в большей степени пожилым и консервативно ориентированным людям, вторая – более молодым и прогрессистски ориентированным. Но при этом примерно треть сторонников каждой из этих позиций одновременно соглашалась с противоположной (32% «завидующих» молодежи выражали свое возмущение ею, и 34% «возмущенных» молодежью ей завидовали)!

Вероятно, такая амбивалентность установок – проявление комплекса «ненавидящей зависти» (или «черной зависти» в фольклорной терминологии), характерной для отношения «советского» сознания к чуждому «Западу» с его привлекательно опасными достижениями и ценностями.

Это отнюдь не обособленный пример амбивалентности установок, обнаруживаемой массовым опросом. Немало недовольных перестройкой были готовы пользоваться ее плодами, многие принципиальные противники частной собственности склонны заняться бизнесом и так далее. Если из

общего числа опрошенных 20% утверждали, что могли бы открыть собственное дело, то из тех, кто ни за что не согласился бы работать на частного предпринимателя, 14% готовы были стать бизнесменами. Налицо сочетание отторжения на декларативном, идеологическом уровне и практической привлекательности. Притом «идеологичности» подвержены, как обычно, преимущественно люди старших поколений.

Вот некоторые результаты анализа ответов того времени на вопрос о пожеланиях респондентов разных возрастных групп относительно занятий их детей и внуков.

Таблица 4

«Кем бы Вы хотели видеть Вашего сына (внука)?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	Группы по возрасту			
	до 25 лет	25–39 лет	40–54 лет	55 лет и старше
Ученым	8	8	9	12
Артистом, писателем	14	10	5	5
Директором банка	23	13	12	7
Владельцем магазина	10	9	8	2
Врачом, учителем, инженером	17	32	32	34
Офицером	19	10	13	13
Спортсменом	20	13	11	6
Бизнесменом	20	20	17	7
Рабочим	19	14	25	24

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек).

Легко заметить, что здесь представлены два различных типа возрастных изменений в установках. Один из них – назовем его «солидным» – связан с установками, которые с возрастом укрепляются. Таково, например, отношение к карьере массовых интеллигентных профессий (врач–

учитель–инженер), к карьере ученого, офицера, рабочего. Все это традиционно «советские» престижные занятия. Другой комплекс ожиданий (специфически «молодежный») связан с карьерными установками, которые характерны для молодых и слабеют с возрастом: в их списке наряду с типичными увлечениями юности (спортсмен, артист) отчетливо видны установки на карьеру в бизнесе (банкир, бизнесмен, торговец).

Добавим, что распространенность уважения к традиционно интеллигентским профессиям как будто бы обратно пропорциональна распространению самих профессий – стремление видеть детей специалистами *сильнее* там, где таких специалистов *меньше*: в Москве и Петербурге 22%, в больших городах 28%, в малых городах 34%, в селах 29%.

Кстати, о связи партийных симпатий с карьерными ожиданиями относительно детей. Хотели бы видеть своих наследников, согласно данному опросу, бизнесменами 4% сторонников компартии, 19 – сторонников Жириновского, 20 – сторонников Явлинского и 23% избирателей «Выбора России». На таком распределении сказывается влияние не столько идеологических лозунгов, сколько возрастного состава соответствующих электоратов.

«Поколенческая» неоднородность человеческого материала – чрезвычайно важная черта всякого переломного, переходного общества. Одним из аспектов такой неоднородности можно считать характер распространения удовлетворенности и неудовлетворенности в соответствии с возрастом. Концентрация недовольства любого рода на «старшей» половине населения служит признаком нестабильности, неустойчивости всей структуры российского общества, но также и предпосылкой доминирования преимущественно пассивных, вялых форм протеста.

Элита и «остальные»

Внутренний кризис советского общества проявился прежде всего как кризис его «элитарной» структуры. Современное продолжение этого кризиса опять-таки связано с неопределенностью и нестабильностью этой структуры, с утратой ее организованности и ее символических ориентиров. Тем не менее никакое общество, тем более переломное, не может существовать без слоев и групп, способных поддерживать символические и поведенческие образцы. Поэтому нельзя представить фиксируемое распределение человеческого материала без этой стороны его структуризации.

Как известно, функции элиты советского общества исполняла иерархически организованная властвующая пирамида, претендовавшая на тотальное господство во всех сферах жизни. Распад этой пирамиды привел к обособлению разных типов и функций элитарных структур. В описываемые годы особую значимость приобрели два параллельно идущих процесса трансформации в этих структурах.

Во-первых, прагматизация образца. «Социальная элита» постсоветского общества, к которой можно отнести руководителей и специалистов различного ранга и профиля, задает тон сдержанной поддержки реформ и модернизации, ориентируется на «западные» компоненты образа жизни и потребления и так далее. Распространенная в этой среде патриотическая или «духовная» риторика играет главным образом компенсаторную роль, но в то же время подчеркивает неидеологичность самих доминирующих практических ориентаций. Нет ничего удивительного в том, что носителями действующих прагматических образцов нередко выступают при этом представители разных уровней старой советской иерархии (или их наследники). Если, как уже отмечено, в среднем 20% опрошенных «могли бы сейчас открыть свое собственное дело», то среди учащейся молодежи этот процент поднимается до 34, а среди руководителей достигает 45%. Неза-

висимо от вариантов индивидуальной мотивации или источников «первоначального накопления» превращение номенклатурной (то есть назначенной) элиты в деловую (а значит, достижительную) служит показателем серьезности происшедшего перелома.

Во-вторых, вторичная символизация ценностей. С начала 90-х годов либеральная интеллигенция утратила функции символического «властителя дум», произошло разложение и распад того демократического «фронта», который сыграл важную мобилизующую роль в первые годы перестройки. «Модной», то есть задающей тон в СМИ и общественном мнении, стала демонстративная критика ценностей демократии как не соответствующих национальным традициям и интересам. При том, что определенная доза этих ценностей (плюрализм, открытость) практически действует. И если в этих условиях массовое сознание помещает имена А. Сахарова и А. Солженицына (диссидентов) на высшие ступени почета – как людей, оказавших наибольшее положительное влияние на события этого столетия, – то это не ориентир действия и не объединяющий символ, но скорее символ компенсирующий, в этом смысле – вторичный. Данные исследований показывают, что подобную метаморфозу претерпевают многие либеральные и демократические ценности.

* * *

«Человек советский» как социально-антропологический феномен во все периоды своего существования был сложным и противоречивым. Его судьба, если сравнивать данные ряда исследований и наблюдений за последние годы, оказывается значительно более драматической, чем это представлялось раньше. Тем бóльшую значимость приобретает многосторонний социологический анализ этого феномена, опирающийся на надежную эмпирическую базу и продуктивную теоретическую мысль.

«Мониторинг...» 1996. № 6

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ

От парадокса к проблеме

Как уже говорилось, в нынешних условиях люди значительно чаще отмечают свою принадлежность к «малой» родине, чем к «большой», то есть в определенном смысле идентифицируются скорее с локальной, чем с социетальной общностью.

Так, с мыслью о своем народе опрошенные по программе «Советский человек» в 1989 и 1994 годах в первую очередь связывали:

Таблица 1

**«Что в первую очередь связывается у Вас
с мыслью о своем народе?»**
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994
Место, где я родился и вырос	40	41
Наше прошлое, наша история	24	37
Территория, на которой мы живем	10	25
Язык моего народа	22	19
Родная природа	16	18
Государство, в котором я живу	28	17

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1994 (N = 3000 человек).

Эти примеры являются лишь одним из подтверждений тенденции прогрессирующего «разгосударствления» человека в постсоветских условиях.

Но возьмем иной ряд показателей, как будто прямо противоречащий сказанному.

Таблица 2

**«Как Вы думаете, сможет ли большинство людей
в нашей стране прожить без постоянной заботы,
опеки со стороны государства»**
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1990	1997
Большинство сможет...	20	17
Большинство не сможет...	63	72
Затруднились ответить	17	11

* Исследование «Бюрократия», 1990 (N = 1650 человек по России) и исследование типа «Экспресс», июль 1997 (N = 1600 человек).

Получается, что человек не только не избавляется от государственной опеки, но нуждается в ней больше, чем раньше! Выход из видимого парадокса – в различении социальных значений апелляции к государственной общности. В первом случае речь идет об обращении к символу «большой» родины, утратившему свою былую или привычную определенность после размежеваний 1991 года, а во втором перед нами устойчивый и даже как будто крепнувший – с поиском «корневых» структур – символ, однозначно локализованный в пространстве и времени («место, где родился и вырос»). Однако, если второй упоминается чаще, то это отнюдь не значит, что он «заменяет» первый: можно, как иногда выражаются, быть «родом из детства», но нельзя оставаться обитателем или гражданином ушедшей юности.

Что же касается совершенно иной по своей природе и функции апелляции к государству как высшей инстанции социальной заботы, то она усилилась по вполне понятным причинам: надежды «романтического» периода нашей демократии на быстрое становление свободного и самостоятельного человека не оправдались. Накопленные человеком ресурсы (имущество, статус, знания) в значительной мере обесцене-

ны, уверенность в завтрашнем дне утрачена, негосударственные институты социальной защиты неразвиты или дискредитированы, и человек снова вынужден обращаться за помощью к ослабевшему и обедневшему государству. Правда, теперь он может не только ждать, но и требовать такой помощи: это несомненный результат «разгосударствления» если не практики, то сферы ценностей человека. И кроме того, вспоминая об опекунских возможностях прошлого государства (и переоценивая их, – так уж устроена массовая память), человек сегодня ищет защиты у нынешних государственных институтов, которым пока далеко до современных образцов.

Разные смыслы идентификации

Ранее мы уже отмечали, что навязчивый общественно значимый страх (фобия) утраты социальной, национальной, личностной идентичности – характерный показатель общественного кризиса. (В какой-то мере, он присутствует в любой ситуации общественного перелома, когда происходит изменение самих критериев такой идентичности.)

В наших эмпирических исследованиях зафиксированы многообразные сдвиги в соответствующих показателях. Отыскать собственно социологические параметры в этом множестве, как представляется, можно через определение специфических функций, разнородных индикаторов идентификации, а в связи ними – и различных их уровней и значений.

Вернемся к уже упомянутому и как будто самому простому «географическому» распределению привязанностей к месту рождения, региону, государственной общности (или гражданству). Если использовать известную поэтическую формулу (Д. Самойлова), эти позиции «понятны лишь сперва, потом значенье их туманно, /их протирают как стекло, /и

в этом наше ремесло», – то есть в данном случае – «ремесло» социолога.

Функция «места рождения» – первичная социализация человека, определяемая взаимодействием генетических, семейных, школьных, «уличных» ее программ. Обращение к ней во взрослом состоянии – элемент индивидуального, глубоко внутреннего самоутверждения, демонстративная (то есть демонстрируемая самому себе) идентификация с родительской традицией, а в то же время и с собственной «детской» моделью интегрального мира, которая сохраняет свое значение в многоэтажной структуре личности.

«Родной регион» – преимущественно носитель локальной культурной традиции, поэтому апелляция к этому уровню общности означает что-то вроде напоминания о непреходящей оппозиции локальных и универсальных регулятивных механизмов.

Наибольшую функциональную нагрузку имеет, естественно, такой семантический узел, как «родная страна», связывающий – на «высшем» реальном уровне, поскольку европейские, общецивилизационные, всемирные структуры для российского массового сознания остаются абстракциями – государственно-правовые и политические структуры с эмоционально окрашенными историческими символами. На этом уровне принадлежность (гражданская), подчинение регулятивной системе (правовой или заменяющей ее), державное самоопределение (по отношению к остальному миру) и «просто» символическая идентификация (с такими категориями, как история, земля, народ) непосредственно выступают факторами предельной интеграции общества.

Другой тип идентификации дает принадлежность к статусной позиции (сюда отчасти относятся и профессиональные «статус-роли», как они именовались у Т. Парсонса). Принадлежность к определенному статусу в современных (то есть не-цеховых, не предполагающих членства в некоторой корпорации) условиях означает прежде всего обладание оп-

ределенным эксклюзивным ресурсом – например, знанием, властью, привилегиями или льготами. Наблюдаемая картина статусной деградации (распад социальной иерархии и механизмов ее формирования, деградация профессионализма на различных уровнях и прочее) обнажает внутренний механизм статусной иерархической интеграции общества.

Специфическую функциональную нагрузку имеет принадлежность к аскриптивным социальным общностям, например, традиционно-религиозным, которые не выбираются, а наследуются человеком. Это преимущественно функции санкционирования (сакрализованного, предельного) моральных и поведенческих структур, – причем заявляемых как универсально-значимые (категорический императив, представленный у И. Канта).

Избираемая человеком принадлежность к политической или иной специфически-ориентированной ассоциации (в том числе к нетрадиционной – то есть ненаследуемой – конфессии) имеет принципиально иное социальное значение. Во-первых, в таких структурах идентификация означает соучастие в направленных системах действия, подчинение соответствующим личным или институционализированным авторитетам, которое воспринимается как акт сознательного выбора. Знаменитый поэт, пытавшийся идентифицировать себя с эпохой торжествующего и возведенного на культовый пьедестал массового насилия, был, как он уверял сам себя, счастлив, что он «этой силы частица, /что общие даже слезы из глаз», стремился «причаститься/ к великому чувству по имени класс» (В. Маяковский). Во-вторых, специфические системы действия по природе своей являются не универсально-значимыми, а партикуляристскими: они интегрируют лишь «своих» и противопоставляют их «чужим». Отсюда утилитарные этические системы («нравственно то, что полезно своим») и неистребимый дух воинствующего сектанства (партийно-политического, религиозного или, допустим, эстетического и пр.), направленного скорее на раскол общества,

чем на его интеграцию. (Противопоставление социальных функций «церкви» и «секты» обстоятельно разработано у М. Вебера.)

Если наследуемая принадлежность в обычных условиях (оставив в стороне ситуации различных ограничений и преследований) не требует психологического напряжения и личностного усилия, то приобретаемая часто только с помощью такого усилия – достигается.

Представляется правомерным различать типы *социальной* (или социально-значимой) и *психологической* идентификации. Первая интегрирует общество, вторая обеспечивает интеграцию личности, создавая определенный баланс напряжений и разрядки и так далее. Особый тип составляет *номинальная* (логическая) идентификация, которая классифицирует характеристики действий или состояний, конструируя тем самым множества, известные в социологии как номинальные группы. Отнесение к числу селян или горожан, обладателей определенного дохода или имущества, лиц такого-то возраста еще не создает ни реальных групп, ни факторов идентификации.

Интегративная идентификация может рассматриваться как определение положения личности, действия, института в «трехмерном» социокультурном пространстве. В качестве «осей» в такой модели выступают подчинение (нормативная вертикаль), взаимодействие (горизонталь социального обмена), традиция (связь времен, поколений, историческая глубина). Социальный человек принадлежит не только к определенной группе (а точнее, лишь в последнюю очередь он идентифицируется с группой или, шире, с социальным окружением), но к определенной нормативно-ценностной системе и определенной «линии» социального времени. Имеющиеся данные опросов позволяют представить соотношение некоторых из упомянутых параметров.

Иерархия интегративных ценностей в общественном мнении

Обратимся к старому примеру – списку «горделивых» идентификаций, полученных в первой волне исследования «Советский человек» (1989, N = 1250 человек). В анкете задавался вопрос «*Кем Вы ощущаете себя с гордостью?*». Прибавляют самоуважения позиции быть (в % от числа опрошенных):

Отцом (матерью) своих детей	42
Советским человеком	30
Специалистом в своем деле	22
Сыном (дочерью) своих родителей	17
Хозяином в своем доме	14
Человеком своего поколения	12
Хозяином на своей земле	12
Жителем своего города, села, района	11
Работником своего предприятия, учреждения	10
Представителем рода человеческого	9
Сыном (дочерью) своего народа	7
Верующим	4
Членом своего кружка, компании	3
Человеком, занимающим видное положение	1

На первых по значимости местах оказываются временные (поколенческие) связи родителей и детей, причем ориентированные вперед, то есть к молодым. Далее следуют нормативно-ценностные, институционализированные и символические позиции («советский человек», «представитель рода человеческого»), а чисто групповая принадлежность представляется наименее важной. Отметим, что видимая групповая принадлежность на деле и неоднородна, и неоднозначна, поскольку здесь задействованы не только горизонтальные связи взаимодействия, но и нормативные оси коллективных

ценностей (групповая солидарность).

Один из опросов, касающихся иерархии социальных ценностей, фиксирует следующие порядки важности интегрирующих факторов – как они воспринимаются населением. (Всемирный опрос «Roper Starch Worldwide», в России проведен ВЦИОМ в мае 1997, N = 1200 человек.) Из общего числа ответов на вопрос «*В какой мере для Вас важно...?*» отобраны ответы, относящиеся к «интегративным» ценностям (индикаторы построены на основе шестибальной шкалы):

Безопасность семьи	5,3
Почитание родителей и старших	4,4
Порядок в обществе	4,3
Поддержка друзей, коллектива	4,2
Обязанности перед семьей, обществом	4,1
Социальная справедливость	4,0
Жизнь в ладу с самим собой	4,0
Помощь ближнему	3,9
Безупречная репутация	3,6
Равенство	3,5
Терпимость	3,3
Традиции	3,2
Ответственность перед обществом	3,1
Высокое положение в обществе	3,1
Послушание	2,9
Вера в бога	2,8
Честолюбие	2,7
Власть	2,3

На первых позициях в списке – показатели социальной защищенности (подразумевается, гарантированной государством), на средних позициях – ценности гражданского общества (свобода, демократия, равенство), на последних – все, относящееся к вертикали подчинения и властным амбициям.

Государство как фактор социальной защищенности занимает предельно высокое место (это связано, конечно, и с тем, что исполнение этой функции воспринимается населением наиболее остро – «что у кого болит...»); участие в государственных делах ценится менее всего. Заметим, что апелляция к традициям располагается в нижней части списка: это значит, что традиционные механизмы социальной интеграции не получают высоких баллов в общественном мнении.

Кстати, в аналогичном – более коротком и основанном на четырехбалльной шкале – списке ценностей, полученном в опросе 1994 года (N = 3000 человек), иерархия позиций была принципиально такой же: здоровье, семья, социальная обеспеченность и защита на первых позициях, патриотизм, равенство – на средних, успех, религия, бизнес – в конце списка.

Как можно полагать, частота упоминаний традиционных категорий – в том числе, этнических, религиозных, семейных – в контексте иначе построенных анкетных вопросов имеет другой смысл: скорее психологически-компенсаторный, чем социально-интегративный. Возьмем самое очевидное: семья играет в сегодняшнем обществе в общем такую же роль, что играла десять или тридцать лет назад, социально-демографические и социально-нравственные параметры изменений в этой сфере действовали в том же направлении (нуклеаризация, либерализация и прочее). Шансов на возвращение к традиционной семейной экономике или к порядкам домостроя не прибавилось и не прибавится (если оставить в стороне возможность некоего фундаменталистского ренессанса исламского образца). Поэтому, когда мы чаще встречаем ссылки на семейную принадлежность, чем, допустим, на гражданскую, то это скорее всего означает изменения в способе достижения психологического, внутриличностного баланса. К вопросу об интегрирующем потенциале социально-этнических факторов мы вернемся несколько позже.

Многозначность «советской» идентификации

Как видно по опросам, заметная часть населения России относит себя к «советским людям».

Таблица 3

«Кем Вы себя чувствуете?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	Постоянно	Иногда
«...русским человеком»	63	17
«...советским человеком»	35	23

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек).

Что означала в 1997 году такая идентификация? В какой мере она была близка или далека «советской» идентификации в «свое», то есть советское время? Сначала, очевидно, нужно представить эту исходную позицию.

Самая простая ее компонента – официальная, «паспортная» принадлежность со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде льгот, запретов, прописки, трудовой книжки и прочее. В конце 20-х годов М. Горький, перешедший к тому времени на активно-советские позиции, язвительно критиковал «механических граждан» Союза – тех россиян, которых политические перемены без их согласия в одночасье превратили в подданных нового государства. Но за последующие десятилетия «механическая», формальная принадлежность приобрела целый набор вполне реальных, значимых атрибутов – массовых привычек, фобий, комплексов. Так, более половины опрошенных в 1994 году были согласны (20% «полностью», 34% – «скорее согласны») с тем, что за 75 лет советской власти «наши люди стали другими...». В итоге значительная часть населения привыкла воспринимать себя – не обязательно с гордостью – не просто

гражданами, но «советскими людьми».

В содержание этого понятия входило явное противопоставление всему «чужому», враждебному человеческому миру, извечный страх перед ним. Сюда относились и социально-психологические механизмы групповой деиндивидуализации и коллективного заложничества, лукавой покорности («не высовываться», «а если что не так, не наше дело»), и так далее. Универсальным же средством сохранения психологического баланса, компенсации униженности и ущербности служило обращение к символике державного величия и всемирного устрашения («зато мы делаем ракеты...»).

К сказанному следует добавить еще одно соображение. Чрезвычайно важную функцию в сохранении «советской» модели идентификации исполняла сплоченность социально-политической элиты, которая поддерживалась механизмом кадрового отбора и продвижения, жестким контролем сверху донизу и постоянным страхом утраты статуса.

Разрушение этого механизма в ходе начавшихся перемен оказалось весьма болезненным для значительной части населения. Согласно опросу, проведенному в июле 1996 года, две трети (66%) сожалели о распаде СССР. Из них 41% респондентов объясняли это экономическими причинами (разрушена единая система хозяйства, транспорта, связи), 25 – разрушением «внутригосударственной» идентификации («утрачено чувство, что ты всюду как дома»), и только 17 – утратой «внешней» идентификации («потеряли чувство принадлежности к великой державе»), 17% затруднились ответить.

Но дело не только в декларируемых настроениях ностальгии. Модель «вражеского окружения» и связанного с ней комплекса страха и противопоставления по отношению к внешнему миру сохраняется. По данным исследования 1994 года, 42% «совершенно» или «скорее» были согласны с тем, что «Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства, нам и сейчас никто не желает добра». Угрозу военного нападения на Россию в 1996 году считали безус-

ловно существующей 8% опрошенных, вполне возможной – 29%. А в одном из опросов типа «Экспресс» в августе 97-го четверть респондентов выразили мнение, что после начала перестройки военная угроза России из-за рубежа даже возросла.

Поэтому сегодняшняя готовность доброй трети населения заявить о своей идентификации с «советским» гражданством не может объясняться только инерцией утративших свой предмет символов или только демонстрацией оппозиционности по отношению к политическому режиму. Верность советской «модели самооправдания» в неодинаковой мере обнаруживается у разных возрастных групп и даже на противоположных концах политического спектра. Однако осевая конструкция этой модели – образ устрашающей мир державы – тем не менее, основательно разрушена, намерения вернуться к ней остаются декларативными. Постоянно встревоженное происками внешних враждебных сил российское общественное мнение наиболее реальной перспективой считает все же налаживание сотрудничества с этими силами (например, с НАТО). Даже среди полагающих, что внешняя военная угроза стране возросла после 1985 года, главной задачей считают развитие экономики, а не восстановление военного могущества.

Таблица 4

«Что сейчас более важно для России»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	Военная мощь**	Экономика**
<i>Всего</i>	20	70
<i>Считают, что военная угроза</i>		
...возросла	35	57
...уменьшилась	12	82
...на прежнем уровне	17	77

* Исследование типа «Экспресс», август 1997 (N = 1600 чело-

век).

**** Формулировки вариантов ответа:**

1. Восстановить свою военную мощь, чтобы вернуть себе статус сверхдержавы.
2. Сосредоточиться на поднятии экономики.

Социально-этнические параметры идентификации: смыслы и функции

Различные стороны современных этнических проблем широко представлены в исследованиях и обстоятельно анализируются¹. В контексте настоящего очерка заслуживает специального внимания только вопрос о значении этнически маркируемых связей и разграничений социальных общностей разного типа. (Этнически маркируемыми – как извне, так и изнутри – могут, как известно из исторического опыта, в том числе новейшего, оказаться генетические, культурные, конфессиональные, региональные, языковые, расовые, регистрируемые и другие групповые признаки.) Такая маркировка не только определяет «своих» по отношению к «чужим», но и задает (в явной форме – в традиционных обществах, а в неявной – и поныне) иерархию ролевых и престижных позиций, социальных барьеров и дистанций.

Самые мрачные и кровавые страницы уходящего века связаны с противостоянием тенденций демократии и этнократии, размыванию и утверждению межнационального обособления.

Все национальные размежевания XX века – может быть, за самым малым исключением – лишь по форме, по внешним признакам подобны возвратам к традиционным структурам обособленного существования территориальных или кастовых групп. Практически это всегда были попытки использовать результаты современных (в принципе, универсальных

¹ См., например: *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 2.

модернизационных) процессов и технологий – в том числе технологий массового насилия и идеологизации – в целях национального самоутверждения.

Долго вызревавшие в рамках бывших союзных и российских административно-политических образований эти тенденции вышли на политическую поверхность в последние годы и вынудили переоценить социальное содержание практически всех существующих в этом пространстве этнических сообществ.

В самом трудном и неопределенном положении в этой ситуации оказываются русские. По данным исследования «Русский национализм», проведенном в июле 1996 года (N = 2400 человек), 55% опрошенных относили к русским всех людей, «которые живут в России и считают себя русскими», 36% полагали, что этого недостаточно. В последней группе респондентов указывались следующие необходимые признаки:

чтобы человек хранил традиции русского народа	54
чтобы русский язык был для человека родным	53
чтобы в человеке были живы нравственные идеалы России	40
чтобы предки человека были русскими	37
чтобы человек исповедовал православие	19
чтобы человек был русским по паспорту	12

Примечательно, что названные параметры «русскости» – это преимущественно социокультурные позиции.

При такой неопределенности «позитивных» критериев этнического самоопределения доминирующее значение – на первый взгляд – приобретают «негативные» критерии, например показатели этнически маркированных комплексов и фобий. Вполне или в основном согласны:

что «России угрожает сейчас распродажа национальных богатств зарубежным странам»	60
что центральное телевидение «целенаправленно разрушает русские традиции»	50
что руководство страны «предает национальные интересы России и русских»	46
что «люди нерусских национальностей пользуются сейчас в России слишком большим влиянием»	40

Таким образом, примерно половина населения обнаруживает фобию утраты национальных ресурсов и национальной идентичности России и русских. Этот процент «рассеянного», то есть лишенного конкретного национального адреса, негативного самоопределения русских значительно превышает распространенность «направленных» фобий – негативных установок по отношению к почти любой эталонно-«чужой» этнической группе. (По данным того же исследования, суммарные негативные установки – раздражение/неприязнь и недоверие/страх – разделяли 10% опрошенных по отношению к евреям, 12 – к эстонцам, 28 – к азербайджанцам, 41 – к цыганам и 47% – к чеченцам; последняя цифра, впрочем, относится не столько к народу, сколько к воюющей стороне в конфликте.)

Распространенность этнически-маркированных фобий создает реальный, хотя в основном пассивный и «рассеянный», потенциал межнациональной отчужденности. Но отнюдь не потенциал внутринациональной сплоченности. «Негативная идентификация» по отношению к чужим может, как показывает опыт, сплачивать «своих» в тех случаях, если она достигает уровня страха за собственное существование, например, в ситуации национального самоопределения или самосохранения относительно малой социально-этнической группы в противостоянии с имперскими и тому подобными властными структурами. Идея независимости Ичкерии может – и то не во всем – сплотить, превратить в народ чечен-

ское население, но никак не население России (независимо от признания или непризнания позиций другой стороны).

Этому утверждению не противоречит и межвоенный опыт Германии: разжигание этнических фобий в стране против слабого меньшинства (еврейского населения) оказалось эффективным средством национального сплочения, поскольку воспринималось в плане борьбы с внешними противниками. Подобной ситуации в России и вокруг нее не существует.

Подобно другим полиэтническим образованиям Россия в постсоветский период как будто оказывается испытательным полигоном для самых разных тенденций этносоциального самоутверждения – от попыток закрепить его государственным суверенитетом до формирования суперэтнических обществ. Идея создания «новой социальной общности» – суперэтнуса, заимствованная в позднесоветские годы из американской, индийской и прочей практики, не была реализована в рамках Союза, и досталась его правопреемнику; от ее осуществимости в решающей мере зависит перспектива российской государственности.

Факторы перспективной интеграции

Как показывает опыт, в том числе отечественный, массовый страх может в некоторых критических ситуациях (например, военных) становиться фактором «мобилизационной» социальной интеграции – однако лишь на определенное время и на определенных условиях. Мобилизационная ситуация концентрирует общественные ресурсы – материальные, человеческие, моральные – на решение узкой и кратковременной задачи; поддержание и воспроизводство таких ресурсов в этой ситуации невозможно. *Такой* ситуации сейчас в российском обществе нет, как нет и *такого* страха. При всех его противоречиях реальное развитие обстановки и отношений с внешним миром размывает предпосылки изоляции и противопоставления страны. Но это значит, что фрустрированное

сознание лишается привычного балансирующего механизма и вынуждено искать иные способы преодоления собственно-го кризиса.

Простое признание новой реальности положения страны и человека оказывается самым сложным и трудным – из-за нестабильности и непривычности положения. Переход от статуса мировых держав к статусу «просто держав» мирового или регионального значения – кстати, пройденный за последние полвека такими странами, как Германия, Франция, Англия, Япония – для правопреемника бывшего Союза все еще представляется трагической перспективой. Фантомы величия старого образца (ракетно-ядерного) пока довлеют в сознании значительной части населения. Одна из причин этого состоит в том, что уроки поражений и потрясений минувших десятилетий не выучены и не поняты обществом, даже его элитой.

Пусть с опозданием, но нашему общественному мнению придется усвоить, что если ресурсно-богатая Россия в определенной перспективе займет какое-то место среди других современных достаточно развитых стран мира (допустим, место региональной, межрегиональной, европейской державы в сложной сети взаимных влияний и зависимостей) – то это никак не будет место ушедшего Союза. Но тогда, соответственно, должна будет существенно измениться структура самоопределения человека в трехмерном общественном пространстве.

Распространенное в свое время приписывание советскому обществу такого атрибута, как «морально-политическое единство», было глубоко фальшивым, поскольку связывало моральность с политическим единомыслием и придавало установкам правящей элиты видимость универсальных ценностей. Политический плюрализм и многообразие субъектов социального действия в современных обществах предполагают определенный уровень согласия в отношении моральных рамок допустимых и осуждаемых действий – чем и зада-

ется *моральная* идентичность общества. Только при наличии таких рамок становится возможным нравственно ориентированное внимание населения (значительной его части) к определенным акциям. Малозначительная сама по себе афера «Уотергейта» стала, как известно, общенациональным моральным событием в американском обществе, а всевозможные большие и малые «компроматы», связанные с высокими чиновниками и дельцами из нынешней российской элиты, не волнуют и не интересуют большинство нашего населения. Можно взять и более «тяжелый» пример: американское общество долго и весьма болезненно переживало неудачу во Вьетнаме («вьетнамский синдром»); между тем общество российское, никогда не одобрявшее чеченскую кампанию, не способно пока оценить ее как моральную катастрофу, а значит и извлечь уроки на будущее.

В метафорической форме принцип универсалистской моральной идентификации человека с обществом выражен в известной формуле, кажется, английского происхождения: «права или не права, но это моя страна». Здесь, как видим, заданы два несводимых друг к другу критерия: «правоты–неправоты» и «своего–чужого». Партикуляристский же подход сводится к иной формуле: «свое всегда правильно».

Косвенное признание моральной неполноценности общества – дискуссии вокруг проблемы «национальной идеи», в которой иногда видят недостающее звено в механизме самоопределения и сплочения общества. Напомним данные наших опросов.

Таблица 5

**«Какая идея могла бы сейчас скорее всего
объединить российское общество?»**
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	А*	Б*	В*	Г*
Богатство, процветание	6	6	4	13
Стабильность	18	16	9	39
Свобода	1	2	1	7
Достойная жизнь	9	10	7	22
Сильная держава	7	7	10	23
Вхождение в современный мир	2	1	2	6
Равенство и справедливость	5	5	5	12
Возрождение России	9	7	10	15
Законность и порядок	19	20	20	48
Крепкая семья	1	2	3	11
Социальная защищенность	5	4	5	26
Православие	1	1	1	5
Коммунизм	1	1	2	2
Спасение отечества	2	2	6	3

* А. Исследование типа «Мониторинг», апрель 1994 (N = 2400 человек).

Б. Исследование типа «Мониторинг», ноябрь 1994 (N = 2400 человек).

В. Исследование типа «Мониторинг», сентябрь 1995 (N = 2400 человек).

Г. Опрос населения г. Москвы, май 1997 (N = 2000 человек).

Главная примечательность этих списков в том, что на первых местах в них неизменно оказываются идеи (лозунги, ценности), обладающие отрицательным содержанием (отрицание беспорядка, нестабильности) и не предполагающие никакого позитивного варианта реализации; конкретные же программы не имеют значительной поддержки. Это подтверждает нереальность реставрации того «идеологического» общества, каким в нашей истории выглядело советское (на-

сколько это удачный термин – другой вопрос). Нельзя удивляться демонстративно-идеологической ангажированности москвичей.

Принципиальная проблема в данном случае – невозможность вернуть общество в его первобытно-политическое состояние единовластия и единомыслия (и соответственно – единства целеполагания и послушания). Только в таких состояниях обретал определенный символический и мобилизующий смысл высший уровень социального целеполагания.

«Мониторинг...» 1994. № 4

ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: 1989–1999

В марте 1999 года ВЦИОМ провел полевые работы третьей волны исследований по программе «Советский человек». Первый опрос по этой программе прошел в ноябре 1989 года (по выборке, репрезентирующей население СССР; российская выборка составила 1250 человек), второй – спустя пять лет, в ноябре 1994 года¹. (В настоящем очерке данные опросов 1994 и 1999 годов сопоставляются с результатами опроса 1989 года по российской выборке.) Ниже представлены первые результаты сравнений данных трех волн и некоторые соображения о возможностях их интерпретации и анализа.

Сопоставление результатов сложных по замыслу исследований, разделенных значительным – пятилетним – промежутком времени неизбежно сталкивается с целым рядом специфических проблем методологического порядка. Общественные перемены, а также накопленный опыт вновь, как и пять лет назад, вынудили разработчиков уточнить или заменить некоторые формулировки и блоки вопросов, учесть новые проблемы. Очевидно, однако, что со временем претерпевают изменения многие *смысловые* характеристики используемых в исследовании терминов. Перемены и катаклизмы последнего времени вынудили значительную часть населения не только иначе оценивать, но иначе понимать значение ряда ключевых категорий анализа социальной и политической реальности. Так, иной смысл приобрели за последнее десятилетие категории «собственность», «свобода», «демократия», «советское прошлое» и другие.

Результаты нового опроса показывают принципиальную возможность получать с помощью регулярных исследований достаточно надежные и сопоставимые данные, позволяющие

¹ Опросы третьей волны проводились в сотрудничестве с Московской школой политических исследований.

судить о стабильности и динамике социальных установок, механизмов социальной идентификации и ориентации, эмоциональных рамках существования и так далее.

Масштаб и значение перемен за десять лет

Представление о значительности происшедших перемен с годами явно крепнет; в то же время как будто усиливается разномыслие в оценках этих перемен.

Таблица 1

Что изменилось за эти 10 лет?
(в % от числа опрошенных, по столбцу)*

Варианты ответа	1994	1999
Произошли большие изменения	56	59
По сути дела ничего не изменилось	13	9
Недавно казалось, что жизнь изменилась, но теперь я вижу, что все идет по-старому	16	19
Затрудняюсь ответить	14	12

* *Исследования по программе «Советский человек» 1994 (N = 3000 человек) и 1999 (N = 2000 человек).*

Признание факта «больших перемен» далеко не равнозначно их одобрению и – еще менее – их восприятию как утвердившихся и привычных. Для большинства населения происшедшие перемены остаются болезненными и непривычными. Общий фон ностальгии по прошлому («до 1985 года») сохраняется и даже становится все более отчетливым.

Таблица 2

**«Было бы лучше, если бы все в стране оставалось таким,
как до 1985 года?»**

(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1994	1999
Согласен	44	58
Не согласен	34	27
Затрудняюсь ответить	23	15

* Исследования по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек) и 1999 (N = 2000 человек).

Только у молодежи (до 25 лет) и у высокообразованных сейчас преобладают предпочтения к переменам.

Если же перейти к переменам в различных сферах общественной жизни, то распределение позиций меняется и даже «средние» показатели выделяются на том же негативном фоне.

Таблица 3

Оценки перемен последнего десятилетия

(«Что принесли России...?...»)*

Позиции	1994	1999
Свобода слова, печати	53/23	47/32
Многopартийные выборы	29/33	21/50
Свобода выезда из страны	45/23	43/23
Свобода предпринимательства	44/28	50/25
Право на забастовки	23/36	32/26
Сближение России со странами Запада	47/19	38/23

* Исследования по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек) и 1999 (N = 2000 человек). Приведено соотношение позитивных («больше пользы») и негативных («больше вреда») ответов в % от числа опрошенных. Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Таким образом, за последние пять лет *ухудшились* оценки свободы слова, многопартийных выборов, сближения России с Западом, практически *без перемен* осталось отношение к свободе выезда, *улучшились* оценки свободы предпринимательства и – в наибольшей мере – права на забастовки, которое сегодня одобряют все категории населения, за исключением сельских жителей. (Можно предположить, что последний сдвиг – единственный, когда свершился поворот от преимущественно негативных оценок к преимущественно позитивным – отражает ситуацию после серии демонстративных, отчасти успешных, забастовок последних лет с требованием выплаты задолженности по зарплате).

Место человека в потоке перемен

Поиск своего способа приспособления к потоку изменений и сдвигов, захвативших общество, – извечная задача, которая практически стоит перед «средним», «массовым» человеком в любых переломных ситуациях, независимо от знака оценки или степени понимания ситуации.

Таблица 4

Варианты поведения в переходное время (в % от числа опрошенных)*

Позиции	1994	1999
Не могу приспособиться к нынешним переменам	23	33
Живу, как жил раньше, для меня ничего особенно не изменилось	26	16
Приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь	30	38
Удастся использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни	6	5
Затрудняюсь ответить	16	9

* Исследования по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек) и 1999 (N = 2000 человек).

Как видим, растет число считающих себя «неприспособленными»², значительно чаще указывается необходимость «вертеться» (что, скорее всего, означает понижающий вариант социальной адаптации), стабильно мала доля ссылок на «новые возможности» (повышающая адаптация).

Естественно, существует корреляция между позитивным отношением к переменам и готовностью приспособиться к новым условиям. Тем не менее приспособливаться приходится всем, поэтому мера адаптации населения (в том числе, субъективной и потенциальной) – один из важнейших показателей общественного состояния.

Человек «разгосударственный»?

Разрушение привычно «советских» систем государственной опеки и контроля привело к заметному изменению – по крайней мере, на декларативном уровне – оценок и ожиданий в отношении государства.

Таблица 5

«Государство и мы» (в % от числа опрошенных, по столбцу)*

Позиции	1989	1999
Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то	5	1
Государство дает нам немало, но можно требовать и большего	10	6

² По данным других исследований ВЦИОМ (типа «Экспресс», апрель 1999, 1600 опрошенных), проблема приспособления к переменам выглядит иначе: 48% опрошенных считали, что большинство населения уже приспособилось или вскоре приспособится к переменам, а 43% – что «люди никогда не смогут этого сделать». Аналогичный вопрос, заданный относительно семьи самого респондента, дает несколько более «адаптивные» результаты (53% уже приспособилось или надеются, что вскоре это сделают, а 40% «никогда не смогут этого сделать»).

Позиции	1989	1999
Государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны	7	38
Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы	38	17
Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам	27	37
Другое	1	2

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1999 (N = 2000 человек).

Различия в оценках весьма показательны. Практически исчезла позиция «государство дало нам все...», резко снизилась готовность жертвовать чем-либо для блага государства. Укрепились – притом, значительно – две позиции: «ничем не обязаны государству» и «стать свободными людьми...». Иными словами, возросло демонстративное отчуждение человека от государства и столь же демонстративная приверженность упрощенной, но все же демократической модели («заставить государство...» – чаще всего эту позицию выражают те, кто полагает, что человек несет ответственность за действия своего правительства...). Несложный анализ показывает, что за этими сдвигами стоит не столько внедрение в сознание демократических принципов, сколько недовольство нынешними возможностями государства. Представление о том, что граждане «ничем не обязаны государству» реально служит оправданием широко распространенного *лукавства* по отношению к государственным институтам – выражающемся в неисполнении законов, уклонении от налогов и так далее, – при распространенном убеждении в том, что само государство еще в большей мере лукавит со своими гражданами.

Отторжение от обязанностей по отношению к государству отнюдь не означает поэтому освобождения человека от государственной зависимости. Последняя лишь обретает в общественном мнении обоюдно-лукавый характер.

Свое собственное положение респонденты исследования 1999 года описывают следующим образом (в % от числа опрошенных):

Полноправный гражданин России, имеющий возможность влиять на власти через выборы, печать и другое	5
Человек, жизнь которого во всем зависит от власти, от государства	27
Человек, который живет, полагаясь во всем только на себя и не рассчитывая на государство	57
Затруднились ответить	12

Распределение ответов, если понимать его буквально, наводит в данном случае на аналогию с какой-нибудь республикой свободных фермеров XVIII века, где большинство населения на государство действительно не рассчитывало и о госпенсиях и госгарантиях не помышляло. Но на самом деле – это скорее декларация настроений и пожеланий, чем реалистическая картина ситуации. Учитывая, что в ответах на другие вопросы те же люди, которые заявляли, что «полагаются только на себя», надеялись также на гарантированный государством минимальный доход, считали важнейшими правами человека право на государственное обеспечение, на гарантированные государством прожиточный минимум и трудоустройство. 71% опрошенных в данном исследовании считали, что «государство должно заботиться о благосостоянии каждого гражданина». Нынешние формы «русского бунта» (в основном, против задержек зарплаты) – это преимущественно претензии, прошения, требования, адресованные тому же государству.

Критическое отношение к сегодняшним государственным институтам создает благоприятные условия для все более позитивных оценок еще недавно отвергаемого советского прошлого и характерных для него деятелей. Согласно данным третьей волны исследования «Советский человек», значительной части, если не большинству, опрошенных в 1999 году руководители прошлых времен казались не только более сильными, но и более честными, авторитетными, заботливыми и так далее.

Наконец, вполне реальное и важное значение имеет демонстрируемая подавляющим большинством опрошенных зависимость от символов государственного величия. Лишь 14% считали, что Россия сегодня остается «великой державой», тогда как 78% были уверены, что страна должна быть ею. В критических ситуациях – наподобие «балканского» кризиса марта-апреля 1999 года – такие ожидания могут превращаться в опасную политическую силу.

Правда, если побудить (той же анкетой) опрошенных уяснить самим себе, что входит в понятие «великой державы», то оказывается, что большинство вкладывает в него вполне «мирное» содержание – высокий экономический потенциал (64% упоминаний), высокий уровень благосостояния (63%), уважение со стороны других стран (35%), великая культура (31%) и только после этого военно-ядерное могущество (30%).

К двусмысленности отношений в системе «человек-государство» нам еще придется возвращаться при рассмотрении других проблем исследования.

Бремя ответственности

За время наблюдений изменились практически все референты моральной ответственности человека (см. *табл. 6*).

Наиболее заметными оказываются сдвиги, происшедшие между первой и второй волнами исследования, до 94-го: за

эти годы значительно слабее стали обозначаться показатели ответственности человека перед властью, страной, предприятием, этнической группой. В дальнейшем ситуация как будто стабилизировалась, – все, что могло измениться, уже изменилось. (Уровень осознаваемой ответственности «за родственников» почти неизменен и потому может служить точкой отсчета для оценки сдвигов в других параметрах.)

Таблица 6

«Несет ли человек моральную ответственность..?»

(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994	1999
...за действия своего правительства			
Безусловно	14	8	9
Отчасти	29	31	31
Не несет	37	42	43
Затруднились ответить	28	19	17
...за работу своего предприятия			
Безусловно	49	31	27
Отчасти	40	50	46
Не несет	5	17	14
Затруднились ответить	6	13	13
...за действия лиц своей национальности			
Безусловно	20	10	10
Отчасти	32	28	34
Не несет	28	40	35
Затруднились ответить	20	22	2
...за происходящие в стране события?			
Безусловно	22	9	10
Отчасти	42	35	40
Не несет	17	33	27
Затруднились ответить	19	24	23

Варианты ответа	1989	1994	1999
...за действия своих близких родственников?			
Безусловно	45	39	42
Отчасти	34	42	43
Не несет	13	11	9
Затруднились ответить	8	8	6

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Параметры идентификации: «кто мы?»

В переломной ситуации проблема идентификации человека в различных социокультурных, групповых, исторических рамках становится одной из самых напряженных.

Обратимся для начала к опробованной в 1989 году модели «горделивой» идентификации.

Таблица 7

«Кем Вы осознаете себя с гордостью?»

(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1999
Отцом (матерью) своих детей	43	57
Сыном (дочерью) своих родителей	19	24
Хозяином в своем доме	15	32
Хозяином на своей земле	10	9
Жителем своего города, села, района	11	21
Сыном (дочерью) своего народа	8	10
Специалистом в своем деле	24	23
Советским человеком	29	13
Русским человеком	–	43
Представителем рода человеческого	9	9
Верующим человеком	4	7

Продолжение табл. 7

Варианты ответа	1989	1999
Членом своего кружка, компании	3	3
Работником своего предприятия, учреждения	3	3
Человеком своего поколения	13	19
Ветераном Отечественной войны	7	2
Ветераном афганской, чеченской войны	4	1
Участником великих строек, стахановцем, целинником	1	2
Коммунистом	4	3

** Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1999 (N = 2000 человек).*

Прежде всего примечательно, что некоторые направления «горделивой» идентификации (социальной и групповой: «сын своего народа», «хозяин на своей земле», «специалист в своем деле», «член своей компании», «работник своего предприятия», «представитель рода человеческого») спустя 10 лет представлены такими же числами. Чаще всего, как и ранее, упоминаются «поколенческие» оси идентификации (дети – родители), причем эти показатели возросли. Существенно укрепились «локальные» оси (свой город, район). Наиболее важным представляется изменение национально-государственных рамок идентификации: «русское» не только вытесняет «советское» в качестве ведущего социального деноминатора, но отмечается значительно чаще. Видимо, в 1989 году признак «советского» указывался скорее как привычный и официальный, а признак «русского» человека к 1999 году приобрел значение некой спасительной гавани после периода замешательства и пертурбаций. Тенденция самоутверждения «русскости» (равно как и социальное содержание этого признака) видна и по другим данным исследования.

Поиск национальной идентичности

Разрушение «советских» рамок и стереотипов сознания при неразвитости структур личностного самоопределения почти с неизбежностью приводит к увеличению и даже гипертрофии функций национальной идентичности – причем, прежде всего, негосударственной (языковой, исторической, мифологической, этнической). В условиях доминирующей в массовом сознании негативной и критической составляющей востребованным оказывается «позитив», то есть набор признаков, годящихся для опорной конструкции. Время «перестроечного» гиперкритицизма, кажется, далеко и безвозвратно ушедшим: ищут, акцентируют или приписывают положительные качества.

Рассмотрим некоторые результаты отслеживания «образа нации» по программе «Советский человек» (обстоятельный их анализ проведен в статье Л. Гудкова³). В данном случае у исследователей была возможность сопоставить показатели трех опросов относительно «качеств русских» с данными (1999 года) о том, какие характеристики респонденты приписывают самим себе.

Таблица 8

«Образ нации» и «образ человека» (в % от числа опрошенных, по столбцу)*

Качества	1989**	1994**	1999**	1999***
Энергичные	9	22	20	29
Гостеприимные	55	67	73	65
Открытые, простые	59	72	67	51
Миролюбивые	50	52	42	41

³ См.: Гудков Л. Комплекс «Жертвы»: особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1993. № 3. С. 47-60.

Качества	1989**	1994**	1999**	1999***
Ленивые	25	26	27	8
Терпеливые	52	62	63	43
Свободолюбивые	20	27	23	19
Культурные, воспитанные	5	8	8	18
Непрактичные	31	38	22	9
Безответственные	22	29	16	2
Готовые помочь	51	61	55	46
Религиозные	7	14	14	7
Забитые, униженные	10	17	16	2
Трудолюбивые	27	42	35	44

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек). Приводится часть списка выделенных качеств.

** В анкете предлагалось отметить «Качества, которые чаще всего можно встретить у русских».

*** В анкете предлагалось отметить «Качества, которые присущи Вам лично».

Получается, что за десять лет русские «сделались» (в собственном массовом воображении!) значительно более энергичными, гостеприимными, открытыми, простыми и даже более трудолюбивыми. Все эти сдвиги можно отнести к динамике комплекса самоутверждения. Его обратная сторона – переживание собственной униженности, которое стало более явным после опроса 1994 года. Зато реже стали бичевать себя за непрактичность и безответственность, чаще указывать религиозность. При этом на протяжении всего десятилетия на одном уровне сохранился показатель лени как национальной особенности.

Сравнение личных характеристик с общенациональными показывает, что «средний» человек считает себя более энергичным и трудолюбивым, лучше воспитанным, далеко не

столь униженным, ленивым и безответственным, а также менее религиозным по сравнению с его – воображаемыми, конечно, – соплеменниками.

Обратимся к другой группе показателей, относящихся к той же проблеме.

Таблица 9

«Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о нашем народе?»

(в % от числа опрошенных, по столбцу)*

Варианты ответа	1989	1994	1999
Наше прошлое, наша история	26	37	48
Наша земля, территория	12	25	26
Родная природа	15	18	18
Место, где я родился и вырос	38	41	35
Государство, в котором я живу	27	18	19
Язык моего народа	22	19	17
Великие люди моей национальности	8	10	14
Наша военная мощь	2	5	7
Вера, религия	3	8	7
Знамя, герб, гимн	5	2	3
Наше трудолюбие, хозяйственность	5	6	10
Наши песни, праздники и обычаи	14	9	7
Родные могилы, памятники	6	9	7
Душевные качества моего народа	14	16	19

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Как видно из приведенного сопоставления данных трех этапов исследования, идентификация с «большой» родиной (национально-государственное самоутверждение и самоотжествление) с 1994 года заметно уступило место идентификации с «малой» родиной («место, где родился и вырос»). С этого же времени возросло значение «территориального»

фактора; видимо, это связано не столько с «почвенными» ориентациями, сколько с вполне актуальной проблемой утверждения российского места в постсоветском пространстве.

Подвижные рамки социального времени

Особенно важно растущее от этапа к этапу значение исторических параметров (к ним относятся и персонализированные, то есть «великие люди»).

Таблица 10

Значительные события XX века (в % от числа опрошенных, по столбцу)*

События	1989	1994	1999
Победа в Отечественной войне	75	73	85
Октябрь 1917 года	65	49	48
Распад СССР	–	40	47
Чернобыльская катастрофа	36	34	32
Полет Гагарина	33	32	54
Чеченская война	–	–	24
Война в Афганистане	11	24	21
Первая мировая война	8	19	18
Репрессии 30-х годов	31	18	11
Перестройка	24	16	16
Путч 1991 года	–	7	6
Коллективизация	10	8	6
XX съезд КПСС	9	5	4
Падение Берлинской стены	–	6	5
Реформы Гайдара	–	6	2
События октября 1993 года	–	7	3
Многопартийные выборы 1993 года	–	3	1
Кризис 17 августа 1998 года	–	–	18

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

В числе изменений, которые заслуживают особого внимания – дальнейшая акцентировка немногих «успешных», «утверждающих» событий: победный 1945 год и полет Ю. Гагарина (1961 год). Растущее внимание к ним – это своего рода поиск точек опоры в историческом потоке.

Другая сторона тех же рамок исторической идентификации человека – разделение исторических эпох на позитивные и негативные.

Таблица 11

Оценки периодов отечественной истории XX века
(в % от числа опрошенных, по столбцу)*

Период	1994	1999
Николая II	–	18/12
Революции	27/38	28/36
И. Сталина	18/57	26/48
Н. Хрущева	33/14	30/14
Л. Брежнева	36/16	51/10
М. Горбачева	16/47	9/61
Б. Ельцина	–	5/72

* Исследования по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек). Указано соотношение оценок «принесло больше хорошего» и «принесло больше плохого». Данные об оценивших период в терминах «ничего особенного» и о затруднившихся ответить не приводятся. Пропуски означают, что данная позиция не была включена в анкету.

За пять лет заметно изменились к лучшему оценки периодов правления Сталина и Брежнева, к худшему – оценки времени Горбачева; практически без изменений осталось соотношение оценок периодов революции и хрущевской «оттепели». И, в соответствии с доминирующими общественными настроениями, наиболее негативные оценки относятся к периоду Ельцина. Это означает, что единственно реальной

(то есть сохраненной в «живой» памяти значительной части населения) и единственно позитивной кажется эпоха, названная когда-то «застоем».

В третьей волне исследования «Советский человек» был использован еще один подход к проблеме исторической идентификации – выяснение ценностных моментов российской истории, вызывающих у опрошенных чувства гордости или, напротив, стыда и огорчения.

Оказалось, что главными предметами *гордости* являются: победа в Отечественной войне 1941–1945 годов – эту позицию указали 86% всех опрошенных, ведущая роль страны в освоении космоса – 60, достижения российской науки – 52, великая русская литература – 46, моральные качества русского человека, такие, как простота, терпение, стойкость – 45, превращение страны после революции в одну из ведущих промышленных держав – 42, слава русского оружия – 35, великие русские путешественники – 33, борьба с татаро-монгольским игом – 22, передовой советский общественный строй – 14, нравственный авторитет русской интеллигенции – 12, дух русской вольницы и свободолюбие – 12%, подвижничество русских святых – 10%, перестройка и начало рыночных реформ – 2%. Только у 2% опрошенных ничто в нашей истории не вызывает особой гордости.

Чувства *стыда и огорчения* связываются респондентами прежде всего с такими позициями: «великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности» (указали 79%), разрушение СССР – 48, грубость нравов – 45, репрессии 20-50-х годов – 34, хроническое отставание от Запада – 31, некомпетентная и своекорыстная власть – 28, наша косность, инертность, лень – 24 (сравним с аналогичной позицией в приведенном выше списке национальных качеств), гонения на церковь – 21%, наследие крепостничества, дух рабства, привычка к подневольному труду – 17%, военные поражения – 16%, стремление силой навязать свои порядки другим народам и странам – 15%, национальное высокоме-

рие, шовинизм, антисемитизм – 7%. У 1% опрошенных ничто в нашей истории не вызывает особого стыда.

Наконец, еще одна ось исторической идентификации определяется набором «значимых имен», то есть деятелей, которые воспринимаются как выдающиеся. В этом наборе также происходят определенные изменения.

Таблица 12

Десять выдающихся людей всех времен
(в % от числа опрошенных, по столбцу)*

Место	1989	%	1994	%	1999	%
1	В. Ленин	75	Петр I	41	Петр I	46
2	Петр I	41	В. Ленин	34	В. Ленин	42
3	А. Пушкин	27	А. Пушкин	23	А. Пушкин	42
4	М. Ломоносов	22	И. Сталин	20	И. Сталин	35
5	А. Суворов	18	А. Суворов	18	Ю. Гагарин	26
6	Г. Жуков	18	Наполеон	14	Г. Жуков	20
7	Л. Тостой	15	Г. Жуков	14	Наполеон	19
8	Д. Менделеев	14	А. Сахаров	13	А. Суворов	18
9	К. Циолковский	14	М. Ломоносов	13	М. Ломоносов	18
10	И. Сталин	12	М. Кутузов	11	Д. Менделеев	12

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Как видим, список основных персонализированных «вех» исторического поля почти стабилен; изменяется частота упоминаний отдельных лиц. Наиболее заметные изменения в списках произошли между 1989 и 1994 годом. В 1999 году первые четыре позиции в списке занимают те же фамилии, что и пять лет назад, но частота упоминаний увеличилась по всем позициям. «Юбилейный» рост внимания к Пушкину не нуждается в комментариях. Ностальгия по советскому периоду несколько увеличила внимание к имени Ленина, но особенно – к Сталину, который многим представляется уже

символом утраченного государственного порядка и величия. Подобным же образом память об утраченных успехах в космической области поднимает на верхние ступени фамилию Гагарина (в 1989 году о нем упоминали 16% опрошенных, а в 1994 – только 8). Понятно, что в список выдающихся деятелей, составляемый (самими опрошенными) по «компенсаторному» принципу, имена современных лидеров попадают крайне редко (так, в 1999 году Горбачева указали 3%, а Ельцина – 2).

Надежда на гарантии

Наименьшие изменения наблюдаются в системе *ориентаций* в неопределенной социальной ситуации: при выборе между ценностями успеха и стабильности большинство явно предпочитает последнюю.

Табл. 13 представляет интерес в нескольких срезях.

Таблица 13

«Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать...?...»
(в % от числа опрошенных, по столбцу)*

Варианты ответа	1989	1994	1999
Небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	10	4	3
Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45	54	60
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	26	23	23
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	9	6	6
Затрудняюсь ответить	10	19	8

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Устойчивое и растущее большинство выражает предпочтение «советскому» образцу скромных и гарантированных доходов. Все менее популярным становится вариант «малого заработка при большем свободном времени» (по составу предпочитающих – это преимущественно женский выбор). «Собственное дело» для 1989 года – скорее всего благое пожелание, но после 1994 года – вполне суровая реальность для немногих. А установка на то, чтобы «много работать и хорошо получать» остается характерной примерно для четверти опрошенных – это немало. Если это не просто мечтания, а реально «работающая установка», то ее распространенность может определять примерные рамки нового, активного социального слоя. Между тем доля предпочитающих «много работать и хорошо зарабатывать» достигла 32% среди опрошенных в возрасте 25-40 лет и упала до 8% у пожилых (старше 55 лет).

Наиболее общую картину распределения ценностных ориентаций показывают суждения о том, «чего не хватает» человеку в нашем обществе.

Таблица 14

«Чего, в первую очередь, не хватает сегодня человеку?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994	1999
Материального достатка	51	54	67
Уверенности в себе	15	26	20
Политических прав	11	5	2
Трудолюбия, хозяйственности	35	13	9
Уважения к своему прошлому	6	13	6
Нравственных принципов	15	12	12
Культуры, воспитанности	41	25	12
Возможности отдохнуть	6	7	5

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек). В

1989 году в вопросе имелся в виду «советский человек», а в 1994 и 1999 годах – «человек в России».

Вполне естественно, что проблема материального достатка остается центральной и все больше беспокоит людей. Резкий спад интереса к политическим правам после 1989 года – это, по всей видимости, результат массового разочарования в новых политических институтах: права как будто имеются, а реального улучшения положения и реального участия рядового человека в государственном управлении нет.

Сложнее объяснить, почему столь значительно снизилось внимание к ценностям «трудолюбия» и «культурности». Вероятно, одна из составляющих такого сдвига – довлеющая ныне «критика критики» образца 1989 года, то есть отрицание того национального самобичевания, которое было свойственно началу перестройки (и которое скорее имитировало, чем инициировало реальное преодоление ценностных рамок «советского» традиционализма). Нынешняя востребованность «позитивных» опор массового мироощущения (как показывает и представленное выше сравнение характеристик нации), стимулирует тенденцию более оптимистической оценки нашего прошлого, в том числе и характерных для него трудовых и нравственных установок. Как бы следуя известному литературному персонажу, человек сегодня требует «не учить его жить»; значимость такой установки подкрепляется все более распространенной дискредитацией «учительствующих» (интеллигентских, либеральных и демократических) образцов и их носителей. Не следует, впрочем, упускать из виду все более существенное расхождение между установками, пожеланиями, демонстративными ценностями, с одной стороны, и реальностью, к которой приходится приспособляться, – с другой. Чаще всего жалуются на недостаток культуры и воспитанности наиболее образованные (21% опрошенных из получивших высшее образование и только 7% из тех, у кого нет и среднего).

Согласно мнению опрошенных в 1999 году, окружающие их люди чаще всего *завидуют* богатым (на это указывают 60%), удачливым (38%), занимающим высокое положение (25%), молодым и здоровым (20%), повидавшим мир (16%), талантливым, умным (15%), свободным, независимым (9%). 4% опрошенных никому не завидуют. Понятно, что это своего рода фотонегатив собственных позиций респондентов («что у кого болит...»).

Еще один подход к проблеме динамики ориентаций – через установки на будущее детей.

Таблица 15

Что требуем от поколения детей
(в % от числа опрошенных)*

«Дети должны...»	1989	1999
Быть экономными	25	21
Стараться понять другого	47	33
Стремиться к знаниям	53	57
Не упускать своего	6	15
Открыто говорить, что думают	23	13
Не выделяться	8	4
Стремиться занять видное положение	3	11
Помнить о воздаянии за грехи	2	8
Быть честными, порядочными	74	65
Не забывать своих корней	12	20
Уважать родителей	66	71
Уметь быть счастливыми	15	24
Любить свой дом, родину	45	36
Работать для общего блага	11	4
Уметь довольствоваться малым	5	6
Быть хитрей, не давать себя провести	4	11
Быть всегда самими собой	34	29

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Перед нами – довольно богатая картина, отображающая смену предпочтений за десять лет. Заметен рост установок на возвышение, достижение, хватку, хитрость (в этом ряду, видимо, следует воспринимать и пожелание «быть счастливыми») и соответственное снижение популярности «советских» ориентаций на скромность, общее благо, на «свой дом». Реже упоминаются честность, порядочность, прямота («говорить то, что думают», «быть самим собой»), чаще – память о «корнях», уважение к родителям.

Но вот – как будто противоречащее всему сказанному – желаемое распределение будущих профессий детей.

Таблица 16

«Кем бы Вы хотели видеть своего сына (дочь, внука)?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1994	1999
Профессором, ученым	9	9
Артистом, писателем, журналистом	8	4
Директором банка	13	12
Владельцем магазина	7	8
Врачом, учителем, инженером	30	30
Военным, офицером	11	10
Спортсменом	12	10
Политиком, министром	3	2
Предпринимателем, бизнесменом	16	17
Священником	2	1
Квалифицированным рабочим	19	19
Фермером	4	4

* Исследования по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Таким образом, за пять лет установки на профессии детей практически остаются на удивление стабильными, причем наибольшей популярностью пользуется «советский» набор

престижных профессий – врач, учитель, инженер, рабочий. Правда, рядом с ними занимают стабильные и почетные места также бизнесмены и банкиры.

**Толерантность:
рамки допустимости или безразличия к человеку**

Сравнение мнений о том, как поступить с носителями девиантных, отклоняющихся от принятых в качестве привычных или преобладающих, норм поведения.

Таблица 17

**«Как следовало бы поступить...?...»
(в % от числа опрошенных)***

Варианты ответа	1989	1994	1999
...с проститутками			
Ликвидировать	27	18	12
Изолировать от общества	33	23	20
Оказывать помощь	8	12	20
Предоставить их самим себе	17	30	29
...с гомосексуалистами			
Ликвидировать	31	22	15
Изолировать от общества	32	23	23
Оказывать помощь	6	8	16
Предоставить их самим себе	12	29	18
...с наркоманами			
Ликвидировать	29	26	21
Изолировать от общества	24	23	24
Оказывать помощь	24	38	47
Предоставить их самим себе	39	5	3
...с больными СПИДом			
Ликвидировать	13	7	8
Изолировать от общества	24	20	26
Оказывать помощь	57	68	56
Предоставить их самим себе	1	1	1

Варианты ответа	1989	1994	1999
...с бродягами, «бомжами»			
Ликвидировать	9	10	7
Изолировать от общества	25	20	15
Оказывать помощь	44	55	60
Предоставить их самим себе	7	5	5
...с алкоголиками			
Ликвидировать	7	9	7
Изолировать от общества	22	20	15
Оказывать помощь	59	59	66
Предоставить их самим себе	6	5	5
...с рокерами			
Ликвидировать	20	26	15
Изолировать от общества	14	18	14
Оказывать помощь	9	7	7
Предоставить их самим себе	27	25	35
...с родившимися неполноценными			
Ликвидировать	25	18	11
Изолировать от общества	9	7	9
Оказывать помощь	50	56	62
Предоставить их самим себе	1	1	1
...с членами религиозных сект			
Ликвидировать	4	6	14
Изолировать от общества	6	12	23
Оказывать помощь	5	8	9
Предоставить их самим себе	57	51	29

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Бросается в глаза определенное смягчение отношения практически по всем группам девиантного поведения. (Единственным исключением служит отношение к сектантам, которое заметно ужесточилось за последние годы. Вероятно,

это эхо направленных против них обличений со стороны приобщенной к государству православной иерархии.)

Вопрос в том, что означают такие сдвиги в массовых установках: распространение более гуманных, более цивилизованных критериев толерантности или рост безразличия к нравственным нормам (и к людям), сопутствующий ситуации ценностного кризиса и распада.

Вопрос о смертной казни – точнее, о возможности ее отмены – давно служит показателем жестокости общественных настроений.

Таблица 18

«Как поступить со смертной казнью?»

(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994	1999
Немедленно отменить	3	5	5
Постепенно идти к ее отмене	15	15	15
Оставить ее применение в нынешних рамках	33	37	36
Расширить ее применение	35	25	23
Затруднились ответить	14	18	20

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Распределение позиций относительно отмены казней остается практически стабильным. Заметна динамика только в том, что более широкое применение «исключительной меры» пользуется все меньшей поддержкой. Немедленную или постепенную ее отмену все эти годы поддерживали только 20% населения. Хотя настроения общества далеко не соответствуют «европейским» (ЕС) стандартам, можно отметить отсутствие в них тенденции ожесточения, которую можно было бы ожидать в связи с постоянной темой кровавого насилия в масс-медиа и реальной жизни.

Эмоциональные рамки существования человека

Опросы выявляют различные по своей природе и функциям эмоциональные механизмы, так или иначе участвующие в определении актов социального поведения. Видимо, самый простой из них – реакции на определенные события или действия: соотнесение ожиданий с реалиями создает «текущие» оценки одобрения/неодобрения и тому подобное. Более сложные по своей природе обобщенные оценки, например, «удовлетворенность собственной жизнью в целом» или упоминавшиеся выше оценки исторических рамок идентификации строятся на соотнесении текущих раздражителей внимания и более устойчивых, не всегда осознаваемых структур типа ценностных установок и стереотипов социального восприятия. Поэтому обобщенные эмоциональные оценки значительно менее подвижны. Можно, вероятно, выделить и еще один тип предельно генерализованных оценок, которые во многом задают сами рамки эмоционального восприятия реальности и обеспечивают некий относительно устойчивый баланс между «внешней» (непосредственно социальной) и «внутренней» (личностной, интернализированно-социальной) средами человеческого существования. В эмпирических исследованиях такие генерализованные оценки выглядят константами. Некоторые примеры будут рассмотрены далее.

Таблица 19

**«Какие чувства появились, окрепли за последние годы
...у окружающих Вас людей, и ...у Вас лично?»**
(в % от числа опрошенных)*

Чувства	1993	1999	
	«у окружающих»	«у окружающих»	«у Вас»
Надежда	17	10	24
Усталость, безразличие	55	52	38

Продолжение табл. 19

Чувства	1993	1999	
	«у окружающих»	«у окружающих»	«у Вас»
Одиночество	10	5	10
Страх	26	29	18
Чувство собственного достоинства	5	3	8
Обида	16	26	29
Растерянность	24	24	20
Зависть		8	2
Отчаяние	18	37	26
Уверенность в завтрашнем дне	5	3	6
Чувство свободы	7	4	7
Ожесточение, агрессивность	30	37	13
Ответственность за происходящее в стране	3	2	5
Гордость за свой народ	4	2	3
Другое	2	3	
Затруднились ответить	10	3	5

* Исследование ВЦИОМ 1993 ($N = 1770$ человек), исследование по программе «Советский человек», 1999 ($N = 2000$ человек).

В этом сложном наборе эмоциональных оценок явно преобладают негативные – безразличие, обида, отчаяние, страх, ожесточение. Но при этом «личные чувства» заметно более оптимистичны, чем «чувства окружающих»: в правой колонке все позитивные оценки встречаются заметно чаще, а все негативные – реже (исключением служит лишь чувство обиды, которое чаще упоминают как личное переживание).

«Баланс» страхов и радостей

Непременным условием существования человека в стабильной или, напротив, в бурно изменяющейся социальной обстановке является постоянное поддержание некоего эмоционального баланса между «раздражителями» различного уровня. Как показали исследования по программе «Советский человек», источники напряженности носят чаще всего социальный характер, а источники радостей и удовлетворенности – преимущественно личный, семейный.

Таблица 20

Чего боятся современные россияне

Место	1989	1994	Индекс	1999	Индекс
1	Болезни близких	Болезни близких	4,3	Болезни близких	4,5
2	Мировая война	Преступники	3,9	Безработица, бедность	4,1
3	Свои болезни	Произвол властей	3,7	Свои болезни	3,9
4	Стихийные бедствия	Болезнь, смерть	3,6	Произвол властей	3,8
5	Старость	Мировая война	3,6	Преступники	3,6
6	Гибель человечества	Безработица, бедность	3,5	Мировая война	3,6
7	Произвол властей	Насилие на национальной почве	3,4	Насилие на национальной почве	3,3
8	Страдания, боль	Публичные унижения	3,2	Стихийные бедствия	3,1
9	Публичные унижения	Возврат к массовым репрессиям	3,2	Публичные унижения	3,0

Место	1989	1994	Индекс	1999	Индекс
10	Преступники	Стихийные бедствия	3,1	Возврат к массовым репрессиям	2,9

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек).

Из-за различия в методических средствах опрос 1989 года позволяет представить только «иерархию» (по частоте упоминаний) пугающих событий. Данные 1994 и 1999 годов – средние показатели, построенные на основе пятибалльной шкалы (от «совершенно не испытываю страха» до «испытываю постоянный страх»).

Наиболее существенные изменения в иерархии событий, вызывающих страх, – выдвижение на первые места безработицы и бедности, более редкие упоминания о страхе перед мировой войной и возвратом к массовым репрессиям.

Таблица 21

«Что доставляет Вам наибольшую радость, удовольствие?»
(в % от числа опрошенных)*

Место	Варианты ответа	1989	1999
1	Заниматься с детьми	53	35
2	Получать хорошие деньги	19	33
3	Заниматься садом, огородом	25	28
4	Бродить по лесу	24	26
5	Читать книгу, журнал	40	26
6	Смотреть телевизор	18	24
7	Вкусно поесть	14	23
8	Проводить время с мужем (женой)	23	18

Место	Варианты ответа	1989	1999
9	Заниматься любовью	10	18
10	Работать в полную силу	25	18

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 ($N = 1250$ человек), 1999 ($N = 2000$ человек). Приведены только первые 10 позиций, которые ранжированы по частоте упоминаний в 1999 году.

Изменения в списке невелики, но показательны. Реже упоминаются дети, книги, семья, работа, зато чаще – деньги, телевизор, хорошая еда, секс. (Вероятно, в этом сказываются не только изменения в реальном образе жизни и привычках людей, но также изменения акцентов в демонстративном поведении, в тематике публичного обсуждения.)

В заключение остановимся на некоторых генерализованных показателях эмоционального состояния человека, которые могут быть представлены в качестве констант его существования (см. табл. 22).

Таблица 22

**«Чувствуете ли Вы себя в нашем обществе
свободным человеком?»**

(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1995	1996	1997	1999
Да, скорее да	29	33	36	36
Скорее нет, нет	58	53	52	51
Затруднились ответить	13	14	12	13

* Исследования типа «Мониторинг», 1995–1997 ($N = 2400$ человек), исследование по программе «Советский человек», 1999 ($N = 2000$ человек). Суммированы данные ответов «да» и «скорее да», «нет» и «скорее нет».

При всех колебаниях и пертурбациях социальной конъюнктуры в обществе сохраняется почти неизменным соотношение «свободных» и «несвободных» (по их субъективным оценкам) людей: около трети первых и несколько больше половины вторых, причем с годами доля последних даже уменьшается.

Другой пример почти стабильного показателя – доля людей, считающих себя *счастливыми*.

Таблица 23

«...Если говорить в целом, Вы счастливы?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1989	1994	1999
Да, скорее да	45	46	49
Скорее нет, нет	32	34	38
Затруднились ответить	23	21	13

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек), 1994 (N = 3000 человек), 1999 (N = 2000 человек). Суммированы данные ответов «да совершенно» и «скорее да», «нет совершенно» и «скорее нет».

Доля считающих себя счастливыми практически стабильна – несколько меньше половины населения. Увеличение доли «несчастливых» явно происходит за счет не определившихся с ответом, то есть – как можно полагать – за счет людей, не решавшихся демонстрировать свою обделенность радостями жизни «в целом». (При том, что люди довольно охотно показывают нехватку конкретных благ, денег, здоровья и так далее.) Как показывают международные сравнительные исследования, процент «счастливых» в разных странах (во многих из них, например, в США, в Японии он значительно выше отечественного «стандарта») стабилен, сложным образом коррелирован с самооценками людей, страны,

истории и мало связан с текущей социально-экономической или социально-политической конъюнктурой.

* * *

Краткий обзор некоторых результатов третьей волны исследований по программе «Советский человек» позволяет сделать – в предварительном порядке – некоторые выводы принципиального характера.

Первый из них имеет методологическое значение и упоминался в начале статьи: подтверждена вновь реальная возможность использования данных периодических массовых опросов для изучения фундаментальных изменений в общественных институтах и структурах, в том числе в структуре человека как социальной личности.

Три волны исследования – 1989, 1994 и 1999 годов – выявили существенные особенности динамики общества и общественного мнения в сложных условиях общественных переломов и кризисов переходной эпохи. Опрос 1989 года застал российское – тогда и номинально советское – общество в момент подъема «перестроечных» иллюзий и первых признаков разочарования и недоумения. Опрос 1994 года прошел в атмосфере широко распространенной переоценки результатов перемен и поисков стабилизирующих механизмов. Последний опрос 1999 года – в условиях доминирующей в массовых настроениях ностальгии по прошлому и попыток адаптироваться к изменившейся социальной реальности. Исследования охватили все важнейшие сдвиги в настроениях и оценках общественного человека за последние десять лет и предоставили материал для анализа основных «загадок» его поведения (в их числе – пресловутое российское терпение, пассивный русский бунт и постоянная «мобилизационная» готовность).

В опросах общественного мнения, связанных с изучением политической или коммерческой конъюнктуры, часто бывает

достаточным выявление позиций абсолютного или относительного большинства населения, избирателей, потребителей. Но в настоящем исследовании основным объектом изучения являлось скорее всего не большинство, а некое «меньшинство» опрошенных – *значимое* меньшинство, которое своим поведением определяет (но не обязательно осознает) характер и устойчивость перемен в различных сферах жизни общества. При любых переменах большинство («средняя») общества инертно, консервативно, подвержено влиянию ностальгических и даже просто реставраторских настроений. Судьба перемен определяется соотношением сил и влияний определенного значимого меньшинства (обычно принято использовать термин «элита», который представляется в данном случае менее продуктивным). Если социальный человек – в соответствии с представленным ранее замыслом всего исследования – эмпирически дан как распределение человеческих позиций и типов, то его характер и его способность изменяться зависит от соотношения определенных значимых меньшинств и «массы» (которая, впрочем, является всегда достаточно условным образованием), притом, соотношения не только «долевого», но и «ролевого» (в смысле функций, влияний таких меньшинств)⁴.

Неоднократно приходилось отмечать «вынужденный» характер перемен в нашем обществе «после 1985 года» и последствия этого для состава и способов действий вовлечен-

⁴ Такие разделения хорошо известны в социологической литературе. «Каждый человек по своим задаткам – существо, состоящее из многих пластов. И в нем, сменяя друг друга, могут господствовать или отступать те или иные задатки. Каждая фиксация какого-либо типа означает, что эта фиксация складывается посредством господства определенных задатков и их связи и интеграции с ядром личности. Каждое изменение той или иной фиксации означает, что она сменяется вследствие ставших рецессивными ранее решающих задатков и интегрирующего господства тех, которые до сих пор были рецессивными» (см. Вебер А. Третий или четвертый человек // Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. Пер. с нем. СПб.: 1998. С. 221).

ных в них субъектов социального действия. Массовая сторона такого процесса (а именно она непосредственно изучается в исследованиях, основанных на опросах общественного мнения) – вынужденное приспособление к результатам перемен. Серия опросов по программе «Советский человек» дает обширный эмпирический и мыслительный материал для анализа таких перемен на уровне человека.

«Мониторинг...» 1999. № 3

ЧЕЛОВЕК ПРИСПОСОБЛЕННЫЙ

Смысловая нагрузка термина

Положение человека в сложном переплетении социальных связей может быть представлено в терминах одобрения–неодобрения по отношению к определенным ценностям или событиям, симпатий–антипатий по отношению к субъектам социального действия, удовлетворенности–разочарования по отношению к собственным ожиданиям и так далее. Использование категории *приспособленности* или адаптации (оценка ее степени, типа, структуры, результатов, «цены») позволяют представить несколько более обобщенные и преимущественно более прагматические характеристики такого положения. Практическая позиция («жизненная» оценка ситуации) не только предшествует любым вербальным или эмоциональным определениям, но и как бы подытоживает их.

Приспособление (или адаптация) – понятие довольно емкое по смысловому содержанию. Применимо оно обычно для описания таких живых систем (биологических, психологических, социальных), в которых происходит, во-первых, встраивание какой-то организованной структуры в чужую, новую среду, систему обстоятельств, а во-вторых, сохранение, по крайней мере, частичное, какой-то «своей» организованности, идентичности в этой среде. Всякое приспособление предполагает наличие соответствующих ресурсов, использование инструментальных средств, изменение целевых функций и так далее.

Проблема приспособления человека к изменившейся социальной среде становится предельно острой и общезначимой в условиях крутых общественных переломов, когда практически все общественные слои и группы оказываются перед выбором вынужденного приспособления или самораспада. В отечественной истории такая ситуация складывалась

трижды менее, чем за последние полтора столетия: после реформ 60-х годов XIX века, после 1917 года и после 1991-го.

Как свидетельствуют все наличные источники (статистические, литературные, мемуарные) ни низы, ни верхи российского общества не успели или не сумели приспособиться к пореформенной ситуации прошлого века. Это относится и к самим «прорабам» тогдашней перестройки, если использовать позднейшую терминологию. Ее результат – расшатанная социально-политическая система, дискредитированная «старая» (сословная, дворянская) элита, освобожденная и растерявшаяся масса населения. Промышленный и технический переворот затронул преимущественно городскую среду и захлебнулся мобилизационной ситуацией первой мировой войны. Ни один общественный слой, ни один тип социальной личности не сумел или не успел «всерьез» (уверенно, привычно) адаптироваться к пореформенной и, тем более, межвоенной (1905–1914) обстановке.

Последовавший за 1917 годом период новой «перестройки» общества и человека оказался более долгим, располагал более массивными средствами (включая тотальный террор и последствия двух мировых войн), притом объектом воздействия оказывался расшатанный ранее тип социального человека. Ориентируясь на идеологию формирования «нового человека», советский режим первые двадцать лет своего существования энергично, как самых опасных противников преследовал так называемых «приспособленцев» – тех, кто не мог или не хотел целиком и полностью слиться с новой социальной средой, пытался сохранить хотя бы элементы собственной идентичности. В дальнейшем требования власти к человеку стали куда более прагматичными, противопоставление «новых людей» (точнее, стремившихся стать таковыми – или декларировавших такое стремление) «приспособленцам» утратило содержание тогда, когда приспособленцами оказались *все*. Результатом советского эксперимента стал не столько тотально «новый» человеческий тип, сколько чело-

век *тотально приспособившийся* к советской реальности, готовый принять ее как *безальтернативную* данность. В закрытом со всех сторон – в том числе от собственной реальной истории – обществе выростали поколения, не имевшие представления о каком-либо ином образе жизни, кроме заданного. Безальтернативность придавала всеобщей приспособленности значение *привычки*, то есть нерасчлененной и не подлежащей анализу массово-поведенческой структуры.

В категории «приспособившихся» оказались люди самых различные социальных групп и пристрастий – от фанатиков революционного авантюризма до остатков «бывших» элит, равно как и бывших «низов» – крестьян, мещан, рабочего люда и других. Никакие революционные мечтатели и организаторы «переворачивания России» после 1917 года не были готовы к его реальным последствиям. Обстоятельства заставили приспособливаться к новой жестокой реальности и ее внутренних оппонентов, и надеявшихся остаться в стороне. Социальный и политический перевороты сопровождались относительно быстрыми – то есть минимально подготовленными – процессами массивированной урбанизации, «тяжелой» индустриализации, раскрестьянивания села, технизации, массового образования и так далее. Причем происходящими в условиях массовой социальной мобилизации и напряженности – террора.

Приспособление могло быть ориентировано на разные уровни – от примитивного выживания до использования возможностей новых инструментальных (например, связанных с технической грамотностью) и организационных, карьерных образцов. Адаптация достигалась за счет снижения уровня требований (как потребительских, так и ценностных), переоценки символов (например, замена эгалитарных – иерархически-распределительными), смены ролевых и инструментальных функций (крестьяне становились работниками госпредприятий, представители свободных профессий – го-

сударственными служащими, политические лидеры – чиновниками аппарата).

Но и самая устойчивая адаптация не означает полной ассимиляции человека с системой социальных требований. Советский строй не создал «нового», «простого», полностью социализированного человека, образ которого сочиняли радикальные мечтатели и который до конца своего властвования использовала официальная пропаганда. (В одном из последних своих докладов лидер КПСС Л. Брежнев уверял себя и свою аудиторию в том, что «...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия – это советский человек, ...который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы, ...который соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять, ...будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом»¹.) На деле самая длительная и массивная из «перестроек» нашей новой истории формировала не «простого», но лишь «упрощенного» в своих представлениях и запросах человека. И не «нового», а лишь более или менее прочно приспособленного к заданной и неотвратимой социальной реальности.

Приспособление человека к советской действительности обеспечивалось, как известно, не только с помощью устрашения, но и с помощью целой серии компромиссов, «делок» и допусков. После ряда эксцессов различного масштаба оказалось, что наиболее устойчивой является модель частичной или условной социализации человека, при которой он уплачивает «дань» государству, сохраняя в ограниченных пределах пространство для частной жизни, хозяйства, семьи, собственности, личных интересов и так далее. (Нечто вроде «колхозной» модели, которая донныне сохраняет свое значение в обществе.) Вся система трудовых отношений ориентировала человека на минимально допустимое использование

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 87.

своих сил и способностей в обмен на минимально допустимое вознаграждение – и довольно успешно противостояла насаждению всякого рода стимулирующих средств, в том числе «ударничества» и тому подобных показательных инициатив. Рапорты о нескончаемых «трудовых подвигах» прикрывали – и закрепляли – неэффективность экстенсивной, расточительной экономики. На «человеческом» уровне вся система «делок» с государством неизбежно оборачивалась нравственной коррумпированностью, принятием показухи, приписок, блата, взяточничества, *двоемыслия* в качестве необходимых условий функционирования хозяйства и общества. Крушение советской системы не принесло в этот «котел» ничего принципиально нового, но лишь устранило те социальные и институциональные (карательные) регуляторы, которые ограничивали влияние коррумпированных механизмов.

Относительная быстрота и легкость этого краха – по крайней мере, его официальной стороны – показали, насколько неустойчивым был на деле определяющий для социализма компромисс между государством и человеком. И в то же время – насколько мало готовым оказался человек советский для вхождения в ситуацию, которая возникла после разрушения привычной социальной «крыши». В данном случае не столь важно, чем обусловлена эта ситуация, с какими внутренними предпосылками, внешними факторами, конкретными решениями и влияниями были связаны те или иные ее стороны.

Существенно, что снова, в третий раз с середины прошлого столетия, возникла ситуация всеобщего и вынужденного приспособления человека к изменившейся среде существования. *Всеобщего*, поскольку адаптироваться к новым условиям приходится решительно всем – и ярым противникам, и убежденным сторонникам демократически-рыночной цивилизации, и тоскующим по великому прошлому, и заинтересованным только в собственном благополучии. И в очередной раз – в ситуации *вынужденного*, как будто извне навя-

занного, но совершенного выбора; пока далеко не привычного, но уже принимаемого как данность. О чем свидетельствует политическая полемика осени 1999 года, когда речь шла не столько о выборе пути для страны, сколько о том, сможет ли общество (или «народ») адаптироваться к сделанному выбору. В практической же плоскости решается вопрос о том, какой *ценой* достигается приспособление к изменившейся системе авторитетов и ориентиров.

Таким образом, социальная адаптация (приспособление) – это не просто отказ от привычных представлений и ценностей в пользу каких-то иных (такие перемены тоже происходят и тоже важны, но не они определяют содержание процесса). Ибо в тех или иных формах приспособляться вынуждены все – и те, кто десятилетиями исповедовали идеи плюралистической демократии и рыночной экономики, и те, которые яростно отвергают нынешнюю политическую систему, реформы и рынок. Все они равно действуют в рамках ее законов и других институтов, пользуются ее платежными средствами, банками, магазинами, паспортами, льготами и прочее – независимо от того, выигрывают или проигрывают при этом и насколько адекватно осознают происходящее. Включая слои, группы и типы личности, которые надеялись, что их не коснутся очередные пертурбации.

Вынужденная адаптация отнюдь не означает примирения, согласия, одобрения. Общественную ситуацию нельзя игнорировать, но ее можно оспаривать, осуждать, можно искать в ней «ниши» для более спокойного и отрешенного существования (на деле эти ниши всегда приходится покупать за определенную «цену»). Беспрецедентные возможности социального, ценностного, нравственного выбора при распаде привычных и принудительных регулятивных механизмов создают условия для разных уровней и типов социальной адаптации, которые подлежат анализу с различных сторон.

У исследователей имеется возможность аналитически и эмпирически представить различные стороны этого доста-

точно сложного феномена. Эмпирическая основа настоящего очерка – третья волна исследования по программе «Советский человек» (март 1999, N = 2000 человек). Дополнительный материал дает осуществляемый в рамках регулярных исследований типа «Экспресс» (N = 1600 человек) мониторинг оценок приспособленности населения к произошедшим переменам. Поскольку феномен адаптации относится прежде всего не к состоянию сознания (оценок, мнений) человека, а к его практической, жизненной позиции, сами по себе вербальные самооценки («приспособился» – «не могу приспособиться и тому подобное) требуют осмысления и интерпретации в связи с иными данными опросов, объективными показателями и прочее.

Варианты адаптивного поведения: общая картина

Формулировка наиболее важного для настоящего анализа вопроса: «В сложное, переходное время люди по-разному устраивают свою жизнь. А что Вы сами делаете в этом отношении?»² (см. *табл. 1*).

Наиболее существенные изменения общих показателей: сильно (почти в полтора раза) увеличилась доля избравших вариант ответа «не могу приспособиться...» (группа I по типу приспособления); почти так же значительно уменьшилась доля людей, для которых, по их мнению, «ничего особенного не изменилось»; значительно выросло число склонных представить свое положение в терминах «приходится вертеться...» (группа III). Кроме того, почти в два раза уменьшился процент затруднившихся определить свое положение. (Можно представить, что примерно 10% из числа не замечавших изменений и 7% из затруднявшихся ответить избрали другие варианты – «не могу приспособиться» и «приходится вер-

² Общее распределение ответов в 1994 и 1999 годах см.: Наст. изд. С. 112 и сл.

теться».) Как и пять лет назад, около половины опрошенных составляют люди, которые вынуждены «вертеться» или не видят существенных перемен в своем положении.

Таблица 1

Варианты адаптивного поведения
(в % от числа опрошенных в соответствующем году)*

Группы	Варианты ответа	1994	1999
I.	Не могу приспособиться к нынешним переменам	23	33
II.	Живу, как жил раньше, для меня ничего особенно не изменилось	26	16
III.	Приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь	30	38
IV.	Удается использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни	6	5
	Затрудняюсь ответить	16	9

* Исследования по программе «Советский человек», 1994 (N = 2400 человек) и 1999 (N = 2000 человек).

Рассмотрим подробнее характеристики ответивших на этот вопрос.

Таблица 2

Варианты адаптивного поведения: по группам

(в % от числа опрошенных, по строке)*

Группы	Год	Типы адаптивного поведения				Затруднились ответить
		I Не могу приспособиться	II Ничего не изменилось	III Приходится «вертеться»	IV Открылись новые возможности	
По возрасту						
до 24 лет	1994	10	23	28	11	28
	1999	21	22	35	10	13
25–40 лет	1994	16	26	34	9	15
	1999	19	14	53	7	8
40–55 лет	1994	26	22	38	4	10
	1999	31	14	46	4	5
старше 55 лет	1994	36	29	19	1	15
	1999	55	15	19	1	11
По образованию						
высшее	1994	16	26	33	11	14
	1999	16	21	41	12	10
среднее	1994	21	23	33	6	17
	1999	28	15	45	4	?
ниже среднего	1994	27	28	25	3	16
	1999	46	15	28	3	9
По месту жительства						
Москва и Санкт-Петербург	1994	17	20	38	7	19
	1999	28	15	38	12	8
большие города	1994	25	27	27	6	16
	1999	33	19	34	4	10
малые города	1994	21	25	32	6	16
	1999	31	16	41	4	8
села	1994	25	27	27	6	15
	1999	38	12	36	3	10

* Исследования по программе «Советский человек», 1994 (N = 2400 человек) и 1999 (N = 2000 человек).

Самые очевидные изменения за пять лет.

Наиболее заметно увеличилась доля дающих ответ «не могу...» среди старшей возрастной группы, а также – что заслуживает особого внимания – среди самых молодых. В младшей возрастной группе на том же уровне остался показатель «ничего не изменилось», во всех других группах он значительно ниже. Процент тех, кому «приходится вертеться» сильно вырос во всех группах, кроме старшей (55 лет и старше), которая просто не имеет возможностей для такого рода адаптивного поведения. Ни в каком возрасте не выросла, а в самом активном (25–40 лет) даже несколько уменьшилась доля отмечающих «новые возможности».

Высокообразованные – единственная группа, в которой доля «неприспособленных» осталась неизменной и относительно невысокой (те же 16%), не изменилась практически и доля получивших «новые возможности». Зато снизилось число не изменивших своего положения и сильно (с 33% до 41) вырос процент вынужденных «вертеться». Люди со *средним* образованием значительно чаще признают, что «не могут» приспособиться к переменам, но реже отмечают отсутствие перемен, среди них резко возрос (с 33% до 45) процент вынужденных «вертеться», – это самый крупный показатель частоты такого типа поведения для всех групп населения. Наличие «новых возможностей» в этой группе отмечают несколько реже, чем ранее (соответственно, 6 и 4%). У имеющих образование *ниже среднего* возросла доля «неприспособленных» (с 27 до 46%) и уменьшилась доля отмечающих отсутствие перемен. При этом без изменения остались показатели вариантов «вынуждены вертеться» (видимо, за отсутствием реальных возможностей и ресурсов для этого) и «новых возможностей» – поскольку ниже 3% этому показателю опускаться как будто и некуда.

В *Москве и Петербурге*, как и везде, возросла доля считающих, что они «не могут» приспособиться, и уменьшился процент не отмечающих особенных перемен в своем поло-

жении. Но здесь осталось неизменным довольно высокое число вынужденных «вертеться» – те же 38% (можно полагать, что соответствующий потенциал был исчерпан уже пять лет назад) и заметно – с 7 до 12% – возросла доля указывающих на «новые возможности». В *больших* городах доля вынужденных «вертеться» значительно возросла и лишь немного отличается от «столичных» показателей (34%). В *малых* городах соответствующий показатель достиг своего максимального значения (41%). Здесь, как и в селах, заметно чаще отмечают невозможность приспособиться к переменам и необходимость «вертеться», реже – неизменность своего положения и наличие «новых возможностей».

К этой общей картине распределения ответов нам придется возвращаться еще не раз, сопоставляя различные позиции при более детальном анализе.

Социальная структура групп респондентов, указавших различные варианты своего адаптивного поведения, представлена в данных исследования следующим образом.

Таблица 3

Структура адаптивных групп
(в % от числа опрошенных в «адаптивных» группах,
по столбцу)*

Группы	Все-го	Типы адаптивного поведения				Затруднились ответить
		I Не могу приспособиться	II Ничего не изменилось	III Приходится «вертеться»	IV Открылись новые возможности	
<i>По возрасту</i>						
до 24 лет	7	11	24	15	35	23
25–40 лет	30	17	26	41	42	27
40–54 лет	24	23	21	29	20	13
55 лет и старше	30	50	29	15	4	37

Группы	Всего	Типы адаптивного поведения				Затруднились ответить
		I Не могу приспособиться	II Ничего не изменилось	III Приходится «вертеться»	IV Открылись новые возможности	
По образованию						
высшее	14	7	19	16	36	16
среднее	47	40	45	56	42	45
ниже среднего	40	53	36	29	22	39
По месту жительства						
Москва и Санкт-Петербург	10	8	9	25	9	
большие города	23	23	29	21	18	27
малые города	41	40	42	45	38	35
села	26	30	21	25	19	29

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Отметим некоторые особенности этой (в общем, довольно тривиальной) таблицы. Сравнить показатели в данном случае уместно с данными левого столбца, показывающими распределение всего массива опрошенных. Люди, которые считают, что «не могут» приспособиться (I) – преимущественно старших возрастов. (73% старше 40 лет, в том числе 50% старше 55 лет). В их числе вдвое меньше среднего показателя имеющих высшее образование, заметно более среднего – малообразованных. Состав группы, не отмечающей особых изменений (II), мало отличается от средних показателей. «Вертеться» (III) чаще всего приходится людям самых ак-

тивных возрастов (70% в этой группе составляют те, кому от 25 до 54 лет, при том, что в общем составе населения эта группа составляет 50%). Из тех, кто активно адаптируется к постоянно ухудшающимся условиям, 72% – это люди, имеющие среднее и высшее образование. Что же касается находящихся «новые возможности» (IV), то в их числе 77% тех, кому до 40 лет, и 77% тех, у кого высшее и среднее образование. Общая картина представляется довольно простой: имеющие социальные ресурсы (молодость, образование) более активны.

Добавим некоторые профессиональные характеристики вариантных групп.

Таблица 4

Типы адаптации по профессиональным группам
(в % от числа опрошенных, по строке)*

Группы	Все го	Типы адаптивного поведения				Затруд- нились ответ- тить
		I Не могу приспо- собить- ся	II Ничего не из- мени- лось	III Прихо- дится «вер- теться»	IV Откры- лись но- вые воз- можности	
Предпри- ниматели	3	3	7	48	38	5
Руководи- тели	3	12	22	37	19	10
Специали- сты	12	22	15	51	6	6
Военно- служащие	2	5	42	25	2	27
Служащие	6	25	7	50	10	8
Рабочие	24	30	16	47	1	5
Учащиеся	6	16	34	28	5	18
Пенсионе- ры	28	56	15	17	0	12

Группы	Всего	Типы адаптивного поведения				Затруднились ответить
		I Не могу приспособиться	II Ничего не изменилось	III Приходится «вертеться»	IV Открылись новые возможности	
Домохозяйки	7	29	9	49	6	7
Безработные	9	32	10	46	6	7

** Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).*

Во всех профессиональных группах, кроме первых двух, доминируют две позиции: «не могу приспособиться» (I) и «приходится вертеться» (III). В группе предпринимателей иной набор преобладающих вариантов поведения – «приходится вертеться» и «новые возможности» (IV), в группе руководителей – «приходится вертеться» и «без изменений» (II).

Почти половина «неприспособляемых» (I) – это пенсионеры, за ними по численности следуют рабочие, безработные, специалисты; в этой группе отсутствуют предприниматели и военные. Более половины не замечающих перемен в своем положении (II) – пенсионеры и рабочие. Из вынужденных «вертеться» (III) 60% приходится на рабочих, специалистов и пенсионеров. И наконец, среди находящихся «новые возможности» (IV) чаще всего встречаются предприниматели, специалисты, руководители, причем около трети занятых из этой группы работает в негосударственном секторе. Естественно, ни одна из выделенных групп не может быть полностью социально-однородной: в каждой из них в разной мере представлены почти все общественные слои.

Перемены: заметные и незаметные

Обратимся к оценке различными адаптивными группами масштабов происшедших в 1994 и 1999 годах перемен.

Таблица 5

Масштаб перемен

(в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам, по столбцу)*

Варианты ответа	Год	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Произошли большие изменения	1994	58	47	63	68
	1999	59	51	61	73
По сути ничего не изменилось	1994	12	18	10	12
	1999	10	11	10	8
Недавно казалось, что жизнь изменилась, но теперь я вижу, что все идет по-старому	1994	19	21	16	13
	1999	19	23	20	12
Затрудняюсь ответить	1994	11	13	11	7
	1999	12	15	10	7

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 ($N = 2400$ человек) и 1999 ($N = 2000$ человек).

Очевидно, что общие оценки масштабов изменений в выделенных группах за пятилетие изменились довольно мало (что показывает определенную устойчивость групповых рамок). Представления о значительности перемен возросли во всех группах, причем – что весьма примечательно – особенно сильно среди тех, кто считает, что изменения незаметны.

Если же оценивать «знак» происходящих перемен, то получается вполне предсказуемая картина всеобщей демонстративной ностальгии по состоянию «до 1985 года».

Таблица 6

**«Было бы лучше, если бы все в стране оставалось
как до 1985 г.?»**

*(в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам,
по столбцу)**

Варианты ответа	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Согласен	58	73	49	55	24
Не согласен	27	13	33	31	66
Затруднились ответить	15	14	18	15	11

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Основные корни этой ностальгии – в преобладающей резко отрицательной оценке положения в последние годы. И годы перестройки М. Горбачева, и время реформ, связываемых с правлением Б. Ельцина, во всех интересующих нас группах характеризуются весьма негативным образом. Так, 66% из числа «неприспособленных» (I тип адаптивного поведения) и 52% из находящихся «новые возможности» (IV) (в среднем – 61%) согласны в том, что «время Горбачева» принесло стране больше плохого, чем хорошего. Мнения о последующем периоде также отрицательны, но несколько более дифференцированы по крайним группам: от 79% из «неприспособленных» до 43% из получивших «новые возможности» полагают, что «время Ельцина» принесло больше плохого.

Картина несколько меняется, если перейти к более детальному рассмотрению отдельных направлений происшедших перемен. Ограничимся двумя примерами.

Таблица 7

«Что принесли России такие перемены, как...?»
 (в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам,
 по столбцу)*

Варианты ответа	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
...свобода предпринимательства					
Больше пользы	50	35	51	59	89
Больше вреда	25	31	22	24	5
Затруднились ответить	25	34	26	17	6
...сближение со странами Запада					
Больше пользы	38	24	42	46	59
Больше вреда	23	32	19	21	17
Затруднились ответить	39	44	39	33	24

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Получается, что свобода предпринимательства во всех адаптивных группах оценивается скорее позитивно; сближение с Западом осуждает большинство лишь в группе «неприспособленных».

И, наконец, интересно рассмотреть такой интегральный показатель более или менее практического отношения к переменам, как суждения о необходимости продолжения или прекращения экономических реформ.

Таблица 8

«Экономические реформы сейчас следует...?»
 (в % от числа опрошенных по «адаптивным группам,
 по столбцу»)*

Варианты ответа	Год	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Продолжать	1994	16	36	34	54
	1999	25	39	43	70
Прекратить	1994	33	24	25	17
	1999	39	25	25	16
Затруднились ответить	1994	50	40	40	29
	1999	36	37	31	14

* Исследование по программе «Советский человек», 1994 (N = 2400 человек), 1999 (N = 2000 человек).

В целом, отношение к проблеме реформ стало более определенным (меньше затрудняющихся ответить) во всех группах. В той или иной мере (больше всего, естественно, среди получивших новые возможности и среди вынужденных «вертеться») во всех группах уровень позитивной оценки реформ увеличился.

Получается удивительный, на первый взгляд, парадокс: никто не любит перемен, но при этом ни в одной группе нет большинства, которое выступало бы против. Люди нехотя принимают как данность вынужденные и не желаемые большинством перемены.

Реальность, которую принесли происшедшие в стране перемены, оказалась неожиданной практически для всего населения. Во всех адаптивных группах солидное большинство опрошенных утверждает, что их жизнь оказалась значительно хуже, чем это ожидалось в период «перестроечной» эйфории десять лет назад.

Таблица 9

**«По сравнению с тем, чего Вы ожидали 10 лет назад,
Ваша жизнь сегодня...?»**

(в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам,
по столбцу)*

Варианты ответа	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Гораздо лучше	2	1	1	1	8
Немного лучше	4	3	2	5	12
Примерно такая же	7	3	10	8	13
Немного хуже	16	10	21	19	22
Гораздо хуже	64	80	53	60	36
Затруднились ответить	8	4	13	7	8

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Бедные и богатые

Лишь 15% всех опрошенных (против 73%) полагают, что такие люди, как они, получили возможность повысить свои доходы. Среди неприспособленных такое соотношение – 6 и 88%, среди не замечающих изменений – 15 и 65%, среди вынужденных «вертеться» – 16 и 76%; только у получивших «новые возможности» распределение ответов совершенно иное – 76 и 18% соответственно. «Определенно» или «в какой-то мере» считают себя состоятельными, богатыми (в порядке перечисленных групп) 2, 8, 7, 31%, при среднем показателе 7%.

Таблица 10

Материальное положение семьи респондентов
(в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам,
по столбцу)*

Варианты ответа	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Ни в чем себе не отказываем	0,1	0,1	0,3	0,0	0,3
Денег вполне хватает	3	1	6	2	18
Лишних денег нет	17	7	23	19	44
Хватает только на самое необходимое	34	30	40	36	28
Денег постоянно не хватает	46	62	32	42	2
Затруднились ответить	1	0	0	1	7

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Различия в положении различных адаптивных групп кажутся вполне очевидными. Однако их связь с уровнем доходов не столь проста. Если средний душевой доход в семье по всему массиву опрошенных принять за 100%, окажется, что в группе «неприспособленных» он составляет 75, среди не замечающих изменений 106, среди вынужденных «вертеться» 101; у получивших «новые возможности» – 296%.

Обратимся, наконец, к статусным самооценкам (см. табл. 11).

Как это обычно бывает, статусные группы значительно более устойчивы («консервативны») по сравнению с имущественными, поскольку инерция массового сознания всегда работает на поддержание привычной субъективной позиции. Поэтому получается, что из высших статусных групп значительная часть считает себя неприспособленной, не видит изменений, вынуждена «вертеться».

Таблица 11

Статус и адаптивное поведение*

Оценка статуса	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Поведение статусных групп**					
Высокий	8	21	22	31	14
Средний	62	29	17	41	5
Низкий	28	46	12	32	1
Статусная структура адаптивных групп***					
Высокий	8	5	11	7	25
Средний	62	55	66	67	67
Низкий	28	39	22	24	7

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

** В % от числа опрошенных, по строке.

*** В % от числа опрошенных по «адаптивным» группам, по столбцу.

Ориентации

По своим политическим симпатиям адаптивные группы характеризуются следующими показателями.

Таблица 12

**«Каким политическим направлениям
Вы скорее сочувствуете?»**

(в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам,
по столбцу)*

Политические направления	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Коммунисты	24	31	29	18	12
Демократы	12	13	11	11	14

Политические направления	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Центристы	24	18	21	30	34
Другое	41	40	40	42	38

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Первые две группы, как видим, тяготеют к «левому» флангу политической сцены, две последующие – скорее к центру.

При возможности выбора во всех группах, за исключением IV группы, преобладающее большинство избрало бы небольшой, но гарантированный заработок и уверенность в завтрашнем дне. Правда, и во II и в III группах вариант «много работать и много зарабатывать без особых гарантий» довольно распространен.

Таблица 13

«Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?»
(в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам, по столбцу)*

Варианты ответа	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Легкую работу	3	4	3	1	2
Уверенность	60	68	57	61	28
Без гарантий	23	14	24	29	36
Свое дело	6	2	5	7	34
Затруднились ответить	8	12	11	2	1

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Только в низшей (I) группе заметно преобладают (58:39) мнения относительно необходимости ограничивать доходы квалифицированных людей; в остальных группах большинство признает необходимость высокой оплаты специалистов.

Еще один содержательный показатель групповых ориентаций адаптивного поведения – направленность такого социально значимого фактора как *зависть*.

Таблица 14

«Как Вам кажется, кому окружающие Вас люди чаще всего завидуют?»

(в % от числа опрошенных по «адаптивным» группам, по столбцу)*

Варианты ответа	Всего	Типы адаптивного поведения			
		I	II	III	IV
Богатым, обеспеченным	60	60	58	63	75
Удачливым	38	37	30	43	30
Талантливым, умным	15	13	16	15	23
Сильным, упорным	9	9	14	7	4
Молодым, здоровым	20	19	21	21	14
Высокопоставленным	25	28	20	26	29
Свободным, независимым	9	8	11	8	5

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек). Указаны не все из предложенных вариантов ответа; сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли отметить несколько позиций.

Богатым у нас, как видим, завидуют практически все, причем более (чаще) всего – самые обеспеченные. Удачливым – прежде всего те, кто гонится за удачей («вертится», группа III) и кто ею обделен («не могут», группа I). Умным и талантливым – скорее те, кто умеет применять эти качества («новые возможности», группа IV). Сильным и свободным завидуют, надо думать, прежде всего наиболее слабые и за-

висимые («без изменений», группа II). А занимающим высокое положение – как самые слабые (I), так и самые сильные (IV).

Динамический ряд: факторы устойчивости и сдвигов

Обратимся теперь к серии данных исследований типа «Экспресс» (N = 1600 человек). На протяжении последних лет в них регулярно ставится квазиэкспертный вопрос «Как Вы думаете, большинство жителей уже приспособилось к происшедшим в стране переменам?», с 1998 года параллельно ставится вопрос о том, приспособилась ли к переменам семья самого опрошенного. Стандартно предлагаются три варианта ответов: «уже приспособились», «приспособятся в ближайшем будущем», «никогда не смогут приспособиться». В *табл. 15* в последней строке приводятся для сравнения проценты согласных с тем, что дела в стране «идут в правильном направлении». Сопоставимые данные за два года таковы.

Таблица 15

«Как Вы думаете, большинство ...приспособилось...?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1998					1999					
	Месяцы проведения исследования										
	II	VI	IX	X	XII	II	III	IV	V	VI	VII
Уже приспособилось	22	18	21	23	20	20	19	24	26	25	27
В ближайшем будущем	32	24	28	22	23	27	24	19	24	25	19
Никогда	33	45	44	46	44	43	46	52	43	40	42
Дела в стране идут в правильном направлении	20	16	10	10	7	7	6	10	10	10	8

* Исследования типа «Экспресс» (N = 1600 человек).

Создается впечатление, что практически *никакой динамики* показателей «приспособления» не наблюдается, заметно

лишь колебание всех трех показателей вокруг некоторого среднего уровня. Это наблюдение в принципе соответствует отмеченному ранее при сравнении показателей 1994 и 1999 годов, когда резкие различия также отсутствовали (см. *табл. 5, стр. 160*).

В то же время нетрудно заметить определенное соответствие тенденций изменения показателей первого ряда («уже приспособились») и последнего ряда («перемены идут в правильном направлении»). Представляется вполне вероятным, что изменения оценок общей приспособленности близки тенденциям изменений (но, конечно, не уровню) столь же общих позитивных оценок ситуации в стране.

Таблица 16

«А лично Вы, Ваша семья уже приспособились к происшедшим в стране переменам?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1998	1999					
	Месяцы проведения исследования						
	XII	II	III	IV	V	VI	VII
Уже приспособились	27	28	27	33	34	33	32
В ближайшем будущем	23	20	21	19	18	18	16
Никогда не сможем	42	42	44	40	39	40	45

* Исследования типа «Экспресс» ($N = 1600$ человек).

Можно полагать, что ответы на вопрос относительно личного состояния респондента, имеют иное содержание, чем – на вопрос относительно состояния других: источником мнений о положении «большинства в стране» очевидно служат сообщения СМИ, тогда как мнения о собственном положении опираются на непосредственный опыт человека. На деле происходит более сложное взаимодействие и взаимная проекция источников.

Таблица 17

Приспособленность к переменам
(в % от числа опрошенных)*

Группы	Большинство населения			Лично респондент, его семья		
	уже приспособились	в ближайшее время	никогда	уже приспособились	в ближайшее время	никогда
Всего	27	19	42	32	16	45
По полу						
мужчины	26	21	41	32	19	43
женщины	28	16	42	31	13	48
По возрасту						
18–24 года	40	21	27	37	26	26
25–39 лет	36	22	28	45	20	29
40–54 года	19	22	48	28	15	49
55 лет и старше	19	12	57	20	8	67
По образованию						
высшее	29	30	31	47	18	30
среднее	31	19	39	35	18	39
ниже среднего	22	14	50	21	12	59
По уровню дохода (в руб.)						
низкий	225	15	40	26	13	53
средний	225	17	46	26	16	51
высокий	332	22	36	45	16	32
По месту жительства						
большие города	227	21	42	36	18	41
малые города	225	18	44	29	15	47
села	330	16	39	30	13	50

* Исследование типа «Экспресс», июль 1999 (N = 1600 человек). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Получается, что «уже приспособленных» в ответах на «личный» вопрос во всех группах (кроме, пожалуй, самых молодых) заметно больше, чем в ответах на «экспертный» вопрос. В ответах же на вопрос о приспособлении «в ближайшем будущем» соотношение показателей прямо противоположное: чаще полагают, что приспособятся другие. Но личный опыт побуждает и к увеличению доли негативных позиций («никогда не приспособятся»).

О типологии адаптивного поведения

Прежде всего следует отвести одно принципиальное методологическое сомнение: насколько правомерно относить к типам адаптивного поведения позицию, которую респонденты определяют как «не могу приспособиться». Одна из задач настоящего анализа состоит в подтверждении того, что такая позиция реально означает один из типов (или даже некоторую совокупность типов) адаптивного, приспособительного поведения.

Характерные особенности структуры выделенных в исследовании поведенческих вариантов можно представить следующим образом (для удобства – в порядке от правого столбца к левому).

Нашедшие для себя «новые возможности» (группа IV) – это люди, которые обрели новые инструментальные средства для удовлетворения собственных растущих запросов («*повышающая адаптация*»).

Вынужденные «вертеться» (группа III) используют непривычные для них средства для поддержания наличного (или сниженного) статуса («*понижающая адаптация*»).

Считающие, что для них «ничто особенно не изменилось» (группа II) находят определенную нишу, из которой происходящие перемены не видны или кажутся малозначимыми («*изолирующая адаптация*»).

Наконец, те, кто определяет свое положение в терминах

«не могу приспособиться» (группа I) – это люди, вынужденные предельно снижать уровень собственных запросов и статусных притязаний и крайне негативно оценивающие такое снижение (*«разрушающая адаптация»*).

Ни один из вариантов адаптивного поведения в наличных социально исторических условиях не может быть устойчивым. В опросных данных это обычно выражается как ощущение неуверенности в будущем; такая черта свойственна носителям как «новых», так и «старых» типов поведения.

«Мониторинг...» 1999. № 5

ЧЕЛОВЕК НЕДОВОЛЬНЫЙ: ПРОТЕСТ И ТЕРПЕНИЕ

Исходный парадокс: недовольство и терпение

Общепризнанная, подтвержденная множеством наблюдений и эмпирических исследований особенность массовой реакции на нескончаемую череду испытаний, лишений, тягот, которые приходится испытывать человеку в российском обществе на протяжении практически всей досоветской, советской и нынешней, постсоветской истории – безусловное преобладание терпения над активным протестом, приспособления над бунтом, пассивного недовольства над борьбой за свои права. В рамках извечной дилеммы Гамлета («Достоин ли // смиряться под ударами судьбы, // или надо оказать сопротивление?») – Акт 3, 1) «массовый», всенародный выбор практически всегда склоняется у нас к первому варианту. Достаточно редкие исключения лишь подтверждают общее правило.

Для сторонних наблюдателей (а также для подверженных соблазнам «революционных взрывов» или страхам перед ними) ощущение парадоксальности происходящего в современной России явно усиливается в обстановке, когда социальные настроения перестали быть молчаливыми, получили выход в политические институты, масс-медиа, на «улицы». Чтобы преодолеть видимый парадокс, нужно определить те социальные условия и структуры, которые формируют и поддерживают такое сочетание – а точнее, взаимодействие – недовольства и терпения в обществе. Апелляции к отечественной традиции («всегда так было»), особенностям национальной психологии («хотим малого, ждем худшего, терпим все» и тому подобное) или к неэффективности современного социального недовольства («фонового») – констатируют бесспорные факты, но не объясняют их. Объяснение же в рамках социологического исследования проблемы, должно, по-

видимому, учитывать те особенности социальных институтов и структур интересующего нас общества, которые обесценивают массовое недовольство, направляют его в русло пассивного терпения или в сторону поисков «внешнего» источника зла и тому подобное.

Анализ результатов регулярных исследований общественного мнения – в том числе по программе «Советский человек» – позволяют подойти к пониманию по крайней мере некоторых сторон этого феномена.

От «лояльного» человека к «недовольному»

Традиционно-советский человек характеризовался своими политическими (и литературно-художественными) воспитателями как абсолютно лояльный и доверяющий власти, довольный своим положением и уверенный в светлом будущем. Сегодня же явно, «громко» недовольных в обществе – несомненное большинство (практически все, за исключением самых молодых, самых удачливых и, пожалуй, самых безразличных). Одну из характерных черт советского «мобилизационного» общества составлял всеобщий принудительный оптимизм – некая универсально навязанная рамка восприятия социальной действительности, в которой любые беды и страдания человеку предписывалось воспринимать как «отдельные недостатки», частности, пережитки прошлого, «происки» врагов и тому подобное на фоне грандиозных достижений и величественных перспектив. Все и всяческое недовольство потому надлежало направлять лишь на эти частности, пережитки и происки, в то время как реакцией на генеральную линию, светлые перспективы и всемогущие власти могло быть лишь единодушное одобрение.

Реальный массовый человек, и в «те» времена, конечно, не был существом абсолютно безмятежным, однако у него отсутствовали не только легитимные возможности выразить свое недовольство, но и условия для того, чтобы его осоз-

нать. Принудительное единодушие поддерживалось страхом наказания за малейшее отклонение от требований, но и – что даже важнее – самой ситуацией безальтернативности, отсутствием «точки опоры» для сравнения и оценки действий. Состояние общественно значимого недовольства возникает как реакция на сравнение то ли с «лучшим» (по крайней мере, более спокойным) прошлым, то ли с неосуществленным светлым будущим (точнее, с иллюзией такого будущего), то ли, наконец, с достигнутым кем-то другим уровнем благосостояния. В любом случае это состояние обусловлено ситуацией относительной, а не «абсолютной» обездоленности (в социологии – «релятивной депривации»).

В связке современных ностальгических настроений и оценок содержится и представление о том, что «раньше» подобного уровня массового недовольства не было. *Такого* типа и тем более так *выраженного* недовольства – действительно не было и быть не могло. «Застойные» времена заслуживают своего наименования не из-за слабого роста экономических показателей (о котором сейчас даже мечтать невозможно), а из-за того, что будущее не отличалось от прошлого («своего» прошлого, поскольку «чужое» оставалось за пределами массового восприятия). Сегодня такие различия ощутимы, сравнения как бы автоматически заданы, результаты их часто печальны. От двух третей до трех четвертей российского населения считают, что живут хуже, чем раньше, значительно хуже, чем рассчитывали, и – сверх того – хуже, чем большинство окружающих людей. Последнее представление («хуже других») показывает, сколь велика доля субъективных установок – в данном случае, установок на «сравнительное самоунижение» в оценках людьми собственного положения.

Особая и чрезвычайно важная (практически и теоретически) проблема – *способ выражения* общественного недовольства. «Гласность» первых лет перестройки вынесла наружу различные его тенденции – и тут же обнаружилось от-

сутствие адекватного социального и политического *языка* для того, чтобы их выразить, и адекватных *структур*, в которых этот язык мог бы работать (программ, партий, элит). Отсюда преобладание «настроенческого», эмоционального протеста, который довольно быстро стал вырождаться и укладываться в традиционные формы «советского» патернализма и патриотизма.

Механизм социально-политической мобилизации (и такие его индикаторы как условно-«единодушная» поддержка символов и действий власти), сформированный ранее, сохранял свое значение и в годы расцвета перестроечных надежд.

Понадобилась политическая поляризация 1993 года, чтобы хаос и тяготы реформ превратились в базу устойчивого и все более широкого социального недовольства. Стоит подчеркнуть, что такое массовое настроение не возникло ни после первых вспышек забастовочной борьбы в 1989 году, ни после пустых полок и кошельков 1992-го. Демонстративная поддержка реформ оставалась преобладающей, да и Е. Гайдар оставался на вершине общественного доверия после своего ухода из правительства в конце 1992 года. (Кстати, это хороший довод против упрощенно-потребительской трактовки современного социального протеста!)

Легитимизация консервативной социально-политической оппозиции (в массовом сознании) сыграла огромную роль в преодолении структур и традиций мобилизационного общества. Монолитное принудительное единство – как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд – было разрушено усилиями сторонников «монолитной» модели общества. Вместе с тем, как бы попутно, получило право на существование само общественное недовольство, причем самой разной направленности – скажем, одни недовольны быстротой перемен, другие – их медленностью, третьи – самими переменами.

Вопрос, однако, в том, кто и как артикулирует (а тем самым и организует) общественное недовольство. В начале

90-х годов единственной организованной силой на социально-политическом поле оставалась государственная власть, претендовавшая на инициативу преобразований и стремившаяся направить общественный протест в адрес своих предшественников. Последующее развитие ситуации привело к выходу на сцену организованной оппозиции (консервативно-советской по своей ориентации) и превращению государственно-реформаторской инициативы в инерцию простого сохранения статус-кво. Организатором и выразителем общественного недовольства становится преимущественно консервативная (коммунистическая, популистская, патриотическая) оппозиция. В то же время слабеют голоса сторонников «более радикальных реформ» или «доведения реформ до конца»; позже пускается в оборот туманная – чем и привлекательная – идея «иной реформы».

Как показывает время, никакие социальные структуры, институты и механизмы, разрушавшиеся или обесцененные переменами 80–90-х годов, не были разрушены «до основания». Это относится и к механизму массовой социально-политической мобилизации. В усеченном и ограниченном виде (на ограниченный период, в ограниченной сфере, для части населения и так далее) мобилизационные механизмы могут включаться и в расколотом недовольном обществе. Простейший пример – частичная (период – около трех месяцев, охват – несколько более трети всего электората) мобилизация поддержки Б. Ельцина для избрания президентом в 1996 году. Другим примером может служить воинственно-патриотическая мобилизация общественного мнения (около двух третей населения) в ситуации второй чеченской войны 1999 года. (Функции таких процессов в трансформации социального недовольства мы обсудим несколько позже.)

Недовольство, протест, борьба: необходимые разграничения терминов

Прежде всего, следует отметить особенности таких поведенческих категорий как почти универсальное («диффузное») *недовольство*, массовые настроения (направленного) *протеста* и организованная *борьба* за достижение определенных общественных целей.

Недовольство – наиболее распространенный и наименее определенный вид социальных настроений. Недовольство, как будто направленное «на все» – от собственного положения до положения страны и политики ее руководителей и прочего – в то же время практически не направлено никуда: это некое довольно устойчивое состояние общественного мнения, некий *общий фон* для всех его параметров и колебаний. На этом фоне происходят и всплески одобрения действий политических лидеров (президента – в период выборов 1996 года, сменяющих друг друга премьеров – в 1998–1999 годах), и вспышки острого, общественного негодования (в адрес того же президента), которые потом переходят в форму *хронического, «фонового» недовольства*, расходясь по каналам «мобилизованной» агрессивности и дополняющих ее страхов и так далее. Если перефразировать известную ироническую формулировку 70-х годов, («все недовольны, но все голосуют за»), можно сказать, что сейчас все недовольны, все «против», но голосуют по-разному, а терпят все.

В среднем за 1994–1999 годы лишь 10% опрошенных «вполне» или «по большей части» устраивает жизнь, которую они ведут, 32 – жизнь «отчасти устраивает, отчасти нет», а большинство (54%) – «по большей части» или «совершенно» не устраивает.

Впрочем, в подавляющем большинстве случаев недовольство населения направлено на социальные и политические институты, на должностных лиц, которые недостаточно заботятся о простых людях. Собственное же положение оцени-

вается более спокойно. По данным сводного мониторинга 1994–1999 годов, своим *положением в обществе* удовлетворены («вполне» и «скорее») 52% опрошенных против 34% неудовлетворенных. Однако *материальным положением* своей семьи удовлетворены только 16% против 82 неудовлетворенных. Своей жизнью «в целом» удовлетворены 45%, тогда как не довольны ею 48%.

Является ли настроение «всеобщего» недовольства сугубо современной характеристикой общественного состояния? Или его можно отнести к каким-то исторически закрепленным особенностям национальной психологии, российского народного характера или чего-то в этом роде? Если оставаться в пределах возможностей социологического понимания исторических феноменов, правомерно допустить, что настроения всеобщего и диффузного недовольства – неперемный продукт всякой «эпохи перемен», когда традиционные рамки существования подорваны, а новые ориентации неясны, средства для их реализации отсутствуют, иллюзии разрушаются и так далее. Для различных слоев российского общества (а затем и для всех его групп) такие сдвиги происходят на протяжении последних двух-трех сотен лет.

Намерения или готовность участвовать в акциях социального *протеста*, которые регулярно отслеживаются в опросах общественного мнения (декларативная готовность участвовать в акциях «против» определенных действий или институтов власти) – это уже феномены *направленного недовольства*. Но недовольства, остающегося в рамках настроений, чаще всего не переходящих в какие-либо действия. Как показывают исследования, реальное участие в каких-либо «протестных» акциях всегда значительно меньше заявленной готовности к ним.

Правомерно выделить три основных направления трансформации современного общественного недовольства в определенные активные действия: «экономическое», «полити-

ческое» и «национальное». (Некоторая условность такого разделения будет рассмотрена позже.)

Рамки и факторы «экономического» протеста

Готовность протестовать «против экономической политики и падения уровня жизни» отмечается в исследованиях чаще всего.

Таблица 1

Показатели терпения и готовность к экономическим протестам *

И. По годам

Год	Индекс терпения	Готовность участвовать**
1994	1,9	23
1995	1,6	24
1996	1,5	22
1997	1,4	25
1998	1,0	27
1999***	1,0	27

II. По месяцам (1998–1999)

	1998						1999				
	Месяц проведения исследования										
	I	III	V	VII	IX	XI	I	III	V	VII	IX
A	40	39	42	45	61	51	47	47	45	48	45
Б	25	26	24	27	39	24	29	28	27	28	24
В	1,3	1,3	1,2	1,0	0,5	0,8	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0

* Исследования типа «Мониторинг», объединенный массив, 1994–1999 (N = 84 570 человек), 1998 и 1999 (N = 2400 человек).

** Доля опрошенных.

*** Исследования за январь–сентябрь.

A. Доля ответивших «терпеть...невозможно».

Б. Доля готовых участвовать в выступлениях с экономическими протестами.

В. Индекс терпения (отношение суммы ответивших «все не

так плохо и можно жить» и «жить трудно, но можно терпеть» к числу ответивших «терпеть...невозможно»).

По сводному мониторингу 1994–1999 годов, за этот период в среднем 27% респондентов считали возможными массовые выступления в своем городе или сельском районе «против роста цен и падения уровня жизни», 56 – считали такие выступления маловероятными, 17% затруднялись ответить, 23% опрошенных (против 60%) в среднем за весь период утверждали, что могли бы принять участие в таких выступлениях.

Как видим, год из года снижается «запас терпения», однако даже заявленный потенциал протеста изменяется довольно мало. После пиковых значений, явно связанных с переживанием финансово-экономического обвала августа 1998 года, показатели экономического недовольства постепенно возвращаются к докризисному состоянию.

Приведенные данные относятся к заявленным намерениям опрошенных участвовать в акциях протеста. Реальное участие в таких действиях всегда было значительно меньше заявленного. По сведениям Госкомстата, число бастующих в 1994 году составило 155 тыс. человек, в 1995 – 489 тыс., в 1996 – 664 тыс., в 1997 – 887 тыс., в 1998 году – 530 тыс. человек¹. Это значит, что даже в «пиковый» год число бастующих немногим превышало 1% работающего населения. Накануне шумно готовившейся всероссийской акции протеста 7 октября 1998 года около 10% респондентов заявляли о готовности участвовать в забастовках и временных приостановках работы. На деле (по опросным данным) участвовало в таких действиях не более 3%.

Отметим некоторые особенности протеста, который отнесен к экономической сфере. Во-первых, чаще всего он направлен не против конкретных владельцев и конкретных

¹ Обзор экономики России. М., 1999. Вып. 2. С. 97.

экономических условий производства на данном предприятии, в данной отрасли, а против «власти» и ее «экономической политики». Скажем, с требованием выплатить задолженность по зарплате протестующие (бастующие, демонстрирующие, пикетирующие и так далее) обращаются к правительству страны, реже – к губернатору, еще реже – к руководству предприятием. Поэтому и сам протест, независимо от того, кем непосредственно он организован (профсоюзом, стачкомом) нередко выражает не столько конфликт между работниками и работодателем, сколько претензии отраслевых лобби (работников и дирекции вместе взятых) к госбюджету. Во-вторых, эти претензии, как бы демонстративно они ни выражались (марши «пустых кастрюль» в начале реформ или шахтерские пикеты у здания правительства в 1998 году), по смыслу своему не выходят за рамки прошения, посланного к властным структурам. И, в-третьих – что, пожалуй, наиболее важно отметить в данном случае – выдвигаемые в ходе забастовок, демонстраций, «походов» и пикетов требования, за немногими исключениями, направлены не на повышение уровня оплаты или улучшение условий труда (что характерно для экономических выступлений в западных странах), а всего лишь на выполнение старых обязательств – в основном, по своевременности оплаты труда.

Если в классической традиции либеральной (да и марксистской) мысли рабочее движение со своими экономическими требованиями считалось одним из факторов технического и социального прогресса, то в нашей реальности такого просто не наблюдается: с помощью массовых выступлений защищают себя «старые» – советские, патерналистски-распределительные структуры хозяйства. Значительная часть экономических протестов – это даже не «борьба за копейку» (как презрительно именовались в революционной литературе начала XX века рабочие требования экономического плана), а борьба за «образ прошлого». При отсутствии способов и организационных средств реальной борьбы за расширение

своих прав и улучшение условий массовый протест неизбежно укладывается в наиболее привычные (отнюдь не «стихийные», как считалось когда-то) формы.

Это подтверждают и приобретшие в 1999 году шумную известность акции захвата предприятий (глиноземного завода в Красноярске, целлюлозно-бумажного комбината под Выборгом), которые совершались руками профсоюза, стачкома в интересах старых владельцев или администраторов.

«Политический» протест: потенциал консервативного популизма

Как уже отмечалось, с момента общественного раскола начала 90-х выступления (и настроения, лозунги) протеста против политических институтов и акций носят преимущественно консервативный и популистский характер – это настроенческий, воображаемый бунт с позиций прошлого, организатором которого выступают люди старой элиты. Здесь, кстати, обильная почва для исторических параллелей, поскольку для отечественной истории характерны именно консервативные бунты и расколы. Параллели сами по себе ничего не объясняют, а их наличие говорит лишь о том, что к моменту очередного исторического перелома в стране не успела (или, по другим критериям, опоздала) сложиться новая политическая элита, обладающая достаточным влиянием, чтобы вести общество за собой. Предпринятая М. Горбачевым попытка реформировать партийно-советскую систему запоздала на тридцать или на пятьдесят лет, почему и привела к неожиданному никем обвалу всей конструкции. По своему складу и составу советская «партия власти» оказалась неспособной стать «партией прогресса», но и никакая иная структура для исполнения этой функции не была пригодна. В итоге «партия власти» вынуждена – в интересах самосохранения – продолжать «линию» (точнее, просто инерцию) реформ, лишенных программы и содержания.

Инициаторы реформ не были способны ни собрать в какую-то силу новую просвещенную и реформистскую элиту, ни убедить массового человека в том, что состояние, именуемое (слишком торжественно и малопонятно) реформами может быть полезно и выгодно им. В качестве единственной опоры им пришлось использовать ненадежные институты и рычаги существующей президентской власти, а тем самым оказаться заложником этих институтов. Результат – дискредитация демократических сил и превращение их в маргиналов политической сцены.

Параллельно произошли существенные изменения в позициях консервативной (коммунистической) оппозиции. Имея довольно крупный и стабильный электорат, составляющий около четверти общего, КПРФ фактически претендует не на власть, но лишь на позицию «группы давления» на нее, а потому последовательно поддерживает правительство во всех принципиальных ситуациях – утверждении премьер-министров, принятии бюджетов, кавказской политике и пр. Искусственно раздутое противостояние «правых» и «левых» в 1995–1996 годах (фактически – противостояние двух групп советской – по своему происхождению – правящей бюрократии) утрачивает смысл и превращается к 1999 году в «борьбу за центр» политического поля. Причем, как приходилось отмечать ранее, «центральной» считается всего лишь позиция отмежевания от «крайностей».

В этой ситуации характерную эволюцию претерпевает популизм как политика завоевания массовой поддержки, которая используется практически всеми политическими течениями (за исключением демократически-элитарного). В наибольшей мере она характерна для В. Жириновского («протестный» популизм) и Ю. Лужкова («деловой» популизм); средние позиции занимал «харизматический» популизм А. Лебеда в пору его высокой (1996–1997) популярности. Но сугубо «протестные» настроения электората Жириновского, который казался поначалу экстремистским, неонацистским,

довольно легко – не столь важно, какими именно приемами – были трансформированы в лояльное, послушное интересам власти поведение парламентской фракции ЛДПР. Популизм как особый вариант протестной политики явно утрачивает свое содержание.

На таком фоне эволюционируют настроения и акции политического протеста конца 90-х годов. Массовое эмоциональное недовольство, направленное против партийно-советской системы в 1989–1990 годах, после 1993–1994-го уступает место не менее эмоциональному и значительно более массовому разочарованию в демократических силах и реформах. Но последовавшая за этим довольно широкая поддержка «левой» оппозиции не находит практического выхода и шаг за шагом превращается в надежды на поддержание современного статус-кво, именуемого «центризмом».

Основные направления политического недовольства и протеста, сложившиеся к кануну новой избирательной кампании – к лету 1999 года – характеризуются следующими показателями.

Во-первых, закреплён и неизменен высокий уровень отчуждения населения от власти, недоверия к государственным институтам и деятелям. (Как уже приходилось отмечать, такое «разделение труда» между повседневной жизнью населения и деятельностью власть имущих в высшей мере удобно обеим сторонам, поскольку охраняет их от вмешательства со стороны партнера.)

Во-вторых, остается предельно высоким уровень недоверия президенту Б. Ельцину, которого общественное мнение упорно считает главным виновником всех несчастий и трудностей, с которыми сталкивается страна, – независимо от конкретных обстоятельств и любых политических поворотов. В период попытки парламентского импичмента президента в мае 1999 года три четверти населения (76%) и более половины депутатов (56%) полагали, что президент заслуживает отстранения от власти из-за развязывания войны в Чеч-

не (1994), в августе этого же года общественное мнение сочло его главным виновником вторжения чеченских отрядов в Дагестан, а в октябре, после начала новой военной кампании в Чечне, получившей широкую массовую поддержку, по-прежнему настаивает на отставке президента. При этом, как показывают опросы, большинство населения отлично понимает, что такая отставка нереальна.

В-третьих, частая в 1998–1999 годах смена правительств и премьеров, не будучи понятной населению, тем не менее, неизменно – и даже с некоторыми надеждами на лучшее – принимается им (как и парламентом).

Таблица 2

Показатели готовности к политическим протестам
(в % от числа опрошенных)*

	1998						1999				
	Месяц проведения исследования										
	I	III	V	VII	IX	XI	I	III	V	VII	IX
А	36	40	42	51	66	66	63	63	66	67	69
Б	32	39	31	38	41	25	24	27	25	31	34
В	28	34	32	34	31	36	34	37	31	38	36
Г	18	26	27	26	28	29	26	31	28	30	25

* Исследования типа «Мониторинг», 1998 и 1999 (N = 2400 человек).

Приводятся суммированные данные ответивших «да» и «скорее да» на вопросы:

А. «Лично Вы поддержали бы выступления с требованиями отставки президента?»;

Б. «...с требованиями отставки правительства?»;

В. «...с требованиями роспуска Государственной Думы?»;

Г. «...с требованиями отставки местной администрации?».

Как видно из табл. 2, главным объектом протеста остается президент; после августа 1998 года доля требующих его отставки достигает двух третей опрошенных и с тех пор поч-

ти не изменяется. К правительству население относится значительно терпимее. Все вновь назначавшиеся с 1998 года премьеры получали заметную поддержку общественного мнения. Таким образом, «антихаризма» действующего президента явно не распространяется населением на назначаемых им глав правительства. (Отношение к личности и действиям последнего в этом ряду В. Путина имеет свои существенные особенности, которые заслуживают отдельного рассмотрения.)

Наконец, в-четвертых, это уже отмеченная черта начала думской избирательной кампании 1999 года – практически всеобщее декларативное устремление к неопределенному центру, к поддержанию баланса политических сил (равно как и сил влияния, в том числе причисляемых к олигархическим). И, соответственно, минимизация влияния крайних сил как слева, так и справа. К этой картине «примирения и согласия» после или вследствие вспышек острых конфликтов можно было бы добавить также наметившееся с лета 1999-го, после известных поворотов на «косовском поле» мировой политики, урегулирование политических и финансовых отношений с международными организациями, с Западом.

Представленная ситуация обессиленных и исчерпывающих себя конфликтов и протестов, приводящих к вынужденным компромиссам, могла бы найти свое продолжение до самих выборов в Думу или даже позже, – *если бы* над этими выборами и всей политической жизнью страны не нависала необходимость смены президента и, фактически, самого типа президентского режима в следующем году. Связанная с этим «большая» политическая интрига по своему значению несравнима с перипетиями межпартийной конкуренции предвыборных месяцев. Отсюда и выдвижение фигуры В. Путина как сильного премьера с президентским прицелом, опирающегося не на возможный баланс политических и парламентских сил, а непосредственно на массовую национальную мо-

билизацию. Последний термин заслуживает особого рассмотрения.

Национальная мобилизация и «комплекс врага»

Самая напряженная зона недовольства, протестов и открытых, в том числе силовых, конфликтов в нашем обществе с конца 80-х годов – не социальная и не политическая, а национально-государственная. Именно на этом поле потерпела решающее поражение вся советская партийно-государственная машина в 1988–1991 годах. (Существует определенная, хотя и неполная историческая аналогия с крушением на подобном же поле российской монархии.) Термин «национальный» в данном контексте, естественно, имеет смысл *национально-государственного* а не этнического или межэтнического. Фактор общенациональной интеграции – как политической и экономической, так и моральной сплоченности (в терминологии Э. Дюркгейма), важный для существования любого государства, неизменно становился болезненно-важным в ситуациях кризиса государственных образований имперского типа.

О национальном комплексе в указанном смысле – или комплексе национально-государственной идентификации – можно говорить как о некоторой системе взаимосвязанных ценностей и установок, ожиданий и символов, поведенческих и эмоциональных стандартов, которые разделяются «всеми», то есть достаточно большой частью населения, принадлежащего к разным социально-статусным, политическим и прочим группам. Элементами национального комплекса могут служить «общие» ориентации по отношению к внешнему миру (соотношение «нашего» и всего остального), к собственной истории и традиции, к этническим и другим анклавам и так далее. Согласно принятой социологической терминологии, субъект национального комплекса – предельно крупная, самовоспроизводящаяся «*мы-группа*».

XX век показал, что при всех различиях (имущественных и социально-статусных, этнических и конфессиональных и прочих) внутри национальных сообществ, при всем развитии мировых наднациональных связей и растущем признании прав человека как личности, – национальная общность остается доминирующей «осью координат» человеческого самоопределения. Ни либеральная концепция примата личности, ни социалистическая идея классового наднационального солидарности, ни дипломатические конструкции типа «общего дома» или «мирового сообщества» не смогли преодолеть эти рамки, иррациональные по меркам модернизационных моделей начала столетия. Объединенная Европа, этот пример современной наднациональной интеграции, остается «Европой отечеств», как называл ее Шарль де Голль.

Обращение к феномену национального комплекса в контексте настоящего очерка важно прежде всего потому, что этот комплекс всегда и везде служил и – с неодинаковой эффективностью – служит одним из главных средств ослабления внутренних конфликтов и протестов и их трансформации во внешние.

Исследования подтверждают, что комплекс национальной идентификации может поддерживаться как «внутренними» (общность жизни, хозяйства, отсылки к «своей» истории и традиционным символам), так и «внешними» (отмежевание, противопоставление по отношению к «чужим») факторами. Причем в ситуации слабости внутренних связей – нечто подобное приходится переживать сейчас российскому обществу – возрастает и даже гипертрофируется роль второго из названных, то есть «внешнего» самоутверждения. Перевод национального комплекса в возбужденное, «активированное» состояние сейчас практически невозможен без апелляции к внешней угрозе и инкарнации внешнего врага. Обращение к этому испытанному историей средству происходит с двух сторон – как «сверху», со стороны властных структур, так и «снизу», со стороны массового сознания. Доводами обычно

служат апелляции к обидам и унижениям со стороны различных внешних сил, традиционно объединяемых символами «Запада». Правда, линии этих апелляций не всегда пересекаются.

Так, явно не «работал» в пользу массовой социально-политической мобилизации такой официальный довод как утрата мирового влияния, лидирующих позиций России, или ранее СССР, в мире. С таким доводом соглашается обычно заметная часть опрашиваемых, но мобилизовать общество ради спасения мирового влияния не удавалось никогда. Самый очевидный пример – афганская кампания (1979–1989), не получившая массовой поддержки. Не получил ее и недавний марш-бросок российских частей в Косово, рассчитанный на решение сугубо престижных задач. Негодились для массовой мобилизации и такие официальные аргументы периода первой чеченской кампании 1994–1996 годов, как ссылки на «угрозу территориальной целостности» федерации или нарушение «конституционного порядка» в Чечне. Как показывают исследования, более половины населения и теперь, в разгар новой военной кампании, готовы согласиться с полным отделением мятежной территории от России. Соблюдение же конституционного порядка в этой кавказской республике население просто мало беспокоит. Неэффективно работает, следовательно, комплекс «имперского сознания» (ни в направлении интересов «центра», ни в направлении «заботы о порядке» в провинции). Не лучше обстоит дело и с государственно-экономическими доводами – население глубоко коррумпированной страны мало обеспокоено судьбой отдельного нефтепровода или мелких керосинных заводов.

Судя по всем данным, действенным оказался другой, более примитивный и неизмеримо более сильный фактор – *страх* перед вездесущими и неуловимыми (как представляется) террористами. Обычный, человеческий, массовый страх за собственную жизнь, за личную безопасность, жилище, имущество. Очевидно при этом, что в одной связке с терро-

ризующим страхом оказались и такие давние, как бы заранее подготовленные компоненты негативной мобилизации общественного мнения, как отрицание «западного вмешательства» и стыд «западной помощи», возмущение «засильем кавказцев» на столичных рынках и так далее. И, разумеется, универсальное – не только военной элите присущее – стремление вытеснить из исторической памяти переживание военно-политического поражения 1996 года.

Направленный всем этим комплексом взрыв страха после известных актов террора в Буйнакске, Москве и Волгодонске оказался решающим фактором (триггером), вызвавшим в общественном мнении цепную реакцию ненависти и мести, равной которой не приходилось наблюдать за все годы исследований.

Если рассматривать только социальный механизм «запуска» подобной реакции (а нас, понятно, интересует в данном случае именно эта сторона дела), приходится вспомнить недавнюю ситуацию совсем иного плана и значения – отношение к проблеме «перемещенных» (то есть присвоенных в качестве военных трофеев) художественных ценностей. Несмотря на довольно упорное противодействие правительственных структур, связанных определенными международными нормами и обязательствами, в общественном мнении – и в обеих палатах российского парламента – безоговорочно возобладала простая и вечная концепция *отмщения* за нанесенную обиду («око за око», «кража за кражу», «десять за одного» и так далее). Отзвуки давней конфронтации предметно доказали, насколько далеким от цивилизованных стандартов готово быть наше общественное мнение, даже когда мобилиующим его фактором служит только направленная историческая память. По точному замечанию Ф. Искандера, «раб хочет мести, а не свободы».

На старте второй чеченской войны «механизм отмщения» был запущен – притом, чрезвычайно успешно – уже с использованием всей мощи государственных структур и масс-

медиа. Простой, умело (или случайно, – не столь важно, в принципе) направленный страх оказался более сильным возбудителем, мобилизующим общественное мнение, чем все вызовы имперского комплекса или государственного сознания.

Основную роль во всякой ситуации негативной мобилизации общественного мнения играет «*комплекс врага*», от которого когда-то безуспешно пытались чисто словесно избавиться инициаторы перестройки (тогда в ходу была несколько облегченная формула «образ врага»). Комплекс врага – более сложное понятие, которое охватывает представления о структуре, функциях, происках, пособниках и тому подобных «вражьих силах», а также и убеждение в необходимости самой фигуры «врага» как универсального источника бед и страданий людей.

Комплекс врага обстоятельно разработан и испытан в ходе формирования «человека советского», черты которого не утратили своего значения и по сей день. «Враг» – непременно обладатель предельных отрицательных характеристик, то есть не просто соперник, конкурент, оппонент и тому подобное, а воплощение inferнальных, дьявольских начал. Это относилось к внутрипартийной оппозиции, к «классовым врагам», к политическим и военным противникам. Отсюда простой вывод – с врагом можно поступать «вражески», то есть не стесняясь никакими рамками законности или гуманности. Подозрение может приравниваться к приговору, исполнение наказания – предшествовать суду и следствию, массовое устрашение – заменять поиски конкретных виновников и так далее. Врагу приписываются качества всемогущества и вездесущности, из чего делается вывод о том, что врагов следует усматривать везде, во всех, за любой неудачей, за любой аферой и просто за любым углом. Кроме того, враг во всех случаях оказывается «внешним», то есть если это не прямо «Запад», то непременно шпион-диверсант-агент «чужих» сил, их пособник, наемник и тому подобное.

Вся эта атрибутика политической мифологии многократно описана и обличена за последние сорок с лишним лет, однако она не может выйти из употребления, пока общество (именно общество и общественное мнение, а не только официально-военственная пропаганда) нуждается в комплексе врага, бережно его хранит и активно использует. Прежде всего – для самооправдания, для того чтобы носителем вины непременно оказывался некто чужой и враждебный. (Приступы очистительной самокритики ранних времен перестройки прочно позабыты; лицемерное самоуничужение «совкового» сознания ничего общего с ними не имеет.) И, естественно, – для негативной мобилизации разобщенного общества вокруг чрезвычайных действий и, возможно, «чрезвычайных» лидеров.

В процессах социально-политической мобилизации осени 1999 года примечательна трансформация первоначального (относящегося к 1994–1995 годам) «демократического» протеста против тогдашних военных акций в Чечне – в практически безоговорочную поддержку значительно более жесткого курса. Поскольку здесь речь идет не о массовой реакции, а о поведении весьма квалифицированной политической элиты, то в мотивационном ряду на первый план выступают, видимо, не упомянутые выше пароксизмы «простого страха», а более сложные факторы политических расчетов и зависимостей. Это серьезно влияет на всю картину оценки общественным мнением происходящих событий: лишенный артикуляции слабый антивоенный протест превращается в неслышимый. Причем в данном случае нынешний «приговор» общественного мнения имеет обратную силу, то есть задним числом оправдывает те акции пятилетней давности, которые еще недавно оценивались как трагически-ошибочные или просто преступные.

Итог: «загадка» российского терпения

Согласно одному из опросов 1998 года, главными чертами национального характера россиян более половины респондентов считали «терпение». Показатели регулярного мониторинга как будто вполне подтверждают эту самооценку: так, по сводным данным опросов 1994–1999 годов (до сентября включительно, 46 тыс. опрошенных), в среднем 10% были согласны с тем, что «все не так плохо, и можно жить», 49 – что «жить трудно, но можно терпеть», 35 – что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно»; остальные 6% затруднялись ответить. На протяжении всех лет наблюдения, эти показатели колебались вокруг средних значений.

Как мы видели из приведенных выше данных, социальное недовольство в стране остается весьма слабым и относительно легко «гасится» при некотором сокращении задержек с выплатами. Политические протестные настроения в тех организационных и программных рамках, которые они имели в последние годы, фактически исчерпали себя; новые формы не сложились. Вспышки политического возмущения в конечном счете приводят не к взрыву, а к послушанию.

Приведенные данные в сопоставлении с другими результатами исследований позволяют выделить некоторые типы «терпеливого поведения» и, соответственно, «группы терпения», различные по своим мотивационным установкам.

Группа «безразличного», *астенического терпения*. Это в основном люди, которых не беспокоит ни собственное положение, ни состояние дел в стране.

Другая группа может быть описана с помощью термина «*лукавое терпение*». Это люди, которые надеются на то, что общественные потрясения и невзгоды обойдут их семьи, хозяйства стороной. Часть из них полагает, что им удастся извлечь из такого положения определенные выгоды для себя.

Третья группа терпит лишения и не видит выхода («*безысходное терпение*»). Это разочарованные, отчаявшиеся,

утратившие доверие к вчерашним лидерам и не нашедшие новых надежд или иллюзий. Большое влияние на поведение этой группы оказывает кризис и разложение демократической элиты.

И, наконец, наиболее оптимистичная группа – те, кто упорно, часто вопреки очевидности надеется на перемены к лучшему («*оптимистичное терпение*»).

Принципиальная слабость всех форм и направлений протестных акций, которые можно наблюдать в российском обществе, определяется не какими-то случайными, ситуативными моментами, а таким его качеством, как неразвитая структурированность. Ни общественные потрясения, ни околополитические страсти и интриги последних лет не привели к формированию устойчивых политических разделений, независимых от вертикали власти элитарных структур, суверенности человека по отношению к власти. Сама возможность моментальной социальной мобилизации («негативной» мобилизации), которую продемонстрировало наше общество осенью 1999 года – убедительное подтверждение того, что общество недалеко ушло от образцов механической «монолитности», которая поддерживала абсолютную власть и позволяла безоглядно собой манипулировать². Никакой общественный протест не может быть эффективным, если он не артикулирован, не опирается на определенную структуру сформировавшихся общественных интересов, групп, институтов.

И пока эта ситуация не изменится принципиально, социальный протест будет укреплять ресурсы социального терпения.

«Мониторинг...» 1999. № 6

² По устному замечанию японского социолога проф. С. Хакамады, национальный характер россиян описывается метафорой «куча песка», то есть напоминает нечто, лишённое собственной формы и упорядочиваемой только внешними «стенками».

ЧЕЛОВЕК ЛУКАВЫЙ: ДВОЕМЫСЛИЕ ПО-РОССИЙСКИ

Согласно данным третьей волны исследования «Советский человек» (март 1999), только 3% опрошенных полагают, что на выборах в нашей стране побеждают «более достойные»; по мнению 83% побеждают «более ловкие». (Такое распределение суждений присуще, с небольшими колебаниями, всем социальным слоям и политическим группам – без каких-либо исключений.) Сразу же после выборов в Государственную Думу 50% опрошенных оценили эти выборы как «не очень честные» или «совсем нечестные». И тем не менее в том же опросе большинство (55% против 27) выразили удовлетворение их результатами. Представляется, что объяснение этого явного – и весьма типичного! – парадокса массового сознания следует искать в самом характере используемых им критериев, стандартов оценки социальных процессов и событий, то есть действующего в наличных условиях нормативного поля человеческого существования.

Как показывают наблюдения и исследования, это поле многомерно (или, по модной политической терминологии, «многополярно»): в нем одновременно сосуществуют различные критерии, точки отсчета, системы координат нормативных оценок – допустимого, полезного, правильного и так далее. Кроме того, сами критерии, как правило, оказываются условными и размытыми, это не жестко определенные императивы, а скорее рамки допустимого, относительно терпимого («можно терпеть», «не самое худшее зло» и тому подобное). Такой характер нормативного поля человеческого существования формирует лукавые типы поведения и характерные черты их носителя – «человека лукавого». Он приспособливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, то есть способы использовать в собственных интересах существующие в ней

«правила игры», и в то же время – что не менее важно – постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила. Это вынуждает его постоянно оправдывать собственное поведение то ли ссылками на необходимость самосохранения, на пример «других» («надо жить», «все так» и прочее), то ли апелляциями к нормативным системам иного ранга («высшие интересы»). Непрестанная смена общественных настроений «эпохи перемен» – смена увлечений и разочарований, взлет и падение персональных рейтингов и тому подобное – служат показателями заведомой легковесности каждого выбора, заложенной в нем доли лукавого самообмана («авось повезет на этот раз...»).

Результаты упомянутого исследования, как и другие данные массовых опросов, дают обширный материал для анализа различных сторон лукавого поведения. Эмпирически обоснованное исследование знакомой нам стадии лукавого поведенческого типа могло бы быть полезным и для понимания иных его видов.

Универсальные черты и «советские» особенности поведенческого типа

Конечно, лукавое стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных) может быть обнаружено у людей всех времен и народов. Когда, скажем, опрос показывает, что среди современных россиян только 11% (из них 7% мужчин и 14 женщин) могут сказать, что «никогда никому не лгали», а 32% (из них 27% мужчин и 37 женщин) – что «не брали чужого без разрешения» (опрос типа «Экспресс», октябрь 1999)¹, – перед нами один из простейших типов человеческого лукавства, имеющий универ-

¹ См.: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 6.

сальное распространение (масштабы и формы проявления этого поведенческого явления, конечно, связаны с национальными, возрастными и гендерными структурами поведения). В его основе – разнородность самих нормативных полей (социетальных, групповых, ролевых и прочих), определяющих ориентации и рамки деятельности человека. В данном же случае нас интересуют более специфические типы и структуры лукавого поведения, которые связаны с особенностями функционирования собственно социальных норм в соответствующих исторических и национально-государственных условиях – скажем, уклонение от гражданских обязанностей или от соблюдения правил уличного движения.

Доминирующий в настоящее время в российском обществе вариант нормативного «полицентрического релятивизма» сформировался на пересечении нескольких исторически наплававшихся друг на друга разломов регулятивных структур.

Незавершенный процесс модернизации России порождал несчетные варианты нормативных конфликтов на всех уровнях человеческого существования и самосознания; на этой почве, в частности, выросла вся великая литература прошлого века, выражавшая противостояние «правды–истины» и «правды–справедливости», правды «маленького человека» и правды «державы», спасения человечества и «слезы ребенка» и так далее. В этой ситуации лукавый человек почти неизбежно становился несчастным.

Советская эпоха декларировала новую, универсальную по своему значению и абсолютную по своим источникам (от имени и по поручению исторического прогресса...) нормативно-ценностную систему, призванную заменить или подчинить себе все существующие. На деле она лишь меняла знаки и термины в некоторых нормативных полях и надстраивала над ними еще одно. Формула «нравственно то, что полезно...» (в декларативных вариантах – «трудовому народу», «делу коммунизма» и тому подобному, в реальном зна-

чений – «что соответствует планам и указаниям свыше») возводила в абсолют сугубо утилитаристскую нормативную систему. Универсально-значимая и всеобъемлющая нормативно-ценностная система в реальности обернулась множественностью критериальных рамок – «большой» и «малой» правды, «истинного» и «должного», перспективных и сиюминутных интересов.

Одна из важнейших ее особенностей с самого начала состояла в принципиальной невыполнимости предъявляемых к человеку требований. Невозможно было принимать повороты политической конъюнктуры за веления «истории». Никому не удавалось «отдавать все силы на выполнение пятилетнего плана». Невозможно было выполнять «грандиозные планы» без приписок, блата, «выбивания» дефицитных ресурсов и так далее. Отсюда – формирование «человека лукавого» на советский манер. Абсолютное насилие порождало абсолютную готовность к лукавому приспособлению. Лишенный возможностей для сопротивления, человек торжественно или молчаливо соглашался с императивными предписаниями – и настойчиво искал лазейки, позволяющие их обойти. В простейшем, наиболее массовом случае – для того, чтобы выжить самому («пассивный залог» лукавого поведения). Реже – еще и для того, чтобы использовать возможности лукавой системы в интересах карьерного, статусного продвижения («активный залог» лукавого поведения, характерный для героев эпохи).

Успех этой системы (на долгие десятилетия, по крайней мере) был бы невозможен, если бы она опиралась *только* на массовое принуждение и массовый обман. Сейчас ясно, насколько наивными были распространенные и в 60-х и еще в 80-х годах представления о надувательстве народа со стороны всезнающей и предельно циничной партийно-политической верхушки (в духе изображенного Дж. Оруэллом механизма «двоемыслия»). Лукавый человек – на всех уровнях, во всех его ипостасях – не только терпит обман, но готов обма-

нываться, более того – постоянно нуждается в самообмане для того же (в том числе, психологического) самосохранения, для преодоления собственной раздвоенности, для оправдания собственного лукавства. «Нас возвышающий обман» – не только точная поэтическая формула. Весь механизм советской системы формировал и «лукавых рабов» (по очень точному выражению Т. Заславской) и не менее лукавых «господ». И те и другие лукавили друг перед другом и перед самими собой.

В условиях всеобщего лукавства исполнение нормативных императивов превращается в более или менее лукавую сделку (типа «делаем вид, что работаем – делаем вид, что платим»), а сам такой императив предельно персонализируется (общественный договор редуцируется до «договора» нарушителя с трамвайным контролером).

Сосуществование и взаимодействие различных нормативных полей со своими критериями дозволенного–недозволенного, одобряемого–неодобряемого – присущи разным общественным системам, в которых имеется разграничение будничного и праздничного, своего и чужого, частного и официального. «Советская» специфика (вполне сохраненная и ныне) состоит в том, что эти разграничения нормативных «полей» размыты, смазаны. Лукавое сознание легко переходит условные барьеры, находит многочисленные лазейки в предписаниях – короче говоря, ведет игру «без правил» (или «игру с самими правилами»).

После крушения системы прикровенное лукавство с обеих сторон просто вышло наружу, превратилось в откровенное.

В постсоветской ситуации разрушение авторитарных нормативных структур создало ситуацию коррумпированности всех ценностей и нормативных систем общества на различных уровнях (включая личностный) – не менее серьезную и опасную, чем широко обсуждаемая коррумпированность его экономических и политических систем. В то же время

ситуация видимого нормативного плюрализма и «беспредела», как и всякая конфликтная структура, имеет свою логику, то есть свои неписанные «правила игры». Практическое отсутствие общеобязательных авторитетов создает «многополярную» структуру нормативного поля, где сосуществуют, конкурируют, в какой-то мере уравнивают друг друга различные центры влияния. На этом поле действуют и укореняются поведенческие структуры «человека лукавого» новейшего отечественного образца.

Лукавое поведение стагнирующей эпохи – это преимущественно адаптация к стабильным структурам, карьеризм, основанный на конформизме. «Эпоха перемен» изменяет характер адаптивности. Неустойчивость всех структур, включая властвующие, теневые, группы давления и поддержки и прочие, создает условия для краткосрочных «пирамид» (не только финансово-экономических, но и политических, на разных этажах иерархии власти) и быстротекущих карьер. Отсюда и востребованность соответствующих человеческих, личностных типов – прежде всего, «человека ловкого», способного пользоваться переменчивой ситуацией с пользой для себя, менять взгляды и пристрастия применительно к текущей конъюнктуре.

Обратимся к накопленному в исследованиях эмпирическому материалу.

Рамки «допустимого»

Как показывают исследования, в общественном мнении отсутствуют жесткие разделительные линии, разграничивающие сферы одобряемого и неодобряемого поведения. Это относится и к выполнению различного рода социальных обязанностей.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопросы
«Насколько допустимо по Вашему...»
(в % от числа опрошенных)***

Группы	Недопустимо	Крайне предосудительно	Отчасти предосудительно	Ничего предосудительного	Индекс нормы**
<i>...уклоняться от службы в армии</i>					
Всего	28	15	25	23	1,21
<i>По возрасту</i>					
18–24 года	15	13	27	35	0,43
25–39 лет	23	10	25	33	0,70
40–54 года	26	13	31	21	1,23
55 лет и старше	40	22	19	9	4,40
<i>По образованию</i>					
высшее	22	11	29	29	0,76
среднее	28	11	24	25	1,12
ниже среднего	30	20	23	19	1,58
<i>По месту жительства</i>					
Москва	27	5	29	23	1,17
большие города	24	12	27	26	0,92
малые города	31	17	22	22	1,40
села	25	16	25	22	1,14
<i>...не платит налоги</i>					
Всего	25	24	28	14	1,79
<i>По возрасту</i>					
18–24 года	19	22	29	24	1,11
25–39 лет	20	19	35	18	1,06
40–54 года	24	23	29	12	2,00
55 лет и старше	33	30	20	4	8,25

Продолжение табл. 1

Группы	Недопустимо	Крайне предосудительно	Отчасти предосудительно	Ничего предосудительного	Индекс нормы**
По образованию					
высшее	20	20	39	13	1,54
среднее	23	22	29	16	1,44
ниже среднего	28	27	23	11	2,54
По месту жительства					
Москва	40	19	28	9	4,44
большие города	24	22	28	15	1,60
малые города	24	25	28	16	1,50
села	22	25	29	11	2,00
...«выносить» что-либо с предприятия					
Всего	31	25	23	8	3,88
По возрасту					
18–24 года	22	23	22	15	1,47
25–39 лет	26	22	29	10	2,60
40–54 года	32	27	23	7	4,57
55 лет и старше	39	29	19	3	13,00
По образованию					
высшее	36	26	25	6	6,00
среднее	30	22	26	8	3,75
ниже среднего	31	29	19	9	3,44
По месту жительства					
Москва	47	21	16	13	3,61
большие города	33	27	22	7	4,71

Группы	Недопустимо	Крайне предосудительно	Отчасти предосудительно	Ничего предосудительного	Индекс нормы**
малые города	30	28	23	8	3,75
села	26	21	26	8	3,25

* Исследование по программе «Советский человек», март 1999 (N = 2000 человек).

** Соотношение крайних позиций («недопустимо»/«ничего предосудительного»). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Рассмотрим внимательнее эти данные. Использованный в последнем столбце условный «индекс нормы» имеет *наименьшее* числовое значение в отношении наиболее «государственной» обязанности военной службы. Можно полагать, что это связано с происходящими в последние годы процессами «разгосударствления» человека – ослабления идентификации с государственными институтами и символами. (Отсюда и новейшие призывы к укреплению государственности через возрождение армии и военной мощи в ходе силовых авантюр и карательных экспедиций. Полученные в исследовании данные позволяют судить, на какую почву попадают такие призывы.)

Весьма примечательно, что для возрастных групп до 40 лет уклонение от воинской обязанности представляется вполне оправданным: чем моложе возрастная группа, то есть чем ближе к призывному возрасту, тем больший перевес мнений о правомерности избежать исполнения священного долга. У самых молодых, непосредственно подлежащих призыву, неисполнение такого долга в два с лишним раза чаще оправдывается, чем осуждается. Держателем нормы в данном случае (как, впрочем, и по другим приведенным позици-

ям) является самая старшая возрастная группа – люди предпенсионного и пенсионного возраста.

Уровень образования оказывает аналогичное влияние на показатели допустимости уклонения от военной обязанности – чем выше образование, тем ниже индекс нормы, а у высокообразованных уклонение чаще оправдывается, чем осуждается. Урбанизационная шкала столь прямой зависимости не обнаруживает. Менее всего обязательной представляется военная служба жителям больших городов, лучше воспринимаются эти нормативные требования среди сельских жителей, в Москве и (максимум одобрения!) в малых городах. Правда, среди москвичей наибольшая доля осторожных оценок типа «отчасти предосудительно» и меньше всего категорических оценок. В городской среде происходит «сшибка» просвещенной терпимости и идеологической нетерпимости к уклонению от службы в армии.

Наибольшая величина индекса нормы из приведенных в *табл. 1* позиций относится к извечной проблеме мелкого «профессионального» хищения работниками с предприятия материалов, сырья, инструмента и пр. для собственных нужд в качестве своего рода «натуроплаты» (полузабытый термин колхозной экономики). Возможно, столь единодушное и массивное осуждение «выноса» обусловлено просто тем, что в бездефицитной экономике этот привычный (со времен чеховского злоумышленника) компенсаторный механизм в значительной мере утратил свое значение. Но не исключено и другое объяснение: самый распространенный и фактически самый терпимый в советское время способ получения дополнительного дохода работниками скрывается чисто лицемерно, из лукавого стремления выглядеть «приличнее».

Неуплата налогов – самый современный из социальных «грехов», в эпоху государственного хозяйства такое деяние было практически невозможным. Осуждается оно всеми категориями старше 40 лет, но считается скорее терпимым у более молодых (в данном случае используется соотношение

первой и второй пары суждений). Держатель нормативного стандарта, как и по другим позициям, – самые старшие, у которых индекс нормы заметно выше, чем у других групп. Уровень образования, по-видимому, связан сейчас и с распространенностью «рыночного» лукавства, поэтому малообразованные осуждают неуплату значительно резче, чем высокообразованные.

Имеется возможность сопоставить рассмотренные данные с результатами более позднего исследования (см. *табл. 2*).

Таблица 2

**«Согласны ли Вы с тем, что налоги платить
необязательно?»**

*(в % от числа опрошенных)**

Группы	Совершенно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
<i>Всего</i>	12	19	28	31
<i>По возрасту</i>				
18–24 года	15	23	30	17
25–39 лет	17	24	23	29
40–54 года	9	20	32	32
55 лет и старше	8	11	27	39
<i>По образованию</i>				
высшее	15	15	28	34
среднее	14	22	27	31
ниже среднего	9	16	29	31
<i>По месту жительства</i>				
Москва	10	8	14	55
большие города	14	18	23	35
малые города	15	16	29	29
села	5	23	34	29

Группы	Совершенно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
По уровню дохода				
низкий	13	16	24	37
средний	11	18	30	31
высокий	16	20	22	32
По роду занятий				
предприниматели	25	37	17	15
руководители	2	24	19	50
специалисты	10	18	33	34
служащие	10	23	30	32
рабочие	14	25	23	27
учащиеся	12	15	28	19
пенсионеры	10	11	28	38

* Исследование типа «Экспресс», декабрь 1999 (N = 1600 человек). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Здесь, при иной постановке вопроса и иной выборке, тоже видно, что наиболее «правильными» группами являются самые старшие, реже всего осуждают уклонение от уплаты налогов самые молодые и самые состоятельные. Предприниматели же – единственная группа, в большинстве своем согласная или скорее согласная с тем, что налоги не обязательно платить. Конечно, это выражает не злокозненность людей, а лукавство самой социально-экономической ситуации, в которой бизнес почти невозможен без уклонения от государственных требований.

В заключение этого раздела – сводка данных (продолжение серии вопросов, представленных в табл. 1) об оценке населением допустимости различных нарушений нормы (см. табл. 3).

«Насколько допустимо по-Вашему, ...?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	Недопустимо	Крайне пре- досудительно	Отчасти пре- досудительно	Ничего пре- досудитель- ного	Индекс нормы
...ездить в транспорте без билета	16	18	37	21	0,76
...скрывать часть доходов, чтобы не платить налоги	25	24	28	14	1,79
...не возвращать долги	57	26	9	3	19,00
...скрыть от государства найденный клад	16	16	26	15	1,07
...покупать вещи и продукты, «вынесенные» с предприятия	14	17	31	22	0,63
...покупать «левую» продукцию	12	14	28	28	0,43
...не заплатить за покупку в магазине	55	26	10	4	13,75

** Исследование по программе «Советский человек», март 1999 (N = 2000 человек). Данные о затруднившихся ответить не приводятся.*

Как видим, решительное осуждение вызывают нарушение частных обязательств (не возвращать долги), неоплата покупки («шоплифтинг») и такое экзотическое событие, как сокрытие найденного клада. Сокрытие дохода осуждается довольно сдержанно, а такие действия, как операции с «левой» продукцией вообще осуждаются редко.

Вопреки «правде и справедливости»

Обратимся теперь к серии данных о самой сложной форме лукавого поведения – когда человек вынужден лукавить с самим собой.

Таблица 4

«Приходилось ли Вам когда-либо поступать вопреки тому, что Вы считаете правильным, справедливым?»
(в % от числа опрошенных)*

Группы	1		2		3		4		5		6		7		8		9	
	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999
Всего	17	12	4	6	18	13	5	16	24	32	13	15	4	9	6	4	21	20
По возрасту																		
до 25 лет	18	10	5	7	8	6	6	18	23	39	20	23	4	9	6	4	20	18
25–39 лет	12	30	3	6	23	14	5	19	23	35	12	17	3	11	8	4	20	18
40–59 лет	20	9	3	6	18	19	7	14	20	33	13	15	3	11	5	6	24	20
60 лет и старше	20	23	6	6	16	10	3	13	29	23	8	9	7	6	5	2	18	25
По образованию																		
высшее	14	8	8	7	24	21	5	16	26	39	18	21	7	10	5	4	18	13
среднее	17	11	3	5	19	14	4	16	24	35	13	15	3	11	8	4	19	18
ниже среднего	18	6	4	7	13	10	7	16	24	25	11	14	4	8	5	4	26	25
По роду занятий																		
предприниматели	–	17	–	13	–	3	–	20	–	55	–	15	–	5	–	7	–	3
руководители	19	10	7	3	32	31	4	14	31	60	11	9	2	11	0	2	9	7
специалисты	13	9	5	7	22	18	7	14	24	37	19	21	6	14	6	1	17	15
служащие	24	11	5	16	17	16	5	17	22	36	13	21	3	12	8	2	15	8
рабочие	14	9	2	7	19	14	5	15	23	29	13	16	4	10	6	5	24	21

Группы	1		2		3		4		5		6		7		8		9	
	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999
учащиеся	18	5	8	6	4	3	10	26	30	43	29	27	5	7	2	7	17	10
пенсионе- ры	20	21	2	5	16	10	3	13	25	26	5	8	6	8	5	2	26	25
Голосовавшие в первом туре выборов президента в 1996 г. за:																		
Б. Ельцина		14		5		15		17		30		14		12		3		18
В. Жири- новского		17		4		17		18		16		20		1		6		25
Г. Зюгано- ва		22		7		11		12		25		14		5		3		21
А. Лебеда		10		1		15		17		40		9		15		1		19
Г. Явлин- ского		7		11		10		10		41		25		11		2		12

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1999 (N = 2000 человек).

** В столбцах 1–9 приводятся данные по следующим вариантам ответа:

1. Я никогда так не поступаю.
2. Приходилось под давлением коллектива.
3. Приходилось под давлением начальства.
4. Приходилось под давлением семьи, близких.
5. Приходилось, когда это было нужно для пользы дела.
6. Бывало, из-за собственной слабости.
7. Бывало, из-за страха за родных и близких.
8. Так приходится жить постоянно.
9. Затрудняюсь ответить.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в целом лукавства в поведении людей за последние десять лет стало больше. Не 17, а только 12% опрошенных утверждают теперь, что им никогда не приходилось поступать «вопреки» собственным представлениям о правде и справедливости. За

исключением самых молодых (что, конечно, очень важно) и, в меньшей мере, самых пожилых, все остальные группы отмечают, что кривить душой приходится чаще. Но произошли изменения в соотношении факторов, которые побуждают людей так поступать.

Значительно реже в 1999 году отмечается такой побудительный фактор лукавства, как давление со стороны «начальства» (его упоминание снизилось с 18 до 13%). Заметное исключение составляют сами начальники, то есть руководители, директорский корпус: у них значение сделок с совестью под давлением сверху осталось на прежнем уровне (32 и 31%, – наиболее высокий показатель по всем группам!). На том же уровне этот показатель остался у работников старшего возраста (18 и 19%) и у служащих (17 и 16%). Реже ссылаются на давление начальства специалисты, рабочие, пенсионеры. Учащиеся, как и вся молодежь, и раньше редко вынуждены были оглядываться на волю начальников, а сейчас делают это еще реже (8 и 6%).

В то же время заметно возросла доля считающих, что им приходится кривить душой «для пользы дела» (в целом с 24 до 32%), – как будто начальственная воля превратилась в некий обобщенный корпоративный интерес. Вероятно, это отражает тенденцию растущей идентификации человека с предприятием, фирмой, то есть новым субъектом игры на социальном поле (и, соответственно, субъектом лукавого поведения). Особенно сильно выросла доля ссылок на «пользу дела» у руководителей (с 31 до 60%), специалистов (с 24 до 37%), а также среди самых молодых (с 23 до 39%), учащихся (с 30 до 43%), – при отсутствии изменений у пенсионеров и малообразованных.

С процессом «разгосударствления» или «приватизации» для человека очевидно связано увеличение частоты ссылок на давление *семьи* (с 5 до 16% в среднем). Заметных различий между группами почти нет, наибольшее значение давление семьи сохраняет для самых молодых, учащихся, которые

еще не стоят на собственных ногах.

Ссылки на принуждение со стороны *коллектива* хотя и стали чуть более частыми, но все равно остаются довольно редкими (4 и 6% соответственно), в большей мере этот фактор упоминается предпринимателями и служащими – видимо, речь идет о корпоративных интересах персонала.

Несколько неожиданный и трудно объяснимый феномен – более частые ссылки на необходимость поступаться принципами из-за *страха* за родных и близких (4 и 9% в среднем). Это характерно для всех групп опрошенных. В какой-то мере это иной поворот указанного выше роста «семейного» давления; кроме того, видимо, сказывается общая атмосфера обостренного переживания страхов в обществе².

Процент отмечающих, что кривить душой им «приходится постоянно», был небольшим десять лет назад и снизился по всем наблюдаемым группам (по выборке в среднем с 6 до 4%). Правда, за это время примерно на столько же выросла частота ссылок на уступки, вызванные «собственной слабостью» (только руководители не хотят в ней признаваться).

Среди голосовавших на президентских выборах 1996 г. реже всего отмечали, что им «никогда не приходилось» поступаться собственными принципами правды и справедливости – как это ни странно на первый взгляд – самые интеллигентные избиратели Г. Явлинского (всего 7%), чаще всего – уверенный в собственной непогрешимости электорат Г. Зюганова (22%), В. Жириновского (17%). Ссылки на необходимость кривить душой для «пользы дела» заметно выше среднего уровня у сторонников Г. Явлинского (41%) и А. Лебеда (40%). Упоминаний об уступках давлению со стороны начальства относительно больше в электоратах, ориентированных на таких лидеров, как В. Жириновский, Б. Ельцин,

² См.: Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 46-53.

А. Лебедь. Эти данные представляют несомненный интерес для характеристики установок и настроений российского политического сообщества.

Какие дела «не по душе»

Исследования «Советский человек» 1989 и 1999 гг. позволяют сопоставить оценки «неприятных» занятий в различных группах населения (см. табл. 5).

Таблица 5

«Какие занятия Вам больше всего не по душе?» (в % от числа опрошенных)*

Группы	1		2		3		4		5	
	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999
Всего	30	22	59	55	23	21	38	26	37	36
По полу										
мужчины	31	22	63	58	25	24	41	25	34	36
женщины	29	22	57	53	22	18	36	26	40	36
По возрасту										
18–24 года	18	19	75	61	17	24	35	23	53	44
25–39 лет	31	22	61	60	21	27	44	29	42	46
40–59 лет	35	25	56	60	26	21	39	30	32	36
60 лет и старше	31	21	50	40	27	12	29	18	25	16
По образованию										
высшее	29	19	70	68	13	24	61	35	33	44
среднее	32	22	63	59	25	24	37	28	41	40
ниже среднего	28	23	51	46	25	17	30	20	12	27
По роду занятий										
предприниматели	–	20	–	55	–	28	–	33	–	39
руководители	21	19	67	60	23	19	59	23	27	33
специалисты	29	22	69	65	15	29	15	37	35	47
служащие	29	23	59	57	13	33	36	31	36	36

Группы	1		2		3		4		5	
	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999	1989	1999
рабочие	34	25	59	58	15	25	36	26	43	14
учащиеся	24	7	80	64	18	14	44	21	43	51
пенсионеры	30	22	47	42	27	12	27	20	25	51

* Исследования по программе «Советский человек», 1989 (N = 1250 человек) и 1999 (N = 2000 человек).

** В столбцах 1–5 приводятся данные по следующим вариантам ответа:

1. Командовать другими.
2. Делать то, что не понимаю.
3. Заниматься общественной работой.
4. Убеждать других в том, во что сам не верю.
5. Подчиняться другим.

Таким образом, заметны существенные сдвиги показателей в сторону уменьшения по трем позициям – «командовать другими», «убеждать других в том, во что сам не верю» и (в меньшей мере) «делать то, что не понимаю». Все три позиции можно считать в высшей мере «идеологически насыщенными» в советский период, откат от них – явное свидетельство освобождения общества от старой политизированной модели человеческого поведения.

Почти все рассматриваемые группы стали в равной мере (примерно в полтора раза) реже указывать, что тяготеют властью над другими. Такое положение объясняется скорее всего не тем, что людям стала по душе такая власть, а тем, что само занятие «командования людьми» стало менее распространенным – тоже признак отступления от советского политического образца массового поведения.

Более всего (по их словам) тяготились обязанностью «убеждать других в том, во что сами не верили» высокообра-

зованные и руководители – соответственно, 61 и 59%. Впрочем, вполне возможно, что на столь массивную самокритику в этих группах повлияли общественные настроения 1989 года, а именно тенденции отмежевания от советского прошлого. В этих двух группах наблюдается и наиболее заметное падение частоты ссылок на тяготы убеждения других. Правда, и сейчас высокообразованные и специалисты в большей мере, чем другие (35 и 37%), сетуют на то, что им приходится заниматься этим неприятным делом. Значительно реже (44 и 21%) упоминают это обстоятельство учащиеся (44 и 21% – признак конца «комсомольского воспитания»). Но оставшиеся 25–30%, которым не по душе (но, видимо, приходится!) убеждать других в правоте сомнительных идей – это не так мало. Возможно, сейчас за этими процентами скрывается то, что многим приходится убеждать себя и других по меньшей мере в относительной правоте или умеренной полезности каких-то современных идей или лидеров. Лукавство продолжает торжествовать.

Из этой же *табл. 5* явствует, что необходимость заниматься «общественной работой» (в нынешнем варианте – «политикой») не по душе людям примерно в той же мере, что и десять лет назад, хотя содержание терминов заметно изменилось. Молодых и высокообразованных такая деятельность тяготит больше, а пожилых и малообразованных, напротив, меньше. По всей видимости, здесь имеет значение захватившая часть старших поколений политически-оппозиционная активность.

А вот необходимость «подчиняться другим» в целом людям столь же не по душе, как и ранее. По сравнению с ситуацией десятилетней давности она сейчас больше досаждала пенсионерам и малообразованным, несколько меньше – молодежи. Тяготятся же подчинением около половины учащихся, пенсионеров, специалистов, высокообразованных и молодых работников.

От легковерия – к «отмщению»

Наблюдения за ростом и спадом надежд на отечественных политических лидеров за последние годы (М. Горбачев, Б. Ельцин, Г. Явлинский, А. Лебедь, Б. Немцов, Е. Примаков... далее пока список открыт) заставляют всякий раз вспоминать известное выражение Н. Бердяева, писавшего о «вечно-бабьем» в русской душе – готовности довериться любому, кто продемонстрирует силу и одарит обещаниями, хотя само по себе оно не объясняет этот феномен. Увлечение новыми кумирами (и последующее довольно быстрое разочарование в них) обусловлено отсутствием внутренней социальной организованности общества. Дальние исторические корни этого феномена можно искать, видимо, в отношениях между государством и населением в старой, «дореформенной» России: пока не работают социальные институты современной цивилизации («гражданское общество»), масса готова и склонна искать организованности внешней – со стороны самодержавной власти или иной «руководящей силы». Для социологического анализа достаточно материала отечественной истории уходящего XX века в ее революционных и постреволюционных поворотах. В данном случае нас интересует только одна сторона происходящего – способность множества людей увлекаться персонализированными символами и затем разочаровываться в них. Причем если поначалу фигуры лидеров в массовом сознании символизировали определенные идеи – или, по меньшей мере, привлекательные лозунги, то в дальнейшем предметом символического предьявления становится просто власть. Соответственно, обещания «перевернуть» страну трансформируются в требование «навести порядок».

В этих процедурах регулярных очарований и разочарований настроение масс так или иначе определяется состоянием их «головной части» – более образованной, более политизированной, более влиятельной, способной задавать образцы

поведения для остальных. При всех отечественных пертурбациях последнего времени было заметно (в том числе и по данным массовых опросов), что изменения общественных симпатий прежде всего отмечались именно в этих слоях. «Легковерием» страдает не относительно «темная» масса, а ее «просвещенная» верхушка. Отсутствие социальной организованности и гражданского сознания – это прежде всего черта нашей интеллектуальной и политизированной элиты (в широком смысле слова; поскольку речь не идет, естественно, о конкурирующих группировках околовластной «кухни»).

Исследования электоральной ситуации в стране (еще во время предыдущего избирательного цикла 1995–1996 годов) показали, что большинство населения не верило предвыборным обещаниям претендентов на должности, не надеялось на то, что их будут выполнять, а потому и не предъявляло претензий к своим фаворитам сразу после выборов. Претензии предъявлялись всегда задним числом – когда фавориты переставали быть таковыми. Налицо два связанных друг с другом вопроса, которые заслуживают особого объяснения: во-первых, какие факторы возносят на пьедестал, превращая малоизвестного чиновника или провинциала в фаворита общественного мнения, а во-вторых, почему столь легко и быстро общественное мнение расстается со своими фаворитами.

По крайней мере одно из объяснений может быть связано с изложенными выше соображениями. Массовые увлечения – особенно, если они ориентированы на предельно значимых фаворитов – с самого начала амбивалентны, двусмысленны: искусственно нагнетаемый (не только извне, но и «изнутри»), через механизмы самообольщения), демонстративный восторг всегда дополняется скрытым недоверием, черной завистью и тому подобное. В определенный момент конструкция как бы опрокидывается, скрытое становится доминирующим и демонстративным. Причем каждый такой поворот менее всего связан с реальным опытом и рациональными оценками

– ведь очарованность общественного мнения каждым очередным фаворитом не подкреплена никаким массовым опытом, никаким знакомством с его деятельностью, программой, идеями («И ненавидим мы, и любим мы случайно...») Главным же фактором перемены симпатий служит противопоставление характеристик, которые приписываются «старому» и «новому» избраннику – например, образ динамичного и решительного М. Горбачева противопоставлялся образу дряхлого и нерешительного Л. Брежнева, затем решительность Ельцина – нерешительности Горбачева, затем образ более молодых и решительных Лебеда, Немцова, Путина – образу одряхлевшего Ельцина (в ряду подобных парных сопоставлений участвовали и другие фигуры).

Отсюда, кстати, и непреременный спутник всех поворотов – «перенос вины» на предшествующую эпоху, власть, персону лидера как средство самоутверждения (и, насколько удастся, самооправдания) каждой новой смены в верхах. (Трудно представить себе, что в общественно-политическом процессе после отставки Ельцина не скажется та же закономерность.) Ведь новая правящая группа может использовать процедуру «переноса вины» только потому, что масса заранее к этому готова и с легкостью принимает превращение «героя» в «злодея», виновника всех несчастий. Такие трансформации священного образа в проклятый, inferнальный присущи всякому мифологическому сознанию (например, средневековому и тоталитарному).

Двусмысленность любых оценок в лукавом сознании делает возможным демонстративную переоценку событий, эпох, деятелей – не предполагающую «серьезного» их переосмысления. Более того, сам показательный негативизм по отношению к политическим фигурам или структурам зачастую оказывается средством сохранения собственной «ниши» в этих структурах. И точно так же широко распространенное суждение о том, что «все» в России (в особенности, причастные к власти и управлению) коррумпированы, берут взятки,

пользуются «теневыми» средствами и тому подобное – не только обвинение, но и лукавое оправдание собственного поведения, по меньшей мере, терпеливого и приспособляющегося к коррумпированной ситуации.

Непременно присутствующий в общественном мнении «комплекс врага», о котором приходилось писать ранее, предполагает амбивалентность значений «своего» – «враждебного» и возможность перемены знаков (но в подавленном и напуганном обществе – преимущественно в одну сторону, то есть превращения своих во врагов).

Динамика общественного мнения за последние несколько месяцев принесла обширный материал для анализа возможностей массированного воздействия современных СМИ на подобные трансформации. К ним нужно в первую очередь отнести перемену знаков отношения к военным действиям в Чечне на протяжении нескольких месяцев (от широко одобрявшейся попытки импичмента Б. Ельцина из-за развязывания войны 1994–1996 годов до еще более широкого одобрения новой силовой акции в 1999-м). Весьма эффективной оказалась и беспрецедентно грубая пропагандистская кампания против блока Лужкова–Примакова. На первых порах значительная часть опрошенных полагала, что резкие нападки скорее окажут обратное действие, но давление было слишком сильным.

Социальный диагноз: одиночество и астенический синдром

В условиях социальной разобщенности, слабости традиционных и групповых межличностных структур человек со своими заботами и опасениями постоянно оказывается одиноким перед властью, социальными институтами, могущественным давлением масс-медиа и общественного мнения. Если он вынужден вести себя «как все» – и демонстрировать это публично, в том числе в ответах на вопросы исследовате-

лей, – он снимает с себя ответственность за разделяемые позиции, но не избавляется от одиночества по отношению к этим «всем». Только 13% опрошенных в 1999 году (в основном, молодые люди) указали, что у них «много близких, надежных друзей», в предыдущем опросе (1994) такой ответ давали 42%. Сейчас 74% полагают, что они могут вполне доверять лишь одному-двум близким людям.

Российская действительность с неизбежностью умножает социально-психологические барьеры и дистанции – начинающиеся с соседней квартиры и улицы – на масштабы страны с ее отдаляющимися друг от друга регионами. Это ведет к гипертрофии социальной версии «астенического синдрома», к неспособности и нежеланию воспринимать «чужие» беды и страдания, более того – к настойчивому стремлению отгораживаться от них. («Мы живем, под собою не чуя страны...») – эти слова давно приобрели значение универсальной формулы поведения.) Астеническое поведение лукаво, потому что фактическая ситуация у «других» сегодня известна любому телезрителю неизмеримо лучше, чем когда бы то ни было. Но зритель остается зрителем, и его беспокоит преимущественно опасность самому превратиться в жертву.

Действует на зрительскую массу и фактор привыкания к сообщениям о «далеких» несчастьях: та наглядная информация о катастрофах, конфликтах, стихийных бедствиях, которая была в новинку лет десять назад, стала повседневной, привычной.

Ситуация массовой политической мобилизации, массовых войн, массовых жертв – может лишь укреплять астенический синдром общества. Когда страдания и жертвы становятся массовыми, люди способны переживать только личные утраты. К тому же доступные общественному мнению масштабы страданий и потерь сегодня в значительной мере определяются могущественным влиянием современных масс-медиа (в основном, телевидения: невидимое на экране не предьявлено обществу). В эпоху «телевизионной» мобилиза-

ции трактовка массовых жертв целиком сосредоточена в руках СМИ и связанных с ними политических комбинаторов – от них зависит, как оценят эти жертвы зрители и избиратели.

Поэтому столь силен астенический синдром массового безразличия, массового нежелания воспринимать и понимать, например, последнюю чеченскую войну. Как показывают результаты исследований, большинство выражает беспокойство преимущественно в связи с сообщениями о потерях российских частей – все остальное волнует людей заметно слабее.

«Замкнутый круг» двоемыслия

В классическом описании Дж. Оруэлла «двоемыслием» именуется «способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, знает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна... Партия пользуется намеренным обманом, твердо держа курс к своей цели, а это требует честности... Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить... все это абсолютно необходимо»³. Вводя в научный и политический оборот столь плодотворный термин, автор не рассматривал внутренний механизм сочетания противоположных позиций. Представленную ситуацию можно считать преднамеренно упрощенной в интересах «чистоты» мысленного эксперимента. Автор, видимо, сознательно допустил жесткое разграничение цинично-рационального расчета всемогущих «верхов» (в его терминологии – «внутренней партии») и покорности политических «низов» («внешней партии»). И явно переоценил возможность правящей верхушки («внутренней партии») осознанно и сплоченно исполнять

³ Оруэлл Дж. 1984. Даллош Д. 1985. М.: Текст, 1992. С. 201.

роль «коллективного Великого Инквизитора». На деле же, как показано всей серией разоблачений и признаний, связанных со сменами состава правящих верхов и элит – такого разграничения просто не существует. Сплоченности и рациональности действий «наверху» ничуть не больше, чем на нижележащих ступенях социально-политической пирамиды общества. «Верхи» неизбежно живут по тем же правилам лукавого двоемыслия, что и типичные их подданные, так же лукавят сами с собой, принимая на веру желаемое, и если время от времени вынуждены заявлять о решимости выпутаться из порочного круга, то лишь запутываются еще сильнее. И потому именно политическая элита («голова») разлагалась и коррумпировалась (духовно и нравственно) прежде всего. Опыт десятилетия российских перемен и перетрясок подтверждает это вновь. Самая яростная критика этого положения «задним числом» (означающая на деле перенос вины на предшественников) не позволяет выйти за рамки круга, очерченного лукавым сознанием. Расчет команды «сменщиков» на то, что безвыигрышная в перспективе военная кампания может принести нужные плоды в борьбе за власть до и во время досрочных президентских выборов – циничен и лукав. Надежды вчерашних кумиров нашей радикальной демократии на то, что поддержав этот курс, они сохранят причастность к власти (или обслуживающим ее механизмам) еще в большей мере опираются на лукавое двоемыслие. Выйти за его пределы обществу и его лидерам пока не удалось.

«Мониторинг...» 2000. № 1

ЧЕЛОВЕК ОГРАНИЧЕННЫЙ: УРОВНИ И РАМКИ ПРИТЯЗАНИЙ

Принято считать, что «человек ищет, где лучше»; за этим стоит допущение ненасытности желаний человеческих и определенности их направления. Реальная ситуация, доступная нам в исследованиях, выглядит иначе. Чаще всего человек «ищет» (или стремится сохранить) ситуацию, которая представляется ему относительно удобной, привычной, спокойной, менее рискованной, соответствующей некоторому заранее заданному образцу. При этом для каждой стабильной социальной группы имеется свой уровень притязаний на социальные и экономические блага, статус и ресурсы, соотносимый с уровнем допустимых «рисков» (фигурально выражаясь, ценность и затраты «синицы в руке» сопоставляются в таком случае с ценностью и затратами «журавля в небе»). В задачи социологического исследования входит изучение таких образцов, их носителей, механизмов распространения для различных общественных групп и условий. Конечно, притязания людей – как реальные, так и «запредельные» – всегда и везде ограничены какими-то социальными и культурными рамками, набором существующих возможностей, стереотипами массового воображения и прочее.

Особенный интерес представляют уровни и рамки человеческих притязаний в переходные эпохи, когда происходит массовая переоценка социальных ценностей и ресурсов, новые возможности обусловлены возросшей неопределенностью, рисками утрат, испытанием массового терпения. Помимо этого, переломные ситуации позволяют выявлять сложные соотношения факторов, которые обуславливают удовлетворенность и неудовлетворенность людей своим положением. Скажем, наблюдаемый с осени 1999 года довольно крутой подъем всех основных показателей общественного оптимизма, удовлетворенности, позитивных ожиданий и

прочего обнаруживают значение «неэкономических», социальных и даже политических компонентов в таких оценках. В условиях затяжных социально-политических и социально-экономических кризисов – наподобие тех, которые последние годы переживает российское общество – неизбежно подвергаются пересмотру многие сложившиеся ранее образцы и ориентиры человеческого поведения.

Стабильность притязаний

На протяжении ряда лет данные ВЦИОМ охватывают как реальные, так и воображаемые («приписанные») показатели положения человека: данные о полученном и желаемом («нормальном», по мнению опрошенных) доходе и так далее. Отслеживаются также представления о величине «прожиточного минимума» и уровнях дохода, означающего «бедность» и «богатство». (Последняя позиция имеет особую природу, поскольку для большинства людей состояние «богатых» – продукт воображения, тогда как с бедностью так или иначе знакомы почти все; поэтому представления об уровне богатства неустойчивы и в данном случае не рассматриваются.)

Бросается в глаза удивительно стабильное соотношение между реальным и желаемым (чтобы «жить нормально») уровнем доходов. Так, в докризисном 1997 году «нормальный доход» превышал реальный в 3,2 раза, в 1998 (до августа) – в 3,4 раза, а после кризиса (сентябрь–ноябрь) – в 4,3 раза, в 1999 в 3,9 раза, в январе–марте 2000 года – тоже в 3,9 раза. Соотношение «нормального» и реального доходов заметно возрастает в месяцы кризисной напряженности и резкого обесценения фактических доходов населения. Аналогичным образом, хотя и в более узких рамках, соотношение величин представлений о прожиточном минимуме и реального дохода колеблется: от 1,2 в 1997-м до 1,7 в конце 1998 года, 1,5 в среднем за 1999 год до 1,4 в начале 2000-го. Что

касается уровня бедности, то в общественном мнении 1997 года он был меньше прожиточного минимума в 1,7 раза, в 1998 и в 1999 в 1,6 раза, в 2000 году (январь–март) – в 1,6 раза. Понятно, что при росте доходов населения соотношение «минимума» и «бедности» возрастает, при падении доходов – уменьшается.

Таким образом, несколько округляя данные, можно прийти к выводу, что «нормальным» населению представляется доход в 3–4 раза больше, а «минимальным» (прожиточный минимум) – раза в полтора больше нынешнего.

К приведенным данным можно добавить результаты более ранних исследований, где ставился вопрос об уровне «заслуженной» оплаты. Так, согласно опросу типа «Мониторинг» за январь 1997 года, в какой-то мере были удовлетворены своей зарплатой или доходом от основного занятия только 14% респондентов, 33% были «скорее не удовлетворены», а почти половина (49%) «совершенно не удовлетворены». При этом 72% опрошенных считали, что они получают «намного меньше» или «несколько меньше», чем заслуживают; 19% – что они получают столько, сколько заслуживают; 8% – что получают больше, чем того заслуживают. Средний заработок в тот момент составлял 785 руб. (в пересчете на деноминированные), а уровень «заслуженного» заработка – 1708 руб., то есть в 2,2 раза больше реального.

Кроме того, к проблеме «материальных» притязаний позволяют подойти некоторые ответы о покупательских намерениях в прожективной, то есть не ограниченной денежными ресурсами, ситуации.

Вот два примера таких притязаний из исследований последних лет.

Если бы в распоряжении опрошенных (исследование типа «Мониторинг», март 1997 г.) оказалась «крупная сумма денег», то ее чаще всего (32%) просто потратили бы на текущие нужды, несколько реже (28%) – на покупку дома, квартиры, 22% – на лечение, 14% предпочли бы купить дорогие

вещи, 13% – автомобиль, и так далее. По 9% отметили расходы на образование и на развлечения, отдых.

При сходной формулировке вопроса («Если бы у вас было достаточно денег...?») список возможных покупок начинается с телевизора, холодильника, стиральной машины, которые предпочитают около половины опрошенных, а заканчивается компьютером (12%) и неистово рекламируемыми пластиковыми окнами (9%). Как видим, полет массового воображения даже в проективной ситуации, без денежных ограничений, не слишком отрывается от «земных» реалий. Это означает, видимо, что в механизме такого воображения незримо присутствуют те же самые реальные финансовые рамки и те же образцы для подражания. Первым, что просит человек у счастливого случая, оказывается хорошо знакомое «новое корыто» (сейчас оно называется автоматической стиральной машиной и тому подобное).

«Достаточное» образование

От «материальных» рамок (термин несколько условен, так как сугубо «вещные» притязания неизбежно включают культурные, престижные, социально-сравнительные компоненты) перейдем к образовательным. В одном из исследований в июне 2000 года (1800 опрошенных) выяснялся вопрос о том, какой уровень образования мог бы считаться достаточным.

Таблица 1

Реальный и «достаточный» уровень образования (в % от общего числа опрошенных)*

	Наличный уровень образования	«Достаточный» уро- вень образования
Высшее	14	41
Среднее	49	49

	Наличный уровень образования	«Достаточный» уро- вень образования
Ниже среднего	37	6
Затруднились ответить	–	4

** Исследование ВЦИОМ, июнь 2000 (N = 1800 человек).*

Если распределить полученные данные по группам, отличающимся уровнем образования в настоящее время, получим такую картину.

Таблица 2

«Достаточный» уровень образования
(в % от численности выделенных групп) *

Наличный уровень образования	«Достаточный» уровень образования			Затруднились ответить
	высшее	среднее	ниже среднего	
Высшее	96	3	0	0
Среднее	44	54	0	2
Ниже среднего	17	61	14	8

** Исследование ВЦИОМ, июнь 2000 (N = 1800 человек).*

Понятно, что практически все обладатели высшего образования считают достаточным свой нынешний образовательный статус. Претензии делят среднеобразованные почти поровну между теми, кто удовлетворен нынешним положением, и теми, кто считал бы достаточным для себя только высшее образование. Наконец, из не получивших полного среднего образования лишь 14% этим довольны, а 78% полагают надлежащим средний или высший уровень. Получается, что потенциал повышения запросов сосредоточен в нижних этажах образовательной пирамиды.

В том же направлении работают данные одного из более ранних исследований («Мониторинг», январь 1996), когда более половины опрошенных (55%) «вполне» или «скорее» были удовлетворены образованием, которое они получили. Причем из высокообразованных удовлетворены 79% (не удовлетворены 18), из среднеобразованных 57% (против 38), из малообразованных – 43% (против 47). Удовлетворенность растет в прямой пропорции к полученному уровню образования, неудовлетворенность – в обратной пропорции. Знаменитое социологическое «правило Матфея» («имущему дастся..») – в том смысле, что запросы растут по мере их удовлетворения) как будто не работает в условиях, где ощутим некий «предел» желаемого уровня образования, причем для большинства населения таким пределом является *среднее* образование, школа. Кстати, за последние годы среднее число лет полученного населением образования составляет 11 лет и не подвержено никаким колебаниям.

«Человек нереализованный» в заколдованном круге

Предельный уровень может быть обнаружен не только в запросах, но и в «предложении», то есть в отдаче, в готовности работать с определенным напряжением сил. Большинство опрошенных неизменно подтверждают, что работают не в полную силу. Довольно малая часть работников отмечает, что в последние годы они стали работать интенсивнее. В апреле 1994 года 12% отмечали, что они работали более напряженно, чем ранее, а 16% – что работают менее напряженно; в мае 1996-го – 17% «более» при 24% «менее». В 1994-м 39% (против 11%) утверждали, что могли бы работать «больше, лучше, чем сейчас»; в 1997 году это соотношение составило 67% против 14%.

Почему возникает подобная ситуация? Нельзя же, в самом деле, сводить объяснение к ссылкам на дурную национальную генетику и трудную историю. (По данным одного

из исследований 1997 года, в качестве главной отрицательной черты россиян 55% назвали «лень».) Вот ключ к более реалистическому объяснению: только 3–4% опрошенных в ряде исследований последних лет (с мая 1994-го по март 1999-го) указывали, что их заработки зависят от собственного труда; остальные ссылались на внешние, государственные силы, правительство, начальство, положение предприятия и так далее. Из всех перемен в формах собственности и методах распоряжения ею, происшедших в стране, значительной части населения (работников) коснулась только одна – неуверенность в завтрашнем дне. (Кстати, отсутствие такой неуверенности считают главным достоинством советской системы те, кто испытывает ностальгию по прошлым временам.)

Отсюда и стабильность установки на небольшой, но гарантированный заработок, который неизменно оказывается заметно более предпочтительным, чем хорошо оплачиваемая, но напряженная работа или риск ведения собственного дела. И в мае 1994 года, и пять лет спустя, в марте 1999-го небольшой гарантированный заработок выбрали бы 60% опрошенных.

Напомню, что, согласно исследованиям по программе «Советский человек», «небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» предпочитали 45% опрошенных в 1989 году, 54 – в 1994-м и 60% в 1999 году.

Так возникает «заколдованный круг» нереализованных возможностей, установок на «гарантии» и готовности довольствоваться «малым». (По данным второй волны программы «Советский человек» (1994), 65% опрошенных соглашались с тем, что «мы привыкли довольствоваться малым и не гнаться за успехом и богатством».) Эти 60–65%, которые вынуждены – скорее все же обстоятельствами, чем привычкой – предпочитать скромные гарантии и невысокие доходы, составляют массовую опору «заколдованного круга» и консервативной ностальгии. Чем и закрепляется взаимозависимость «ограниченной» отдачи (работы средней интенсив-

ности) и ограниченных запросов. И отсюда – «достаточный» уровень *фактической* удовлетворенности людей своей работой, зарплатой, жизнью в целом. На словах, по опросным данным и согласно обыденным наблюдениям, доля людей, отмечающих, что их вполне или в основном «устраивает жизнь, которую они ведут», невелика – 3% в апреле 1994 года, но уже 18% в мае 2000-го. На деле же она гораздо больше, так как доля тех, кто реально рискует, стремясь изменить жизнь, то есть что-то предпринимающих в этом направлении, – весьма мала (как в политическом фольклоре советских лет: «все» недовольны, но все голосуют «за»).

«Человек простой», ограниченный в своих притязаниях и реакциях, был и остается массовой опорой социальной инерции. Устойчивость этого социального типа определяется тем, что он занимает самую стабильную, наименее рискованную «нишу» на данном общественном поле. При более пристальном рассмотрении этой ситуации можно отметить некоторый набор (или даже иерархию) относительно устойчивых позиций.

Потребительские образцы в массовом поведении

На протяжении последних двух лет в исследованиях типа «Экспресс» регулярно ставился вопрос о целях, которые ставят перед собой семьи респондентов.

Таблица 3

Ориентации в жизни семьи
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	Ноябрь 1998	Март 1999	Сентябрь 1999	Январь 2000
Выжить, пусть на самом примитивном уровне	28	22	26	21
Жить не хуже, чем большинство семей в моем городе, районе	48	55	48	46
Жить лучше, чем большинство семей в моем городе, районе	12	10	11	19
Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	9	10	12	11
Жить лучше, чем средняя семья в Западной Европе, США	3	2	4	3

* Исследования типа «Экспресс» (N = 1600 человек).

Как видим, распределение вариантов (притягательность образцов) довольно стабильно. Наиболее неустойчивой является доля выбирающих самый примитивный вариант «выжить...» – колебания ее количества достигают одной трети (что, видимо, показывает наличие декларативного или настроенческого компонента). Около половины опрошенных неизменно предпочитают «срединную» позицию.

Рассмотрим более подробно на материале последнего опроса (январь 2000) семейные ориентации в различных группах.

Таблица 4

Цели семьи
(в % от числа опрошенных)*

Группы	Цели семьи**				
	выжить	...не хуже большинства	...лучше большинства	...как западные	...лучше западных
Всего	21	46	19	11	3
По возрасту					
18–24 года	9	42	31	13	5
25–39 лет	12	49	21	15	2
40–54 года	20	49	16	12	3
55 лет	36	43	12	6	1
По образованию					
высшее	12	44	22	17	5
среднее	14	48	21	13	3
ниже среднего	34	45	14	8	1
По месту жительства					
большие города	21	41	18	15	4
малые города	20	48	19	10	2
села	22	51	19	8	1

* Исследование типа «Экспресс», январь 2000 (N = 1600 человек).

** Формулировки «целей семьи» даны в сокращении, см. табл. 3.

Самый устойчивый показатель – позиция «не хуже большинства окружающих» (разброс значений – не более 20%). В других позициях, как примитивных, так и амбициозных, разброс значений заметно больше – от 2 до 5 раз. Как самая примитивная ориентация на выживание, так и амбициозная позиция («как западные») напрямую зависят от возраста, уровня образования и типа поселения (уровня урбанизации). Позиция «жить лучше большинства» зависит от возраста, на-

личия образования выше неполного среднего и не зависит от типа поселения.

Таблица 5

Уровень жизни и цели семьи
(в % от числа опрошенных по соответствующим группам)*

Группы по уровню жизни	Цели семьи				
	вы- жить	...не хуже боль- шинства	...лучше боль- шинства	...не хуже западных	...лучше западных
По уровню душевого дохода					
низкий доход	25	48	16	11	2
средний	24	46	16	11	2
высокий	7	48	26	15	2
Типы потребительского поведения**					
не хватает даже на продукты	38	43	11	7	1
не хватает на одежду	17	47	21	11	3
не хватает на ТДП	4	50	24	18	3
хватает на все, кроме дорогих вещей	2	53	19	19	7

* Исследование типа «Экспресс», январь 2000 (N = 1600 человек).

** Типы построены по ответам на вопрос «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?»:

1. Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты.

2. На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения.

3. Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас серьезной проблемой.

4. Мы можем без труда приобретать вещи длительного поль-

зования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи.

Определенный интерес представляют жизненные установки различных социально-профессиональных групп. Ничего удивительного нет в том, что пенсионеры чаще ориентированы на «выживание» (38%) или что предприниматели стремятся скорее жить не как большинство (30%), а лучше большинства (37%). Но оказывается, что и предприниматели, и руководители, и служащие нередко сводят свои цели к выживанию; дело, видимо, в том, что в это понятие вкладывается разный смысл. Больше других показывают предельно амбициозные ориентации не предприниматели, как можно было бы ожидать, (только 3% хотели бы «жить лучше западных семей»), а руководители (9%). Наконец, если взять группы по вариантам адаптивного поведения, то установки первых двух («уже приспособились» или «вскоре приспособятся» к переменам) почти не отличаются от средних, а у считающих, что «никогда не смогут приспособиться», более трети (36%) ориентированы на выживание. За исключением предпринимателей во всех профессиональных группах наиболее распространенная установка – на то, чтобы жить «не хуже большинства окружающих», то есть на *средний образец*.

«Статусная» середина

Проводимое в исследованиях ВЦИОМ регулярное отслеживание субъективной статусной динамики дает дополнительные аргументы в пользу этого тезиса. Графически представленные распределения статусных позиций¹ наглядно показывают устойчиво повторяющееся обособление трех групп – нижней, средней и высшей, причем наиболее многочисленной неизменно остается средняя. Так, по данным мая 2000

¹ См.: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 3. С. 6.

года собственное положение в обществе респонденты представляли следующим образом (в % от числа опрошенных):

1.	1 (самое высокое)
2.	0
3.	3
4.	4
5.	19
6.	10
7.	14
8.	17
9.	14
10.	18 (самое низкое)

Очевидны «линии разграничения» высшей группы (1–4 позиции, 8%), средней (5–8, 60%) и низшей (9–10, 32%). Эти разграничения примерно соответствуют распределению респондентов по оси «можно жить» – «можно терпеть» – «терпеть невозможно» (в том же майском опросе: соответственно 10, 54 и 29%).

Сгруппировав статусные позиции по этим трем группам, можно представить себе соотношение «нынешней» (на момент исследования) и «будущей» (через пять лет) статусной иерархии.

Таблица 6

Статусная иерархия сейчас и пять лет спустя
(в % от числа опрошенных)*

Нынешний статус	Всего	Ожидаемый статус через 5 лет		
		высокий	средний	низкий
Высокий	8	88	12	0
Средний	63	21	69	8
Низкий	28	3	21	72
Всего		22	52	26

* Исследование по программе «Советский человек», 1999 (N = 2000 человек).

Средний статус наиболее динамичен (наибольшие ожидания перемен, в основном, в сторону повышения), но остается доминирующим.

Как показано в ряде исследований, возрастной рубеж 40 лет делит население почти поровну – как по численности, так и по установкам в отношении происшедших перемен. Поэтому стоит сопоставить представления о собственной статусной перспективе респондентов. Вот как представляют свое «статусное» будущее в различном возрасте (см. табл. 7а и 7б).

Таблица 7а

«Статусная» перспектива в представлении молодых
(в % от числа опрошенных до 40 лет включительно,
N = 973 человек)*

Нынешний статус	Всего	Ожидаемый статус через 5 лет		
		высокий	средний	низкий
Высокий	11	92	8	0
Средний	69	33	63	3
Низкий	19	7	40	46
Всего		34	52	11

* Исследование по программе «Советский человек», 1999.

Таблица 7б

«Статусная» перспектива в представлении пожилых
(в % от числа опрошенных старше 40 лет,
N = 1027 человек)*

Нынешний статус	Всего	Ожидаемый статус через 5 лет		
		высокий	средний	низкий
Высокий	6	81	19	1
Средний	56	7	76	14
Низкий	36	1	12	85
Всего		9	48	39

* Исследование по программе «Советский человек», 1999.

Установка на «середину» преобладает в старших возрастных группах в большей мере, чем у более молодых. Понятно, что повышения статусной позиции скорее ожидают в «молодой» половине общества; только там повышения статуса ожидают в среднем чаще, чем его понижения.

В данном случае конкретного наполнения «среднего статуса» (поведенческого, ценностного, предметного и прочих) у нас нет: статусная динамика дает лишь субъективные отождествления респондентов с определенной, ими самими выделенной, группой. Нет также и различий между желаемым и ожидаемым статусом. Тем не менее наблюдения субъективной статусной динамики позволяют представить масштабы и устойчивость *ориентации на «средний уровень»*. Это никоим образом не «средний класс» или «средний слой», это просто определенный тип самой распространенной массовой ориентации, сводящийся к стремлению быть «как все» или «не хуже других».

«Потолок» элитарных образцов

Стремление к повышению общественного или потребительского статуса, о которых шла речь, обычно предполагает не просто отталкивание от «середины», но ориентацию на некоторый «повышенный» образец (интересов, благосостояния и прочего). Носителем такого образца выступает либо отечественная *элита*, либо – особенно, в процессах модернизации – влиятельная зарубежная «середина».

Ограниченность тенденций статусного продвижения в современных российских условиях определяется слабостью элиты, которая не способна задать образцы, которые были бы востребованы обществом – прежде всего, потому что она (по крайней мере, ее наиболее массовая часть, «социальная элита») действует в том же «заколдованном кругу», о котором говорилось выше. А элита «высокая» (в смысле удаленности от среднего уровня по претензиям, возможностям и доступу

к благам) уже по одному этому положению вызывает скорее массовое раздражение, чем стремление следовать ее образцу жизни. В случае же, когда такое раздражение подпитывается и прямо организуется властными механизмами, оно довольно легко превращается в агрессию против «новых русских», «олигархов», «расхитителей народного достояния» и так далее. Агрессивный популизм всегда служил надежной опорой и питательной средой для авторитарных режимов; развитие ситуации на российской политической сцене в последние месяцы это еще раз подтверждает.

За последние годы наши сограждане как будто привыкли относиться к людям состоятельным, недавно разбогатевшим довольно терпимо и даже с завистью. В исследовании третьей волны по программе «Советский человек» (1999, N = 2000 человек) задавался вопрос *«Кому окружающие Вас люди чаще всего завидуют?»*. Вот что ответили респонденты (в % от числа опрошенных):

Богатым, обеспеченным	60
Удачливым, тем кому везет	38
Занимающим высокое положение	25
Молодым, здоровым	20
Тем, кто поездил по миру, видел разные страны	16
Талантливым, умным	15
Красивым, имеющим успех у мужчин (женщин)	13
Сильным, упорным	9
Свободным, независимым	9
Никому	4
Затруднились ответить	10

Итак, богатым завидует большинство; вопрос в том, *какая* это зависть. Судя по тому, что ближе всего к богатству как предмету зависти по частоте упоминаний оказывается удача, а дальше – высокий статус, можно полагать, что перед нами скорее «зрительская», чем деятельная («белая») за-

висть. (Но почему столь редко завидуют «умным», «сильным» или «свободным, независимым»? Должно быть, тоже потому, что это деятельные ценности.) А зрительская зависть легко превращается в агрессивную, «черную».

Так, изменение формулировки вопроса об отношении к богатым (добавление таких не вызывающих массовых симпатий атрибутов, как «недавно разбогатевшие» и «во главе банков, фирм...») сразу ставит реакцию «зависти» в один ряд с резко негативными оценками. Эти люди вызывают уважение, симпатии, сочувствие у 21% опрошенных, зависть – у 8, раздражение, гнев, возмущение – у 53, страх – у 3% (то же исследование).

Такое распределение реакций имеет под собой вполне реальную основу: высокий, почти непроходимый барьер между «простыми» и «продвинутыми», элитарными группами. Обусловлено это в значительной мере тем, что более или менее современные формы богатства, благосостояния, свобод и пр. не «выросли» на родной почве, а как бы свалились на голову человеку, привыкшему к иной общественной иерархии. Даже будучи более или менее привычными, все эти феномены остаются чужеродными и сомнительными.

Функции элит неодинаковы в различных типах обществ. Элита традиционного общества (старого российского, старого китайского) ориентирована на поддержание статического образца порядка и ценностной иерархии. В этой роли, да и по способу своей организации и воспитания, элита смыкается с правящей бюрократией или сословной системой власти. В условиях «догоняющей» модернизации определенная часть элиты (а если модернизация носит характер государственной, то вместе с бюрократией и даже под ее началом) занимается внедрением и адаптацией новых, заимствованных извне образцов поведения и ценностных ориентиров. В обществах, которые принято относить к развитым, социальная модернизация не выступает специфическим типом деятельности, функции элит диверсифицируются, предполагают обеспече-

ние многообразия и обновления самих образцов; обособленность и мисонерская роль элиты (в частности, интеллектуальной) в этом случае теряют смысл. Одна из особенностей общественного развития современной России в том, что элитарные группы постоянно пытаются совмещать функции модернизирующих и традиционных элит в условиях, когда такое сочетание стало бесплодным.

«Чужие» образцы – привлекательные и отталкивающие

За прошедшие десять лет наиболее разительные перемены произошли в сфере отношений России и ее граждан с другими странами (торговля, поездки, информация и прочее). Наверное, за эти годы люди в нашей стране в целом узнали о внешнем мире, в том числе и на собственном опыте, больше, чем за предыдущую сотню лет. Большинство населения относится к этим переменам весьма одобрительно, считает полезным расширение контактов.

И в то же время исследования показывают, что в населении не только сохраняются, но по некоторым позициям даже усиливаются настороженность, опасения, иногда и прямо враждебность по отношению к правительствам, деловым кругам, массовой культуре западных стран. Не говоря уже о том, что продолжают действовать те стереотипы восприятия действий НАТО и самого этого блока, которые сформированы в разгар холодной войны. К этому добавляется недовольство займами, кредитами, недоверие к деятельности иностранных бизнесменов, фирм, банков, благотворительных фондов в России.

Получается парадоксальная ситуация: как будто мирно сосуществуют тенденции сближения и отгораживания страны от остального мира. «Западный» образец виден простым глазом, но не пробуждает массового желания ему подражать. Разрешить видимый парадокс можно, внимательнее рассмот-

рев, какой *смысл* имеет для «нашего» человека «западный» образец.

Возьмем для простоты два варианта этого образца – потребительский и политический. Долгие времена недоступности и запретов как будто давно миновали, оставив, однако, за собой довольно устойчивое наследие – стереотипы, способные не только сохраняться, но и воспроизводиться. Для этого имеются серьезные основания.

Информационная *«витрина»* европейско-американского образа жизни стала доступной еще советскому обывателю во второй половине 80-х годов, после падения «железного занавеса». В начале 90-х, после падения Берлинской стены и всех перемен, за этим последовавших, нашему человеку стал доступен и *«прилавок»* сегодняшней мировой цивилизации с ее выбором товаров, услуг, комфорта и прочего. Но никоим образом не *«кухня»*, не *«фабрика»* (я имею в виду прежде всего «социальную фабрику», то есть ту систему общественных отношений, которая делает возможным современный уровень производства и потребления, – в том числе и современный уровень культуры труда, запросов). Надежды на то, что с открытием двери в мир удастся без проблем сразу перенести на родную землю не только привлекательные «плоды», но и способы их выращивания, не оправдались. Более того, именно близкое знакомство с чужим образом организации жизни показало, насколько высок «барьер», реально отделяющий нас от современного мира. Отсюда – шок, раздражение, комплекс неполноценности, новые попытки самоизоляции. Разумеется, направляемые консервативно-патриотической идеологией, подкрепляемые кризисной ситуацией в экономике, и прочее.

Примерно то же произошло и в отношении общественно-го мнения к «западным» по происхождению институтам и ценностям. Прямые связи (визиты, знакомство) с этими институтами – при демонстративном принятии парламентских «лейблов» – опять-таки показали масштабы разрыва между

реально действующими политическими механизмами «здесь» и «там». Сдвиги на политической сцене за последние месяцы лишь подтверждают, с какой легкостью отечественный парламентаризм превращается в административно-направляемый.

На этой основе в первую очередь (а вовсе не на наследии славянофильских концепций прошлого века) строится весь набор современных вариантов концепции «особого российского пути». В современных условиях эта концепция более влиятельна и более значима, чем любые варианты «красного реванша». Идеи новой великодержавности, нового изоляционизма или «нового колониализма» группируются вокруг этой оси. Рамка «самобытности» (точнее, собственной исключительности; не следует смешивать с национальными, историческими, психологическими и другими особенностями, которые имеются у всех и всегда) – самый распространенный в российском массовом и политическом сознании способ оправдания собственной косности. И в то же время – рамка восприятия «внешнего» мира как извечно и навечно «чужого».

Таблица 8

«По какому историческому пути должна идти Россия?»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	Доля опрошенных
По общему для современного мира пути европейской цивилизации	15
Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз	18
Идти по своему собственному, особому пути	60
Затруднились ответить	7

* Исследование типа «Экспресс», апрель 2000 (N = 1600 человек).

Идею «особого пути» поддержали 65% голосовавших за В. Путина на президентских выборах 2000 года, 62 – из поддержавших Г. Явлинского и 45% сторонников Г. Зюганова. (Наибольшая доля, 75% приверженцев «особого пути» среди голосовавших «против всех»...)

Если в 1994 году 54% соглашались с тем, что «за годы советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить» (не соглашались 29%), то в 2000-м с таким мнением согласны уже 68% против 21% (исследования: «Советский человек», 1994 и «Экспресс», апрель 2000).

Существенно при этом, что после всех лет видимого сближения России с западным миром уровень массовых *опасений* относительно «чужих» (а точнее, комплекса подростковой неполноценности в отношении «взрослых») не уменьшился, а вырос.

Таблица 9

«Нам никто не желает добра...»
(в % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	1994	2000
Согласен**	42	66
Не согласен***	38	27
Затруднились ответить	20	7

* Исследования: по программе «Советский человек», 1994 (N = 3000 человек), типа «Экспресс», апрель 2000 (N = 1600 человек). Задавался вопрос «Согласны ли Вы с тем, что Россия всегда вызвала у других государств враждебные чувства, нам никто не желает добра?».

** Сумма ответов «согласен» и «скорее согласен».

*** Сумма ответов «скорее не согласен» и «совершенно не согласен».

Политический идеал – упрощение порядка

Общественно-политические сдвиги в России за минувший год (с августа 1999) позволяют сделать некоторые поучительные выводы о характере и пределах массовых политических настроений. Общественное мнение как будто довольно легко поворачивается у нас от симпатий к демократии к поддержке авторитарного популизма. Этот сдвиг представляется легким потому, что он давно был подготовлен. Демократические тенденции и лозунги никогда не были подкреплены ни массовым участием в политической жизни, ни организованностью политических сил, ориентированных на демократические ценности. Процесс «властного перехода», который рассматривался ранее, показал ограниченность возможностей политического развития российского общества. Демократическая модель, «вброшенная» в массовое сознание в конце 80-х годов (и несомненно поддержанная им не только на столичных митингах, но во время всеобщих выборов 1989–1991 годов) оказалась слишком сложной, а потому и «чужой» для большинства населения. После десятилетия «ельцинских» перемен и кризисов это большинство жаждет порядка и покоя – в тени «сильной руки». При всей смутности массовых представлений о содержании желанного «порядка», одна его черта очевидна: это порядок, наводимый «сверху», при пассивной покорности большинства и при отсутствии деятелей и движений, которые были бы способны предложить иной, собственно демократический образец порядка.

К концу июня 2000 года только 14% опрошенных (исследование типа «Экспресс», N = 1600 человек) усматривали в развитии событий в стране после президентских выборов «становление диктатуры». Гораздо чаще отмечали такие варианты, как «сохранение прежних (ельцинских) порядков (31%) или даже «развитие демократии» (23%). Но примечательно то, что мнения о полезности диктатуры для сего-

дняшней России делятся почти поровну: 40% «за» при 43% «против».

Авторитарный, в том числе и авторитарно-популистский порядок всегда «проще», примитивнее, ниже по уровню организации по сравнению с демократическим. Он сводит управление к командованию, подменяет политический авторитет простым насилием (судебным, полицейским, военным). Готовность – пока, впрочем, скорее декларативная – принять подобное упрощение составляет сегодня важнейший признак ограниченности политического «потолка» человека и времени.

«Мониторинг...» 2000. № 4

КООРДИНАТЫ ЧЕЛОВЕКА*

* Воспроизводит текст раздела III из книги «Ищем человека», М., 2006 г.

ЧЕЛОВЕК В КОРРУПТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В последнее время проблемы российской коррупции интенсивно обсуждаются экономистами, юристами, политологами и социологами как в нашей стране, так и за рубежом. Не подлежит сомнению, что масштабы распространения коррупции и ее влияние на экономику, политику, внешнеэкономические отношения в последние годы существенно увеличились. Об этом свидетельствуют нескончаемые скандальные разоблачения и судебные разбирательства (чаще всего – безрезультатные) в отношении крупных чиновников и бизнесменов, обвиняемых в незаконном присвоении государственного имущества, корыстном использовании зарубежных кредитов и инвестиций, «отмывании» огромных денежных сумм в западных банках и т.д. Подтвердить или опровергнуть такие обвинения бывает весьма трудно, потому что в установлении истины часто не заинтересованы российские политические и судебные власти, опасющиеся компроментации многих чиновников высокого ранга. Кроме того, обвинения в коррупции иногда используются для преследования политических оппонентов и критиков правительства.

В июне-июле 2000 года ВЦИОМ в сотрудничестве с Московской школой политических исследований и Международным республиканским институтом (США) провел широкий опрос, чтобы выяснить отношение населения к различным аспектам коррупции в современном российском обществе. Опрос проводился по всероссийской репрезентативной выборке 1600 человек, охватывающей все основные регионы и слои городского и сельского населения страны¹. Полученные результаты позволяют лучше представить масштабы коррупции в различных сферах жизни, а также причины терпимости значительной части населения к этому явлению.

¹ Все данные, приводимые в настоящей статье без специальных оговорок, получены в этом исследовании.

Возможности опроса общественного мнения в изучении проблемы коррупции ограничены, во-первых, полем зрения «массового» человека, а во-вторых, распространенностью стереотипов восприятия феномена коррупции. Но значительную ценность имеют массовые представления относительно коррумпированности различных институтов или профессий, распространенности различных форм подкупа и вымогательства, обусловленные непосредственным опытом респондентов. В общественном мнении откладываются прежде всего не политические или юридические, экономические, а «человеческие» аспекты коррупции – готовность массового человека отвергать или принимать условия коррумпированного существования, мера вынужденного приспособления к этим условиям. По сути, дела речь идет о *коррумпированности* самого человека в корруптивных общественных условиях.

Феномен коррупции (в исходном смысле – подкупа, вымогательства, взяточничества) обсуждается и осуждается в России на протяжении по меньшей мере трех последних столетий. Многочисленные призывы к «искоренению» и кампании «борьбы», которые имели место за эти столетия, при совершенно разных общественных и политических системах – со времен Петра Великого до ранних и поздних периодов существования советской системы – оказывались равно неуспешными. По оценкам опрошенных, действия нынешнего российского президента В. Путина по ограничению произвола коррумпированных чиновников и бизнесменов пока приносят мало успехов.

Что такое коррупция?

Исходный, простейший смысл термина «коррупция» – подкуп, продажность чиновников, которые берут деньги в собственных корыстных интересах. Но нынешний феномен коррупции, в частности в России, явно не сводится к такой простой характеристике. В корруптивные акции вовлекаются

не только чиновники разных рангов (от начальников различных ведомств до рядовых клерков, инспекторов, сторожей и т.д.), но и преподаватели, журналисты, врачи – все, кто обладает привилегией оказать или не оказать определенную услугу, разрешить или запретить, ускорить или замедлить исполнение какого-то важного для «соискателя» дела (а также сделать его получше или «обычно» и т.д.). Не обязательно коррупция означает прямое нарушение законного порядка: нередко, скажем, взятку вымогают за самую простую и совершенно законную услугу (выдачу справки, разрешения). К тому же при самом совершенном законодательстве и регламентации – от чего наша жизнь, как известно, довольно далека – всегда имеются какие-то люфты, зазоры, которые могут пониматься и использоваться по-разному. В коррупционной сделке не всегда фигурируют деньги (или другие материальные блага). Как и во всей российской экономике, во многом далекой от современных рыночных принципов, здесь широко применяется бартер – обмен услугами. Причем к услугам можно отнести, например, исполнение незаконного приказа в «обмен» на благорасположение руководящего лица; обмен услугами в такой ситуации осуществляется как бы «по вертикали» зависимости. Кроме того, мотивация коррупции может быть связана не только с лично-корыстными интересами, но и с корпоративными, фирменными, ведомственными. И в советских, и в постсоветских условиях корпоративные ориентации всегда были не менее важны, чем противостоящие им (и связанные с ними) индивидуальные.

Феномен коррупции представляется довольно сложным и – по крайней мере, потенциально – всепроникающим. Это не значит, что все и везде намеренно погрязли в коррупции или непосредственно страдают от нее. Дело в том, что здесь перед нами один из характерных элементов определенного социального механизма (его «сочленений», «узлов», «регуляторов», «энергетических ресурсов») в определенных условиях его деятельности. В той или иной степени коррупция про-

низывает различные сферы общественной жизни современной России.

Чаще всего к коррупции население относит получение взяток чиновниками разного уровня, подкуп государственных служащих, «блат, кумовство» (использование родственных и других личных связей при устройстве на работу, получении выгодного заказа, неоправданных льгот и привилегий), лоббизм.

Ответы на вопрос «Что такое коррупция?» распределились следующим образом.

Таблица 1

«Что такое коррупция?»
(% от числа опрошенных)

Расхищение государственной собственности, воровство	41
Содействие чиновниками коммерсантам в заключении выгодных для тех сделок за вознаграждение, долю в прибыли	10
Содействие чиновниками коммерсантам в уменьшении налогов или в уклонении от налогов, пошлин, других выплат в государственный бюджет	6
«Проталкивание» на важные должности «нужных людей»	12
«Проталкивание» чиновниками нужных решений (лоббизм)	7
Использование должностными лицами своего положения для личного обогащения	22
Взяточничество	28
Взяточничество в высших органах власти	24
Взяточничество муниципальных чиновников, инспекторов дорожного движения	8
Круговая порука чиновников	13
Сращивание государственного аппарата с криминальным миром	19

Примечание: сумма превышает 100%, поскольку некоторые респонденты указывали более одной позиции.

Массовые представления о коррупции питаются различными источниками – личным опытом (непосредственным и косвенным, т.е. суждениями знакомых и пр.), стереотипами массмедиа, сложившимися установками в отношении государственных институтов и т.д. В любом варианте в центре внимания оказывается преимущественно хорошо заметная «верхушка айсберга»; скрытые от внешнего наблюдения конструктивные элементы феномена фиксируются редко.

Заметно в то же время, что опрошенные склонны относить к коррупции целый ряд негативных, «ненормативных» акций разного рода или таких, в которых коррупция присутствует в качестве одного из элементов (расхищение государственного имущества, бюрократические процедуры, связи чиновников с организованной преступностью, нецелевое расходование средств и др.). В каждом из таких действий в качестве составной части может присутствовать и взятка, подкуп, вымогательство, но они не определяют весь характер происходящего нарушения.

Характер корруптивной сделки

Как можно полагать, определяющим признаком корруптивного действия является особый тип социально значимой *сделки*.

Корруптивная сделка – это прежде всего сговор (явный или неявный, вполне или не вполне осознанный) о некотором нарушении принятой нормы, правила, традиции, установленного порядка. Грубо говоря, с помощью взятки приобретают не товар, услугу, заказ и т.п., а некую (незаконную, запретную или незаконно установленную) льготу, привилегию на приобретение товара или услуги. Поэтому подкуп принципиально отличается от покупки. *Покупают* товар, благо, продукт труда. *Подкупают* продавца, сторожа, распределителя монопольного или дефицитного блага. В классических экономических моделях поведения, восходящих к А. Смиту,

в любом акте купли-продажи (товара, услуги, труда) партнеры исходят из своих собственных интересов. В нормальных, устойчивых экономических отношениях выступают на первый план долгосрочные интересы, которые могут реализоваться только с учетом интересов других субъектов действия и общезначимых норм. Регулярное экономическое поведение, в принципе, строится по универсально применимым образцам. Корруптивная сделка, в отличие от такого образца, всегда строится на краткосрочных, моментальных и сугубо партикулярных интересах участников (схватить, что удастся, не задумываясь о дальних последствиях). Она всегда нарушает или обходит общепринятые нормы и чужие интересы.

К тому же, если покупка (при понятных оговорках) может рассматриваться как самостоятельное действие, приводящее к переходу нужного блага в другие руки, то подкуп – всегда действие дополнительное, подсобное, которое лишь создает условия для такого перехода. Это, разумеется, содержание сделки с позиции «подкупающего» (взяткодателя), нуждающегося в данном благе. Для «подкупленного» (взяткополучателя или вымогателя) корруптивная сделка означает получение дополнительного выигрыша от незаконного использования своего положения сторожа, распределителя и т.п. (О «дополнительности», конечно, говорится в смысле сопоставления функций, а не размеров соответствующих затрат или выигрышей.) Если рассматривать корруптивное действие как выполнение некоторой «работы», то эта работа совершается не за зарплату, не по долгу, не по принуждению, не по приказу, а за дополнительную приплату как цену нарушения нормы.

В любом случае корруптивная сделка играет роль дополнительного механизма (триггера, включателя), который приводит в движение, направляет или тормозит какие-то потоки социально востребованных благ, услуг, действий.

Особая проблема – кто и когда (какой тип социальной системы) допускает существование такого механизма, более того, *нуждается* в нем.

В механизме корруптивного акта могут использоваться как «подкрепляющие» санкции (обещание вознаграждения), так и «угрожающие» (угроза лишения дохода, статуса). Возможности у них неодинаковые: побудить к нарушению какого-то запрета можно и с помощью подкрепления, и с помощью запугивания, но побудить сделать что-либо лучше, видимо, можно только дополнительным поощрением.

«Вертикали» корруптивной сделки

В принципе участники любой корруптивной сделки заведомо неравноправны. На одной стороне, «сверху» – обладатель некоего исключительного права (привилегии), на другой, «снизу» – проситель, желающий или вынужденный пользоваться чужой привилегией (сделка «начальник – подчиненный» – частный случай такой ситуации). Инициатива сделки может при этом исходить как сверху, от обладателя (вымогательство), так и снизу, от просителя («просто» подкуп). Причем «верх» и «низ» определяются позициями именно в рамках данной сделки, а не социальным статусом или уровнем дохода и пр.; скажем, богач, подкупающий сторожа, чтобы получить доступ на склад, занимает в такой сделке «низшую» позицию.

Корруптивная сделка всегда организована «вертикально», потому что по своему определению предполагает «нормативный переход», нарушение установленной нормы, запрета, привычки.

Но, пожалуй, наиболее наглядно принципиальное различие позиций участников корруптивной сделки в ситуациях группового или массового подкупа. И не только в экономической сфере: технологии массового подкупа потребителей и избирателей достаточно близки. Содержание типичной кор-

руптивной сделки выражено в формуле, приводившейся в свое время популярным американским психологом Вэнсом Паккардом: «Мы не товар продаем, а потребителей покупаем». Общая схема «подкупающей» сделки сводится к тому, что потенциальному покупателю (в некоммерческих вариантах – зрителю, избирателю) предлагается некоторая «приманка» (подарок, обещание), исполняющая функции пускового, триггерного механизма, способная побудить колеблющегося потребителя сделать определенный выбор. Адресатом коммерческого или политического соблазна может быть, естественно, только группа, не имеющая устойчивых склонностей или соответствующих антипатий, – та самая середина, «болото», которая может создать необходимый перевес, особенно в ситуации «сумеречного» массового выбора, при отсутствии устоявшихся политических симпатий, неясности ориентиров.

Популистская политика, столь часто востребуемая в электоральные и кризисные периоды – рассчитанная на соблазн (или также запугивание), на использование массовых, чаще всего не слишком возвышенных страстей, – типичный пример массового политического подкупа. Одна из особенностей его механизма состоит в том, что он направлен не столько на какое-то множество людей, сколько на создание такой общественной атмосферы (восторга или страха – не столь важно), в которой с большей вероятностью люди склоняются к требуемому от них варианту поведения.

Массовый подкуп, как экономический, так и политический, как и любая иная корруптивная сделка, – транзакция «о двух концах». Компания, подкупающая массового потребителя, не только манипулирует его поведением, но и зависит от него, пытается угодить его вкусам. Аналогичным образом оказывается зависимым от общественного мнения политик (со всеми своими рекламистами и «технологами»), манипулирующий этим мнением. Такая двусторонность отличает сделку от «простого» насилия, в том числе и массового. Ко-

нечно, силы сторон неравны – высокая организованность и изодренность, с одной стороны, и разобщенность, наивность и пр. – с другой. Но на «другой» стороне еще и массовость, и привычки, в том числе привычное лукавство. Если одна сторона («сверху») стремится подкупить, то вторая («снизу») надеется «откупиться» от излишних претензий, сохранить что-то свое и т.д. – по всем правилам «лукавого двоемыслия», о котором приходилось размышлять ранее.

Важным дополнением или даже альтернативой соблазняющего подкупа в популистской политике нередко служат факторы утращения – нагнетание настроений тревожности, угрозы хаоса и бедствий, которые могут явиться результатом нежелательного выбора, конструирование пресловутых «образов врага», нападкн на конкурентов и т.д. – все то, что предъявили российскому обществу избирательные кампании 1999-2000 годов, первые предельно деидеологизированные, «технологические» (манипулятивные).

В структуре массовой корруптивной сделки, как и во многих других массовых процессах и феноменах, можно обнаружить «игровой» аспект: вовлеченные в сделку не всегда воспринимают ее всерьез. Так, значительная часть избирателей 1996 года обычно довольно спокойно относится к невыполнению избранным должностным лицом своих обещаний. Большинство российских избирателей на выборах президента в 2000 году столь же спокойно восприняли отсутствие у претендента конкретных обещаний. Видимо, люди рассчитывали скорее на обещания, чем на реальные действия, а потому готовы были довольствоваться тем, что им оказали внимание, т.е. символическим или эмоциональным вознаграждением.

Еще один, особый (точнее – предельный) вариант корруптивной вертикали – сделка с собственной совестью, т.е. нарушение наиболее фундаментального нравственного запрета под влиянием актуальных соблазнов и страхов.

Отметим, что в общественном мнении «вертикаль» кор-

рупции как нравственной и политической проблемы воспринимается довольно часто. 34% опрошенных склонны рассматривать коррупцию как проблему экономическую, 30% – как политическую, 24% – как нравственную (12% затруднились дать ответ). Нравственные оценки коррупции чаще встречаются у лиц с более высоким образованием.

«Корруптивные» времена

В традиционно-советском социальном мировосприятии коррупция обычно связывается с рынком, товарно-денежными отношениями. Но нормальный, развитый, бездефицитный рынок и в теории, и в реальной истории – наименее коррумпирован, потому что не нуждается в «триггерах» коррумпированного образца. (Точнее, он коррумпирован лишь там, где он остается «ненормальным», монопольным, распределительным.) Наиболее коррумпированы сейчас страны с переходными экономиками и неустановившимися «правилами игры» в обществе. Согласно оценкам опубликованного в сентябре 2000 года международного «Индекса восприятия коррупции» (Corruption perception index), Россия входит в первую десятку наиболее коррумпированных стран.

По данным исследования ВЦИОМа, 29% опрошенных считает Россию «одной из самых коррумпированных стран», еще 30% полагают, что уровень коррупции в ней выше, чем в большинстве стран, 26% – что коррупции в стране «столько же, как в большинстве других стран», и только 4% – что этот феномен у нас представлен слабее.

В обществе явно преобладают мнения о резком росте коррумпированности современной российской жизни не только по сравнению с советским периодом, но и с положением, существовавшим год-два назад. Так, 62% опрошенных уверены, что размеры коррупции в России сейчас больше, чем при советской власти (по мнению 17% – столько же, 11% – меньше). Это представление чаще разделяют высокообра-

зованные (64%) и, разумеется, ностальгирующие по лучшему прошлому сторонники коммунистов (72%, среди демократов – 54%). А суждения относительно изменения коррумпированности за последний год делятся поровну: 41% считают, что ее масштабы увеличились, 42% – что они остались примерно такими же (только 6% усматривают уменьшение).

Представления о ежегодном росте коррупции опросными данными не подтверждаются. Сопоставим результаты двух исследований типа «Экспресс», проведенных в 1995 и 1999 годах.

Таблица 2

«Приходилось ли Вам попадать в такие ситуации, когда у Вас вымогали взятку?»

(N = 1700 человек, % от числа опрошенных)

	1995	1999
Много раз	9	5
2-3 раза	9	8
Один раз	7	9
Никогда	73	76
Затрудняюсь ответить	2	3

Практически никакой динамики не заметно. Можно полагать, что суждения о постоянном росте коррупции просто транслируют распространенные впечатления, основанные на сравнении нынешнего положения с неким прошлым. А вот эти последние требуют содержательных объяснений.

Наблюдаемый за последнее время (за пять-десять лет) всплеск явной, неприкрытой и непосредственно денежной коррупции связан, по всей видимости, с несколькими тенденциями. Во-первых, с общим кризисом нормативных структур общества, который происходит в условиях социально-экономических, политических, нравственных переломов, одновременного обесценения и сочетания разнородных социальных регуляторов. Во-вторых, с тем, что скрытые ра-

нее механизмы «триггерного» стимулирования, о которых выше шла речь, вышли на поверхность в ситуации развала сложившихся ранее структур социального контроля (в число которых всегда входят и приемы социального лицемерия, двоемыслия). И, конечно, с большей свободой массмедиа, которые придают широкую гласность ранее скрывавшимся фактам коррупции, особенно среди высокопоставленных чиновников.

Все и всяческие формы корруптивных сделок и связей приобретают большой размах и значение преимущественно в переломные эпохи и в пограничных средах общественных отношений – там, где ослаблены «обычные» взаимосвязи между личными и официальными, корпоративными и государственными, локальными и центральными интересами. Коррупция неизбежно растет – и обращает на себя внимание – в переходных исторических ситуациях, когда длительное время сосуществуют разные нормативно-ценностные системы, когда «старые» уже дискредитированы, а «новые» не утвердилась достаточно прочно. Причем, что особенно важно, это относится не только к внешним (правовым, полицейским) системам социального контроля, но и к «внутренним» (нравственным, личностным) регуляторам поведения.

Известно, сколь широко пронизаны коррупцией эпохи падения античного и средневекового Рима, период разложения сословного строя в Европе, особенно же – поздняя модернизация в странах Азии, Африки, Латинской Америки. В традиционной (допетровской) России градоначальники принимали подношения и «кормились» от вверенного им населения на вполне легитимных, по тем временам, основаниях. Но когда в более поздние и уже несколько просвещенные годы чиновники брали взятки с обывателей, это стало вызывать шумное и беспомощное осуждение, отраженное в классической русской литературе и публицистике.

Бурные всплески коррупции наблюдались на всех переломах отечественной истории – в том числе в период станов-

ления и разложения советского строя, в последние годы трудного перехода России к рыночному обществу.

Советское «наследие»: общество соблазненное и запуганное

Одна из особенностей происходящего в настоящее время в России и других постсоветских странах социального перехода состоит в том, что исходной позицией этого процесса являлась не «обычная» стабильная ситуация, а состояние глубокого внутреннего, в значительной мере скрытого, общественного кризиса и разложения.

В распределительном и репрессивном обществе, каким мы знали советское, постоянным элементом обыденной жизни была погоня за дефицитными товарами и еще более дефицитными льготами. Столь же постоянными были и корруптивные сделки с торговцами, чиновниками и властью «в целом», как институтом. Средствами «оплаты» служили не только деньги, но и услуги, включая показную лояльность и ретивое доносительство. *Купить*, скажем, квартиру было почти невозможно, а вот *подкупить* распределяющего чиновника или начальника – можно. Государство, монопольный собственник, никогда не платило работникам «по труду», но постоянно подкупало их подачками, надбавками, теми же льготами. А население, со своей стороны, на деле никогда не «расплачивалось» с государством – не имея ни средств, ни желания для этого – но *откупалось*, платя «дань» косвенными налогами, обязательными поставками и просто смиренным терпением. «Верх» и «низ» как бы постоянно менялись местами (функциями), что, впрочем, не уравнивало их возможностей. Достаточно организованный государственный Левиафан, подкупающий и запугивающий население, и разобщенные – в том числе тем же набором устрашений и приманок – заведомо неравноправные и неравномошные партнеры сделки.

Система корруптивных сделок пронизывала общество в разных направлениях, хотя непосредственно экономическое (денежное) выражение получала сравнительно небольшая ее часть. Собственно денежные формы в этих механизмах имели вторичное значение просто потому, что в обществе, где правили страх и льготы, деньги играли подсобную роль. Но без такого механизма дополнительных, «триггерных» усилий не могли вращаться «колеса» даже самого развитого социализма, не мог поддерживаться «баланс» понуждения и терпения его социальной системы.

В обществе советского периода за все десятилетия его существования не были найдены регулярные, «нормальные» механизмы взаимодействия между государством и человеком, стимулирования труда, инициативы и т.д. «Привлечение к труду – главная проблема социализма», – говорил В. Ленин в 1920 году, и эта формула сохранила свое значение для всего советского периода с его нескончаемыми попытками добиться эффективных отношений между властью и подданными. Все их варианты укладывались в описанную выше модельную схему корруптивной сделки – и взвинчивание настроений направленной массовой ярости или деланого энтузиазма, и атмосфера массового страха, и искусственные стимуляторы «ударного» труда. Все они сопровождалось шумными пропагандистскими кампаниями, бесконечными приписками в отчетах, созданием образов «врагов» и «героев». Использовались оба типа корруптивной стимуляции: репрессивный и поощрительный, с помощью дисциплины устрашения пытались обеспечить какой-то внешний порядок (выход на работу), с помощью надбавок и наград – трудовые подвиги. Реальные результаты – производительность труда в контексте международных сравнений – оказались мизерными.

Отсюда, конечно, и болезненность того обвала, который в начале 90-х годов почти моментально обесценил систему скрытой и явной, но преимущественно неэкономической, коррупции и вывел на поверхность общественной жизни

«денежные» стимуляторы поведения, причем в самых архаичных и примитивных формах. Лишенное (точнее, не имевшее) «нормальных» регуляторов общество оказалось захваченным всепроникающими сериями корруптивных сделок различного масштаба, но однотипных по структуре и механизмам действия. Причем если для советских времен характерной была сделка, в которой статус (власть, привилегии) обменивались на богатство, т.е. использовались как средство обогащения, то сейчас характерным стал обмен богатства на статус. Престижные позиции, выборные должности, полезные решения и т.д. стали покупными, причем безо всяких внешних или внутренних ограничений, поскольку системы социального контроля действовать перестали.

Социальное пространство коррупции в массовом воображении

Распределение мнений о сферах большего или меньшего распространения коррупции в нынешнем российском обществе представляет интерес в двух отношениях. Это довольно ценный показатель установок населения по отношению к социальным институтам, прежде всего – институтам власти. А также показатель рамок личного и вторичного (масскоммуникативного) опыта знакомства с этим феноменом.

73% опрошенных полагают, что «взяточничества и коррупции больше в государственном секторе», и только 13% отдают приоритет частному сектору. Чаще всего при этом (45%) взяточничество приписывают руководителям предприятий и учреждений, реже (24%) должностным лицам среднего уровня, совсем редко (3%) – младшему персоналу; 23% считают, что берут взятки «все в равной мере».

Очевидно, здесь перед нами характерная для российского общественного мнения склонность искать источники «зла» (и ответственности) прежде всего в *государстве*, и притом преимущественно «*наверху*».

В *таблице 3* представлено распределение мнений относительно коррупции в различных учреждениях.

Как видим, верхние строчки в таблице занимают правоохранительные органы, т.е. те, которые как будто призваны в первую очередь препятствовать беззакониям. Причем это учреждения, о деятельности которых люди в значительной мере знают по собственному опыту (или по опыту родственников, соседей). Такие институты, как службы госбезопасности или президентская Администрация, известны большинству населения только по косвенным источникам – из СМИ, из политической мифологии. Поэтому место, которое приписывается подобным организациям на «коррупционной шкале», связано с общими установками доверия/недоверия. Преобладают мнения о высокой степени коррумпированности почти всех перечисленных в опросе государственных, общественных и экономических институтов; только церковь и школа кажутся мало подверженными этому злу.

Таблица 3

«Насколько широко распространены коррупция и взяточничество в таких учреждениях, как...»
(% от числа опрошенных)

	Мало*	Широко**
Милиция, МВД	9	83
Суд, прокуратура	13	79
Государственная инспекция дорожного движения	8	72
Налоговые службы	15	71
Военные комиссариаты	18	69
Крупные компании, банки	16	69
Министерства и ведомства	14	69
Вузы	18	71
Власти города, района	17	71
Власти края, области	16	71
Государственная Дума	17	67

	Мало*	Широко**
Таможни, пограничные службы	17	64
ТВ, СМИ	29	57
Больницы, здравоохранение	36	55
Воинские части	26	55
Администрация Президента	27	54
Службы госбезопасности	29	46
Промышленные предприятия	38	44
Школы	56	31
Церковь	55	19

Примечание: данные ранжированы по частоте «положительных» ответов.

** Сумма ответов «совсем нет» и «не очень распространены».*

*** Сумма ответов «довольно распространены» и «очень распространены».*

Правда, около трети опрошенных надеются, что с приходом к власти нынешнего президента коррупции в стране все же будет меньше. В этом случае наблюдается очевидная связь таких надежд с оценкой действий президента. Из одобряющих деятельность В. Путина (их на момент опроса было около 60%) 41% полагают, что масштабы коррупции уменьшатся, из не одобряющих – только 14%. Прямая связь суждений о судьбе коррупции с политическими надеждами очевидна. В сентябре 2000 года, через год после прихода В. Путина к власти (в качестве премьер-министра России), 15% опрошенных сочло, что после избрания В. Путина президентом (в марте) воровство и коррупции в руководстве России стало меньше, 11% – что эти явления стали более распространены, а 66% – что ничего не изменилось.

Приведенный выше материал позволяет представить некоторые черты широко распространенного в нынешнем российском обществе *патерналистского* сознания. И государст-

венные учреждения, и чиновников население оценивает по делам их – и оценивает довольно критически. В общественном мнении сохраняется весьма высокий уровень одобрения деятельности президента, заметно реже одобряют премьер-министра, а также губернатора. Все же остальные властные институты – обе палаты парламента, представители президента – характеризуются преимущественно негативно. Только 10% опрошенных в августе 2000 года (N = 1600 человек) согласны с тем, что уважение к власти за последние десять лет возросло, 84% полагает, что за эти годы власть стали меньше уважать. Но при этом надежды населения на заботу и помощь со стороны государства в значительной мере сохраняются. Причины такого расхождения оценок носят, скорее всего, сугубо практический характер: человеку запуганному, соблазняемому и при этом беспомощному не на кого больше надеяться. Поэтому, в частности, в «борьбе» с коррупцией население рассчитывает преимущественно на ту же власть.

Любопытным дополнением к приведенным данным о распространенности коррупции служат ответы на вопрос о собственном опыте людей, которые становились объектами вымогательства в различных обстоятельствах.

Таблица 4

«Случалось ли за последние три года, чтобы с Вас или с Ваших родственников, друзей вымогали взятки, подношения?»

(% от числа опрошенных, оказывавшихся в перечисленных ситуациях)

Нарушение правил дорожного движения	54
Получение заказа на выполнение работ для коммерческих фирм	37
Пребывание в больнице	36
Поступление в институт	36
Получение квартиры	28
Разбирательство по уголовному делу	28

Получение водительских прав, регистрация/техосмотр автомашины	25
Получение разрешения на покупку земли / на строительство	24
Общение с работниками военкомата по поводу призыва в армию	22
Устройство на работу	16
Уплата налогов	16
Поступление ребенка в школу	13
Регистрация (прописка)	12

Картина оказывается довольно одноцветной, почти во всех выделенных ситуациях вымогательство встречается часто. Реже всего требовали взятки за прописку; должно быть, это связано с тем, что неконституционная «разрешительная» регистрация сохранилась в немногих городах (включая Москву).

Человек и коррупция: уровни терпения

Свидетельство глубокой коррумпированности социального поля – готовность значительной части населения приспособиться к такой ситуации как неизбежной.

Таблица 5

«Насколько допустимо, по Вашему мнению...»
(% от числа опрошенных)

	Допустимо*	Предосудительно**
Устроить кого-либо на работу по блату	57	38
Использовать связи для карьеры	46	49
Делать подарки врачу, учителю	60	37
«Отблагодарить» за услугу	74	21

	Допустимо*	Предосудительно**
Дать взятку чиновнику	29	64
Дать взятку «в интересах дела»	38	54
Оказывать незаконную услугу за услугу	40	53
Не платить налоги	18	75

* Сумма ответов «вполне допустимо» и «в целом допустимо».

** Сумма ответов «в целом предосудительно» и «крайне предосудительно».

Уровень приспособления к корруптивной среде, в общем, достаточно высок. «Отблагодарить» за услугу считают правоммерным две трети, дать взятку – более четверти (но если это «для дела», то одобряющих уже более одной трети). Следует учесть также, что при ответах на столь деликатные вопросы декларации часто расходятся с реальными действиями: многие люди стремятся представить свое поведение в лучшем, более «правильном» виде. Это видно, например, по ответам о необходимости платить налоги.

С этим прямо связано и суждение преобладающего большинства (60%) опрошенных о том, что сейчас ни один вопрос нельзя решить, не дав взятки: «не подмажешь – не поедешь». Более трети (37%) опрошенных полагают, что ситуации, когда ради решения какого-нибудь дела допустимо дать взятку чиновнику, бывают довольно часто, 22% – что это случается редко, лишь 24% – что таких ситуаций никогда не бывает.

Более половины опрошенных считают, что в нашей стране нельзя жить, не нарушая закона, не согласно с этим около трети (52:32). Важно знать, что стоит за мнениями о всеобщем беззаконии: то ли осуждение такой ситуации, то ли оправдание собственного приспособления к ней. Оказывается,

из числа тех, кто думает, что в России «нельзя жить, не нарушая закон», 35% согласно с тем, что чиновнику допустимо дать взятку, а «для пользы дела» так склонны поступать 45%. А те, кто не согласны с тем, что нельзя жить по законам, со взятками мирятся реже – их 21% (и 31%, если это «для пользы дела»). Получается, что сетования на беззакония скорее служат прикрытием собственной готовности следовать за нарушителями. Заявления о том, что в стране ничего нельзя сделать без взятки, чаще служат ее оправданием.

Только 13% считают, что взятки дают «в основном жулики и преступники», 29% – что так поступают в основном «простые люди, у которых нет других способов добиться решения своих проблем», но большинство – 51% – что «взятки дают все, кто сталкивается с должностными лицами». По мнению 11% опрошенных, большинство людей, которым приходится давать взятки, делает это «с легким сердцем, без угрызений совести», 40% полагают, что взятки дают «скрепя сердце», а 31% – что это делается «с огромным внутренним сопротивлением».

Основная проблема не в наличии и даже не в широком распространении корруптивных связей в нынешнем российском обществе, а в отсутствии четкого водораздела, грани между корруптивным и «нормальным». В современной экономике России значительная часть – по оценкам различных специалистов, от 20% до 40% – сделок (между работодателями и работниками, производителями и потребителями, инвесторами, кредиторами и др.) совершается «в тени», скрыто от государственного контроля. Чаще всего это делается для того, чтобы уклониться от уплаты высоких налогов и сборов. Такие условия способствуют фактическому примирению большей части населения, бизнесменов, менеджеров и чиновников с необходимостью корруптивных отношений.

Корруптивная среда формирует человека, принимающего коррупцию как неизбежное зло, а то и как средство решения

своих проблем. В том и другом случае – беспомощного перед этим явлением.

Вечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Посмотрим теперь, как в общественном мнении связываются концы с концами, т.е. как соотносятся суждения об истоках коррупции и средствах противодействия ей.

Мнения об основных причинах коррупции в России распределились следующим образом.

Таблица 6

Причины коррупции *(% от числа опрошенных, ответы ранжированы по частоте упоминаний)*

1	Мягкие наказания, отсутствие страха перед наказанием	33
2	Нынешний экономический и финансовый кризис	30
3	Круговая порука чиновников	29
4	Падение уровня морали в обществе	27
5	Слабость государственной власти	27
6	«Теневая экономика»	21
7	Низкие зарплаты госслужащих	15
8	Традиционный способ решения проблем	14
9	Высокие налоги	12
10	Наследие социалистического прошлого	11
11	Существующая система льгот и привилегий	10
12	Влияние западных стандартов поведения	10
13	Результат внедрения рыночных отношений	5
14	Государственное вмешательство в экономику	3

Наиболее интересно в этом списке то, что «либеральные» и «антилиберальные» установки отмечаются реже всего (две последние позиции). На первых местах ситуативные причины (кризис), жалобы на слабость власти и страха перед ней

(страха наказаний). Здесь перед нами важная особенность российского общественного мнения – упование на авторитет силы.

Немалая часть населения склонна видеть в страхе перед суровыми карами оплот вождя и желанного порядка. Примечательно, что это мнение разделяется почти в равной мере в различных политических направлениях: например, 32% среди нынешних сторонников коммунистов и 36% – среди демократов (!). Такие настроения всегда используют авторитарные, диктаторские системы власти. Наказания за взятки и подкуп, действительно, мало кого пугают, но это не столько причина, сколько следствие тех явлений в современном обществе, на которые указывают приведенные выше данные.

Только 12% опрошенных полагает, что в России «можно полностью искоренить коррупцию и взяточничество», 52% – что можно существенно уменьшить масштабы этих явлений, а 29% – что «с этим социальным злом ничего нельзя сделать».

В ряду мер, которые опрошенным кажутся наиболее эффективными для противодействия коррупции, выделим две основные группы. 36-40% делают упор на рост уровня жизни, стабилизацию экономического положения, соблюдение законов – все это, так сказать, «регулярные», в основном экономические, меры. Другая группа предлагаемых мер – «чрезвычайного», силового порядка (ужесточение наказаний, усиление государственного контроля) – получает до 45% массовой поддержки. (Как это всегда бывает в опросах, масштабы согласия или несогласия с какой-либо позицией сильно зависят от контекста и формулировки вопроса.) Еще одна, менее популярная группа предложений носит «антибюрократический» характер: сокращение аппарата, упрощение бюрократических процедур, замена нечестных чиновников честными кадрами, тщательные проверки принимаемых на должности и пр. Поддерживает такие меры до четверти опрошенных.

Кстати, широко обсуждаемое сейчас в печати существенное повышение зарплаты чиновников для противодействия их коррумпированности не получает (и никогда не получит) заметной массовой поддержки. В разных контекстах такую меру считают полезной от 5% до 13%, бесполезной – 80%.

Подавляющее большинство опрошенных, как мы видели, соглашается с тем, что коррупция в государственном секторе гораздо более распространена, чем в частном, а наиболее коррумпированными являются чиновники, причем именно в правоохранительных ведомствах. В то же время почти четверть опрошенных (23%) видит противоядие от коррупции в усилении государственного контроля «над всеми сферами жизни общества» (и кажется удивительным, что с этим в равной мере согласны сегодняшние коммунисты и демократы – по 25% и 26% соответственно). Надежда на спасительную руку государства не покидает людей, не умеющих найти силы в самих себе.

Обнаружить какое-то специальное сильно- и быстродействующее средство «борьбы с коррупцией» общественное мнение, конечно, так же не способно, как и власти или их ученые советники, – просто потому, что его не существует. Динамика общественного мнения скорее позволяет увидеть не то, что «нужно сделать», а то, чего «нельзя (не удастся) сделать» при всем старании.

Советская дефицитная система экономики с такими ее неизменными атрибутами, как очереди, карточки, льготы и неизбежное коррумпирование распределительной системы, уступила место видимому потребительскому изобилию. Однако остаются – и надолго останутся – дефицитными качественная медицинская помощь, качественное образование, престижная и хорошо оплачиваемая работа, социальная и правовая защита и пр. и пр. – а вместе с этим остается и естественная, «привычная» ниша для корруптивных сделок. Легализованы частный бизнес и валютный обмен (для физических лиц), тем самым утратила смысл целая сфера «теневое»

го» бизнеса и связанный с ней вид коррупционных сделок. Но одновременно получили развитие многообразные формы рэкета (вплоть до государственного), льготной приватизации, отмывания сомнительных доходов и т.д. – при отсутствии независимой судебной системы и необходимой правовой базы, при высокой коррумпированности самих милицейских, прокурорских, судебных органов (как мы видели, это последнее обстоятельство хорошо ощущает и общественное мнение).

Простых решений здесь – как, впрочем, и почти везде – не существует. В принципе коррупция общественной системы может быть сведена до какого-то минимума в масштабах исторических сроков (цивилизационное время), а не в рамках и не средствами указов или призывов. Но соблазн «покончить», «нанести решительный удар» остается и на многих (и власть имущих, и от власти зависящих) действует. Около 30% опрошенных поддерживает политически модный вариант «нанести удар коррупционерам в высших эшелонах власти». Значительная часть населения явно хотела бы видеть в действиях президента В. Путина против непокорных олигархов и губернаторов что-то вроде похода на коррупционеров.

Этот соблазнительный призыв опасен прежде всего потому, что термин «коррупция», который может быть расширен каким угодно образом, обладает силой массового эмоционального раздражителя. Но реальной целью всех антикоррупционных кампаний, кто бы и под какими лозунгами их ни устраивал, была вовсе не борьба против коррупции (реальной или придуманной), а нечто иное – мобилизация массовой ярости против враждебных сил и массовой поддержки организаторов очередного «великого похода». Иначе говоря, мобилизация сил, способных ломать рамки законов и традиций, прокладывая – по крайней мере, потенциально – дорогу террору и диктатуре. Именно этим наиболее опасны популистские кампании.

Конечно, прямой линии перехода от популистской дема-

гогии к массовому насилию не существует, требуется целый ряд промежуточных действий и условий, чтобы «предельные» угрозы примитивных решений стали реальностью. И чужой, и наш собственный, в том числе совсем недавний, опыт показывает, что на любой соблазн и подкуп общество способно отвечать защитными реакциями разного рода. К ним относится и сопротивление самого «материала» – нравов, привычек, установок людей. Если государственная власть пытается подкупить население, увлечь его обещаниями «покончить» с коррупцией (или преступностью, или терроризмом и пр.), то оно постоянно стремится «откупиться» от государственного контроля, по мере возможности обойти его (уклониться от налогов и т.д.). Это не выводит общество из корруптивного поля, скорее наоборот – избавляет от иллюзий относительно способности нынешнего государства из этого поля выбраться.

«Мониторинг...» 2000. № 5

КООРДИНАТЫ ЧЕЛОВЕКА

К итогам изучения «человека советского»

Анализ принципиальных результатов многолетней исследовательской программы «Советский человек»¹ имеет как методологическое (эффективность инструментария), так и актуальное социально-аналитическое значение. Социально-политические перемены последних лет, в частности перипетии и разломы 1999-2000 годов, вынуждают исследователей задумываться о том, насколько адекватным являлся тот анализ особенностей установок, оценок и поведения людей, которым мы занимались в рамках этой программы. Несомненно, что «человек советский» как социальный тип оказался значительно более устойчивым, способным приспособиться к изменению обстоятельств, чем это представлялось десять лет назад. Конечно, этому в немалой мере способствовали и доминирующие в наших процессах варианты самого изменения «обстоятельств» – непоследовательные и противоречивые акции при значительном ухудшении положения большинства населения.

Одни наши предположения вполне подтвердились, другие – нуждаются в переосмыслении. В некоторых случаях мы оказались неготовыми заметить или правильно оценить ха-

¹ В рамках исследовательской программы «Советский человек» за десять с лишним лет проведены три волны специальных опросов (1989, N = 1250 человек; 1994, N = 3000; 1999, N = 2000), несколько крупных тематических исследований («Бюрократия», «Культура», «Национализм» «Власть и общество» и др.). Некоторые проблемы выяснялись в технологии регулярных омнибусов типа «Мониторинг» и «Экспресс». Данные исследований и аналитические материалы многократно публиковались в журнале «Мониторинг общественного мнения» и других изданиях, см.: «Советский простой человек». М., 1993; Куда идет Россия?.. М., 1994-2000. Вып. 1-7; *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993-2000. М., 2000.

рактер происходящих изменений или причины отсутствия таковых. В первоначальном проекте исследования (1989), естественно, не могли быть заложены проблемы, возникшие в ходе позднейшего развития политического кризиса в стране, связанные с распадом СССР, зарождением политического плюрализма, трансформациями структур социальной поддержки и мобилизации, характером лидерства и т.д. Такие проблемы рассматривались на последующих фазах реализации исследовательской программы.

В настоящей статье рассматривается лишь часть проблем проведенного исследования, требующих разностороннего анализа.

Три оси «человеческих координат»

Многообразие накопленного материала, относящегося к различным сферам деятельности социального человека, позволяет выделить основные направления «привязки» человека к социальному полю: *идентификация* («кто мы такие?»), *ориентация* («куда мы идем?»), *адаптация* («к чему мы можем приспособиться?»). Все другие проблемы, и методологические, и содержательные, так или иначе группируются вокруг такого определения координат человеческого существования.

«Идентификационный» комплекс

Идентификация рассматривается в социальных исследованиях через ряд признаков, обозначающих определенный тип связи человека с социальной группой (семья, «мы-группа») или организацией (предприятие), которые могут быть подкреплены символическими, эмоциональными, мифологическими структурами, могут обладать не только актуальным, но также историческим измерением. Данное государство, скажем, воспринимается как актуальная организа-

ция, социальный механизм, но такие понятия, как «страна», «отечество», «родной город» и пр., имеют символические, эмоциональные, исторические компоненты. Фирма может восприниматься только как актуальное предприятие, организация, связь человека с которой определяется исполнением правил и достижением предписанных целей, но может также выступать объектом эмоционально окрашенных, символических связей («честь фирмы», «традиции фирмы» и т.п.). Социальная идентификация – сложный, комплексный феномен, включающий различные компоненты.

Наиболее общим признаком идентификации человека с определенным социальным объектом можно, видимо, считать эмоциональное или символическое его «присвоение», т.е. отношение к нему как к «своему», в отличие от множества иных, «чужих», «посторонних» объектов: «своя» семья, «своя» группа, «свое» государство, «свои» священные символы и т.д. Моделью, а возможно, и исходной точкой такого отношения служит традиционная, замкнутая семья.

Всякая идентификация как бы «добавляет» к универсальным в принципе, общезначимым критериям истинности, рациональности, полезности, нравственности, эстетичности и пр., иное по своей природе, партикуляристское измерение «свойскости». Реально-историческая последовательность «добавлений», конечно, была обратной: универсальные нормы «добавлены» к партикулярным, но никак не заменяют их. Человек нигде и никогда в мире не может держаться каких бы то ни было универсалий, не накладывая на них эмоциональных, личностных, традиционных и прочих рамок идентификации, отождествления с неким «своим» в отличие от «не-своего». А это, в свою очередь, создает неустранимые нормативные коллизии, с которыми можно лишь считаться (так, в современном уголовном праве, в том числе и в российском Уголовном кодексе, родственники обвиняемого освобождаются от обязанности свидетельствовать против него:

универсальный закон как бы обходит стороной традицию «своих» отношений).

Вопрос в том, как соотносятся партикуляристские и универсалистские координаты человека в различных общественных системах. Если в традиционных обществах и их современных аналогах доминируют первые (хорошо и правильно то, что полезно «своим»²), то в обществах, которые признаны как цивилизованные, доминируют «универсалии», а отношения «по свойскости» кажутся оттесненными на обочину. Но это слишком упрощенная картина. Идентификация со «своим» государством, «своей» группой (в том числе этнической), «своей» фирмой сохраняется – в разных формах и пропорциях – повсеместно и играет достаточно важную роль в процессах социализации и социального контроля, особенно в условиях социальной мобилизации. Одно из важнейших условий сохранения такого сочетания – участие *критического* компонента в самом комплексе идентификации. Его смысл достаточно точно выражен известной английской поговоркой: «Права она или не права, но это *моя* страна». Тем самым допускается, что «свое» может быть неправым, скверным, заслуживающим осуждения. Самый искренний патриотизм мог быть и резко критическим по отношению к порядкам, властям, традициям собственного отечества, что и демонстрировали, между прочим, все российские мыслители – от Чаадаева до славянофилов и революционеров далекого XIX века.

Этой сложности не знал примитивный традиционализм и не допускали неотрадиционалистские системы советского типа. «Свое» непременно означало «самое лучшее», «наше» считалось заведомо выше всего «чужого» (в ироническом

² Так, по данным второй волны исследования по программе «Советский человек» (1994), 58% (против 30%, т.е. в соотношении 2 к 1) соглашались с тем, что «в России люди привыкли относиться друг к другу по-своински, не думая о выгоде». В таком утверждении, впрочем, кроется солидная доля лукавства.

варианте – «наши больные – самые здоровые в мире»); даже осторожное сомнение в этом становилось криминалом. И именно поэтому критические удары «гласности» оказались для советского общества столь болезненными и разрушительными. (Примечательно, что новейшие попытки консолидировать общество строятся по старой модели «докритического» патриотизма, под лозунгами возврата к достойному прошлому и т.п.)

Функции социальной идентификации можно рассматривать с двух сторон: идентифицируясь с какой-то социальной общностью или организацией, человек символически и эмоционально «осваивает» ее, в то же время эта общность (например, государственная) «присваивает» человека, притом далеко не символически. Человек ищет защиты и заботы хотя бы и символической (в свою очередь, демонстрируя готовность отстаивать «свою» общность).

Проблема «негативной идентификации»

Категория «негативная идентификация», обстоятельно рассмотренная Л. Гудковым на актуальном материале последних лет³, у некоторых специалистов (например, у В. Ядова) вызывает сомнения. Между тем накопленные данные, как представляется, дают все основания для выяснения возможности и функций этого феномена.

Компонент социального самоопределения через противопоставление, отторжение некоего «иного», «чужого», «несвоего», видимо, присущ любому идентификационному акту наряду с более или менее эксплицитным утверждением позитивных индикаторов «своего». Но в определенных ситуациях (конфликта, фобии) приоритетное или даже исключительное

³ Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 5 (Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997-2002 годов. М., 2003. С. 262-299).

значение приобретают именно эти компоненты. В конфликтах разных уровней (от бытовых, межгрупповых до межгосударственных) происходит консолидация и, соответственно, самоотождествление противостоящих сил на «негативной» основе противостояния, противоборства. Если при этом и выдвигаются «позитивные» общие символы, лозунги, то они чаще всего имеют вторичное значение, поскольку в одном стане оказываются разнородные силы или группы, объединяемые лишь «общей» ненавистью к противнику или «общим» страхом перед ним. Так строились (и потому, кстати, были неустойчивыми) межгосударственные военные коалиции с древних времен до мировых войн.

Принципиальной особенностью советского общества было демонстративное противостояние «враждебному окружению», а точнее, всему остальному миру. Притом, как известно, на всех фронтах – от государственной политики до культуры, науки, человеческих контактов и пр. С молодых ногтей человек формировался на основе воинственного и примитивного противопоставления «советского» мира всему остальному. Весьма разветвленная сеть идеологических обоснований лишь оправдывала такую ситуацию, стимулируя постоянную демонстративную (далеко не всегда эффективную, что показал опыт последней мировой войны) мобилизацию против реальных, потенциальных или воображаемых врагов. Эту традицию в значительной мере наследует российское постсоветское общество, не сформировавшее собственных механизмов национально-государственной идентификации. Сравнение общественных настроений в условиях двух чеченских военных кампаний позволяет видеть, насколько характерная для второй из них негативная, подкрепляемая общим страхом мобилизация (против предполагаемых террористов, бандитов и т.д.) эффективнее, чем «позитивная» мобилизация первой кампании (за сохранение конституционного порядка и целостности государства).

Кризис социальной идентификации: параметры и механизмы

По всей видимости, именно этот кризис составил главное содержание всех перемен последних лет, рассматриваемых на «человеческом» уровне. Объясняется это тем, что в традиционно советском обществе идентификация являлась, по сути дела, не только основным, но единственным средством выражения связи человека с общественной системой, а признанная принадлежность к определенной социальной позиции однозначно определяла характер поведения. В этом смысле общественная система могла характеризоваться как «одномерная», а присущие ей способы социальной идентификации человека – как *обязательные*.

С распадом советской системы человек оказался вынужден в какой-то мере самостоятельно ориентироваться в изменившихся обстоятельствах, определять свое положение, выбирать способ поведения, отношения к происходящему и т.д. Иначе говоря, оказался вынужден искать «свою» или «близкую» позицию, группу, символическую структуру. Тем самым социальная идентификация становится проблемой *выбора* – вынужденного, часто – при ограниченных представлениях о его содержании выбора и последствиях – болезненного. Имеющийся материал позволяет рассмотреть некоторые направления и уровни такой «*избирательной*» идентификации человека.

Как и следовало ожидать, никакого «естественного» человека, способного свободно и разумно делать социальный выбор, в нашей действительности не обнаружилось, как не обнаружился он и два-три столетия назад в Англии, Франции и т.д. Освобожденный (впрочем, скорее декларативно) от старых политических и идеологических облачений человек остался связан традициями и стереотипами советского и до-советского происхождения. Дискредитация официально-советской идентичности привела не столько к формирова-

нию демократических, общечеловеческих координат самоидентификации, сколько к росту значения традиционно групповых, локальных, этнических рамок.

Одним из результатов распада советской государственности явился кризис государственной идентичности на различных ее уровнях (от «советских» граждан к «российским»). За этими как будто вполне понятными сдвигами в самоопределении людей стоят неоднозначные процессы: изменения официально-государственного порядка (впрочем, при старых паспортах), отношение к этим переменам (инерция «старых» координат, привычка к новым, осознанная или неосознанная ностальгия). Выделить различные типы идентификации, например обязательные или избирательные, в такой связке не так просто. «Советская» самоидентификация может быть инерционной (привычная обязательность) или ностальгической (избирательная позиция); последняя, в свою очередь, может обозначать сожаление то ли об ушедшей общественно-политической системе, то ли о едином государстве, то ли о возможностях человеческих контактов и т.д. В любом варианте имеет свое значение чисто вербальная (на деле – социально-психологическая) составляющая – какие термины используются людьми для самоопределения.

В исследовании «Советский человек» выяснялось, с чем респонденты в первую очередь связывают мысль о своем народе. Часть полученных ответов приведена в *таблице 1*.

Таблица 1

**Ассоциации респондентов,
связанные с мыслью о своем народе
(% от числа опрошенных)**

	1989	1994	1999
Наше прошлое, наша история	26	37	48
Наша земля, территория	12	25	26
Государство, в котором я живу	27	18	19

Продолжение табл. 1

	1989	1994	1999
Наши песни, праздники и обычаи	14	17	19
Душевные качества моего народа	14	16	19

Примечание: сумма ответов превосходит 100%, поскольку респонденты могли называть несколько вариантов.

Примечательно, что почти все перемены произошли в первой половине десятилетия. Внимание к «традиционным» признакам растет, государственная идентичность упоминается значительно реже. Вопрос в том, как понимать эти перемены: правомерно ли считать их признаками *реального* возврата к традиционалистской, аскриптивной идентификации или признаками символической ностальгии? Сколь ни многогранна нынешняя социальная реальность, место для, собственно, традиционного самоопределения возможно лишь в квазиромантическом воображении. Скорее всего, приведенное распределение мнений – прежде всего показатель возросшего критического отношения к современному государству (причины лежат на поверхности и не требуют объяснения). И никак не реальный возврат к «почвенной» идентификации, которая, кстати, и придумана была в рамках российской интеллектуальной контрреформации XIX века.

В *таблице 2* приводятся данные тех же опросов 1989 и 1999 годов, в которых респонденты отмечали наиболее распространенные общности, принадлежность к которым осознается людьми «с гордостью».

Осью «горделивой» идентификации является преимущественно «родительская» линия, притом ориентированная на детей, т.е. на будущие поколения. При этом значение национально-государственной принадлежности как будто даже возрастает: «русский человек» в 1999 году упоминается чаще, чем «советский человек» в 1989-м. Но в последнем варианте, по всей видимости, сочетаются признаки «государст-

венно-русского» и «национально-русского» (в признаках «советского человека» образца 1989 года сочетались официально-государственные и социально-политические черты). Возросшая (прежде всего, конечно, демонстративная) роль локальных связей – одно из выражений критического отношения к нынешней государственности. Но никак не признак «разрыва» с ней.

Таблица 2

«Гордость» людей за принадлежность к той или иной общности
(% от числа опрошенных)

	1989	1999
Отец (мать) своих детей	43	57
Сын (дочь) своих родителей	19	24
Житель своего города, села, района	11	21
Сын своего народа	8	10
Специалист в своем деле	24	23
Советский человек	29	13
Русский человек	*	43
Верующий	4	7

Примечание: сумма ответов превосходит 100%, поскольку респонденты могли называть несколько вариантов.

** Вопрос не задавался.*

Как известно по данным множества исследований, государственная власть и ее носители (за контрастным исключением отдельных фаворитов, время от времени формируемых в общественном мнении) оцениваются населением весьма низко. В начале 1998 года (N = 1600 человек) 57%, а в декабре 2000-го (N = 1600 человек) – 54% считали, что большинство стоящих у власти озабочены лишь своими привилегиями и доходами. Распространено мнение, что проявлений коррупции в государственном секторе больше, чем в частном.

И тем не менее все большая доля опрошенных утверждает, что человек должен рассчитывать только на свои силы (в январе 2001 года, N = 1600 человек, 64% утверждали, что они живут, «полагаясь только на себя и не рассчитывая на власти»). В этом парадоксе – не столько отражение реального положения вещей, сколько установка, понемногу крепнущая (в силу невозможности опереться на казенную опеку) и потому значимая. «Разгосударствление» человека оказывается сложным и долгим процессом преодоления традиционной его государственной принадлежности (не лишенной, впрочем, определенного лукавства и дополнений в виде подсобных хозяйств и теневых приработков...). Причем доминирует в этом процессе отнюдь не тенденция становления свободного и ответственного гражданина.

Во всех вариантах идентификационных вопросов исследований респонденты обычно склонны, скорее всего, отмечать позитивно оцениваемые связи и значительно реже – негативные. Первый опрос по программе «Советский человек» (1989) проходил в исключительный период наиболее активной общественной самокритики и попыток переоценки прошлого (непоследовательных и малоудачных), стимулировавшихся ведущими СМИ и политическим руководством страны (М. Горбачевым). Тогда мы обнаруживали более всего негативных оценок собственной страны, ее места в мире, ее народа, истории – и это все тоже было довольно распространенным элементом социальной идентификации человека в определенный момент исторического перелома («экстраординарная» критическая идентификация). При некоем оптимистическом варианте развития событий, приводящего к утверждению новой системы признанных обществом ориентиров, общественная самокритика могла сыграть очистительную, созидательную роль. Этого не произошло, катарсис не состоялся. Негативные, даже уничижительные самооценки человека как «совка», лентяя, пьяницы и пр., обнаруживаемые и в массовых опросах, остаются неизменным компо-

нением его социальной самоидентификации и фактически служат средством оправдания пассивности, безволия, холопства во всех их проявлениях в полном соответствии с печальной исторической традицией («ординарной» псевдокритической идентификации).

Анализ проблемы идентификации в общественном мнении приводит к необходимости различать два уровня рассматриваемых показателей: декларативный (кем люди хотят себя называть) и реальный (кем люди себя ощущают). Соответствующие показатели могут почти совпадать или значительно отличаться друг от друга. Такая ситуация обнаруживается, разумеется, и в ответах по другим темам, например, относительно порядка и демократии, диктатуры, пути развития страны и т.д.

Идентификация и ответственность

Рассмотрим изменения одного из показателей социальной идентификации – представлений об обязанностях людей перед своим государством за 1989-1999 годы.

Таблица 3

Отношение к государству (возрастное распределение) *(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)*

Возраст, лет	Дало все	Можно требовать и больше	Ничем не обязаны	Должны помочь	Должны стать свободными людьми
1989					
До 20	4	13	9	33	30
20-29 (60-е г. р.)	3	6	5	36	35
30-39 (50-е г. р.)	3	15	8	39	25
40-49 (40-е г. р.)	3	9	6	38	25
50-59 (30-е г. р.)	11	11	6	40	19
60 и старше	7	12	5	47	17
Всего	5	11	6	40	25

Возраст, лет	Дало все	Можно требовать и больше	Ничем не обязаны	Должны помочь	Должны стать свободными людьми
1999					
До 20	1	11	38	11	38
20-29 (70-е г. р.)	2	7	31	21	38
30-39 (60-е г. р.)	1	4	42	13	39
40-49 (50-е г. р.)	2	6	39	15	37
50-59 (40-е г. р.)	0	4	34	20	41
60-69 (30-е г. р.)	0	7	40	17	32
70 и старше	1	9	42	15	27
Все	1	6	38	17	37

Примечание: точные формулировки ответов: 1) наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то; 2) государство нам дает немало, но можно требовать и большего; 3) государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны; 4) наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, идя на какие-то жертвы; 5) мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам.

В позициях всех возрастных групп происходят заметные изменения, и только в одном направлении – ослабление ответственности перед государством. В то же время почти во всех выделенных группах уменьшается и надежда на то, что от государства можно «требовать больше». Еще более наглядно выступает эта тенденция, если те же данные представить как изменения в установках одних и тех же возрастных групп (например, лиц, которым в 1989 году было 20-29 лет, а в 1999-м – 30-39 лет, и т.д.).

Вместе с тем к этой проблеме можно подойти и через другой ряд показателей.

Таблица 4

**«Несет ли человек моральную ответственность за
происходящие в стране события?»
(возрастное распределение ответов)
(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)**

Возраст, лет	Безусловно, несет	В какой-то мере несет	Совсем не несет	Затруднились ответить
1989				
До 20	18	41	17	23
20-29 (60-е г. п.)	14	48	21	16
30-39 (50-е г. п.)	21	44	17	16
40-49 (40-е г. п.)	20	31	22	27
50-59 (30-е г. п.)	22	44	8	24
60 и старше	29	38	14	18
Всего	21	41	16	20
1999				
До 20	7	33	31	29
20-29 (70-е г. п.)	8	39	33	20
30-39 (60-е г. п.)	7	45	24	24
40-49 (50-е г. п.)	14	37	27	21
50-59 (40-е г. п.)	14	42	20	24
60-69 (30-е г. п.)	9	38	27	25
70 и старше	3	43	30	24
Все	10	40	27	23

Наиболее значительное снижение показателей «ответственности за страну» на протяжении десяти лет, как ни странно, наблюдается в тех возрастных когортах, кому в 1989 году было 50-59 и 60-69 лет. Получается, что старшие группы за это время по оценкам своей идентификации со страной, государством не только приблизились к молодым, но и обогнали их. Видимо, это связано с падением уровня жизни и крушением модели патерналистского государства, которые наи-

более болезненны для старших поколений.

Элита и «массы» в поисках ориентации

Как уже отмечалось, это новая проблема, как бы неожиданно свалившаяся на голову людей. При этом проблема принципиально непосильная для отдельного человека и требующая групповых вариантов решения. Но ни одна из групп или структур, претендовавших за десять лет на лидерскую роль в обществе, не смогла предъявить каких-либо четких, понятных населению ориентиров, а тем более программ действия. Демонстративное отрицание советского прошлого или конституционно закрепленный лозунг «социального государства» равно непригодны для роли таких ориентиров.

Главная причина такого положения – отсутствие в стране лидеров или лидирующих групп, элитарных структур, которые были бы готовы и способны определить и задать ориентиры.

Противопоставление элитарных структур (соответствующих функционально специализированных групп, институтов, организаций, средств) и «масс» (слабо организованных, не исполняющих специфических функций и пр.) характерно преимущественно для традиционно-иерархических и модернизирующихся обществ. В первых из них элитарные структуры обеспечивают сохранение социальных и культурных образцов, во вторых – выступают еще и в роли модернизаторов, инициаторов перемен. В развитых обществах такое разделение функций теряет смысл, поскольку действуют многочисленные более или менее автономные динамические факторы экономического, социального, глобального и прочих порядков.

В отечественной истории наиболее очевидна послепетровская тенденция элитарно-бюрократической модернизации, в рамках которой развертывались практически все общественные потрясения и кризисы до начала XX века, а за-

тем и в советский, и в последующий период. Как стимулом, так и тормозом модернизации выступали главным образом соотношения сил внутри элитарных структур (а отнюдь не конфликты правящей элиты с угнетенной массой). Властвующая элита советского периода – неважно в данном случае, под какими именно лозунгами и с каким успехом, – монополизировала модернизаторские функции в обществе. Примерно к 60-70-м годам смена поколений в элитарных структурах, с одной стороны, и усложнение факторов социально-экономической и культурной динамики – с другой, привели практически к полной утрате этой функции элитарными структурами советского образца.

Как известно, инициировавшая перестройку часть партийно-государственной элиты была заинтересована преимущественно в совершенствовании средств поддержания собственного статуса. Демократические течения не имели ни сил, ни решимости играть самостоятельную роль и определять общественные ориентиры. В результате ни накануне общественно-политических сдвигов (перед 1985-м), ни в последующие годы потрясений и поворотов в стране не существовало новой или альтернативной элиты. А сохранявшая реальную власть государственная верхушка советского образца – при обновленных названиях и конфигурациях – была преимущественно заинтересована в самосохранении, устройстве собственных дел и т.п. Поэтому, в частности, была невозможной в России ни продуманная дальновидная реформа, ни «революционная» ломка старой системы. Радикально настроенная «команда Гайдара» за год работы смогла лишь создать ситуацию «обвала», запустив механизмы рыночных отношений и оставив открытыми проблемы их социальных последствий.

Роль массовых факторов (намерений, настроений, действий) в этих процессах неизменно оставалась вторичной, «зрительской». Если использовать грамматические аналогии, то эти факторы участвовали только в страдательном залоге –

поддерживая, сомневаясь, не доверяя и т.д., но не влияя активно на сам ход происходящих событий. Лишь в редкие моменты (типа президентских выборов 1996 года) политическая элита нуждалась в действенной (чисто электоральной) массовой поддержке и стремилась ее мобилизовать.

Отсюда – растерянность и колебания значительной части населения при определении своего отношения к происшедшим в стране переменам. Представляется полезным разделить, с одной стороны, *демонстративное* отношение людей к официальным лозунгам, с другой – *реальное* отношение к повседневной стороне этих перемен, с которой приходится иметь дело «массовому» человеку.

Показателями демонстративного плана в значительной мере можно считать регулярно получаемые ответы на вопросы о пользе реформ, о том, нужно ли их продолжать, было бы ли лучше, если все в стране оставалось бы так, как было до перестройки, и т.п. Соответствующие данные многократно публиковались. Имеется, правда, и другая составляющая таких утверждений – уровень доверия и одобрения власти, лидеров, декларирующих линию на продолжение реформ. Поэтому высказывания в пользу продолжения реформ становятся то реже (в последние годы правления Б. Ельцина), то чаще (с приходом к власти В. Путина). Колебания, правда, происходят в ограниченном диапазоне, и перевес того или другого мнения обеспечивает небольшая доля опрошенных, притом что более 40% постоянно затрудняются выразить свою позицию. Стоит заметить, что понятие «реформы» давно утратило свой первоначальный смысл и используется преимущественно для обозначения всех перемен, связанных с переходом от советской экономической модели к рыночной.

Примечательно, что позитивные оценки начатым в 1992 году реформам высказываются всегда существенно реже, чем суждения о необходимости продолжать реформы, и наоборот, осуждение реформ звучит гораздо чаще, чем требо-

вания прекратить их. Объяснить такие расхождения, видимо, можно тем, что оценка начатых перемен не связана с каким-либо сегодняшним (да и тогдашним) выбором или иным действием, а вопрос об отношении к нынешним переменам – это вопрос действия, точнее, приспособления. Ведь около двух третей опрошенных (в различных опросах последнего времени) утверждают, что они либо уже приспособились к произошедшим переменам, либо смогут этого добиться в ближайшее время.

Сугубо демонстративной можно считать, например, усилившуюся за последние годы ностальгию по спокойному прошлому (ответы на вопросы типа «было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 года?»), по планово-распределительной экономической системе и т.п. При этом желание вернуться к старой системе выражают лишь около четверти респондентов (примерно столько же симпатизируют компартии). Функции демонстративных утверждений такого рода нельзя недооценивать: это прежде всего демонстрация определенной установки, направленная «внутрь», т.е. самому себе (не интервьюеру же...), это средство самоутверждения человека в неодобряемой им нынешней действительности. При каких-то условиях такая позиция может быть повернута и вовне, скажем, превратившись в избирательную поддержку «реверсивных» сил. Но чаще всего «внутренняя» демонстрация таковой и остается.

Реальные же показатели переориентации людей, которые выявляют опросы, – это данные о готовности приспособиться к новым условиям (преобладают, как известно, пассивные и понижающие формы такого приспособления, изменение запросов происходит преимущественно за счет их ограничения), искать новые для себя способы деятельности (*табл. 5*). Разумеется, в любых «реальных» показателях общественного мнения отчасти присутствуют и демонстративные моменты.

Таблица 5

«Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?»
(возрастное распределение ответов)
 (% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Возраст, лет	Свободное время, легкую работу	Уверенность в завтрашнем дне	Много работать и хорошо получать	Собственное дело
1989				
До 20	7	29	30	15
20-29 (60-е г. р.)	11	39	33	12
30-39 (50-е г. р.)	11	41	31	11
40-49 (40-е г. р.)	8	60	20	5
50-59 (30-е г. р.)	14	45	28	2
60 и старше	7	61	17	1
Всего	11	47	26	7
1999				
До 20	3	35	36	17
20-29 (70-е г. р.)	5	52	28	11
30-39 (60-е г. р.)	2	56	33	8
40-49 (50-е г. р.)	2	63	28	5
50-59 (40-е г. р.)	2	76	14	3
60-69 (30-е г. р.)	5	68	7	1
70 и старше	1	61	8	0
Все	3	60	23	6

Примечание: точные формулировки ответов: 1) иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу; 2) иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне; 3) много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее; 4) иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск.

Как видим, за десятилетие резко уменьшилась доля людей, увлеченных перспективой «легкой работы» и «собст-

венного дела», заметно окрепли ориентации на малооплачиваемую, но стабильную работу; в более молодых возрастных группах почти не изменилась ориентация на работу и заработок. Эти данные не раз публиковались и обсуждались. Главный вопрос здесь, как представляется, – в том, «кто виноват» в отмеченной ситуации: консерватизм социальной «природы» «человека советского» или консерватизм самих обстоятельств, в которых человеку приходится действовать. Большинство опрошенных полагают, что для них эти обстоятельства либо не изменились, либо изменились так, что им приходится «вертеться, приспосабливаться» к худшим условиям жизни и работы.

А это, в свою очередь, создает не только постоянную основу для демонстративной массовой ностальгии, но и питает ожидания некоей «твердой руки», способной навести долгожданный «порядок». В последнее время (после исчерпания и дискредитации реформаторского порыва и возможностей демонстративного разрыва с советским прошлым) значение таких настроений существенно изменяется: они становятся массовой базой крепнущих тенденций «консервативного ренванша», по крайней мере частичного.

Адаптация: возможности и пределы

Проблему приспособления человека к широкому спектру социальных и социально-политических изменений приходилось описывать ранее⁴. Не повторяя аргументации, отметим лишь принципиальные тезисы. В перипетиях отечественной истории последних столетий человек (во всех его статусах, включая правящую элиту и революционную контрэлику) не

⁴ См.: *Левада Ю.* Человек приспособленный // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5; *Он же.* Человек ограниченный: Уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 4 (*Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993-2000. М., 2000. С 467-488, 530-548).

выбирал варианты изменений, но лишь вынужден был приспособливаться к ним. Причем сама возможность почти беспредельного приспособления объяснялась весьма ограниченным масштабом собственных запросов. Последняя по времени – и как будто почти успешная – операция такого рода разворачивалась на протяжении примерно последних десяти лет.

В ноябре 2000 года (N = 1600 человек) на волне конъюнктурного массового оптимизма только 20% населения России полагали, что они выиграли от перемен, произошедших за эти годы, но 67% – что они либо уже приспособились, либо в ближайшем будущем приспособятся к этим переменам. В этих цифрах – все основные параметры современных проблем человеческого существования. Не ожидали, не выиграли, не одобряют (в значительной мере), но приспособливаются.

К чему именно приспособливается человек в сегодняшней России?

К снижению уровня жизни. Как известно из опросов, из официальной статистики, к концу 2000 года доходы населения составят в среднем около 70% от их величины в докризисные месяцы 1998-го. К снижению собственных запросов. Это позволяет привыкать жить «на пониженном уровне». К конкурентному рынку товаров, услуг и труда. К навязчивой рекламе со всеми ее шумами. К демонстративной конкуренции политических лозунгов и персон. К не существовавшим ранее «рыночным» возможностям получения дохода. К новым факторам и параметрам социального неравенства, связанным с личными и имущественными возможностями.

Приспособление в каждом случае означает трудное изменение способов деятельности, ее нормативных и ценностных регуляторов, а также «баланса» этих регуляторов. Даже в стесненных обстоятельствах человек стремится сохранить

себя, свой статус, свою самооценку. Не относятся к этой категории те изменения, которые означали только снятие ограничений, – появление возможностей для потребительского и политического выбора, для выезда за границу, для получения информации и т.д. Ко всему этому не требовалось приспособляться, достаточно было просто привыкнуть (и, как обычно бывает в ситуациях привыкания, тотчас забыть о приобретенных свободах, пока об этом не напоминают какие-либо угрозы их вновь лишиться).

В то же время стало очевидным существование обстоятельств, к которым человек не может приспособиться (или приспособляется ценой невосполнимых потерь в собственном положении). К таким обстоятельствам относятся нестабильность социальных регуляторов, отсутствие фиксированных критериев и «правил игры», хаос. Страдают и теряют от такой неопределенности «все», но в разной мере. Проще человеку, способному замкнуться в скорлупе собственных привычных интересов. Труднее всего приходится активным общественным группам, которые пытаются играть «на повышение» (или на сохранение относительно высокого уровня) собственного статуса, т.е. элите, имеющей или стремящейся получить доступ к верхним этажам общественной иерархии. Поэтому, в частности, все наблюдаемые в последние годы социально-политические кризисы были (и, скорее всего, будут в обозримом будущем) преимущественно кризисами на этих, элитарных, околоставных этажах.

Получается, что всеохватывающие процессы адаптации оказываются дифференцирующими, формирующими новые структурные группы в обществе, определяющими функции и ответственность элит и т.д. Перспективы общественных перемен, их устойчивость и глубина определяются не «средней» массой (мнениями, голосованиями «всех»), а способностью определенных, специализированных групп и структур воздействовать на ситуацию.

Функции консервативных настроений

Хорошо известная историческая особенность отечественного развития как в досоветские, так и в советские, и последующие времена заключается в том, что любые сколько-нибудь прогрессивные сдвиги осуществлялись с помощью старых институтов и методов, при неучастии и незаинтересованности масс, разве что за исключением сугубо разрушительной составляющей перемен. Каждый шаг «вперед» предполагал укрепление механизмов насилия, личной зависимости, иерархизма и коррупции в общественном строе (в терминологии Л. Гудкова – «традиционализирующая модернизация»). Продолжая эту печальную традицию, некоторые российские реформаторы все еще надеются, что формирующийся на их глазах авторитарно-мобилизационный режим способен провести в жизнь их экономические замыслы. Значительно более реальные шансы имеет использование консервативных массовых настроений для укрепления авторитарных, великодержавных, реставраторских тенденций.

Символы действенные и «мертворожденные»

Символические аспекты человеческого действия приобретают особое значение в период перемен и потрясений, неопределенности социальных ориентиров и нестабильности ценностных регуляторов. Символическую роль могут приобретать термины, имена, тексты, даты, флаги, ритуалы и т.д. Позитивные (в контексте определенного движения, изменения) символы восполняют разрыв между реальным и желаемым положением вещей, мобилизуют активность, заменяют аргументацию. Негативные – отталкивают, демобилизуют и пр. (конечно, это крайне упрощенные разделения, при более подробном рассмотрении можно было бы выделять универсальные и партикуляристские, национальные, традиционные и другие символические структуры).

Эпоха перемен (после 1985 и 1991 годов) в значительной мере обесценила советскую символику, в том числе идеологическую, но не создала никакой собственной. Попытки придать символически мобилизующий смысл терминам «перестройка», потом «реформа» (в значении 1992 года) давно провалились. Не удалось сделать символом «новой России» (тоже, по существу, дискредитированный термин) «август 1991 года», его надежды и жертвы. Даже введенный в те дни в обиход российский триколор был позже символически перекодирован как принадлежность петровской исторической традиции. Позднейшее (характерное для ельцинского периода) обращение к российско-монархической символике (орлы, ордена, украшения, «придворные» нравы и т.д.) не привлекли общественного внимания и не играли никакой заметной роли в ориентации настроений и мнений. Другое дело – архаические по своему происхождению, но не утратившие влияния на значительную часть населения символы (в основном словесные) державного величия, национальных интересов, военной мощи, порядка, противостояния «козням» внешних врагов и т.п. В этом ряду оказалось и сугубо символическое церковное возрождение, оказывающее влияние в основном на внешние формы государственной и повседневной жизни, но лишь в малой мере – на ее идейные или нравственные устои. Даже официально признанная несчастной первая чеченская война 1994-1996 годов задумывалась как «маленький победоносный» символический жест восстановления государственных ценностей. Получается, что все символические структуры, вводимые в оборот на протяжении 15 лет, оказывались мертворожденными.

Вполне понятно поэтому, что команде нового президента, пообещавшего, кстати, устранить «разрыв» с прошлым (т.е. с советским прошлым), снять конфронтацию с компартией, не оставалось никакого иного символического выбора, кроме обращения к призракам советской государственной символики (военное знамя, музыка и стиль гимна). При выборе

между (абсолютно нереальной) русской «Марсельезой» и (тоже нереальным) «Боже, царя храни!» государственный и массовый разум солидарно останавливаются на александровско-михалковской «середине». Неизбежность именно такого решения стала очевидной, когда утихли критические страсти, а «консервирующие новации» получили как парламентскую, так и массовую поддержку. (В феврале 2000 года идею старой музыки для государственного гимна поддерживали 27% опрошенных, в октябре-ноябре, когда развернулась соответствующая политрекламная кампания, – 46%, в конце декабря, после голосования в Думе, музыку А. Александрова одобрили уже 75%; N = 1600 человек для всех трех опросов.)

Проблема символики переместилась в другую плоскость – выяснения пучка реальных значений происшедшего. Один из моментов – демонстративное невнимание власти к мнению и шумным протестам «правых» – слишком очевиден и комментариив не требует. Главный вопрос: означает ли все это своего рода стартовый выстрел, символ реального реверсивного поворота или появление очередной мертворожденной символической структуры, подменяющей какое бы то ни было движение? Ответ на этот вопрос определяется не намерениями президентского окружения, а прежде всего возможностями их осуществить – политическими, экономическими, международными.

Особая сторона проблемы, которой до сих пор исследователи «человека советского» уделяли слишком мало внимания, – социальная *мифология*, без которой не обходится никакая общественная система. В нынешних условиях в общественном мнении явно преобладает традиционный, консервативный и консервирующий набор представлений о «добром» властелине при скверных боярах, счастливом прошлом, коварных чужеземцах и собственной жертвенной судьбе.

В существующих условиях все три выделенные «оси координат» человека находятся в состоянии сложного кризиса, т.е. ломки и формирования механизмов дальнейшей деятель-

ности в соответствующих направлениях.

Острота ситуации определяется тем, что энергия разрушения, высвобождения от старых ограничений практически полностью исчерпана за предыдущие годы, нерешенность принципиальных проблем общественного и государственного устройства, отсутствие его нормативно-правовых основ ощущается людьми сильнее, чем когда-либо ранее. В этих условиях заметно возрастает роль «призраков» советского прошлого – не только как ностальгических фантомов или символов, но и как вполне реальных структур, традиций, нравов (продуктов «полураспада» разрушенной системы). Отсюда «реставрационные» надежды одних и опасения других. Для того чтобы оценить их обоснованность, нужен, очевидно, обстоятельный анализ исходного состояния – положения человека в «традиционном» советском обществе (это особый предмет рассмотрения) в соотношении с переломами и сдвигами последних лет. Пока же стоит лишь отметить, что наблюдаемые (и по-разному влияющие на общество и общественное мнение) «призраки» прошлого реальным реставрационным потенциалом не обладают. Это относится и к таким химерическим образованиям, как сочетание самовластия с рынком или агрессивная мобилизация под лозунгами конституционного порядка и т.п. Процессы разложения и распада социально-политических систем (особенно если рассматривать их в «дальней», поколенческой перспективе) столь же необратимы, как термодинамические. Но продукты такого распада (полураспада) в каждый момент, на каждом этапе значимы сами по себе, могут долго воздействовать на общественную атмосферу, на самоопределение человека.

«Мониторинг...» 2001. № 1

«ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХЕТИПА

Исследование современных характеристик и вариантов наследия «советского» социально-антропологического типа требует экспликации первоначального, в некотором смысле «архетипического» образца этого феномена. Значение и сложность этой задачи становятся более очевидными по мере углубления в современный материал изучения. Публицистически оправданные приемы отождествления или, наоборот, противопоставления изначального (или классического) образца и его современных форм, очевидно, становятся неплодотворными в рамках научного анализа. В то же время очевидно, что сколько-нибудь строгие средства рассмотрения «советского архетипа» невозможны; материалы соответствующих эмпирических исследований фрагментарны и относятся к поздним периодам существования советского режима, первая волна нашего исследования (1989) застала «человека советского» в период упадка и трансформации. Необходимая реконструкция может опираться лишь на косвенные данные и носит преимущественно аналитический и гипотетический характер.

Особая проблема – интерпретация имеющегося в распоряжении исследователей достаточно обширного и представительного материала о ценностях и установках старших возрастных когорт, т.е. людей, которые в 1989 году были старше 50 лет (и сформировались в стабильно-советских условиях). Он позволяет в какой-то мере представить некоторые особенности более ранних форм интересующего нас феномена, но не более того: даже относительно прочные и давно сложившиеся антропологические комплексы подвержены влиянию перемен.

Еще одна методологическая трудность обусловлена неоднозначностью («многослойностью») как косвенных, так и

непосредственных показателей состояния общественного мнения. Данные, относящиеся к советскому прошлому, – имеется в виду преимущественно «классически советское», наименее подверженное социальной эрозии время – трудно сопоставить с получаемыми в современных условиях средними или социально-групповыми показателями. Классическое советское общество являлось значительно более однородным по сравнению с нынешним, но зато различия между массой и элитарными слоями были более значимыми. А потому особый смысл приобретал и «вечный» разрыв между демонстративным и реальным уровнями изучаемых показателей: универсальный императив выглядеть «как надо» накладывал заметный отпечаток на самооценки и самовыражение «массового» человека советской эпохи.

Анализ проблемы советского «архетипа» приобретает определенную актуальность в условиях очевидного оживления в обществе реставраторских тенденций и связанных с ними опасений. Примечательно, что тенденции реставрации (или реанимации) ряда характерных черт «человека советского» (изолированного от «человека западного», чуждого рациональному расчету, окруженного врагами, тоскующего по «сильной руке» власти и т.д.) действуют после общепризнанного крушения идеологических структур и соответствующих им пропагандистских стереотипов, присущих советскому периоду. Это подкрепляет предположение о существовании некоего исторического «архетипа» человека, «архетипа», уходящего корнями в социальную антропологию и психологию российского крепостничества, монархизма, мессианизма и пр. Впрочем, следует учитывать также и продолжающееся воздействие на население квазипатриотической пропаганды, которая отнюдь не исчезла, избавившись от «революционной» фразеологии.

Отметим еще один фактор интереса к исходным особенностям «человека советского». Чем дальше уходит в прошлое его собственное время, тем более привлекательным

представляется оно массовому воображению. Демонстративная ностальгия, естественно, служит прежде всего способом критического восприятия нынешнего положения. Ее побочный результат – поддержание в различных группах общества, вплоть до социально-научной среды, идеализированных моделей советского прошлого (кстати, аналогичная идеализация наблюдается и в сегодняшней западной советологии). Действует, впрочем, и прямо противоположная тенденция – возврат к полемически оправданному для своего времени представлению советской эпохи как некой «черной дыры», абсолютного тупика, выбраться из которого не дают возможности никакие реформаторские усилия.

Вопрос о серьезности или, напротив, эфемерности перемен, произошедших за последние годы на уровне человеческого сознания, позволяет судить и о степени реальности шансов на возврат общества к тоталитарной модели в каком-либо из ее вариантов.

Советский человек в «поколенческой» матрице

Советская история может быть представлена как последовательность смены «доминантных» поколений в различных общественных слоях. В каждый значимый период (такими можно считать, например, приблизительные десятилетия 1916-1929, 1930-1941, 1945-1953, 1953-1964, 1965-1985 годов) доминирует наиболее активно определенная поколенческая группа (когорта), обычно соотнесенная с какой-то другой.

Если взять уровень властных структур, то 20-е годы были представлены взаимодействием «революционной» элиты со «старой» бюрократией, 30-е годы – как утверждение слоя новой (сталинской) партийно-государственной бюрократии, оттеснившей и уничтожившей «революционную» элиту. Для послевоенных периодов характерны борьба за «сталинское наследство» между политическими кланами примерно одно-

го возраста и происхождения, затем (около 1965 года) смена политизированной элиты административной («брежневской»), а спустя два десятилетия – смена «закрытой» элиты «открытой» (М. Горбачев) – смена, которая оказалась гибельной для политического режима.

На несколько условном «массовом» уровне поколенческие переходы имели иное значение. В 20-х годах во всех «больших» (в социологическом смысле) группах в городах и селах в массово-образованных слоях действовали поколения, сформировавшиеся в дореволюционных условиях, в той или иной мере приспособившиеся к изменению обстоятельств или мало затронутые ими. В последующие десятилетия происходило бурное формирование новых крупных общественных групп советского происхождения в деревне («новое» крестьянство) и в городе («новые» рабочие и массово-образованные группы). За эти годы были созданы механизмы массовой политической социализации, мобилизации, контроля, репрессивная и воспитательная системы закрытого, изолированного от внешнего мира общества. Безусловно доминирующим являлось поколение людей, родившихся перед Второй мировой войной и социализировавшихся в советских условиях, – первое и практически единственное собственно «советское» поколение.

Первые послевоенные годы не принесли ни общественно-политических, ни поколенческих перемен. Победно-патриотическая волна массовых настроений использовалась для закрепления системы, ее господствующей элиты и способов ее господства, лишь несколько скорректированных по сравнению с предшествующим десятилетием.

Новый опыт поколений, прошедших войну и вступивших после нее в активный возраст, сказался лишь во второй послевоенный период (после 1953-1955 годов), т.е. в годы первого идейного и политического кризиса партийно-советской системы. Все поколенческие когорты, вступившие в активную жизнь после этого, не проходили уже ни «закалки» мас-

сового террора, ни милитаристской муштры, ни школы подчинения и противостояния, ни «школы» массового голода. В результате эти поколения оказывались в какой-то мере «расшатанными», отчасти отошедшими от собственно советских стандартов поведения, соответствующих запросов и ограничений.

Получается, что наиболее характерным собственно советским поколением может считаться только доминировавшее в 30-х и 40-х годах, т.е. в период кризисного формирования и военного испытания общественной системы. Но поэтому также это «советское» поколение не дало действительно устойчивого, цельного и, что особенно важно, способного к воспроизводству в следующих поколениях человеческого типа.

«Человек советский» в его исходном, условно говоря, классическом варианте – собирательное понятие, идеальный тип в терминологии М. Вебера. Никакой эмпирический референт, никакой конкретно-исторический тип социальной личности ему полностью не соответствует. Это важно иметь в виду при обращении к современным процессам.

«Человек изолированный»

Это важнейшая и многосторонняя характеристика рассматриваемого социального типа, поскольку здесь налицо изоляция внешняя и «внутренняя», пространственная и временная.

Исторические, географические, религиозные факторы, столетиями отгораживавшие Россию от остального (и прежде всего европейского) мира, хорошо известны. Мировая война и революция довели социальную и культурную изоляцию страны до предела. Контакты на массовом, человеческом уровне были прерваны практически полностью. Внешний мир был представлен как враждебное «капиталистическое окружение», смертельно опасное для «нового мира», а пото-

му наглухо закрытое «железным занавесом», в том числе информационным (цензура, спецхраны, глушилки и пр.). Конечно, это несколько упрощенная картина, полная изоляция все же была невозможна. И именно поэтому для поддержания замкнутости советского мира требовались постоянные усилия воспитательного и репрессивного аппаратов, время от времени подкрепляемые неистовыми «патриотическими» кампаниями. В условиях Второй мировой войны и антигитлеровской коалиции внешние контакты, в том числе и на человеческом уровне, несколько расширились, возникла угроза размывания изолирующих барьеров. Реакцию на такую угрозу можно заметить в заполнявших последние годы сталинского режима волнах гонений против «космополитизма», «преклонения перед Западом» и т.п. В эти годы происходило, по существу, обновление изолировавшего страну идеологического вала, своего рода Великой Китайской стены на советский лад. Строительным «материалом» служили уже не классовые, а сугубо национально-патриотические компоненты – гротескные концепции повсеместного превосходства «русского» над «западным» в образе жизни, культуре, науке, технике, оружии, «отечественного приоритета» во всех сферах. Полвека спустя уместно вспомнить о факторах и последствиях этого, далеко не безобидного, калечившего души и судьбы множества людей, «патриотического» вздора.

Самая важная и, видимо, самая опасная сторона подобных усилий заключается в том, что они находили благодатную почву в человеческом материале, доставшемся власти и выращенном ею. Исторически и психологически укорененные противопоставления типа «свое – чужое» и «наше – вражеское» закреплялись и работали в массовом сознании куда эффективнее доктринерских классовых разграничений. Одна из причин предельно легкого крушения официальных доктрин в начале 90-х состоит в том, что марксистская идеология давно, еще с 40-х годов, служила преимущественно прикрытием великодержавной политики.

Изоляция «человека советского» от внешнего мира вполне логично дополнялась не менее строгой изоляцией от собственного прошлого. История представлялась ему так, чтобы выглядеть подготовкой поворота всех судеб в октябре 1917 года (в более поздних трактовках, как и в нынешнем массовом восприятии, кульминацией служит май 1945 года). Не что подобное происходило с историей общественной мысли, литературой и пр. Отгораживать человека пытались (и не без успеха) от излишних сложностей психологии, культуры, генетики, т.е. от собственного внутреннего мира. Формировался человек «простой» и просто управляемый. Закономерный результат принудительно отгороженного существования – человек, внутренне (в своих установках и привычках) изолированный от внешнего мира, не готовый к его восприятию и пониманию, к диалогу и пр.

Особая и отчасти специфическая для России проблема – «элитарная» самоизоляция. После многочисленных чисток и проработок в слое, называвшемся советской интеллигенцией, особенно в окол властных ее группах, влияние «западников» было ликвидировано, преобладающими стали русофильские, великодержавные установки, активно использовавшиеся в идеологических кампаниях 40-50-х годов. Неудачи перестроенного прорыва в мировую цивилизационную систему привели к оживлению изоляционистских установок на всех уровнях, от официального до массового. Как показывают опросы, демонстративная отчужденность от внешнего мира и представление о том, что Россия «окружена врагами», в последние годы разделяются чаще, чем пять-семь лет назад. Широкую поддержку получает главная идеологема современного изоляционизма – концепция «особого пути» развития страны.

На первый взгляд, перед нами ситуация парадоксальная: внутренние изолирующие барьеры в общественном мнении, в политической идеологии власти сохраняют свое значение при почти полном устранении барьеров «внешних» (откры-

тые границы, широкий обмен людьми, отсутствие формальной цензуры и пр.). Если в 30-50-х годах подавляющее большинство советского населения совершенно не представляло, как живут люди на капиталистическом Западе, и готово было принимать на веру суждения о массовом голоде, «абсолютном обнищании» и пр., то сейчас, при обилии информации и развитых контактах (около трети населения имеет родственников или знакомых среди уехавших жить за рубеж), действуют ограничители иного типа (например, установка на то, что «там хорошо, но это не для нас»). Причем такие установки не столько навязаны пропагандой, сколько «выращены» почвой массовой апатии, неготовностью к активному социальному действию.

«Человек без выбора»

Изолированность существования «человека советского» неизбежно дополнялась *безальтернативностью* этого существования. Отсутствовали не только варианты политического, идейного, в значительной мере даже эстетического выбора – ограничения накладывались на трудовой и профессиональный выбор (запрещение самовольной смены работы, обязательное распределение специалистов), даже на избирательность поведения в сугубо личных сферах (запрещение абортов, затруднение разводов). Разумеется, не все запреты реально соблюдались. В открытом или теневом виде действовали многочисленные механизмы рыночной, карьерной, бюрократической конкуренции.

Абсолютной оставалась безальтернативность социально-политической системы. Ее воспринимали с энтузиазмом, по привычке, с лукавым терпением, редко – с возмущением, но непременно как нечто данное, неизбежное, непреходящее. В массовом человеческом сознании отсутствовали варианты существования – не только в настоящем, но и в прошлом, а также в будущем (поскольку исключались из воображения

социальные измерения будущего – открытость и неопределенность вариантов). Утопия грядущего земного рая, в позднейших вариантах ограниченного «отдельно взятой страной», в который, впрочем, мало кто верил, исполняла сугубо идеологическую, по терминологии К. Манхейма, функцию закрепления массовой иллюзии вечности наличной социальной системы.

Два поколения советских граждан выросло в пространстве-времени замкнутого мира, практически не имея представления о существовании иных миров или иных линий развития. Остатки поколения «старых» интеллигентов и специалистов, видевших другие горизонты, к началу 50-х годов вынуждены были признать, что у них в стране больше нет выбора. Даже десятилетия спустя расшатанное в своих установках поколение «шестидесятников» (речь шла, конечно, о его интеллигентской верхушке) усматривало не альтернативу существующей системе, а лишь возможность некоего гуманизированного ее варианта – «социализма с человеческим лицом», надежды на который родились и погибли вместе с «пражской весной» 1968 года.

Безальтернативность существования – один из важнейших факторов демонстративной капитуляции старой революционной партийной элиты перед сталинским режимом и ее политической гибели. При всех сомнениях эти люди не имели никакой политической или нравственной альтернативы, вынуждены были считать террористический режим «своим», а потому подчиняться его мифологии и его правилам политической игры. Это особенно очевидно стало во время наибольшего разгула террора 30-х годов.

Человек, лишенный «бремени выбора», естественно, оказался (и остался) удобным объектом политического и пропагандистского манипулирования. Неожиданно открывшиеся после 1985 года возможности выбора – сначала читательского, потом политического, государственного (выбор страны проживания), позже потребительского и рекреативного – его

скорее ошеломили, чем изменили в наиболее существенных чертах. Винить в этом, разумеется, нужно прежде всего обстоятельства формирования в обществе социально-политического плюрализма, во многом искусственного и эфемерного. В стране не сложились политические организации, имеющие массовую поддержку и определенную идейную платформу, существующая многопартийность оценивается общественным мнением довольно низко. Однако и возврат к «классическому» партийно-государственному единству советского типа приветствуется не столь часто. Можно полагать, что широко распространенная демонстративная тоска по былому единоначалию является прежде всего зеркально перевернутой картиной современного многоначалия и безначалия.

«Человек упрощенный»

Характеристики «образцового» типа человека советского как *простого* обладают большой семантической нагрузкой. Постоянным лозунгом на протяжении всей советской эпохи оставалось формирование «нового человека» – нового по сравнению со всей предшествующей историей. Еще где-то к концу 20-х годов стало ясно, что этот конструируемый человеческий тип отнюдь не должен быть подобен модному в начале XX века образу могущественного титана, «разрывающего цепи». Идеальный человек, востребованный советской историей, прославленный ее лидерами и трубадурами, – скромный, незаметный и непритязательный исполнитель указаний и предначертаний власть имущих. Декларативный героизм его сводился к выполнению трудовых, боевых и прочих заданий руководства. От своих дальних предшественников (просветителей XVIII века с их *homo novus*) советская модель «нового человека» сохранила лишь освобождение от «порочного» наследия цивилизации (буржуазной, эксплуататорской). В реальности речь шла о формировании человека,

свободного от излишних претензий, знающего свое место в иерархической системе и избавленного от «пережитков прошлого», к длиннейшему списку которых причислялись чуждые вкусы и религиозные убеждения, непослушание начальству и воровство, лень и пьянство, преклонение перед западной культурой и «аморалка», индивидуализм, национализм и «погоня за длинным рублем». Акценты изменялись применительно к различным ситуациям. На деле попытки привести человеческую массу к единственно правильному знаменателю не были успешными. Результаты, если они и были, сводились к тому, чтобы отеснить неконтролируемые явления с демонстративной плоскости общественной жизни на «теневую».

Представление о том, что опорой социализма должны быть люди, максимально свободные от вредного наследия прошлых цивилизаций, отражалось в (сугубо декларативной) ставке на малограмотных «низовых» рабочих и крестьян. На деле власть опиралась на бюрократию и специалистов, а голоса и кадры из «простых» использовались для того, чтобы приструнить образованные и плохо управляемые группы. Так создавался не «новый» и не «простой», а лишь «упрощенный» человек – послушный, скромный, готовый довольствоваться малым, жить «как все», не «высовываться», ожидать заботы и милостей от всемогущего государства. В этот «кодекс упрощения» входило и требование «прозрачности», доступности для коллективного и начальственного контроля. История известного персонажа В. Набокова, караемого за «непрозрачность», многократно повторялась в советской реальности.

Закрепленная в советской системе зависимость человека от «трудового коллектива» превращала его в группового заложника. В то же время эта зависимость оборачивалась групповым сговором – против установленного порядка.

Положение человека в западном массовом обществе критическая социология (Д. Рисмен, Э. Фромм и др.) описывает

как одиночество в анонимной толпе. К советской ситуации такая терминология вряд ли применима. Вынужденный растворяться в группе и организации, человек страдал не столько от одиночества, сколько от принудительной социальности. Разумеется, «упрощение» человека имело свои пределы. «Мечтая начать с *tabula rasa*, русские революционеры лгали самим себе. Утвердившись в Кремле, они могли строить лишь из того "материала" людей, обычаев и привычек, которые имели под рукой. И, что еще хуже, сами были сделаны из того же материала», – замечал польский поэт и проницательный мыслитель Чеслав Милош¹.

Контроль страха

Постоянный страх человека перед всемогущей государственной системой чаще всего был привычным и неосознаваемым, подобно тому как, скажем, не ощущается атмосферное давление в «нормальных» пределах, но становился предметом переживания, когда ситуация выходила за пределы условной «нормы». Это был страх потери социального статуса и привилегий, потери доступа к распределительным структурам, утраты допустимой доли свободы, благополучия семьи, страх за собственную жизнь. Непосредственными жертвами массового террора даже в годы его пика было все же относительное меньшинство населения. Но механизм всякого террора бьет не столько по «целям», сколько по «площадям», косвенно затрагивая большинство, если не всех. Пока этот механизм работал, к нему приспособлялись, его считали неизбежным верхи и низы, массы и элиты, жертвы и палачи.

«Классическое» советское общество не знало сколько-нибудь заметных социальных протестов и потрясений – безальтернативное тотальное господство, подкрепляемое массовым страхом, не оставляло для них никаких возможностей. Скрытое несогласие уходило в «двоемыслие», прикрывалось

¹ Милош Ч. Россия // Литературное обозрение. 1999. № 3. С. 13.

показной лояльностью по отношению к власти (другая сторона того же явления – показная забота власть имущих о народе).

Возможности реставрации в оценках общественного мнения

Незавершенность и неопределенность перемен последних 20 лет вынуждает общественную мысль (и общественное мнение) постоянно фокусировать внимание на проблеме – или опасности – вполне *практической* реставрации институтов и ориентиров советского прошлого. При этом не только в сознании относительно молодых (условно говоря, тех, кому до 40 лет), но и в памяти «очевидцев» событий этого времени действуют преимущественно популярные, навязанные старыми или современными СМИ образы, стереотипы восприятия. Это очевидно сказывается и на представлениях о возможности или невозможности реальной реставрации старых порядков.

Таблица 1

**«Возможно ли сейчас вернуться к той общественной системе, которая существовала у нас до 1985 года?»
(возрастное распределение ответов)**

(Март 2001 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Все	Возраст, лет					
		18-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
Да	4	1	3	2	6	3	10
Скорее да	10	5	4	11	11	14	21
Скорее нет	40	36	34	33	41	41	26
Нет	40	48	50	49	29	28	26
Затрудняюсь ответить	11	9	8	5	13	14	17

Наконец, выясним, как соотносятся оценки прошлого («до 1985 года») и представления о возможности вернуться к нему.

Таблица 2

«Было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 года?»

(Март 2001 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

«Возможно ли сейчас вернуться к той общественной системе, которая существовала у нас до 1985 года?»	«Было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 года?»			
	Совершенно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
Да	11	1	1	1
Скорее да	21	9	2	2
Скорее нет	31	49	41	22
Нет	23	31	49	72

Даже те, кто согласен, что было бы лучше сохранить в стране «доперестроечное» положение, в большинстве не верят в возможность «вернуться» к советскому прошлому.

«Мониторинг...» 2001. № 2

ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА: ПРЕДПОСЫЛКИ ПОНИМАНИЯ

Серию очерков о чертах и судьбе «человека советского» в меняющихся общественных условиях уместно дополнить попыткой представить возможные направления динамики интересующего нас феномена на более или менее отдаленную от нынешней ситуации перспективу. Разумеется, рамки социологического анализа, в том числе опирающегося на данные массовых опросов, исключают умозрительные гадания любого рода. Речь может идти лишь о том, чтобы представить социальное существование человека как некоторый пучок возможных вариантов развития в различных направлениях. В качестве исходной базы при этом может использоваться и «обратная перспектива», т.е. анализ пройденных узлов, развилок, использованных и упущенных возможностей. К тому же, если собственно историческое знание, как принято считать, не имеет сослагательного наклонения (т.е. не имеет права использовать оборот «если бы...»), то социологическому воображению – как называл его Чарлз Райт Миллс – в таком праве отказать нельзя.

Проблема «дальней» перспективы всегда была больной не только для официально-советского миропонимания, но и для различных направлений протестных и постсоветских идеологем, для российского национального сознания в целом. Личнейный взгляд на историю, как правило, сочетался в них с близоруким прагматизмом, т.е. с привязкой социального действия к его непосредственному результату: свободы, порядок, прогресс и благосостояние всегда востребовались в режиме «немедленно». Отсюда болезненное *нетерпение* и неоправданные ожидания, а затем столь же болезненное разочарование отсутствием или двусмысленностью достигнутых результатов. Все эти стадии можно было наблюдать со времен крестьянской реформы 1861 года (если не с петров-

ских перетрясок) и переворотов 1917-го, а сейчас – в массовых и элитарных оценках событий последних 10-15 лет.

Негативный фон

В современном общественном мнении результаты перемен последних лет оцениваются, как известно, в целом негативно.

Картина выглядит довольно беспросветной: по всем показателям (за единственным исключением – свободы информации) безусловно преобладают негативные оценки произошедших перемен. Примечательно, что реже всего улучшения отмечаются в сфере реальной, «участвующей» демократии, а чаще всего – в сфере демократии «зрительской» (получение информации).

Подобное распределение суждений – это не отражение случайных колебаний массовых настроений: общественное мнение в марте 2001 года довольно спокойно, 71% считают, что они уже приспособились или вскоре приспособятся к переменам, 33% предпочли бы, чтобы положение в стране оставалось таким, каким было до перестройки. В контексте других исследований обнаруживается примерно такая же доля (15-20%) выигравших от перемен. (По статистическим данным, около 20% населения за последние годы заметно увеличили свои доходы, оторвавшись от остальных социальных групп; именно эти 20% обеспечивают сейчас основную часть потребительского спроса на престижные товары и услуги.) Болезненная проблема – социальная роль этой относительно состоятельной «верхушки»: она может быть как «локомотивом» или примером для общего подъема, так и «тормозом», препятствующим подъему «средних» и «низших» слоев. На деле оба механизма действуют одновременно.

Таблица 1

«Как изменились за последние 10 лет...»

(Март 2001 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Стало лучше*	Без изменений	Стало хуже**	Затрудняюсь ответить
питание членов семьи	18	28	53	2
одежда членов семьи	18	25	55	2
жилищные условия семьи	13	56	30	1
мебель, бытовая техника в семье	20	39	39	2
возможности (для детей, внуков) получить хорошее образование	8	20	63	8
возможности получить хорошее медицинское обслуживание	8	21	67	4
возможность иметь интересную работу	15	38	27	20
уровень доходов	15	19	62	5
положение в обществе	11	46	35	7
возможность завести собственное дело	17	28	33	22
возможность получать разнообразную информацию	52	25	18	6
возможность посещать зарубежные страны	17	29	41	13
возможности для отдыха	15	21	23	7
возможность влиять на принятие решений на своем предприятии	6	44	30	20
возможность влиять на принятие решений в своем городе, районе	6	52	26	16
возможность влиять на принятие решений в стране	4	55	26	16

* Сумма ответов «значительно лучше» и «в какой-то мере лучше».

** Сумма ответов «в какой-то мере хуже» и «значительно хуже».

В любом случае негативное восприятие перемен – длительный общий фон восприятия населением прошедших изменений и перспектив дальнейшего развития. Этим надолго определяется политическая слабость активных сторонников «курса реформ». (Массовое вынужденное приспособление к ситуации не изменяет положения.)

Тем самым сохраняется устойчивая почва для дискредитации реформ и реформаторов, для попыток вернуть страну к ситуации «до 1985 года» – по крайней мере, символически. Если, например, в 1988 или 1991 годах можно было усматривать массовую опору для политических рывков и авантур в разных направлениях (грубо говоря, «вперед» и «назад»), то сейчас налицо такая опора лишь для попыток попятного движения. Правда, ее наличие никому не гарантирует успеха, реальные возможности реверсивного курса ограничены целым рядом экономических, элитарных, международных факторов. В этой ситуации оценки перспективы явно осложняются.

Парадоксы общественного мнения

Исследования последнего времени дают странную на первый взгляд картину взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, очевидная установка на противопоставление своей страны остальному миру: мы окружены враждебными силами, нам никто не желает добра, иностранный капитал стремится колонизировать Россию, присвоить ее богатства, действия НАТО направлены против наших интересов и т.д. С другой стороны, практически неизменная тенденция к сближению со странами Запада, преобладание позитивных оценок США и других западных стран, стремление видеть Россию членом ЕС, довольно широко распространенное (хотя и не преобладающее) представление о «европейском» будущем России. С одной стороны, чуть ли не всеобщая тоска по советскому прошлому, предпочтение плановой экономики. С

другой стороны, как мы уже видели, около 70% утверждают, что уже приспособились или почти приспособились к нынешней системе, за продолжение реформ высказываются чаще, чем за их прекращение, деятельность бизнесменов чаще считают полезной для страны.

С одной стороны, всеобщее признание свободы слова как главного достижения всей эпохи перемен, одобрение независимости СМИ и их права на критику власти. С другой стороны, готовность признать право государственного контроля за медиа и введение некой «моральной» цензуры СМИ. Чрезвычайно поучителен опыт конфликта вокруг НТВ в 2000-2001 годах: попытки массового протеста, растерянность, в конечном счете – смирение перед силой манипуляции.

С одной стороны, высокий уровень надежд на то, что нынешний президент сможет навести порядок, поднять благосостояние, добиться победы в чеченской войне. С другой стороны, довольно сдержанные или просто негативные оценки деятельности президента в различных сферах. (В июле 2001 года только 14% опрошенных объясняли массовое доверие к В. Путину тем, что он успешно справляется с решением проблем страны, 43% усматривали причину доверия в том, что президент еще сможет справиться с этими проблемами, а 34% ссылались на то, что «люди не видят, на кого другого они могли бы положиться».)

Подобный список можно продолжать довольно долго. Самое странное на первый взгляд, что перед нами не только – и даже не столько – различия во мнениях разных социально-политических, возрастных, образовательных и прочих групп, но «разномыслие» в умах одних и тех же или близких по позициям людей. В прошлые годы распределение мнений по фундаментальным – как казалось тогда – проблемам отношения к советскому прошлому и рыночным реформам довольно строго соответствовало возрастному рубежу 40 лет. Но суждения о проблемах новейшего происхождения – «управляемой» («административной») демократии, чечен-

ской войне, манипуляции СМИ – как будто не связаны ни с возрастными, ни с образовательными, партийно-политическими и прочими стандартными характеристиками.

Поэтому любая из перечисленных выше позиций может, в разных контекстах, оказываться *«мнением большинства»* и получать разную практическую трактовку. В социологической публицистике такая ситуация иногда трактуется как выражение «незрелости», «разорванности», даже «шизофреничности» современного общественного мнения в России. Однако даже самые удачные названия и словесные формулы объясняющей силой не обладают, поскольку их первичные значения сами нуждаются в объяснениях.

Принципиальная задача понимания – не в подборе подходящего обозначения, термина, а в том, чтобы вскрыть механизм взаимообусловленности позиций, которые представляются полярно противоположными. Скажем, желательным представляется такое сближение с внешним миром, которое несовместимо с привычным имперским самосознанием и потому кажется унижительным. Или принимаются демократические свободы, вынужденно дарованные властью, а потому и с легкостью превращаемые в предмет властного манипулирования. Или признаются, пусть с оговорками, реформы, которые приводят к длительному падению жизненного уровня населения и тем самым создают массовую почву для недовольства. Другая сторона действия тех же, по существу, механизмов – неоднократно обсуждавшееся соотношение декларативного (желаемого) и реального (вынужденного) поведения; это постоянно находит отражение в данных исследования общественного мнения.

Но ведь само общественное мнение лишь отражает (фиксирует, усиливает) особенности нашей социально-политической сцены, примитивность ее ролей и масок, текстов и декораций. Будущим исследователям (для современного глаза это трудно различимо) предстоит разбираться, в какой мере такое положение можно считать атрибутом «переходности»

социального времени, а в какой – российской (российско-советской) традицией. В значительной мере – однако не целиком – от этого зависит и перспектива следующих 50-100 лет. (Не целиком, так как развитие ситуации зависит не только от состояния «человеческого материала», раскрываемого опросами, но и от судьбы элитарных групп, социальных институтов, внешних воздействий и пр., иначе говоря, от всей социальной конструкции.)

Две ключевые проблемы подхода к анализу возможных перспектив интересующего нас феномена – понимание исходного, нынешнего его состояния (т.е. «массового» человека в современной российской ситуации) и адекватная характеристика механизма или, по крайней мере, парадигмы его возможных трансформаций. Приходится преодолевать соблазн «простейших» вариантов – например, экстраполяции нынешнего образца в отдаленное будущее, конструкции желаемого (утопического) социально-антропологического типа, рационального процесса совершенствования наличного человеческого материала, воспроизводства в отечественных условиях стадий и форм развития, пройденных ранее другими общественными системами, а также различных вариантов реверсивных (попятных) или циклических трансформаций. Какие-то элементы подобных вариантов можно обнаружить, в том числе и с помощью массовых опросов. Но никакого единого механизма изменений – будь то экономический (в духе концепций экономического или технологического детерминизма – даже при самом фантастическом технико-экономическом прогрессе в наступившем столетии), нравственный, глобализующий или иной – обнаружить не удастся и, скорее всего, не удастся. Остается внимательное рассмотрение действующих, а также ушедших в прошлое и, наоборот, только формирующихся «фигур» общественных перемен с помощью имеющегося эмпирического и мыслительно-го материала.

«Человеческие» последствия догоняющей модернизации: русские версии

Запоздавая, или «догоняющая», модернизация нигде и никогда не напоминала в XX веке плавный эволюционный процесс освоения достижений мирового прогресса на благо населения новых или обновленных государств. Использование определенных (прежде всего военно-промышленных или просто «оружейных») достижений западной цивилизации традиционными общественными системами, выход на поверхность новых национальных, клановых, религиозных разделений и амбиций, массовое нетерпение, а иногда еще и революционный авантюризм – все эти факторы неизбежно придавали общественному развитию, если рассматривать его в глобальных масштабах ушедшего столетия, конвульсивный и болезненный характер. Практически все «догоняющие» страны и регионы воспроизводили не «рациональную», а «иррациональную» составляющую европейской модели, т.е. скорее ее катаклизмы, чем ее преимущества. Вопреки всем расчетам прогрессистов и социалистов утопического периода (XIX век) новые национальные консолидации и разграничения приобрели больший вес, чем классовые или идеологические. Одна из ошибок либералов и социалистов заключалась в том, что они считали нацию пережиточной, традиционной структурой, которая отмирает или теряет значение в модернизационных процессах. На деле же современные национальные консолидации, разграничения, символы, противопоставления, затрагивающие массовые переживания и комплексы, – неизбежные продукты модернизации на определенных («формирующих») ее этапах. Точно так же как транснациональные образования на более поздних этапах. В Европе ситуация стала изменяться в пользу новой интеграции лишь к концу XX века, но положение во многих «догоняющих» странах (Азии, Африки) скорее осложнилось. Новые государства, избавляясь от колониализма, утверждают

себя самым простым способом – противопоставлением «Западу» (а сейчас еще и «глобализму»).

Другая важная черта «догоняющих» обществ – неравномерность, разрыв во времени технических, экономических, социальных, политических, нравственных процессов. Отсюда парадоксальные сочетания разнопорядковых структур. Вопреки иллюзиям экономического детерминизма во многих странах традиционные диктатуры или деспотии в условиях привнесенного или милитаризованного экономического роста укреплялись, а то и уступали место не менее деспотическим и диктаторским «освободительным» режимам.

Все эти «завихрения» прогресса Россия испытала, освоила, и – по всей видимости – до сих пор не преодолела.

Феномен «многослойности» социального времени

Одна из весьма важных особенностей российской истории – наложение разновременных социальных, социокультурных, социально-политических структур. Отсюда многослойность, как бы протяженность во всех направлениях – «в даль» пространства (территория для России всегда имела социальные и исторические измерения) и «в глубину» социального и человеческого материала, испытывающего воздействие преобразующих и разрушающих факторов. В этой толще меркнут и гаснут, трансформируются любые импульсы перемен, на любой тип действия находится соответствующая форма противодействия, преимущественно пассивного, адаптивного. В итоге «понижающий трансформатор» работает на всех уровнях, приспособлявая импульсы перемен, откуда бы они ни исходили, к существующему образу жизни и сознания. Это относится и к «массе» (многочисленные «низовые», по характеру жизни наиболее косные слои), и к разнообразным группам элиты – консервативным, прогрессистским, эгоистическим и пр. И, разумеется, к бесконечной российской «глубинке», отнюдь не только пространственной. (Это

наверняка не исключительная особенность России, но вряд ли где-нибудь разновременность социальных процессов играла столь важную роль и могла проявляться столь наглядным образом.)

Поэтому, в частности, в России никогда не были возможными эффективные (соответствующие каким бы то ни было замыслам и планам) изменения «сверху» – каждая волна перемен, навязанных волей власти или стечением обстоятельств, переходя от одного временного слоя к другому, от центра к периферии, трансформировалась многократно, создавая как очаги молчаливого сопротивления, так и многообразные формы мимикрии и приспособления к переменчивым обстоятельствам. Сопротивление любым переменам (независимо от их направленности) в России всегда опиралось прежде всего на эту инерцию социального и человеческого «материала», в меньшей мере – на чье-то заинтересованное или привычное противодействие. М. Горбачев как-то привел популярный анекдот своего времени: «Перестройка как ветер в тайге, качаются верхушки деревьев, а внизу никакого движения не заметно». Позднейшие фольклорно-политические вариации типа «хотели как лучше...» разрабатывают ту же извечную модель. Важно в данном случае то, что перед нами – не просто ряд исторических примеров, но парадигма, своего рода стандарт преобразующих процедур. Этот стандарт сохраняется не только массовой инерцией, но и действием вполне определенных рудиментарных социально-политических структур – военных и карательных, которые выступают хранителями и инкубаторами традиционно-советских поведенческих типов.

Шансов на преодоление этой парадигмы в обозримом будущем – скажем, на два ближайших поколения или дольше – не видно. Протяженность российской социальной реальности «вглубь» принципиально отличает ее от «одновременной» реальности американской, немецкой, польской, эстонской и т.д.

Согласно многократным исследованиям, заметная часть населения России – около 15% – постоянно утверждает, что живет «как раньше», не чувствуя перемен последних лет. Причем, что особенно любопытно, это в большинстве своем вовсе не обитатели «географической» российской глубинки – больше всего их среди жителей крупных городов, это почти треть (29%) относящих себя к «верхней части среднего слоя» и 30% считающих, что «все не плохо и можно жить» (данные опроса мая 2001 года, N = 1600 человек).

Бремя империи в обществе и в человеке

Имперское сознание, точнее, мировосприятие – существенный конструктивный элемент российского государственного и массового менталитета с давних (примерно с XVII века) до нынешних пор. (Именно поэтому не кажется лишней очевидная оговорка: никаких оценочных, уничижительных или возвеличивающих моментов при исследовании этого феномена не должно быть.) Выделим три основных компонента этого явления: положение страны в мире (реальное или воображаемое участие в решении судеб мира), отношение к зависимым странам и народам (миссия насаждения своей цивилизации и наведения порядка) и, наконец, самоутверждение и самооправдание (отсталости, насилия, жертв). В исследовании современного общественного мнения на первый план выступает последнее.

Комплекс незаслуженного поражения, унижения, появившийся после крушения «большой» советской империи в 1991 году, составляет не только основу массовой ностальгии, но и источник надежд на реставрацию – хотя бы в «суженных» рамках – России как великой державы (в ядерном и ооновском смысле) с административно-лидирующей миссией по отношению к условной «периферии» (куда попадают регионы Поволжья, Северного Кавказа, Сибири) и, естественно, соответствующим набором оправдательной аргумента-

ции. Опыт последнего десятилетия показывает, что цивилизованный выход из имперского тупика в России не найден и в ее массовом сознании практически незаметен.

Неудача воинственного противостояния «Западу» и падение «железного занавеса» действительно сблизили Россию с остальным миром, но в то же время показали ее реальное нынешнее положение как периферии европейской цивилизации. (Собственно, в международных сравнениях и в советские, и в досоветские времена страна занимала место на периферии Европы – об этом в 30-х годах писал Г. Федотов; в условиях противостояния этого не было видно.) Более того, развитие событий в странах бывшего «третьего мира» продемонстрировало, что Россия оказалась и на периферии Азии, поскольку магистрали развития ведущих стран (Японии, Китая), «тигров», нефтяных царств все прошли мимо нас; сложные связи Азии с Западом развиваются, минуя Россию.

В результате Россия воспроизводит на своей территории катаклизмы имперского и постимперского типов, но не находит цивилизованных способов их преодоления. Это касается и отношений с бывшими союзными республиками, с нерусскими в России. Обратная страна всякого имперского комплекса – «антиимперский» комплекс, порождающий тенденции нового национального самоутверждения, реализуемые часто далекими от цивилизованности средствами. Это, в частности, выражается в выявленном опросами общественного мнения позитивном отношении большинства к сохранению в паспортах «пятого пункта» – указания на национальную принадлежность. Причем это позиция как доминирующей этнической общности (русских), так и менее многочисленных национальных групп (татар и др.): одни хотят напомнить об исторических корнях собственной значимости, другие добиваются нового самоутверждения. Получается, что переживание национальной идентичности обостряется с обоих концов разорванной цепи.

В некоторых случаях общественное мнение – руководствуясь, видимо, сугубо прагматическими соображениями – обнаруживает стремление отойти от имперских стереотипов. Так, признаками «великой страны» опрошенные чаще всего считают высокий уровень экономики и благосостояния, стабильность. Но две трети предпочли бы жить «в огромной стране, которую уважают и боятся другие», а не в «маленькой, уютной, безобидной стране» (март 2000 года, N = 1600 человек).

Чеченский узел – самый трагический и наглядный пример тупиковой постимперской ситуации в России. («Постимперской» правомерно называть ситуацию, когда имперские комплексы действуют после разрушения имперских механизмов господства.) Ни политическое, ни массовое сознание в стране не способно найти способ преодоления кровавого конфликта, в котором не может быть победителей.

Варианты преодоления имперских комплексов дает новейшая европейская история – это формирование новых условий для нормальных отношений между бывшими метрополиями и бывшими колониями, между «историческими» соперниками. Сегодня российское общество (на всех его этапах, включая общественное мнение) значительно ближе к наименее цивилизованному, «югославскому» вариантам переживания постимперской ситуации.

Непреодоленное бремя империи – еще одно существенное отличие российской ситуации от польской, венгерской и пр.

Поиск «поводыря»: масса, элита и власть

В начале XXI века, как и сто лет назад, в России продолжается спор о том, «кто виноват» (с вариантами ответа – лидеры, элита или «народ», масса) и кто способен вывести страну из очередного тупика. Эту вечную тему приходилось рассматривать с разных сторон, в данном случае ограничусь некоторыми соображениями, относящимся к теме статьи.

Представления о «стихийных» настроениях и действиях масс, которые могут использовать и подчинить своим нуждам профессионалы революции, восходят к упрощенному прогрессизму конца XIX века, испытанному на практике в последующем столетии. Ничего собственно «стихийного» в социальных действиях не бывает. Существуют привычные, традиционные ориентиры и способы действия, которые могут активизироваться в измененных условиях, вступать в сложные коллизии с прогрессивными тенденциями и образовывать с ними причудливые симбиотические конфигурации. Осознанные намерения и действия играют в них – на всех без исключения уровнях социальной организации – подчиненную роль. «Вынужденный» и противоречивый, неоднозначный характер российских перемен, о котором приходилось писать ранее, проявляется на всех этапах происходящих преобразований, в том числе и на последнем («постпереходном» или «посттермидорианском», в трактовке разных авторов). Убежденные или декларативные демократы считают себя обязанными поддерживать заведомо антидемократические действия властей (или, по меньшей мере, смиряться с ними, находя оправдания собственной слабости), а воинственно-патриотически воспитанные и ориентированные деятели вынуждены учитывать экономические и международные реалии, в какой-то мере использовать лексику и набор средств «демократического происхождения». В результате поверхность общественной жизни приобретает как бы закамуфлированный вид, и это непосредственно сказывается на распределении оценок общественного мнения.

Старомодная квазимарксистская, скорее характерная для ленинизма, схема преобразований (революции) как взаимодействия «сознательной» верхушки (элитарные группы, организации революционеров, прогрессивные диктатуры) и «стихийной» деятельности масс очень мало подходит для описания процессов перемен в современных отечественных условиях (а возможно, и не только в них). Представление об

общей (предположим, цивилизационной, демократической) направленности желаемых перемен не превращает действия их сторонников в сознательные. Слабо организованная политическая верхушка последнего периода «бури и натиска» (перестройки, реформ) в лучшем случае представляла, «с чего начать» разрушение старой системы, и практически не знала или не принимала во внимание, как это отзовется в разных слоях и группах общества. (Напрасно было бы их в этом упрекать: ослепленные собственной миссией или амбициями люди всегда плохо видят вдаль, но именно это и позволяет им достаточно решительно действовать.) Призрак «экономического материализма», многократно опровергнутого историей XX века, сослужил скверную службу реформаторам, утешавшим себя и страну тем, что с изменением хозяйственных отношений все остальное само собой уладится и расцветет. Эта иллюзия привела по меньшей мере к двум тяжелым ошибкам: во-первых, это невнимание к нуждам простого, «массового» человека, лишившее реформаторов шансов на массовую поддержку, а во-вторых, это надежда на «реформаторский» потенциал недемократических властных структур и персонажей, приведшая к тому, что реформаторы трижды (при трех президентах) упустили возможность обрести собственное политическое лицо.

Утраченные иллюзии «перестроечных» и последующих лет околореформенных конвульсий – это не просто массовое разочарование в демократических идеях и лозунгах, это показатель неудачи той элитарной, квазихаризматической, а на деле бюрократической структуры, которая исполняла роль движущей силы общественных перемен. Реформаторы имели высокие показатели общественного доверия в самый трудный переломный момент 1991-1992 годов, но даже не попытались превратить кредит доверия в систему гражданских организаций и нормально работающих институтов. Вполне закономерно поэтому, что по исчерпанию надежд на квазихаризматических лидеров массовые ожидания связываются с

чиновником, получившим рычаги власти. Два года, прошедшие после властного перехода 1999-2000 годов, показывают, что «новая власть» – при всей ее слабости, шараханьях «курса», возможных перестановках персонажей и т.п. – может быть обречена на довольно длительное существование. Если рассматривать ситуацию в плане властной или управленческой организации общества в целом, а не только его правящей верхушки или отдельных личностей, можно попытаться представить обоснованность различных вариантов перспективы.

Рассмотреть их уместно в парадигме «мобилизующего»-«либерализующего» типов развития, на которые недавно обратил внимание В. Мау (правда, в терминах типов революции).

Атрибуты «мобилизующего» развития применительно к российским условиям наступившего столетия – это концентрация власти вплоть до единоличной диктатуры, воссоздание (под разными вывесками) механизмов элитарной и массовой поддержки, формирование новой «преторианской» политической элиты, централизованный контроль над основными экономическими ресурсами. Этот набор естественно дополняется попытками создания искусственной, вторичной харизмы лидера (т.е. не приводящей его к власти, а конструируемой с ее помощью, на уже достигнутом «рабочем месте»). Другое дополнение такой конструкции – патерналистская, опекаемая властью и служащая ей образованная, духовная, даже и церковная элита.

Общественное мнение сегодня, как видно по опросам, почти готово принять или даже приветствовать подобный вариант. Существующие конституционные формы (парламент, выборность), как показывает отечественный исторический опыт, в частности за последние два года, достаточно легко приспособляются к мобилизационным тенденциям. Не препятствуют ему ни частная собственность, ни множественность хозяйствующих субъектов (более сложный вопрос

– участие в мирохозяйственных связях; советские и китайские варианты известны).

Реализация любых мобилизационных сценариев предполагает высокую сплоченность правящей элиты (и правящей верхушки в более узком смысле слова), эффективное использование механизмов массового социально-психологического напряжения (увлечения, страха). То и другое трудно представить продуктами каких бы то ни было «технологических» разработок, в XX веке для подобных массовых экспериментов в разных странах (Россия, Германия, Испания и др.) требовались как минимум общенациональные катастрофы. Кроме того, общественные системы мобилизационного типа никогда не были способны к самовоспроизведению, т.е. к воспроизводству собственных социальных и «человеческих» компонентов. Поэтому мобилизационные общественно-политические системы имеют внутренне ограниченный лимит времени для существования.

Можно полагать, что в перспективе мобилизационные варианты (во множественном числе) имеют шансы на неполную и «импульсную», относительно кратковременную, реализацию.

Вариант доминирования реальной личной харизмы в сложно организованном, дифференцированном и к тому же прагматическом обществе мог бы иметь какие-то шансы быть реализованным только в ситуации общенациональной (или даже общемировой) катастрофы такой силы, которая была бы способна разрушить всю институциональную и групповую общественную структуру. Катастрофы общенационального масштаба довольно редки, уникальны, поэтому трудно вообразимы. При существующей на начало столетия расстановке мировых сил ситуация военного разгрома кажется исключенной, глобальные военные события второй половины века, скорее всего, связаны с развитием «китайского» или, что менее вероятно, «исламского» факторов, но сами эти факторы лет через 50 могут существенно трансфор-

мироваться. Несколько более вероятной представляется перспектива техногенной катастрофы, какого-нибудь супер-Чернобыля (ядерного, химического). В любом из поддающихся воображению «катастрофических» вариантов институциональная структура («социальная ткань») общества и мирового сообщества имеет шансы на сопротивление и восстановление.

Примерно по тем же причинам не кажется реальной для российского общества вариант неполитической, «духовной», пророческой харизмы. (Напомню, что, по М. Веберу, образец собственно харизматической личности – не Наполеон, а Лютер.) Фантом «духовного лидерства», с которым в XIX веке связывала свою миссию русская интеллигенция, в иных по своей природе общественных разломах – нынешних или будущих – перспективы очевидно не имеет.

«Либерализующие» варианты (тоже во множественном числе) означают не высвобождение, а реальное формирование институтов разделения властей, в том числе парламента и судебной системы, свободных от административного контроля, независимых гражданских организаций и т.д. Переход от нынешних деклараций к действительному существованию таких институтов гораздо сложнее и дольше, чем переход от тоталитарных лозунгов к либеральным декларациям. Весьма вероятно, что в рамки наступившего столетия, т.е. ближайших трех поколений, он не сможет уложиться, даже если допустить возможность непрерывного развития ситуации по одному варианту.

Скорее всего, человека XXI столетия в России ждут новые потрясения и повороты «курса» (не власти, но истории...), импульсы мобилизаций и промежутки преобладания либерализационных тенденций.

Что значит «человек обыкновенный»

В одной из коллективных работ ВЦИОМа, пытаясь представить сложность положения «советского» человека в постсоветский период, специфика которого еще была малопонятной, исследователи использовали такое объяснение: «После развала советской системы на поверхность вышел не сказочный богатырь, а человек, готовый приспособливаться, чтобы выжить. Готовый декларировать свою приверженность демократии из отвращения к старой системе власти, но никак не приспособленный к демократическим институтам (да и не имеющий их). Готовый – так это было до недавнего времени – следовать в моменты эмоционального подъема за новыми лидерами в надежде на то, что они окажутся вождями, отцами и спасителями народа. (А потому, кстати, склонный довольно быстро от этих лидеров отворачиваться, если они таких надежд не оправдывают.) Готовый демонстрировать предпочтения рынку и приватизации, но лишь в малой степени приспособленный к самостоятельному экономическому поведению, и т.д. Из этой двойственности соткан мир человека советского, как внешний, так и внутренний»¹.

Накопленный опыт исследований дает основания считать такую трактовку ситуации слишком примитивной, прежде всего, по своим методологическим посылкам. Стало очевидным, что человек советский в постсоветских условиях руководствуется не только стремлением выжить, сохраниться, будучи готовым приспособиться к пониженному уровню существования. Это еще и человек униженный, одержимый комплексами социальной, государственной, национальной неполноценности. Человек, склонный видеть за всеми неудачами происки «врагов», склонный искать виновных в развенчанных кумирах (Горбачеве, Ельцине, снова Горбачеве). Человек, «обиженный за державу», т.е. мучительно страдаю-

¹ «Советский простой человек». М., 1993. С. 265-266.

щий комплексом имперского самосознания при отсутствии империи. Человек, предельно уставший от беспорядка и «беспредела». На уровне деклараций он ценит свободы, демократию, плюрализм, но не склонен и пальцем пошевелить для их поддержки, особенно в трудный момент. Куда выше свобод он ставит порядок (хотя бы квазипорядок) и собственное благополучие, которое оказалось таким хрупким в эпоху перемен. И поэтому готов – по крайней мере, на время – поверить любому, кто пообещает навести порядок, пусть даже самым варварским образом. В особенности если новый лидер по стилю поведения отличается от давно дискредитированного в общественном мнении Б. Ельцина.

Этот «новый» (в очень условном смысле, конечно) человек – не герой, не боец, не фанатик. Он первым страдает от всех перемен, но совсем не хочет быть страдальцем, несчастным, он готов вертеться, искать свою нишу в новом порядке, умерять свои запросы и надеяться на удачный случай. Человек сегодня не жаждет подвигов, не ценит их и потому в кумирах своих не хочет видеть сверхчеловеков, потрясателей основ, небожителей (а ведь все наши вожди с революционных лет до Горбачева и Ельцина претендовали на такой имидж). Скорее он готов видеть кумира в неприметном чиновнике на ответственном посту. Притом с минимумом эмоций (характерно эмоциональное отношение населения к В. Путину по ряду опросов – 3% восхищения, 30% симпатии...). Времена героев и подвигов как будто прошли.

Этого человека столь же бессмысленно упрекать в том, что он «оказался» неготовым к демократии, как российскую политическую и прочую элиту – в том, что она не сумела должным образом воспитать народ и привести его к светлому демократическому будущему. Никто и никогда – по крайней мере, в отечественной истории – не был «готов» к какому-либо серьезному повороту, но все вынуждены были приспособиваться к тому, что получилось.

Ведущий персонаж наступившей эпохи – «человек обык-

новенный», homo habilis, которого долго поносили как обывателя, живущего своими собственными интересами. В конечном счете, все великие потрясения именно для него и происходят.

Дежурный – хотя и принципиально нелепый – вопрос: может ли этот человек «взорваться», взбунтоваться? До 20% в каждом двухмесячном опросе заявляют о готовности протестовать, но никогда этого не делают. Ни в человеке, ни в обществе не заложен сегодня «часовой механизм» бунта, массового взрыва антивластного насилия. Слишком сильны механизмы адаптивные, и слишком ясна беспомощность человека перед силой государства. В современных обществах, бедных и богатых, бунтов не бывает. Нереальны они и у нас – если, конечно, исключить упомянутый ранее вариант всеобщей катастрофы. Реальная проблема заключается не в воображаемом «бунте», а в условиях для цивилизованного и эффективного общественного протеста. Пока их нет, в отдаленной перспективе – могут появиться.

«Кривые дороги» и «ограниченная рациональность» (теоретическое отступление)

Если суммировать опыт всех преобразований и перемен последних двух столетий, напрашивается простой вывод: история «прогрессивного» времени не знает прямых дорог – ни в передовых, ни в догоняющих, ни в подражающих тем или другим странам. Тем более у нас. Никакое накопление знаний, технических достижений, никакие темпы экономического роста – который, впрочем, никогда и нигде не бывает непрерывным и плавным – не обеспечивают гармонического социального развития. Не обеспечивают его и самые высокие нравственные принципы или самые разумные правовые рамки. Механизмами социального движения остаются кризисы, конфликты, катаклизмы, конвульсии, катастрофы разных масштабов (некоторые из них часто относят к революциям).

Разнородность и разнозначность таких феноменов общественного развития в данном случае оставим в стороне, остановимся лишь на особенностях социальных процессов и действий, которые генерируют конвульсивный характер суммарного движения.

Дело в том, что никакой «единой» или «общей» логики социальных действий не существует, в социальном мире нет ни «великого часовщика» XVIII века, ни «невидимой руки» А. Смита, призванной приводить к общему знаменателю разнородные интересы участников рынка. Социальная сцена куда сложнее рынка (тем более в его рационализированном изображении). Даже если считать вполне рациональными действия отдельных субъектов – что весьма сомнительно, скорее можно говорить, что каждое из них имеет свою «логику», – общая картина получается не то мозаичной, не то хаотичной, не то описываемой через «логику» конфликтов сил, амбиций и пр. Так было в XIX и XX веках, сейчас трудно представить себе, чтобы в XXI веке ситуация была иной. Хотя бы потому, что реальные последствия и конвульсии прогресса в глобальных масштабах еще только намечаются. Отечественная история и в XIX и в XX веках, как и современная российская действительность, многократно это подтверждает. Материал для размышлений дают и накопленные данные изучения общественного мнения.

Модель «достижительной» рациональности (максимизирующей некое благо) – лишь один из возможных идеальных типов, с помощью которых нельзя объяснить всю систему человеческого поведения, индивидуального или социального. Ничуть не «хуже» (не менее пригодна) модель поддержания наличного статуса и типа жизни («синица в руке») с помощью рационально рассчитанных средств. Или модель поведения человека, движимого амбициями, завистью, честолюбием. Или модель «исполнительного», послушного чужой воле поведения.

Аксиома человеческой рациональности (т.е. самого суще-

ствования homo sapiens) предполагает, что человек обдуманно выбирает наиболее эффективные средства для достижения определенной цели или реализации определенных интересов. Сама «цель» или «интерес» при этом задаются «свыше» – традицией, социальной нормой, группой, организацией и т.д. Да и набор доступных и допустимых средств тоже. Не говоря уже о критерии «эффективности», который в социальном и массовом действии не подсуден индивидуальному разуму. Рациональность действия всегда оказывается ограниченной целым набором условий и факторов.

Массовое сознание (общественное мнение), видимо, имеет свою «логику» – или свой набор «логик», способов оценки социальных феноменов и выбора способов действия. При этом движущей силой чаще оказывается не рациональный расчет, а «заготовленные», закреплённые в недрах, глубинных слоях этого сознания *комплексы*. Можно допустить, что это более сложные структуры по сравнению с хорошо известными чисто психологическими комплексами. Их взаимосвязанными компонентами служат претензии и переживания неполноценности, привычки и иллюзии, стремления к рваншу и др. Фигурально выражаясь, не разум, а комплексы «правят» миром общественного мнения.

Простой пример. По многим регулярно повторявшимся опросным данным, население России ценит деловые и моральные качества западных бизнесменов значительно выше по сравнению с российскими. И в то же время теми же головами требует обеспечить отечественным предпринимателям преимущества перед иностранцами на российском рынке, боится проникновения иностранного капитала в страну, особенно в крупный – а значит, и наиболее рационально организованный – бизнес и в сельское хозяйство. (В шумной битве вокруг Земельного кодекса массовые суждения всегда были против допуска иностранцев к земельной собственности.)

Рациональный расчет в данном случае означает не только следование популистским аргументам «левых», «аграриев»,

«почвенников», «моралистов» и др. Здесь в полную силу работает социальный комплекс неполноценности, побуждающий ставить во главу угла не расчеты экономической эффективности или принципы правового универсализма, а страх утраты «национального богатства» (земли). А кроме того, и страх перед секуляризацией, превращением в предмет экономических отношений таких традиционно мифологизированных категорий, как «земля-матушка», собственность и пр.

В XXI веке мир, в том числе и «наш», станет значительно сложнее, но вряд ли станет разумнее. Может меняться модальность или значимость тех или иных компонентов «комплексного» (в отмеченном выше смысле) механизма, но сам он останется определяющим.

В задачу статьи, напомню, не входит прогноз темпов или характера трансформаций, которые предстоят человеку постсоветскому в перспективе столетия. Обсуждаются лишь предпосылки исследования такой перспективы.

Перемены на человеческом уровне можно, очевидно, наблюдать в трех временных рамках: переоценки ценностей (ориентации), вертикальной мобильности, смены поколений. Переоценка ориентиров значительной части населения (от «социалистических» к «демократическим», а иногда и наоборот) в связи с увлечениями-разочарованиями последних лет на обозримый период как будто завершилась, как завершилась и фаза первоначальных передвижек общественных слоев (выдвижение на лидирующие позиции более молодых и менее отягощенных советским прошлым кадров, частичное отступление старой элиты на запасные позиции). На очереди общая смена активных поколенческих групп. В перспективе ближайших 20-25 лет поколения, сформировавшиеся в советских условиях, практически целиком сменятся людьми «новой» формации. Эти люди наверняка будут более прагматичными, индивидуалистичными, ориентированными на благосостояние «западного» типа, более свободными от социальной мифологии эгалитаризма и т.п. Из этого не следует,

что новое (условно) поколение окажется более приверженным ценностям демократии и гуманизма, более свободным от имперских комплексов. У российского общества нет шансов пойти путем «восточной» (китайской, арабской, корейской) модернизации, но у человека постсоветского, видимо, надолго останется шанс сочетания «полуазиатского» («полусоветского») лица с более европейским стилем жизни. Если, конечно, не произойдет слишком больших потрясений (например, вокруг того же имперского комплекса).

«Мониторинг...» 2001. № 4

«ЧЕЛОВЕК НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ»: РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ

Многочисленные исследования и наблюдения обнаруживают устойчивое преобладание позитивных оценок, стереотипов восприятия, установок, обращенных к прошедшим периодам отечественной истории, преимущественно к самому длительному в XX веке «периоду застоя». Судя по опросам, политическая и экономическая системы, лидеры, отношения между людьми, вся обстановка 70-80-х чаще всего представляется современному российскому человеку более предпочтительной по сравнению с нынешней. Создается – и активно поддерживается значительной частью политической и журналистской элиты – представление о доминировании ностальгических ориентации в современном российском обществе. Отсюда нередко делаются выводы о неудаче или даже о принципиальной невозможности его реформирования, неприемлемости чуждых моделей жизни для людей, сформировавшихся в советскую эпоху, неизбежности возврата к привычным образцам или хотя бы символам и т.д. Судя по опросным данным, общественное мнение довольно охотно принимает подобные трактовки.

Проблема «человека ностальгического» (а в известном смысле – и «общества ностальгического») несомненно существует, но столь же несомненно, что она не поддается раскрытию с помощью примитивных «ключиков». Нетрудно привести солидный ряд фактов, данных исследований, показывающих, что, сколько бы люди ни сожалели о некоем прошлом, они живут сегодняшними интересами и надеждами. Самая острая тоска по пройденному далеко не всегда равнозначна стремлению туда вернуться. Общественная полемика вокруг образцов и установок, коренящаяся в историческом прошлом, служит, скорее всего, средством самоопределения, самооправдания, размежевания и т.д. современных

общественных сил. Это значит, что нуждаются в обстоятельном анализе характер, источники и механизмы влияния «ностальгических» образцов на различные сферы жизни общества и человека.

Существует стандартный набор простых объяснений наблюдаемых феноменов социальной ностальгии: надежды не оправдались, жизнь большинства людей стала просто хуже, политические лидеры первых лет перемен не выполнили своих обещаний, старый порядок сменился хаосом, «Запад» не только не оказал действенной помощи, но использует в своих интересах слабость России и т.д.

Между тем в массовых настроениях, как мы знаем их по регулярным опросам, выражения тоски по лучшему прошлому постоянно сочетаются с обычными практическими интересами сегодняшнего дня: большинство опрошенных постоянно выражает желание не просто «выжить», но жить «не хуже», а то и «лучше» окружающих, кое-кто примеряется и к западным стандартам жизни. Давно установлено, что оценки населением «общей» ситуации (положения в стране) всегда выглядят хуже оценок собственного положения. (Строго говоря, здесь прямые сравнения неадекватны, потому что сами ряды оценок «общей» и «своей» ситуации исходят из разного опыта и исполняют различные функции в системе координат человеческой деятельности.) В то же время социальная ностальгия нередко наблюдается и у людей, преуспевающих в собственных делах. Индивидуальные ретроспективы (и перспективы тоже) строятся и оцениваются принципиально иначе, чем социальные, политические и пр.

Очевидно, что из любого трудного положения возможны, в принципе, разные «выходы». Если «сегодня» что-то плохо, можно либо вспоминать о том, что «вчера» было лучше, либо надеяться на то, что лучше будет «завтра». По опросным данным, в самой трудной, переломной ситуации 1992 года в общественных настроениях преобладали не тоска по «вчера», а как раз надежды на «завтра». Вопрос, что произошло позже

с массовыми и элитарными ожиданиями, требует, видимо, специального изучения. Можно сослаться на усталость, на какие-то «естественные» пределы массовой выдержки, на обманутые надежды, на разочарование в лидерах, на возрождение – в различных формах – организованной оппозиции, способной придать оформленное выражение настроениям разочарования и недовольства. Так или иначе, где-то на рубеже 1993-1994 годов явно изменился характер ожиданий – притом связанных с надеждами социального порядка (на власть, на лидеров). Другое дело, насколько изменилась природа таких ожиданий, т.е., например, насколько важным остался в них «сказочный» компонент (ожидание «чуда»).

Если для преобладающей части опрошенных средоточием ностальгических соблазнов обычно является «застой» (именно этому периоду приписывается максимальная – по меркам ушедшего века – стабильность, уверенность в завтрашнем дне и пр.), то для некоторых групп соблазнительными служат иные исторические образцы – от монархических до сталинских. Можно встретить и людей, восторженно вспоминающих первые годы перестройки и гласности или даже завидующих соседним странам, где на поверхности общественной жизни как будто заметно открытое противостояние, демонстративная (не всегда, впрочем, серьезная по классическим меркам) политическая борьба.

Все это наводит на мысль, что доминирующую социальную ностальгию нельзя «вывести» из какой-то суммы или индекса индивидуальных настроений (например, отслеживаемых ВЦИОМом в рамках замеров индекса социальных настроений). В поисках истоков интересующего нас феномена приходится обратиться к анализу природы и способов действия того ностальгического арсенала (набора рамок и категорий), который влияет на массовое сознание.

Эмпирические параметры проблемы

Обратимся к показателям ряда исследований, которые позволяют представить характер и масштабы влияния современных ностальгических настроений.

Таблица 1

«Согласны ли Вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года?»

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Согласен*	Не согласен**
1992, апрель	45	39
1993	46	30
1994, апрель	54	29
1995, сентябрь	45	30
1996, август	51	41
1997, март	52	41
1998, февраль	51	39
1999, январь	51	27
2000, апрель	49	41
2001, март	54	39

Примечание: здесь и в нижеследующих таблицах данные о затруднившихся ответить не приводятся.

** В опросах 1996-2001 годов – сумма ответов «вполне согласен» и «в основном согласен».*

*** В опросах 1996-2001 годов – сумма ответов «совершенно не согласен» и «в основном не согласен».*

Сопоставим более подробные (по возрастным и образовательным группам) данные 1996 и 2000 годов.

Таблица 2

«Согласны ли Вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года?»
(по возрастным и образовательным группам)
(N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе)

		Согласен	Не согласен
Все	1996	50	42
	2001	53	40
Возраст, лет			
18-29	1996	28	61
	2001	28	55
30-39	1996	40	52
	2001	51	43
40-49	1996	48	42
	2001	51	42
50-59	1996	63	33
	2001	60	34
60-69	1996	73	21
	2001	77	20
70 и старше	1996	83	11
	2001	69	27
Образование			
Высшее	1996	29	64
	2001	35	61
Среднее	1996	42	49
	2001	44	46
Ниже среднего	1996	70	23
	2001	72	22

Таким образом, во всех без исключения наблюдаемых группах произошел явный сдвиг симпатий к ситуации «до 1985 года», причем наиболее заметно уменьшилась доля «несогласных», т.е. заметно ослабло сопротивление ностальгическим настроениям.

Возьмем теперь данные об отношении к конкурирующим экономическим системам.

Таблица 3

«Какая экономическая система лучше для России?»

(*N* = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Государственное планирование	«Рынок»
1992, февраль	28	51
1992, март	32	42
1992, декабрь	30	42
1994, февраль	39	32
1995, май	39	22
1996, март	42	34
1997, май	43	40
1998, сентябрь	50	34
1999, май	48	34
2000, апрель	52	33
2002, май	56	30

Ностальгические стереотипы исторической памяти

Примерно с начала XIX века – собственно, с момента зарождения в России общественного сознания (непридворного и нецерковного) – его доминантой становится романтическая концепция «счастливого прошлого». Формальные истоки этого феномена – идеологическое влияние немецкого романтизма и французских течений периода Реставрации. Реальные же кроются в начальных и непреходящих особенностях российской модернизации, которая сталкивается с сильнейшим внутренним сопротивлением (под лозунгами «остаться собой», «сделать по-своему», «вопреки» и т.п.); это касается не только прямых консерваторов, но почти всех отечественных прогрессистов – от ранних славянофилов и первых на-

родников до большевиков и их державно-реформаторских преемников.

Если оставить в стороне «внешние» аспекты доминирующего стереотипа (Россия – Запад), то его структура сводится к представлению о сверхзначимом прошлом («до» некоего критического рубежа – до самодержавия, до завоевания, до крепостничества, до модернизации и т.д.), ничтожном, извращенном, «преходящем» настоящем – и надежде на возвращение к некоему чистому образцу.

Примечательная особенность самого механизма ретроспективных установок общественного сознания: их предметом служили не *«вчерашние»* (т.е. «непосредственно» прошлые) состояния, ценности, герои и пр., а соответствующие атрибуты *«позавчерашнего»* происхождения. Объяснение этого явления довольно очевидно: наша история практически не обнаруживает периодов «плавного» развития, каждая новая фаза которого вызревала бы в предшествующей и ее продолжала. Характерный рисунок («дизайн»?) знакомого нам движения исторического времени – всякий новый этап и режим демонстративно отвергает, клеймит, обличает своего непосредственного предшественника, ища опоры в предпрошлом периоде, который был столь же демонстративно отвергаем ранее. Происходившие разрывы и отвержения, вне всякого сомнения, демонстративно преувеличивались для самоутверждения новой правящей верхушки, новой свиты и т.д. Можно обнаружить подобные конфигурации перемен и в монархические, и в советские, и в постсоветские годы (в последние периоды они даже более очевидны). Впрочем, согласно Светонию и другим источникам, каждый римский цезарь начинал историю с себя...

Поминать всеу гегелевские триады «отрицания отрицания» по этому поводу не следует – хотя бы потому, что в классической философской конструкции предполагался высший и возвышающий смысл «спирального» движения, которого реальная история не обнаруживает.

Свою лепту в распространение стереотипов ностальгического романтизма внесли утопические социалисты и революционеры, в том числе и марксистские. В XIX – начале XX века практически вся социалистическая критика капитализма, рынка, государства, разделения (и «отчуждения») труда, общественного неравенства, несправедливости – как морально-философская, так и экономическая, претендовавшая на научность и радикальность – фактически ориентировалась на патриархальные или просто архаические (общинные, монастырские и пр.) образцы «домодернизационного» происхождения, по значению своему противостоявшие опасным новшествам. В России подобные образцы уже в том далеком веке принимали, как известно, самые причудливые и экстремистские формы, но они влияли на общественное сознание и в других европейских странах; никакой российской уникальности в этом смысле не существовало никогда.

Конечно, тогда речь шла почти исключительно о влиянии на *элитарное* сознание, носителями которого выступали разночинцы-интеллектуалы и аналогичные группы. Для массового влияния какой бы то ни было идеологической конструкции, как показал последующий опыт, требовались такие условия, средства и организации, которых в XIX веке не существовало. В XX веке (если вести отсчет от Первой мировой) они стали доминирующими.

Соблазны державного социализма

Действительное, и достаточно сильное, влияние на массовые уровни общественного сознания оказали не иллюзии проповедников социалистических утопий, а государственные реальности «социализмов» XX века – советского со всеми своими продолжениями, в определенной мере – германского национал-социализма, а также целой серии азиатских, африканских и латиноамериканских режимов с социал-популистскими претензиями. В дальнейшем ограничимся ссылками

только на опыт первого из них.

«Реальный социализм», как стали официально именовать этот феномен в последние годы его существования, существенно, принципиально отличался от утопических проектов, а также и от революционных метаний собственной молодости. Ритуальные апелляции к символическим истокам (и классическим авторитетам), занимавшие громадное место в идеологической подсистеме, нужны были для легитимации существующего порядка, а отнюдь не для ностальгических воспоминаний о давних страстях и надеждах. Опорой реального социализма никогда не были высокая производительность, изобилие и свободы, обещанные утопиями, иначе говоря – иллюзии прошлого, перенесенные в далекое будущее. Строй опирался на прямое принуждение, властную, информационную и экономическую монополию, навязанную изоляцию.

Только разгромленные оппоненты режима пытались – и всегда неудачно – использовать идею «возвращения к истокам». Много позже, когда обнаружились надломы в самой системе властвования, подобные апелляции (вроде лозунга «восстановления ленинских норм» в хрущевские годы, когда эти термины давно утратили даже вторичный, приписанный им смысл) использовались для символического обновления режима. Любая неспособная к саморазвитию система допускает изменение только как «возвращение» к исконному состоянию; близкий к фарсу пример – официальные формулы 1987 года, объявлявшие перестройку «продолжением дела Октября». В данном случае достаточно отметить, что в обеих попытках обновить непригодную для этого систему ностальгические призывы играли сугубо символическую роль, действующей силой было стремление правящей группы как-то осовременить режим.

Нет оснований приписывать сколько-нибудь значимые ностальгические настроения массе советского населения в условиях сформировавшегося режима. Если у значительной части людей старших поколений до 40-х годов и оставались

живые, собственные воспоминания о досоветском, доколхозном и прочем времени, то они оставались достояниями личной памяти, но никак не ориентирами социальных надежд и действий.

Но точно так же ни в коей мере не были реальными ориентирами социального поведения – ни на каком из его уровней, от официального до массового, вне зависимости от меры идеологической ангажированности – упования на грядущее царство общинно-потребительской утопии (т.е. иллюзии о счастливом прошлом). Обращения к соответствующей терминологии – не более как ритуальный жест, которым пользовались при недостатке иных способов самооправдания режима (например, в пустословии партийной программы 1961 года, к которой никто не относился всерьез; когда все указанные сроки достижений были провалены, ни власть, ни население просто не вспомнили об этом...). Апелляции к «послезавтрашнему» времени исполняли ту же функцию, что и апелляции ко времени «позавчерашнему».

Что же касается «официальной» (в том числе школьной, газетной и пр.) социальной памяти, то она служила таким же объектом манипулирования, как информация о положении страны или о внешнем мире. История всегда оставалась текущей «политикой, опрокинутой в прошлое» (сколь ни пытались откреститься авторитеты советского времени от этой, чересчур откровенной формулы М. Покровского, она неизменно оставалась руководством к утилитарной переоценке персон, эпох, правителей, мыслителей и т.д.).

Реально же общество все свои «зрелые» десятилетия жило только в одном, «сегодняшнем» временном измерении, – что свойственно, видимо, любой относительно устойчивой общественной системе. Независимо от того, стремились ли люди, элиты, власти «просто» выживать, сохраняя свое положение, или рассчитывали на какие-то улучшения/облегчения, они ориентировались на действующую систему интересов, возможностей, ограничений, норм и т.д. Прошлое бы-

ло, как считалось, отринуту навсегда, «иное» будущее исключалось, единственно реальным представлялось продолжение существующей ситуации, т.е. продление «сегодняшнего» состояния. (За пределами нынешнего анализа – вопрос о надежности оснований такого, в терминах У. Томаса, «определения ситуации».)

Именно ощущение стабильного, длящегося положения, согласно многим опросным данным, составляет для заметной части населения преимущество социалистических порядков перед современными, «переходными». К этому следует добавить другое демонстративное достоинство прошлой системы: ее простота, как бы отшлифованная примитивность властных, социальных, трудовых, идеологически-ритуальных и прочих отношений. Социальные противоречия, как и конфликты в руководстве, наружу не выступали, а такие «несистемные» феномены, как диссиденты, Афганистан и т.п., довольно успешно вытеснялись на периферию общественного внимания.

Привлекательность государственно-социалистического образца в XX веке – преимущественно для стран и регионов, не прошедших самостоятельной школы исторического воспитания, к которым относилась и Россия, – в значительной степени объясняется предложениями простейшим образом («отобрать и поделить») решить проблемы бедности, неравенства, отсталости и пр. А для России, отчасти и для Китая, еще и возможностью выйти на мировую арену с железным (ракетным) кулаком. Всемирные претензии, подкрепленные новой военной силой, при глубочайшей изолированности страны от мирового развития, составляют один из важнейших секретов влияния этого образца в его великодержавных вариантах.

Современному общественному мнению в России стабильным представляется прежде всего стагнирующее состояние скрытого разложения системы, т.е. то, что задним числом окрестили как «застой». В этом нельзя усматривать

простой парадокс: сегодня массовое сознание – под давлением обстоятельств и сравнений – фактически воспроизводит самую распространенную двадцать лет назад позицию самых серьезных аналитиков и критиков советского режима, как отечественных, так и зарубежных. Хронологически близкий к своему концу, этот режим представлялся всем им чуть ли не ультрастабильным.

Между прочим, накануне конкурентных президентских выборов 1996 года, когда существовала теоретическая возможность успеха кандидата от коммунистов, в ряде опросов чаще всего высказывались предположения о том, что победа этих сил вернет страну в период желанного «застоя». Любая ностальгия, тем более социально принятая, имеет дело с идеализированной, так или иначе реконструированной памятью...

По данным одного из последних исследований (октябрь 2002 года, N = 1600 человек), «если бы можно было начать свою жизнь заново», 39% предпочли бы жить в «спокойные брежневские годы», 23% – сейчас, при В. Путине, 17% – в другой стране, Россия до 1917 года привлекает 5%, а пятилетки, «оттепель» и перестройка – по 3% опрошенных.

Наиболее приемлемым периодом советской истории в общественном мнении оказываются отнюдь не героические или воинственные годы, а те, что представляются наиболее спокойными и относительно уютными. (Впрочем, живая память большинства российского населения и не простирается далее «застоя», все предшествующее – это в основном содержание опосредованной памяти, письменной, отфильтрованной.) Ностальгические представления о советском прошлом – отнюдь не признак исключительности ментальности советского, или русско-советского, человека. Многие респонденты во всех, без исключения, странах бывшего советского блока отмечают примерно такие же достоинства суще-

ствовавших у них порядков подсоветского типа¹.

«Реальный социализм» XX века – не удел фантазеров и фанатиков, а государственная, организованная, бюрократизированная и коррумпированная официальная практика, через множество каналов (социализации и социального контроля) влиявшая на массовую жизнь и массовое сознание, втягивавшая большинство населения в систему властных и клиентских связей, подчинявших его идеологической мишуре и всеобъемлющей коррупции. За рамками повседневности человек вынужден был пользоваться только одним, официально навязанным языком. А он претендовал на универсальное объяснение всего и вся в категориях бесконечно длящейся современности.

Оси дезориентации «переходного» времени

Крушение советской псевдостабильности привело к неизбежному распаду всей системы временной ориентации общества. Главное здесь – принципиальная переоценка значения «настоящего» времени. Современное положение вещей стало «ненастоящим», мимолетным (при всем своем стаже на сегодняшний день переживаемый период перемен и поворотов грозит стать куда более длительным, чем «застой»), промежуточным, как бы зажатым между катастрофой вчерашнего и бездной неопределенного, но заведомо «иногo» будущего. Все остальные смещения и разрывы в социальном самоопределении – и возникающие в этой связи иллюзии – как бы вращаются вокруг этого осевого феномена. Поначалу, в годы золотых снов ранней перестройки, «подвешенное» состояние впрямь казалось краткосрочным (переходом, взлетом, спуском – неважно), теперь оно воспринимается как довольно

¹ См.: *Rose R.* A bottom up evaluation of enlargement countries // *New Europe Barometer 1: Studies in Public Policy (Glasgow)*. 2002. № 364; см. также: *Роуз Р.* Десятилетие сдвигов, но без особого успеха // *Мониторинг общественного мнения*. 2002. № 4.

длительное, но по-прежнему нестабильное, смутное, как бы неуверенное в самом себе.

Показательными можно считать данные о предпочтительности политической системы (табл. 4, 5).

Таблица 4

«Какая политическая система кажется Вам лучшей?»
(*N* = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Советская	Нынешняя	Демократия по образцу западных стран
1996, февраль	39	8	28
1996, апрель	38	11	26
1996, июнь	35	19	25
1997, февраль	45	10	26
1998, декабрь	43	5	32
2000, январь	43	13	31
2000, апрель	42	11	26

Распределение позиций в общественном мнении оказывается относительно стабильным, наблюдаемые колебания почти не выходят за рамки неизбежных ошибок измерения.

Самое примечательное в приведенном ряде показателей – весьма невысокий уровень принятия существующей, «сегодняшней» политической системы, как при теряющем поддержку президенте Б. Ельцине, так и в месяцы наиболее восторженных ожиданий, связанных с президентом В. Путиным. (Кратковременный рост оценок нынешнего порядка в момент напряженной политической конфронтации перед выборами 1996 года – явление ситуативное.)

Представление о временном, преходящем характере действующих социальных институтов и норм очевидно распространяется не только на политическую систему, но и на все прочие сферы социальной жизни. (Укоренившиеся в литературе и политическом обиходе термины типа «переходный» применительно к разным аспектам нынешней реальности ос-

новательно искажают картину происходящего, придавая видимость солидности малосодержательным определениям; имплицитные аналогии с органическими и другими чертами переходного возраста скорее усугубляют, чем устраняют дезориентацию.)

Таблица 5

Предпочтительная политическая система, 1996 и 2000

(Май-июнь 1996 года, апрель 2000 года,

N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой группе)

		Советская	Нынешняя	Демократия западного типа
Все	1996	36	10	31
	2000	42	11	26
Возраст, лет				
18-24	1996	7	14	61
	2000	19	21	48
25-39	1996	25	13	40
	2000	37	16	36
40-54	1996	39	9	28
	2000	43	11	29
55 и старше	1996	59	8	13
	2000	66	9	15
Образование				
Высшее	1996	20	11	47
	2000	26	10	46
Среднее	1996	28	12	36
	2000	36	16	35
Ниже среднего	1996	55	8	18
	2000	64	11	15

Изменения можно свести к таким основным моментам: 1) симпатии к советскому строю возросли во всех группах, особенно среди самых молодых; 2) симпатии к западной де-

мократии ослабли, опять-таки заметнее всего – у молодежи и лиц среднего возраста; 3) предпочтения нынешней системы остались в целом на том же низком уровне, но несколько укрепились у более молодых (очевидное следствие увлечения «молодым» лидером).

Не лишено интереса распределение мнений о предпочтениях в отношении политического времени в том же опросе 2000 года по культурно-ценностным основаниям.

Таблица 6

**Политические предпочтения поклонников
«русских кумиров XX века»**

(Апрель 2000 года, N = 1600 человек, % от числа назвавших данную фамилию)

«Русские кумиры XX века»*	«Какая политическая система лучше?»		
	Советская	Нынешняя	Демократия западного типа
М. Булгаков	23	26	35
В. Высоцкий	44	13	31
Ю. Гагарин	50	11	26
М. Горбачев	32	16	35
Г. Жуков	54	11	22
В. Ленин	63	10	16
А. Сахаров	37	18	36
А. Солженицын	29	21	36
И. Сталин	63	6	18
Л. Толстой	36	13	39
В. Чапаев	47	14	21
М. Шолохов	53	13	23

* Предлагалось указать три фамилии; приводится только часть списка.

Довольно отчетливо – хотя далеко не просто – прослеживается разделение поклонников кумиров по ориентациям на советское прошлое и на западные образцы. Предпочтение

нынешним порядкам высказывают более молодые и демократически настроенные.

Возьмем теперь распределение оценок переживаемого периода как «своего времени» за разные годы.

Таблица 7

«Можете ли Вы сказать, что сейчас Ваше время?»

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	1993	1999, март	2000, январь
Это мое время	17	17	33
Мое время ушло	36	38	34
Мое время еще не пришло	18	21	23
Затрудняюсь ответить	30	24	10

Получается, что доля определяющих текущее время как «свое» растет, притом за счет уменьшения доли затруднившихся ответить. По данным 2000 года (N = 1600 человек), «время, в которое мы живем», считают «своим» 53% в возрасте 18-24 лет, 46% – в возрасте 25-39 лет, 32% – в возрасте 40-54 года, 31% – в возрасте 55 лет и старше.

Приведенные данные нуждаются, очевидно, в одном существенном комментарии. Дело в том, что с привлечением показателя «моего времени» мы переходим от *социального* времени, в координатах которого существует общественное мнение, к *индивидуальному времени человека* – молодого, взрослого, пожилого, преуспевающего или еле выживающего и т.д. Это последнее время всегда для человека «настоящее» в обоих смыслах («сегодняшнее» и «реальное»), в нем расположены все практические и нравственные человеческие интересы, заботы, расчеты, даже самые дальние. Измеряется оно не календарными мерами, конечно, а масштабами связи человеческих дел, поколений. В эти рамки укладываются как «реальное» (индивидуальное, родовое) прошлое, так и «реальное» будущее. К собственной жизни нормальный человек относится всерьез, – вне зависимости от того, насколько

серьезно или насколько положительно он воспринимает общественные, социально-политические и прочие события, институты, персоны. В ситуации социальных катастроф и потрясений неизбежно возникает противопоставление индивидуального («серьезного») и социального («несерьезного») времен и противопоставление соответствующих нормативных структур. В частности, такой разрыв выражается в укоренившихся представлениях о неизбежности взаимного обмана, коррупции и пр.²

Что касается другой позиции приведенных выше табличных распределений – «демократии западного образца», то этот вариант многим кажется заметно более привлекательным по сравнению с нынешней реальностью, особенно – как и следовало ожидать – для более молодых и более образованных. Но повышенная привлекательность в данном случае далеко не равнозначна ценностному, а тем более практическому *выбору*. Слишком часто образ «Запада» оценивается в российском массовом сознании то как «зеленый виноград», непригодный для внутреннего потребления, то как «краса в чужом окошечке», то как прямая угроза. Эта тема часто рассматривается и в данном случае не является предметом обсуждения, поэтому ограничусь лишь одним замечанием. До последнего времени опросы обнаруживали явное преобладание предпочтений к «особому пути» и «особому порядку» (в смысле отличного как от советского, так и от западного образцов). Новейшая политическая струя – поиски западной поддержки или как минимум оправдания чеченской политики России – создает впечатление необходимости сближения с Западом, США, НАТО, и это не может не влиять на общественное мнение. Отсюда и некоторый, впрочем, довольно неустойчивый сдвиг настроений (см., например, кривую отношения к США в 2002 году), который требует осторожного к себе отношения – и отдельного анализа.

² См. статью «Человек в коррумпивном пространстве» в настоящей книге.

Пока части российского общественного мнения «западный» образец представляется наиболее вероятным для нашего дальнего будущего, другим – отрицательным ориентиром, от которого следует по возможности держаться в стороне – неясно, правда, в какой именно. В любом случае статус самого «будущего времени» (не непосредственно ближайшего, а дальнего) представляется весьма неопределенным. Убогие мечтания о молочных реках в кисельных берегах (в партийной программе 1961 года было обещано, что уже через 20 лет «богатства польются полным потоком»), вряд ли серьезно действовавшие на многих, забыты напрочь, новых не придумано. Идеалы Будущего (с большой буквы), как отмечалось выше, всегда были возводимы на пьедестал иллюзиями Прошлого. В зрелых современных обществах, укорененных в разнообразии сложного настоящего времени, работает, видимо, категория продленной современности. В бедном настоящем, скрывающемся под маской «переходности», этого нет.

«Статус» прошлого в современной ностальгии

Никакие распределения массовых предпочтений сами по себе не дают ответа на вопрос о реальных *функциях*, о *значении* таких предпочтений в данный момент, в данном обществе, при данном соотношении действующих в нем сил и факторов. Подойти к ответу можно лишь окольными путями.

События и ценности ушедших времен в той или иной форме «работают» в различных обществах (речь не идет о чисто исследовательских интересах и т.п.). Традиции, социально-исторические ритуалы действуют в исторической Англии, в постисторической Америке, в не имеющих собственной истории новых государствах. Социальная ностальгия, психологически значимое для множества людей отношение к ретроспективным ценностям, присутствует во всех подобных ситуациях. Болезненной она может становиться тогда, когда

апелляция к исторической памяти (в не столь давнем отечественном прошлом – к «юбилеям») заменяет или подменяет теряющие свою действенность средства социальной консолидации. И даже опасной – когда во спасение существующих институтов, авторитетов, политических акций привлекаются не просто атрибуты памяти, а средства, инструменты прошедшей эпохи.

С некоторой долей условности правомерно выделить два типа ностальгических феноменов – «*символ*» и «*тень*» прошлого. В первом случае речь идет собственно об апелляции к определенным узлам социальной памяти, которые наделяются специальным (например, ритуальным) значением. Во втором – о восстановлении «в правах» отвергнутых ранее социальных институтов, нравов, порядков. Символическое наследие прошлого как бы переработано временем, лишено непосредственного (оперативного) влияния на текущую ситуацию, обеспечивая преемственность и связь времен на уровне культурных значений. Как известно, на площади перед британским парламентом стоят памятники О. Кромвелю и королю Карлу I, казненному революцией XVII века, – история как история. Памятники царским особам, которые сооружаются в разных городах России, вполне можно отнести к ностальгическим символам прошлой истории, не задействованным в современных противостояниях и интригах. Иное дело – попытка вернуть на Лубянскую площадь памятник Ф. Дзержинскому, снесенный после провала «путча» 1991 года. Когда летом 2002 года московский мэр выступил с таким предложением, эту идею одобрили 56% российских граждан. Доминирующее объяснение выглядит совершенно аполитично – необходимость сохранить память о прошлом. На деле в этой ситуации сработала скорее «антипамять» – стремление забыть о роли всей «чрезвычайщины» в недавней истории страны. А также о том всплеске демократических надежд, который был вызван событиями августа 1991 года. Вновь, как в скандальной полемике вокруг музыки национального

гимна осенью 2000 года, аргументы демократов разбились о пьедестал – о массовое беспамятство; лишь интриги в верхах как будто затормозили эту затею. В обоих случаях речь шла не о символах, а скорее о *тенях* прошлого, используемых в определенных актуальных интересах.

Еще один предмет для подобного анализа – динамика оценок такого события XX века, как Октябрьская революция 1917 года. Как показывает недавний опрос (октябрь 2002 года; N = 1600 человек), за последние пять лет, с 1997 по 2002 год, доля сторонников стандартно-советских оценок этого события («новая эра», «стимул развития») возросла с 49% до 60%, а доля склонных к пессимистическим суждениям («тормоз», «катастрофа») уменьшилась с 34% до 28%. Истоки наблюдаемого сдвига в настроениях понятны – дух времени, уводящий от старых, нередко искусственно раздутых конфронтаций. Главная же проблема – значение перемен в распределении позиций. Судить об этом позволяют ответы на прожективный вопрос того же исследования «Представьте себе, что Октябрьская революция происходит на Ваших глазах. Что бы Вы стали делать?» В такой воображаемой ситуации поддержка большевиков достигает 43% (в 1997 году – 31%), противостояние им – 8% (было 7%), а стремление остаться в стороне (переждать, уехать за рубеж) – 43%. Скорее всего, всю ситуацию можно определить как продолжающуюся борьбу за важный символ прошлого. Но признаков активной ностальгии, стремления «вернуться» – не заметно.

Используя эти, сугубо предварительные, соображения, попробуем определить значение получаемых опросных данных.

Таблица 8

**«Возможно ли вернуться к тому, что было при
советской власти?»**

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	1994, июнь	2001, март
Да, скорее да	14	14
Нет, скорее нет	70	76
Затрудняюсь ответить	16	10

По исследованию 2001 года (N = 1600 человек), из тех, кто предпочел бы, чтобы «все оставалось как до 1985 года», 22% сочли возврат к советским порядкам возможным, 66% – невозможным. Из тех же, кто не сожалеет о ситуации до перестройки, возврат полагают возможным 3%, невозможным – 92%.

Следующие данные показывают уровень поддержки возвращения к советскому строю за ряд лет.

Таблица 9

Поддержка возвращения к советскому строю, 1994-2001

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

1994, февраль	15
1994, март	19
1994, июль	21
1995, март-апрель	11
1995, июль-август	13
1996, март	39
1998, апрель	23
1998, апрель	27
1998, декабрь	14
1999, апрель	20
1999, сентябрь	29
1999, декабрь	20
2000, апрель	18
2001, январь	22

Таким образом, при всех колебаниях настроений (самое очевидное – в марте 1996 года, когда было заметно преобладание электората Г. Зюганова в президентской гонке) возвращения прошлого желают немногим более одной пятой опрошенных, что примерно соответствует размеру электоральной поддержки компартии. Это значит, что массовую ностальгию по «положению до 1985 года» мы вправе характеризовать скорее как *символическую*, как выражение критического отношения к политике власти, – но отнюдь не как стремление вернуть советское прошлое. Причем, что стоит отметить, существенного влияния на уровень ностальгических настроений такого рода не оказали ни президентские выборы 1996 года, ни дефолт 1998-го, ни приход к власти нынешнего президента в 2000-м. (Следует, конечно, оговориться, что общественные настроения не определяют реальную возможность или невозможность какого бы то ни было перехода к «другим» порядкам – речь идет только о массовых предпочтениях.)

Очевидно, что для общественного мнения, при всех теплых воспоминаниях о стабильном и великом прошлом, проблемы выбора между «старой» и нынешней общественными системами давно не существует. Открытым – и не только для общественного мнения – остается вопрос о реальном характере и тенденциях эволюции существующей системы. Здесь массовое сознание оказывается неуверенным, колеблющимся, склонным поддаваться давлению сверху, – в сочетании с «давлением» непройденного, непреодоленного собственного прошлого.

За последние два-три года обозначилась явная тенденция к использованию в интересах властной «вертикали» характерных для советского периода инструментальных механизмов. В этом ряду – не только уже упомянутые механизмы символического происхождения, но «ползучая» реставрация политической цензуры, возвышение силовых структур и спецслужб и пр. Практически все такие шаги и намерения

встречали одобрение со стороны большинства населения. Здесь перед нами – не ностальгия по прошлому и не «реставрация» его по полной программе, а иное явление, которое можно представить как *реанимацию «теней» прошлого* (или его сохранившейся инфраструктуры) для решения задач, с которыми властные институты не способны справиться иными средствами. К скрытой, «теневой» инфраструктуре прошлого можно отнести, видимо, не только неприкосновенные силовые инструменты власти, но и привычные установки общественного сознания, которое – особенно в напряженной обстановке, под воздействием силового поля власти и зависимых от нее масс-медиа – готово принять привычный, авторитарный стиль политической жизни (и даже счесть его демократическим). Инициатива, однако, исходит не снизу, не от массового сознания, а от властной команды и претендентов на ее благосклонность.

Позволю себе одно – все же далекое, но исторически оправданное – сравнение. В конце 30-х – начале 50-х годов прошлого века сталинский режим, не собираясь реставрировать самодержавную монархию, укреплял личную диктатуру вождя восстановлением чиновничьей и военной иерархии, мундиров, табели рангов, политического культа, каторги, пыток, виселиц и тому подобных атрибутов «тени» предреволюционного российского прошлого. Не место сейчас обсуждать, насколько эффективными или избыточными были – или могут быть – подобные «ностальгизмы», речь идет лишь о конфигурации соответствующих феноменов.

В любом случае обращение к «теням» прошлых эпох – признак болезненной нестабильности, неуверенности современных регулятивных структур общества. (К подобным ситуациям приложим известный совет «вспоминайте жену Лоту»...)

Вместо заключения: о смысле ностальгизма наших дней

Как мы видели, общественное мнение России пронизано ностальгией преимущественно *символической*. Желания возвращаться к прошлому немного, а средств для этого у него вовсе нет. Но общественное мнение, даже если бы оно было активным и организованным – до чего ему сейчас бесконечно далеко, – не способно само совершать повороты исторических масштабов, в лучшем случае они могут фиксироваться в распределении мнений. Стремление использовать отработанные социально-политические инструменты старого образца (на новой коммуникативной базе) наблюдается прежде всего в правящей элите и в ее рекламно-«технологической» службе. При все менее восторженной, но заметной поддержке большинства – в том числе из вчерашней интеллигентской и демократической среды. И при весьма слабом сопротивлении небольшой части этой последней группы. А также при неприятии со стороны старой, по возрасту и происхождению, коммунистической оппозиции; последнее обстоятельство также нельзя не учитывать. Даже все эти тенденции, вместе взятые, не способны «вернуть» страну в исходную точку переломов. Но на сегодняшний и завтрашний облик общества они влияют очень серьезно.

Понятный, доходящий до паники нынешний массовый страх перед публичными потрясениями и переворотами любого направления побуждает общественное мнение принимать как должное плоды подковерных интриг и «ползучие» сдвиги в политическом стиле и средствах деятельности властей. Определенную часть более просвещенного слоя, вчерашних демократов все еще околдовывают давно опровергнутые историческим опытом формулы экономического (или, на более современный лад, глобально-экономического) детерминизма, побуждающие к утешительным суждениям типа: «Пусть оглядываясь назад, через грязь, кровь и корруп-

цию, но идем вперед, растаем в мировую экономику, и пр.» Примерно в том же направлении по-прежнему работает в массовом сознании давняя дихотомия, которая относилась к «демократии» все и вся, противостоявшее партийно-советскому режиму, а ныне сохраняет демократические метки на режиме, от реальной демократии весьма далеко. За фальшивые формулы приходится дорого и долго платить всем.

Возвращаясь к проблематике, затронутой в одной из предыдущих статей³, следует повторить ее основной тезис: история не носит «линейного» характера, ее вариации не могут поэтому измеряться показателями «вперед», «назад», «отстать», «догнать» и т.п. Никакие «рыночные» преобразования – даже если бы они происходили достаточно последовательно и быстро – не могут поставить Россию в один ряд со странами, прошедшими иной путь в иных условиях. Реальное место страны в «глобальном» социальном пространстве в прошлом, сейчас, в сколь угодно далеко будущем зависит и от способа освоения («переваривания») ею чужого опыта – и собственного, непреодоленного прошлого со всеми его нынешними реминисценциями.

«Мониторинг...» 2002. № 6

³ См. статью «Отложенный Армагеддон? Год после 11 сентября в общественном мнении России и мира» в настоящей книге.

«ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ» В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

В июле-августе 2003 года ВЦИОМ провел очередное, четвертое исследование в рамках программы «Советский человек». Опрошено 2000 респондентов по репрезентативной общероссийской выборке. (Напомню, что предыдущие опросы этого цикла проходили в 1989, 1994 и 1999 годах; N = 1250, 3000 и 2000 человек соответственно. Далее приводятся данные только этих исследований.) Анализ полученных данных позволит представить различные аспекты типичных ценностных ориентаций, установок, стереотипов, самооценки, настроений, ожиданий и разочарований, восприятия исторических событий и деятелей, присущих массовому сознанию различных общественных групп, которые в совокупности составляют социально-антропологический тип «человека советского», *homo sovieticus*. В соответствии с принятыми в начале работы исследовательского коллектива методологическими предпосылками мы стремимся рассматривать этот сформированный прошлой эпохой феномен в меняющихся общественных условиях как лабильный, адаптирующийся и – благодаря этому – в высшей степени устойчивый. Поэтому мы можем сейчас говорить о судьбе характеристик «человека советского» в постсоветских условиях.

Каждый новый этап разработки программы не только дает материал для понимания динамики изучаемого предмета (массового сознания «человека советского»), но позволяет глубже понять, а иногда и переоценить многие полученные ранее результаты и гипотезы исследования.

В настоящей статье рассматривается лишь одна из тем четвертой волны исследования – восприятие человеком общественных перемен последнего времени – в сопоставлении с результатами предыдущих опросов по той же программе.

Масштабы перемен

Начнем с самых общих – а потому и наиболее противоречивых – оценок происходящих перемен в общественном мнении. Как показывает исследовательский опыт, любые общие оценки (к чему бы они ни относились) чреваты парадоксами и противоречиями уже потому, что строятся на основе разных источников, как бы суммируя близкий и дальний опыт, информацию индивидуально приобретенную, групповую (полученную от «своих», от знакомых, встречаемых и пр.) и массовую, официальную и неофициальную.

Две особенности в общих оценках перемен общественным мнением бросаются в глаза. Во-первых, значительно более редкими стали представления о том, что в собственной жизни людей произошли большие перемены. Во-вторых, с годами необъяснимо возросло число считающих, что в их жизни «по сути дела ничего не изменилось». В то же время уменьшилась – и довольно заметно, в полтора раза – доля «разочарованных» («но все идет по-старому»).

Таблица 1

«Для Вас лично за последние годы...»
(% от числа опрошенных)

	1994	2003
Произошли большие изменения	56	39
По сути дела ничего не изменилось	13	46
Недавно казалось, что моя жизнь изменилась, но теперь я вижу, что все идет по-старому	16	10
Затрудняюсь ответить	14	5

Рассмотрим эти тенденции подробнее, в разрезе возрастных групп.

Таблица 2

**Масштаб перемен в представлениях различных
возрастных групп**
(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

		Все	Возраст, лет			
			15-24	25-39	40-54	55 и старше
Произошли большие изменения	1994	56	60	57	55	54
	2003	39	49	45	35	31
По сути ничего не изменилось	1994	13	16	12	13	13
	2003	46	43	38	48	54
Казалось, что жизнь изменилась, но все идет по-старому	1994	16	10	16	19	18
	2003	10	5	10	12	10
Затрудняюсь ответить	1994	14	15	15	14	15
	2003	5	3	6	5	6

Таким образом, «большие изменения» в 1994 году отмечали почти в равной мере все выделенные возрастные группы (но чаще – до 40 лет), а в 2003-м перемены явно «измельчали», особенно в глазах 40-летних и старше. Заметим, что такое изменение оценок произошло, в частности, в одной возрастной когорте, которой в 1994 году было 25-39 лет, а в 2003-м (примерно) 40-54 года.

Представления о том, что «ничего не изменилось», стали почти вчетверо (!) более распространенными во всех возрастных группах, причем они чаще встречаются у самых молодых и у самых старших. Очевидно, что в старшей группе такие мнения связаны с переживаниями трудностей жизни и ностальгией по прошлому (по-видимому, представления о переменах для значительной части опрошенных имплицитно связаны с понятием «изменения к лучшему»). Что же касается нынешних молодых, то у них нет собственного опыта для сравнения с дореформенным положением вещей; в 1994 году у тогдашних молодых людей такой опыт имелся; кроме того,

на умы действовал разноголосый хор СМИ, воспевавших или проклинавших перемены.

Наконец, то, что уровень разочарования в переменах («оказалось, что все идет по-старому») во всех группах заметно снизился, скорее всего можно объяснить дискредитацией самих иллюзий относительно перемен: сейчас о них реже вспоминают.

Значимость перемен

Перейдем теперь к представлениям о значимости перемен в различных сферах жизни.

Таблица 3

«Насколько важно, по Вашему мнению...»

(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Все		Возраст, лет							
			16-24		25-39		40-54		55 и старше	
	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно
<i>Исчезновение дефицита</i>										
1994	76	16	86	10	79	15	72	18	69	17
2003	74	23	76	17	60	19	77	22	65	30
<i>Рост безработицы</i>										
1994	81	6	60	11	84	10	85	6	78	9
2003	76	20	79	16	80	19	84	14	62	31
<i>Увеличение зависимости страны от Запада</i>										
1994	53	25	52	30	56	23	54	26	50	23
2003	54	34	51	34	52	38	60	29	54	32
<i>Появление слоя богатых, состоятельных людей</i>										
1994	41	39	53	35	43	40	37	43	34	40
2003	37	56	40	52	36	58	40	55	33	57

	Все		Возраст, лет							
			16-24		25-39		40-54		55 и старше	
	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно
<i>Ослабление единства России</i>										
1994	73	11	69	15	72	12	75	9	73	8
2003	77	14	72	18	70	18	85	10	79	12
<i>Возможность стать собственником, завести свое дело</i>										
1994	44	39	66	26	50	37	40	43	27	46
2003	46	47	73	22	61	35	42	52	18	72
<i>Обнищание людей</i>										
1994	81	8	76	11	83	8	81	8	80	5
2003	86	9	80	14	82	13	82	5	89	6
<i>Возможность учиться, работать, отдыхать за рубежом</i>										
1994	49	39	65	28	50	39	45	42	34	44
2003	48	47	72	24	54	42	46	49	25	77
<i>Политические и гражданские свободы</i>										
1994	51	31	56	28	52	33	50	31	46	28
2003	45	47	42	34	48	46	49	46	34	55
<i>Рост коррупции, анархия, безвластие</i>										
1994	66	13	63	16	70	13	69	13	64	13
2003	75	18	65	23	73	21	82	14	78	14
<i>Крах коммунистической идеологии</i>										
1994	35	40	34	43	34	44	34	39	37	31
2003	36	52	20	63	26	62	37	55	54	31
<i>Возможность жить, не обращая внимания на власти</i>										
1994	44	28	54	24	45	31	42	28	38	27
2003	41	39	46	35	45	38	41	37	34	42

Примечание: в позиции «важно» суммированы ответы «очень важно» и «достаточно важно», в позиции «неважно» – ответы «не очень важно» и «совсем не важно».

Как видим, почти все отмеченные в *таблице 3* изменения в 2003 году кажутся людям менее важными, чем в 1994-м. Исключений заметно *три*: более важными стали представляться *ослабление единства страны, обнищание людей*, особенно же *рост коррупции и анархия*. Каждая из этих позиций, очевидно, содержит различные компоненты: с одной стороны, действуют «реальные» факторы (кавказская ситуация, уровень жизни, масштабы коррупции), с другой – общественное внимание к соответствующим явлениям, поддерживаемое СМИ и официальными источниками.

Остановимся теперь на некоторых возрастных особенностях восприятия общественных перемен. *Исчезновение дефицита* примерно в равной мере важно для всех возрастных групп и примерно в равной мере стало несколько менее важной. Проблема *безработицы*, естественно, тревожит людей в рабочем возрасте, особенно в старшем рабочем (40-55 лет). Но за десятилетие эти тревоги заметно возросли преимущественно среди самых молодых. *Зависимость от Запада* отмечают почти одинаково часто во всех группах, одновременно повсеместно отмечается и рост показателей «неважности» этой проблемы. Вероятно, действует фактор привыкания к изменившемуся положению России в мире. Тот же фактор уменьшает остроту восприятия такого явления, как формирование слоя *богатых* людей, только в старшей рабочей группе отмечается рост его значимости. Ослабление *единства России* стало больше беспокоить прежде всего людей двух старших возрастных групп (что и дало рост соответствующего сводного показателя). Тенденция *обеднения, обнищания* населения сильнее тревожит самых молодых и – в большей мере – самых пожилых. Такие изменения, как возможность завести *собственный бизнес, учиться и работать за рубежом*, а также *«жить, не обращая внимания на власти»*, понятно, привлекают «практическое» внимание прежде всего у молодых; для более пожилых это скорее предмет «идеологического» интереса, притом слабеющего.

Особо стоит отметить динамику оценок важности двух идейно-политических позиций – политических и гражданских свобод, а также краха коммунистической идеологии. «Свободы» явно имеют теперь меньшее значение для всех возрастов. Одни – например, свобода слова – стали привычными и малоинтересными, другие представляются скорее излишними или вредными (многопартийные выборы; на этом мы остановимся позже). Сказывается и официально заявленная в последнее время точка зрения, согласно которой мы имели до сих пор не свободы, а «вседозволенность», от которой надлежит избавиться в интересах порядка и управляемости в государственной жизни. Нетрудно заметить, что приведенное мнение почти буквально повторяет известный лозунг консервативных оппонентов «перестройки», распространенный в 1990-1991 годах.

Примечательно, что крушение официальной идеологии советского режима кажется сейчас более важным только в самой старшей группе, и только в этой группе это событие оценивается как «скорее важное». Во всех остальных возрастах оно уже в 1994 году воспринималось как относительно маловажное, а сейчас стало еще менее значимым. Это не признак переоценки идеологических ценностей или замены одной идеологической системы какой-то иной, – такие процессы не наблюдаются и вряд ли возможны, – а признак всеохватывающей деидеологизации общества. Что, кстати, мешает и формированию системы «управляемой демократии».

Остановимся теперь на оценках значимости ряда общественных перемен в различных *политических* группах (табл. 4).

В электоратах, относительно высоко оценивающих возможность начать собственное дело («Яблоко», СПС, ЛДПР), эти оценки выросли, среди избирателей КПрФ – снизились. Обнищание населения больше стало тревожить электораты всех партий, кроме ЛДПР, где такая тревога даже несколько снизилась. Только сторонники СПС стали со временем (в

сравнении с избирателями «Выбора России») больше ценить значение политических свобод. А крах коммунистической идеологии кажется скорее важным только избирателям «Яблока» и КПРФ (последним явно с другим знаком, как негативное изменение), только для названных двух электоратов значимость этого события с годами возросла. О позициях сторонников «Единой России» можно судить, понятно, только по данным 2003 года; как правило, их оценки оказываются где-то посередине между демократами и коммунистами. Политические свободы им представляются скорее важными – по-видимому, поскольку составляют демонстративные атрибуты нынешней правящей элиты.

Таблица 4

Значимость перемен (распределение по группам партийных симпатий)

(% от числа опрошенных в каждой электоральной группе)

	«Яблоко»*		СПС**		КПРФ		ЛДПР		«Единая Россия»	
	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно	важно	неважно
Возможность открыть свое дело										
1994	52	35	50	36	28	54	42	44	–	–
2003	66	32	64	35	24	66	52	43	47	45
Обнищание людей										
1994	83	5	83	6	87	3	85	7	–	–
2003	91	6	88	8	89	7	81	9	87	8
Политические свободы										
1994	61	26	66	21	48	29	44	42	–	–
2003	54	43	76	22	33	58	36	52	56	38
Крах коммунистической идеологии										
1994	44	39	40	36	46	27	36	43	–	–
2003	57	40	34	60	66	24	28	59	38	52

Примечание: в 1994 году задавался вопрос о голосовании на

выборах 1993 года; в 2003-м – о намерениях голосовать на предстоящих выборах.

* В 1994 году – «Блок Явлинского».

** В 1994 году – «Выбор России».

«Знак» перемен («полезные» и «вредные»)

Данные различных волн исследования показывают довольно сложную динамику одобрения/неодобрения изменений в различных сферах жизни.

Таблица 5

«Что принесли России...» (% от числа опрошенных)

	1994		1999		2003	
	больше пользы	больше вреда	больше пользы	больше вреда	больше пользы	больше вреда
Свобода слова, печати	53	23	47	32	49	33
Многопартийные выборы	29	33	21	50	29	40
Свобода выезда за рубеж	45	23	43	23	61	18
Свобода предпринимательства	44	28	50	25	63	19
Право на забастовки	23	36	32	26	41	24
Сближение с Западом	47	19	38	23	55	22

Только в двух сферах из приведенного перечня изменений наблюдается устойчивый рост положительных оценок (*свобода предпринимательства и забастовки*), причем только в оценках забастовок произошел «поворот знака», т.е. во-

зобладало представление о полезности такого права. И лишь в одной области – *многопартийных выборов* – стабильно превалируют негативные оценки («больше вреда»). Примечательно, что преобладание представлений о вредоносности конкурентных выборов сохраняется в общественном мнении и летом 2003 года, в обстановке нарастающего электорального ажиотажа. *Свобода выезда* оценивалась фактически одинаково позитивно в 1994 и 1999 годах, а в 2003-м представления о полезности этой перемены стали заметно более частыми. Неустойчивыми выглядят уровни одобрения таких – в целом одобряемых – перемен, как *свобода слова* и *сближение с Западом*: в кризисной ситуации 1999 года возрастает их неодобрение, в как будто более спокойной обстановке 2003-го они чаще кажутся полезными.

Обратимся вновь к возрастной динамике наблюдаемых показателей за 1994-2003 годы.

Таблица 6

Полезьа и вред перемен (возрастное распределение)
(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

		Возраст, лет							
		16-24		25-39		40-54		55 и старше	
		польза	вред	польза	вред	польза	вред	польза	вред
Свобода слова	1994	65	11	57	18	53	24	39	33
	2003	69	14	55	27	46	37	31	50
Многопартийные выборы	1994	28	34	35	26	29	35	21	36
	2003	38	22	32	33	32	42	19	55
Свобода выезда	1994	58	19	52	16	42	22	28	32
	2003	69	16	69	12	66	15	43	28
Свобода предпринимательства	1994	63	16	52	21	41	31	23	38
	2003	76	10	72	12	67	17	41	34

		Возраст, лет							
		16-24		25-39		40-54		55 и старше	
		поль-за	вред	поль-за	вред	поль-за	вред	поль-за	вред
Право на забастовки	1994	25	34	24	31	26	36	19	41
	2003	48	20	42	23	41	22	36	30
Сближение с Западом	1994	62	9	55	14	44	21	31	27
	2003	68	10	60	16	59	21	38	36

Свобода слова в относительно молодых группах (до 40 лет) стала представляться более полезной, хотя возросла и доля считающих ее вредной. В старших двух группах эту свободу реже считают полезной, а чаще – вредной; в группе пожилых стало преобладающим представление о ее вредности. Самым молодым (впервые получившим право голоса) многопартийные *выборы* представляются полезными, во всех остальных возрастах – скорее вредными, притом в заметно большей мере, чем в 1994 году. А свободу *выезда* за границу все считают скорее полезной и эту пользу отмечают чаще. Свободу *предпринимательства* оценивают как более полезную во всех возрастных группах, и этот показатель у всех вырос. Право *бастовать* «все» считали вредным в 1994 году, а теперь все группы, вплоть до старшей, признают его полезным. И наконец, *сближение с Западом* также одобряется повсеместно, но в старшей группе – с явно возросшим сопротивлением.

Свободу *слова, печати* в 1994 году скорее одобряли во всех электоратах, даже в коммунистическом (возможно, имела значение свобода оппозиционной прессы, подвергавшейся гонениям в 1991 и 1993 годах), в 2003-м ее считают скорее вредной лишь избиратели КИРФ. Но во всех политических группах населения негативные суждения об этой свободе

стали более заметными, в том числе и среди демократов. Можно предположить, что здесь сказывается реакция на растущую монополизацию СМИ и усиление контроля над ними.

Многопартийные выборы полагают скорее полезными (хотя и с более частыми оговорками) избиратели демократов – «Яблока» и СПС. В электоратах КПРФ и ЛДПР они казались вредными в 1994 году и стали казаться еще более вредными в 2003-м. Как ни странно на первый взгляд, разделяют такие оценки и в электорате «Единой России», нацеленном на успех в очередных думских выборах. Видимо, в современных условиях никакие электоральные победы не могут считаться прочными.

Таблица 7

Польза и вред перемен (распределение по группам партийных симпатий)

(% от числа опрошенных в каждой электоральной группе)

	«Яблоко»*		СПС**		КПРФ		ЛДПР		«Единая Россия»	
	больше пользы	больше вреда	больше пользы	больше вреда						
Свобода слова, печати										
1994	64	21	67	13	40	37	48	28	–	–
2003	68	25	72	20	34	49	47	32	60	29
Многопартийные выборы										
1994	45	27	45	23	18	44	29	35	–	–
2003	48	31	56	28	16	60	28	41	39	44
Свобода выезда за рубеж										
1994	59	21	54	19	24	44	36	33	–	–
2003	74	15	93	2	43	32	60	23	67	18
Свобода предпринимательства										
1994	61	23	61	17	20	51	35	36	–	–
2003	63	22	87	3	47	35	71	17	65	22

	«Яблоко»*		СПС**		КПРФ		ЛДПР		«Единая Россия»	
	больше пользы	больше вреда	больше пользы	больше вреда						
Право на забастовки										
1994	28	35	26	37	24	37	24	37	–	–
2003	38	37	54	20	36	31	41	28	48	28
Сближение России со странами Запада										
1994	56	20	63	12	23	35	40	24	–	–
2003	76	14	78	8	35	45	56	19	65	19

Примечание: в 1994 году задавался вопрос о голосовании на выборах 1993 года; в 2003-м – о намерениях голосовать на предстоящих выборах.

** В 1994 году – «Блок Явлинского».*

*** В 1994 году – «Выбор России».*

А свободу *выезда* сейчас считают скорее полезной все партийные электораты, в том числе и коммунистический, в котором ранее преобладали опасения по этому поводу.

Весьма примечательно, что свобода *предпринимательства*, к которой ранее явно негативно относились коммунисты и очень сдержанно – жириновцы, теперь одобряется всеми электоратами без исключения. Это показывает, что частная собственность и бизнес в принципе – на массовом уровне – перестали быть предметом политических коллизий.

Интересная метаморфоза произошла с оценками такой перемены, как легализация *забастовок*. В 1994 году во всех электоратах, в том числе в демократических, почти в равной мере преобладало негативное отношение к этому явлению, а в 2003 году мы видим, что его оценки везде стали положительными. А то, что наиболее сдержанными (соотношение

оценок 41:28) они выглядят в коммунистическом электорате, должно быть, показывает, сколь далека компартия от нынешних массовых протестов.

Сближение с Западом одобряют сейчас все электораты, кроме коммунистического. В последнем оценки такого сближения стали еще более негативными, чем десятилетием ранее.

Налицо как будто широкое, чуть ли не всеобщее, принятие существенных перемен последних 10-15 лет. Однако приходится признать, что методологический аппарат исследования, разработанный почти полтора десятилетия назад, уже не способен учитывать тех качественных характеристик общественных изменений, которые сейчас приобрели первостепенное значение. Декларативное признание свободы слова – исходит ли оно «сверху» или «снизу» – немногого стоит сейчас без надежных гарантий и правовых механизмов ее обеспечения. И без готовности общества (институтов гражданского общества...) ее защищать. Точно так же реальное значение нынешней электоральной многопартийности не может определяться степенью – или мотивами, что немало важно – ее словесного признания на любом уровне. При сегодняшнем распространении приемов «политтехнологии» и неразрывно связанной с ней «управляемой» политкоррупции имеют значение – точнее, должны его иметь в расчете на перспективу – не партийные «ярлычки», а реальные возможности политических организаций, способных определять и отстаивать интересы общественных групп в реальной политической конкуренции. Утверждение предпринимательства как свершившегося факта, в том числе в общественном мнении, не снимает проблему законной свободы бизнеса, а переводит эту проблему в иную плоскость – эффективности производства, законодательного обеспечения прав труда, капитала и государства. А также преодоления популистского нашествия («черной» зависти в отношении богатых и ностальгии

по эгалитарной бедности) как в массовом сознании, так и в государственной политике.

Особо следует отметить, что проблемы отношений с развитым миром, с «Западом» в сегодняшних условиях не решаются, а скорее лишь маскируются демонстративными жестами сближения «в верхах», масштабами поездок на среднемассовом уровне, объемами нефтегазоэкспорта и т.п. К реальному сближению социальных институтов, норм, ценностей, политических и социальных программ не готовы ни власть, ни само общество (в том числе и общественное мнение). Тотальная изоляция советского образца уже невозможна, но, как будто невидимая стена (впрочем, хорошо заметная и в политических акциях, и в массовых опросах), по-прежнему противопоставляет «наше» всему «чужому». Давно замечено, что чем больше размываются старые политические, информационные, экономические барьеры, не говоря уже об идеологических, тем сильнее действует на разных уровнях стремление спасти собственную «особость» с помощью традиционных и новообразуемых заграждений.

Видимо, одна из задач последующих исследований должна состоять в том, чтобы оценки произошедших перемен дополнить анализом вариантов их дальнейшего развития.

Символический поворот 1985-го

Реальные перемены и борьба вокруг них происходили позже, но этот год остается знаком поворота к иному, все еще не вполне определенному пути общественного развития. Поэтому и он остается предметом резко противоположных оценок.

Таблица 8

«Было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?»

(% от числа опрошенных)

	1994	1999	2003
Согласен	44	58	44
Не согласен	34	27	35
Затрудняюсь ответить	22	15	21

В посткризисный 1999 год ностальгические оценки положения «до 1985 года» резко возросли, но в последнее время вернулись к значениям 1994 года. В соответствии с принятой в статье методикой изложения, обратимся к возрастным и партийным аспектам динамики этих оценок (табл. 9, 10).

Таблица 9

«Было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?» (возрастное распределение ответов)

(% от числа опрошенных в каждой электоральной группе)

Возраст, лет		1994	1999	2003
16-24	Согласен	28	34	16
	Не согласен	42	42	43
25-39	Согласен	34	46	30
	Не согласен	41	33	49
40-54	Согласен	45	62	49
	Не согласен	33	27	35
55 и старше	Согласен	62	78	71
	Не согласен	20	14	17

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

На протяжении десятилетия сохраняется заметное различие в суждениях лиц до и после 40 лет: переходя в более старшую возрастную группу («30-летние» 1994 года стали

«40-летними» 2003-го – рамки возраста приблизительно), они как будто переходят и в иную группу мнений. Колебания уровней согласия/несогласия с позицией «лучше как до 1985-го» связаны с кризисной ситуацией 1999 года.

При рассмотрении суждений в разрезе партийных симпатий ограничимся, как и ранее, сравнением ситуаций 1994 и 2003 годов.

Таблица 10

«Было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?»

(распределение ответов по группам партийных симпатий)

(% от числа опрошенных в каждой электоральной группе)

		1994	2003
«Яблоко»*	Согласен	27	32
	Не согласен	53	47
СПС**	Согласен	24	14
	Не согласен	57	76
КПРФ	Согласен	75	82
	Не согласен	14	10
ЛДПР	Согласен	56	40
	Не согласен	27	39
«Единая Россия»	Согласен	–	39
	Не согласен	–	46

Примечание: в 1994 году задавался вопрос о голосовании на выборах 1993 года; в 2003-м – о намерениях голосовать на предстоящих выборах.

** В 1994 году – «Блок Явлинского»*

*** В 1994 году – «Выбор России».*

Некоторые показатели, приведенные в *таблице 10*, кажутся нетривиальными. Предпочтение ситуации «до 1985-го» сохранилось и даже заметно усилилось только в электорате КПРФ, резко уменьшилось у избирателей ЛДПР (прак-

тически сравнивались уровни согласия и несогласия). В электорате СПС решительное несогласие с таким предпочтением выражено еще резче, чем у избирателей «Выбора России» в 1994 году, – можно полагать, что здесь сказываются не только идеологические приоритеты, но и практическая причастность лидеров партии к реформам 90-х. Но вот среди сторонников «Яблока» сопротивление ностальгическим настроениям явно ослабло, и связано это, скорее всего, с ростом скептических оценок результатов перемен минувшего десятилетия.

Имеется возможность сопоставить аргументы сторонников и оппонентов предпочтений положения «до 1985-го» в исследованиях 1999 и 2003 годов.

Таблица 11

**«Почему Вы согласны с тем, что было бы лучше...
как до 1985 года?»**

(% от числа опрошенных)

	1999	2003
Мы были сильной, единой страной	37	26
В стране был порядок	32	26
Отношения между людьми были лучше	22	17
У людей была уверенность в завтрашнем дне	43	24
Цены были невысокими и стабильными	30	20
Больше заботились о культуре, образовании, науке	7	4
Жить было интересней, веселей	10	6

Примечание: некоторые респонденты отмечали более одного варианта ответа.

Рассмотрим эту аргументацию в разрезе возрастных групп.

Таблица 12

**«Почему Вы согласны с тем, что было бы лучше...
как до 1985 года?»**

(возрастное распределение ответов)

(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

		Возраст, лет			
		16-24	25-39	40-54	55 и старше
Мы были сильной, единой страной	1999	18	28	43	52
	2003	9	16	31	44
В стране был порядок	1999	14	26	34	46
	2003	11	17	26	45
Отношения между людьми были лучше	1999	20	21	24	23
	2003	7	14	25	45
У людей была уверенность в завтрашнем дне	1999	30	37	45	52
	2003	9	14	28	38
Цены были невысокими и стабильными	1999	20	25	29	42
	2003	8	13	20	34
Больше заботились о культуре, образовании, науке	1999	5	5	6	11
	2003	2	1	4	7
Жить было интересней, веселей	1999	8	7	14	10
	2003	1	4	6	10

Примечание: некоторые респонденты отмечали более одного варианта ответа.

На распространенность различных доводов прежде всего влияет многократно отмеченный барьер 40-летия. Апелляции к «сильной, единой стране», «порядку», уверенности в будущем и низким ценам значительно чаще встречаются в старших группах, а ослабевают преимущественно у молодых.

Рассмотрим теперь – тоже в разрезе возраста – аргументацию противников ностальгии по доперестроечному прошлому (табл. 13).

Изоляция страны от мира, дефицит и невозможность хорошо заработать отмечаются прежде всего более молодыми,

но чаще всего – «старшими», работающими молодыми (25-39 лет). Отсутствие свободы слова одинаково часто упоминают обе младшие группы. В старшем возрасте недобрым словом поминаются преимущественно дефицит и бедность. Представление о том, что «жить было скучно», разделяют фактически только до 40 лет.

Таблица 13

**«Почему Вы не считаете, что было бы лучше...
как до 1985 года?»**

(возрастное распределение ответов)

(2003, % от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Все	Возраст, лет			
		15-24	25-39	40-54	55 и старше
Страна находилась в культурной и информационной изоляции	19	22	29	17	8
Страна была нищей, на все продукты и товары существовал дефицит	20	24	27	21	10
Люди не имели возможности политического выбора, правила партноменклатура	9	9	12	11	4
Не было возможности заработать хорошие деньги и занять достойное место в обществе	16	20	23	14	8
В стране не было свобод слова, выезда за границу, собраний и демонстраций	11	16	15	10	5
Люди не имели свободы вероисповедания	3	2	4	4	1
Жить было скучно, не было перспектив в жизни	5	9	8	3	3

Необратимость перемен?

В заключении обратимся к массовым суждениям относительно возможности событий, которые были характерны для прошлых периодов истории.

Таблица 14

«Могут ли произойти в ближайшие годы в России следующие события?»
(2003, % от числа опрошенных)

	Определенно да	Возможно, да	Маловероятно	Определенно нет	Коэффициент*
Возврат к плановой экономике	5	20	39	18	0,45
Дефицит, карточная система	2	9	45	37	0,13
Массовый голод	1	11	40	40	0,15
Преследования диссидентов	1	15	38	27	0,39
Культ личности главы государства	4	20	37	24	0,39
Массовые репрессии	2	16	40	31	0,25
Преследования верующих	2	7	39	43	0,11
Массовые столкновения на национальной почве	7	40	26	16	1,12
Революция, переворот	2	20	41	26	0,33
Гражданская война	4	23	36	26	0,44
Мировая война	3	21	34	23	0,42

* Соотношение суммы ответов «определенно да» и «возможно, да» и суммы ответов «маловероятно» и «определенно нет».

Как видим, почти все варианты возвращения к порядкам, событиям и самой атмосфере прошлого довольно решитель-

но отвергаются в общественном мнении. Только возможность национальных конфликтов кажется реальной (коэффициент больше 1) – поскольку она составляет часть современной общественной реальности. Но все же почти половина опрошенных (коэффициент 0,42–0,45) допускает вероятность таких событий, как восстановление плановой экономики, гражданская и мировая войны, а около 40% считает вероятными «преследования диссидентов» и «культ личности главы государства». Конечно, общественное мнение лишь свидетельствует о степени массовой обеспокоенности теми сегодняшними реалиями, которые в той или иной мере могут считаться аналогиями или имитациями определенных феноменов прошлых эпох. Само по себе мнение «большинства» или «меньшинства» опрошенных не определяет степень опасности исторического возврата. Тем более что буквально повторения событий и форм быть не может (в «реку времени» дважды вступить нельзя), а видоизмененные образы таких явлений плохо распознаются в массовом сознании, да и не только в нем. По известному изречению, генералы всегда готовятся к «прошлой войне». Аналогичным образом общественное мнение в своих оценках ориентируется на представления о бывших войнах, переворотах, режимах, репрессиях, «культурах» и пр. Между тем сегодня (и тем более в туманном «завтра») подобные явления могут иметь совсем иной вид, таить в себе иные угрозы или соблазны.

В принципе это возвращает исследовательское внимание к уже отмеченной проблеме – необходимости более глубокого анализа произошедших общественных перемен и их последствий.

«Вестник общественного мнения» 2003. № 1

«ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ» КАК ЧЕЛОВЕК «ОСОБЕННЫЙ»

Терминологическое отступление

В советском новоязе трудно найти другой специфический термин, сравнимый по экспансивности с понятием «особый» (обособленный, отделенный от других, принципиально иной по значению, происхождению, назначению, использованию и т.д.). Особый режим, особый порядок, особо важный, особо опасный, особо секретный, особые отделы, особые совещания (т.е. пресловутые «тройки»), особые «папки» (условия хранения документов) – вплоть до особых магазинов и продуктов, сортов колбасы, пайков и пр. и пр. В любом случае крайняя степень какого-то качества обозначалась через определение его «особости», исключительности, в отличие от более или менее обычного его варианта. Видимо, столь широкое распространение меток «исключительности» свидетельствует о характере разобщенного, «разгороженного» языкового (понятийного, категориального) пространства, в котором общезначимость или общеобязательность превращались в исключительное. В социологическом плане это пространство господства партикуляристских норм – привилегий, льгот, разрешений и, соответственно, запретов, ограничений, репрессалий. Кстати, именно в таком пространстве (универсализации партикуляризма) возможно появление все еще живучего в официозном воображении жупела «вседозволенности» – кошмарного видения сломанных перегородок.

Одна из особенностей «разгороженного» социального пространства состоит в том, что сами перегородки приобретают таинственно-сакрализованное значение. Попытки их объяснить выглядят столь же рискованными, как и попытки преодоления, сама апелляция к «особому» считается объясняющей.

Если подойти ближе к интересующей нас теме, то «советское» ее воплощение оказывается одним из крайних вариантов значительно более старой и более живучей концепции «особости», «исключительности» судьбы, истории, самого человека в России. В данном случае, в соответствии с программой исследования, мы ограничиваемся только проблемой «особости» человека в массовом сознании.

Дежурная тема «русских дебатов» XVIII–XXI веков

И практически, и когнитивно проблема соотношения «своего» человека с «иным», «чужим» в современном, т.е. модернизационном, контексте существует в России примерно три столетия; более ранние контакты с миром на «человеческом» уровне имели иной масштаб и иное содержание (конфликтное, колонизаторское, сугубо локальное). Причем эта проблема неизменно обостряется как в моменты очередного модернизационного «рывка», так и в периоды разочарований в его результативности.

Представление об исключительности социального характера и установок «русского человека» в сравнении с любым иным имеет устойчивые опоры, с одной стороны, в насаждаемых «сверху» идеологемах (неоднократно менявших собственные обоснования – от традиционно-религиозных до революционных и, затем, едва ли не обратно), а с другой стороны, в привычной инертности массового сознания, готового эти идеологемы воспринять на своем уровне.

Следует напомнить, что концепция особого человеческого типа (как и особого исторического пути и пр.) широко использовалась не только в рамках консервативных и ретроградных общественных течений, но и в рамках течений наиболее радикальных. Практически все основные направления отечественного радикализма, выдвигая универсально-«западнические» лозунги, явно или неявно предполагали, что осуществить их удастся лишь человеку «особому» (общин-

ному, лишенному индивидуальных интересов и склонности к рациональным компромиссам и пр.). На особого русского человека – казавшегося верным слугой монархии и православия – в свое время возлагали надежды отечественные консерваторы. Но на особого русского человека, способного ломать закономерности и сроки исторических перемен, уповали и все отечественные социалисты XIX и XX веков. Все русские «западники», от Герцена до Ленина, использовали концепции «особого» человека и его «особого» пути к мировым универсалиям. Аналогичным образом на модель особого – уже советизированного – человека рассчитывали чуть позже практики лагерного социализма. При смене содержания и обоснования идеологием воспроизводилась модель противопоставления «нашего» человека чуждым («западным») его образцам.

Перемены и события последних лет придали новую остроту извечной проблеме. Падение множества официальных и традиционных перегородок поставило «нашего» человека лицом к лицу с «западным» миром, сделало неизбежным постоянное практическое сопоставление, сравнение, влияние исторически разделенных миров, в том числе на человеческом, социально-антропологическом уровне. Это испытание часто оказывается шоковым. Только вблизи стали очевидны масштабы реальных, уже не декларативных, различий не только в факторах экономического роста и значении социальных институтов, правовых концепций и пр., но и в сложившихся установках и притязаниях человека. На всех уровнях, от массового до официального – и не без солидных интеллигентских усилий – с различных сторон и с новой энергией реанимируются лозунги вредности западного влияния, недопустимости чужого вмешательства во внутренние расправы и т.д. и т.п. Как и ранее, попытки нового отгораживания от внешнего мира, нового изоляционизма служат средством самоутверждения (на «своем» уровне) и самооправдания («не получилось»).

Сравнительный анализ результатов 1994 и 2003 годов (второй и четвертой волны исследований по программе «Советский человек»; N = 3000 и 2000 человек соответственно) позволяет рассмотреть существенные стороны этой ситуации на эмпирическом уровне.

Вехи десятилетия

Даты рассматриваемых исследований разделяют 9 лет, поскольку внешние обстоятельства вынудили на год сократить период между последними опросами. На принципиальные результаты такой сдвиг сроков мало влияет, с некоторой долей условности можно говорить о том, что сравнительные показатели двух волн представляют определенный десятилетний цикл динамики общественного мнения.

Начало этого периода (1994) – первые, довольно неуклюжие, шаги общественно-политической стабилизации после кризисного года, начало преодоления дефицита, первые массовые разочарования в демократии и демократических переменах. (Опрос проводился в ноябре, до начала первой чеченской кампании.) В следующей волне исследования (1999) интересующий нас блок вопросов не задавался. Завершающий год периода (2003) был ознаменован тенденцией общественной консолидации в рамках «управляемой демократии» и с помощью лозунгов примирения с прошлым, т.е. прежде всего прекращения демонстративной конфронтации с ценностями советского времени, и прагматически-ограниченного сближения с Западом.

«Другие люди» и «общий путь»: оценки 1994 и 2003 годов

Сопоставим для начала средние данные двух исследований по ключевым позициям интересующей нас проблемы.

Таблица 1

**Люди стали другими?
 («В какой мере Вы согласны со следующими
 суждениями?»)
 (% от числа опрошенных)**

	1994	2003
<i>За 75 лет советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить</i>		
Полностью согласен	20	23
Скорее согласен	34	34
Скорее не согласен	24	24
Полностью не согласен	5	8
Индекс*	1,9	1,8
<i>Не думаю, что люди в России отличаются от людей в других странах</i>		
Полностью согласен	27	24
Скорее согласен	35	29
Скорее не согласен	17	25
Полностью не согласен	4	11
Индекс*	3,1	1,7
<i>Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран</i>		
Полностью согласен	21	23
Скорее согласен	37	36
Скорее не согласен	11	16
Полностью не согласен	4	5
Индекс*	3,9	2,8

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

** Соотношение согласных и несогласных с данным утверждением.*

В целом изменения позиций за 9 лет сравнительно невелики. Это позволяет считать, что мы имеем дело с довольно устойчивыми установками массового сознания и с устойчи-

выми их сдвигами в одном направлении. Наиболее заметные перемены произошли в суждениях о том, что «люди в России не отличаются...», согласие с этим мнением явно уменьшилось. При этом представления об историческом контексте своеобразия людей изменились значительно меньше.

Обратимся теперь к динамике представлений о характерных особенностях «нашего» человека.

Таблица 2

Характерные особенности человека
(«В какой мере Вы согласны со следующими суждениями?»)
(% от числа опрошенных)

	1994	2003
<i>Мы привыкли довольствоваться самым малым и не гнаться за успехом и богатством</i>		
Полностью согласен	21	25
Скорее согласен	44	39
Скорее не согласен	22	25
Полностью не согласен	5	6
Индекс*	2,4	2,1
<i>У нас привыкли делать все сообща, а потому не терпят тех, кто ставит себя выше коллектива</i>		
Полностью согласен	19	21
Скорее согласен	39	40
Скорее не согласен	17	21
Полностью не согласен	5	6
Индекс*	2,6	2,3
<i>В России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде</i>		
Полностью согласен	22	27
Скорее согласен	36	37
Скорее не согласен	25	25
Полностью не согласен	5	5
Индекс*	1,9	1,8

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приво-

дятся.

* *Соотношение согласных и несогласных с данным утверждением.*

В представлениях о характерных особенностях человека изменений за 9 лет почти не заметно. В целом отмечается даже некоторое снижение уровня согласия с традиционным образом человека. Но одновременно несколько категоричнее стали суждения о готовности «довольствоваться малым» и, в большей мере, «не думать о выгоде». Можно предположить, что здесь перед нами – одно из выражений возросшей дифференциации доходов и, соответственно, установок по отношению к успеху, богатству, выгоде. Для проверки сопоставим представления об одной из черт, приписываемых «нашему» человеку, по статусным группам в 1994 и 2003 годах.

Таблица 3

«В России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде»

(% от числа опрошенных в каждой социальной группе)

		Социальный статус*		
		высокий	средний	низкий
Полностью согласен	1994	19	19	30
	2003	24	27	37
Скорее согласен	1994	44	37	33
	2003	35	39	27
Скорее не согласен	1994	25	27	20
	2003	30	24	23
Полностью не согласен	1994	4	5	5
	2003	6	4	6
Индекс**	1994	2,2	1,8	2,2
	2003	1,6	2,3	2,2
Число опрошенных, человек	1994	278	1868	638
	2003	421	1344	225

* *Статус оценен по 10-балльной шкале, сведенной затем к*

трех группам.

**** Соотношение согласных и не согласных с данным утверждением.**

Заметно возросло согласие с утверждением «привыкли относиться по-свойски» в средних статусных группах, примерно в той же степени оно уменьшилось в высших группах, в низших осталось без изменений. Но именно в средних (численно преобладающих) группах в наибольшей мере сосредоточены неудачные стремления к успеху, повышению собственного статуса. В более высоких статусных группах, естественно, чаще наблюдается успех, в низших – отсутствие достижительных стремлений. Как видим, представления о «недостижимости» нашего человеческого образца связаны с оценками собственных успехов.

Возрастные группы и когорты

Рассмотрим распространенность представлений об исключительности нашего человека среди различных возрастных групп.

Таблица 4

Люди стали другими?

(«В какой мере Вы согласны со следующими суждениями?»)

(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

		Все	Возраст, лет						
			До 20	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
<i>За 75 лет советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить</i>									
Согласен	1994	53	54	47	52	51	55	61	63
	2003	57	50	52	56	56	58	61	75

Продолжение табл. 4

		Все	Возраст, лет						
			До 20	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
Не согласен	1994	29	29	36	34	31	28	16	14
	2003	31	32	40	34	35	29	26	9
Индекс*	1994	1,8	1,9	1,3	1,5	1,6	2,0	3,8	4,5
	2003	1,8	1,6	1,3	1,6	1,6	2,0	2,3	8,3
Не думаю, что люди в России отличаются от людей в других странах									
Согласен	1994	61	60	56	64	63	65	58	52
	2003	53	53	56	54	60	53	51	41
Не согласен	1994	21	25	28	21	22	15	17	11
	2003	36	39	39	36	31	37	34	41
Индекс*	1994	2,9	2,4	2,0	3,0	2,9	4,3	3,4	4,7
	2003	1,5	1,4	1,4	1,5	1,9	1,4	1,5	1,0
Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран									
Согласен	1994	58	68	66	61	59	51	48	38
	2003	59	65	69	62	64	55	48	40
Не согласен	1994	15	13	12	15	15	16	16	17
	2003	21	16	20	20	21	23	25	22
Индекс*	1994	3,9	5,2	5,5	4,1	3,9	3,2	3,0	2,2
	2003	2,8	4,1	3,5	3,1	3,0	2,4	1,9	1,8
Число опрошенных человек	1994	3000	185	530	745	494	435	429	140
	2003	2000	198	404	310	338	322	244	188

* Соотношение согласных и несогласных с данным утверждением.

Представление о том, что «люди стали другими», стало несколько менее распространенным среди самых молодых и – в большей мере – среди 60-летних; заметно более распространенным – только в самой старшей возрастной группе (70

лет и старше). В то же время во всех группах стало более редким мнение о том, что «люди в России не отличаются от людей в других странах». В несколько меньшей мере, но тоже во всех без исключения группах уменьшилось влияние идеи «общего пути цивилизованных стран». При этом последние две позиции остаются преобладающими (как, впрочем, и суждение об изменившихся людях). По сути дела, наблюдаемые изменения позиций – это, по преимуществу, сдвиги от «молодежных» к «старым» моделям самоопределения человека.

Попытаемся представить рассмотренные выше данные в разрезе *поколенческих когорт*, т.е. как динамику позиций одних и тех же возрастных групп (табл. 5). Поскольку исследование проводилось с разрывом 9 лет, требуется выделить *девятилетние* возрастные группы.

Таблица 5

**Люди стали другими?
(«В какой мере Вы согласны со следующими
суждениями?»)**

(% от числа опрошенных в каждой поколенческой когорте)

		Поколенческие когорты						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
Возраст, лет	1994	До 20	20-28	29-37	38-46	47-55	56-64	65-73
	2003	20-28	29-37	38-46	47-55	56-64	65-73	74+
За 75 лет советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить								
Согласен	1994	54	47	52	51	55	61	63
	2003	51	57	56	55	68	64	73
Не согласен	1994	29	36	34	31	28	16	14
	2003	41	34	35	32	22	26	8
Не думаю, что люди в России отличаются от людей в других странах								
Согласен	1994	60	56	63	65	65	61	56
	2003	56	52	61	54	54	46	41

		Поколенческие когорты						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
Не согласен	1994	25	29	22	21	18	16	17
	2003	39	38	31	35	32	41	40
<i>Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран</i>								
Согласен	1994	68	66	64	58	58	47	45
	2003	70	57	68	57	48	45	40
Не согласен	1994	13	13	14	16	16	17	18
	2003	19	24	18	22	24	26	23

За исключением когорты I (до 20 лет в 1994 году, 20-28 лет в 2003-м), во всех остальных группах за 9 лет возросла доля считающих, что «люди стали другими». Наиболее заметны перемены в установках старшей (VII) когорты. Несогласных с этой позицией стало заметно меньше почти во всех группах (кроме I и VI). Согласных с тем, что «люди не отличаются от людей в других странах», стало меньше повсеместно, особенно в когортах VI и VII. Наконец, во всех группах, кроме I и IV, стало меньше согласных и больше несогласных с идеей «общего пути».

Рассмотрим аналогичные данные о внутр поколенческих сдвигах во взглядах на особенности «нашего» человека.

Таблица 6

**Характерные особенности человека
(«В какой мере Вы согласны со следующими
суждениями?»)**

(% от числа опрошенных в каждой поколенческой когорте)

		Поколенческие когорты						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
Возраст, лет	1994	До 20	20-28	29-37	38-46	47-55	56-64	65-73
	2003	20-28	29-37	38-46	47-55	56-64	65-73	74+

		Поколенческие когорты						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
<i>В России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде</i>								
Согласен	1994	46	53	51	59	65	66	72
	2003	55	61	62	65	75	73	74
Не согласен	1994	40	33	36	31	23	24	17
	2003	38	36	33	31	19	21	16
<i>Мы привыкли довольствоваться самым малым и не гнаться за успехом и богатством</i>								
Согласен	1994	49	53	62	61	70	72	80
	2003	55	57	65	71	72	73	78
Не согласен	1994	40	36	30	28	22	19	13
	2003	42	40	31	25	23	20	17
<i>У нас привыкли делать все сообща, а потому не терпят тех, кто ставит себя выше коллектива</i>								
Согласен	1994	56	48	60	54	62	57	70
	2003	56	61	56	63	68	70	65
Не согласен	1994	31	28	22	28	20	17	12
	2003	33	29	35	23	18	19	15

Тенденции изменений в декларативных установках в принципе те же, что отслеживались в предыдущей таблице, однако выражены они заметно слабее. Уровень несогласия с позициями «советского» образца почти не изменился за десятилетие, доля несогласных с ними (второе и третье суждение) возросла у более молодых, а в некоторых случаях – и в старших когортах.

Кажется удивительным, что показатели согласия с особым характером россиян среди избирателей различных партий довольно близки друг к другу. Нетрудно объяснить, почему в коммунистическом электорате реже всего принимают идеи «общего пути» и отсутствия отличий между людьми разных стран. Понятно, что «общий путь» наиболее популя-

рен среди «яблочников» и «правых». Но почему представления о том, что «люди стали другими», или о привычке «относиться друг к другу по-свойски» столь различны у избирателей двух демократически ориентированных партий? (Ведь взаимные упреки относительно реформ и лидеров тут явно ни при чем.)

Таблица 7

Люди стали другими?
(«В какой мере Вы согласны со следующими суждениями?») (распределение ответов по группам партийных симпатий)
(2003, % от числа опрошенных в каждой электоральной группе)

	Все	«Яблоко»	«Единая Россия»	ЛДПР	КПРФ	СПС
<i>За 75 лет советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить</i>						
Согласен	57	66	61	54	69	53
Не согласен	32	31	31	31	24	41
<i>Не думаю, что люди в России отличаются от людей в других странах</i>						
Согласен	53	70	55	55	52	54
Не согласен	36	28	37	35	37	38
<i>Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран</i>						
Согласен	59	71	69	59	41	71
Не согласен	21	20	16	21	33	17
<i>В России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде</i>						
Согласен	64	64	69	57	77	48
Не согласен	30	34	28	37	17	50

Примечание: «партийные симпатии» – намерения голосовать за указанные партии на выборах в Государственную Думу в 2003 году.

Возможно, у людей различных политических ориентации апелляция к особому характеру человека служит своего рода общим местом, малозначимым приемом речи. Но не исключено и то, что в такие апелляции вкладывается *различный смысл*. Попытаемся проверить эти предположения более обстоятельным анализом некоторых сторон полученных данных.

Парадоксы и поиски смысла

Наиболее очевидный путь поисков рационального понимания противоречивых, парадоксальных показателей – обращение к взаимным соотношениям и контексту полученных данных. Попытаемся использовать это применительно к рассматриваемому материалу.

Таблица 8

Люди «стали другими» или «не отличаются от других»?
(% от числа опрошенных по группам ответивших на первый вопрос)

За 75 лет люди стали другими...		Люди в России не отличаются от людей в других странах		
		Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Согласен	1994	62	24	14
	2003	52	40	8
Не согласен	1994	71	22	7
	2003	61	35	4

Таким образом, в 1994 году почти две трети (62%), а в 2003-м – меньше, но все же более половины (52%), утверждавших, что россияне *«стали другими»*, чем люди на Западе, были согласны с тем, что те же россияне *не отличаются* от людей в других странах. Как понять, что больше половины опрошенных сочетают как будто прямо противополож-

ные, взаимоисключающие позиции? Вероятно, дело в том, что эти позиции находятся в разных смысловых плоскостях и потому не пересекаются в массовом сознании.

Утверждение о том, что «люди стали неисправимо другими», – универсальное оправдание неумения и нежелания двигаться в сторону более цивилизованного варианта существования, объяснение неудач демократических экспериментов и прикрытие новейших ретроградных тенденций. Приходилось отмечать, что все доводы в пользу такой позиции достаточно полно выражены в самоуничтожительной (и одновременно – самооправдывающей) формуле человека-«совка». А представление о том, что наши люди «не отличаются» от других, относится скорее к плоскости надежд и устремлений, в частности, многократно подтвержденной исследованиями установки на то, чтобы «жить как все», «не хуже других». Некое «мирное сосуществование» различных – и имеющих не только свои функции, но и собственную логику – плоскостей обеспечивает адаптивную лабильность человека в неоднозначной ситуации.

Рассмотрим еще одно сочетание противоречивых позиций в исследованиях 1994 и 2003 годов.

Таблица 9

«Люди в России отличаются от людей в других странах?»
(% от числа опрошенных по группам ответивших на указанные в таблице вопросы)

		Согласен	Не согласен	Нет ответа
<i>В России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде</i>				
Согласен	1994	65	20	15
	2003	55	36	8
Не согласен	1994	61	27	12
	2003	54	39	7

		Согласен	Не согласен	Нет ответа
<i>Мы привыкли довольствоваться самым малым и не гнаться за успехом и богатством</i>				
Согласен	1994	63	21	17
	2003	55	36	9
Не согласен	1994	64	25	11
	2003	55	38	6

Картина примерно та же, что и в предыдущей таблице: из числа согласных с тем, что у нас люди «привыкли жить по-свойски...», 65% в 1994 году и 55% в 2003-м считают, что люди в России не отличаются от других. Из числа несогласных – соответственно 61% и 54%. Почти так же распределяются мнения склонных утверждать, что мы привыкли «довольствоваться самым малым». То есть вполне консервативный образ человека сочетается с либеральной установкой (иллюзией?). Сочетается, в частности, потому, что несовместимые позиции разведены разными шкалами социального времени. Представления об «общем пути», равно как и об общем типе человека, относятся к некой неопределенной перспективе (формула «рано или поздно» фактически означает «когда-нибудь в будущем»), а консервативный («консервирующий» сложившиеся стандарты) образ человека – практически значим в повседневной и социально-политической реальности. Для сравнения стоит припомнить, что в общественном мнении преобладают «правильные» установки относительно того, что врать, воровать, уклоняться от налогов – вообще-то нехорошо. Но «здесь и теперь», поскольку «все» так поступают, это считается отчасти допустимым...

Кроме различных шкал времени в общественном мнении, по-видимому, действует и разграничение уровней «декларативности» и «практичности» установок. Декларативные установки служат для легитимации действия, для самооправда-

ния поступка, практические («серьезные») – собственно для действия, для учета практических интересов и обстоятельств и т.п. Можно было декларировать ценности эгалитаризма, устанавливая иерархический режим. И можно утешаться концепциями собственной исключительности, стремясь к «западным» благам.

А вот пример иного сочетания несовместимых установок.

Таблица 10

**Включаться в мировую культуру или
отгораживаться от нее?**

(«С каким суждением Вы скорее согласны?»)

*(2003, % от числа опрошенных по группам ответивших на
указанные в таблице вопросы)*

	Включаться в мировую культуру*	Бороться с чуждыми влияниями**	Затрудняюсь ответить
<i>За 75 лет советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить</i>			
Согласен	25	52	24
Не согласен	30	45	25
<i>Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран</i>			
Согласен	29	48	23
Не согласен	25	49	26
<i>Не думаю, что люди в России отличаются от людей в других странах</i>			
Согласен	29	48	23
Не согласен	24	52	24

* «России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни».

** «России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа».

В данном случае налицо явное преобладание культурного изоляционизма как у носителей консервативного образа российского человека, так и у сторонников либеральных позиций – при сравнительно небольших различиях в масштабах такого преобладания. Доминирование в общественном мнении резко отрицательных оценок «чуждого» культурного влияния отмечается в исследованиях на протяжении ряда лет. В этих оценках можно выделить неоднородные компоненты: массовое «консервативное» неприятие нравственных ценностей современной цивилизации, опасения правящей элиты относительно угрозы распространения «западных» представлений о политических и гражданских правах, наконец, отсутствие сложившихся рамок восприятия современной массовой культуры в ее различных проявлениях. В результате даже вполне либеральные декларации (которые нельзя отождествлять с усвоенными ценностями) меркнут и гаснут перед конкретными, осязаемыми «угрозами».

В настоящей статье предметом рассмотрения являлась только одна сторона феномена «особенности» российско-советского человеческого типа – распространенность представлений об этой особенности в общественном мнении. Но это как раз такая ситуация, в которой уверенность в существовании, допустим, болезни (или таланта, богатства, беды, счастья и пр.) может быть важнее «реального» наличия таких обстоятельств или качеств. Массовое – да и элитарное, идеологически и религиозно-философски обосновываемое – убеждение в исключительности национального характера неизменно служило оправданием косности, консервативного изоляционизма, с одной стороны, и радикального авантюризма – с другой. Концепция «особости» питала убеждение в том, что народ «все стерпит», и расчеты на то, что с ним можно «сделать все». Кроме того, как отмечалось выше, ссылки на особые качества человека обычно подменяли серьезное изучение исторических, экономических, психологических, социальных детерминант этих качеств.

В последнее время, как видно из рассмотренных выше данных, наблюдается консервативный сдвиг в массовых представлениях об особом характере человека. В том же неоконсервативном (в «советском» смысле) направлении сдвигается и официальная идеология; налицо нечто наподобие «единства власти и народа». Причем происходит это в ситуации, когда вхождение в современный цивилизованный мир для страны как будто стало практической – правда, трудной и очень не скоро решаемой – исторической задачей. Никакие контакты, встречи и договоренности по частным вопросам сами по себе не приближают ее решение. Более того, попытки войти в современный мир с грузом старых притязаний на исключительность, а также со старыми имперскими амбициями создают новые опасные тупики на пути продвижения к этому миру.

Как мы видели, большинство россиян соглашается с тем, что страна «рано или поздно» пойдет по общему пути цивилизации. Но это скорее декларация. Реальный выбор во времени – это уже выбор между «поздно» или «еще позже». Но более важен выбор «места» в том едином и разнообразном мире, который как будто начал формироваться с конца прошлого века. Допустим, это может быть место в ряду множества своеобразных, больших и малых стран, имеющих общие ценности и «прозрачные» для взаимного влияния рубежи, – или место изолированного анклава, который другие вынуждены просто терпеть из опасения катастрофических коллизий. Второй вариант условно можно называть «китайским»; считается общепринятым, что исключительность такой позиции не нуждается в доказательствах. Россия и в наступившем столетии все еще стоит перед этим выбором. И это положение стимулирует попытки превратить реальные и мнимые особенности собственной истории, включая пороки и слабости, в идол, в предмет поклонения. Пока такое положение будет сохраняться, будут, видимо, существовать и парад-

доксальные сочетания либеральных деклараций с консервативными иллюзиями.

«Вестник...» 2003. № 2

«ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ» И ЕГО РАМКИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Результаты последней волны исследования по программе «Советский человек» (2003, N = 2000 человек; предыдущие волны: 1989, N = 1250; 1994, N = 3000; 1999, N = 2000; далее, если это специально не оговорено, приводятся данные только этих исследований) дают возможность для более обстоятельной разработки проблем самоидентификации – как в содержательном, так и в методологическом плане. Ранее эта проблематика рассматривалась на основе исследований 1989 и 1994 годов¹.

Представляется очевидным, что феномен социальной идентификации значительно сложнее принадлежности к определенным группам. В настоящей статье идентификация анализируется как самоопределение человека в социальной «среде» (общности, системе групп и ролевых функций), а также в системе *типов социального действия* (поведенческих типов).

Столь же очевидно, что сами по себе декларации исследуемых субъектов не могут служить достаточным основанием для заключения о характере или о векторе их отнесения к соответствующим группам или типам: значение и значимость «признаний» нуждаются в разносторонней проверке «делами», т.е. показателями реального поведения.

Человек «советский» или человек «русский»?

Возьмем самую простую – и самую демонстративную – пару определений.

¹ *Левада Ю.* Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев // Мониторинг общественного мнения. 1994. № 4 (*Левада Ю.* От мнения к пониманию: Социологические очерки, 1993-2000. М., 2000. С. 422-437).

Таблица 1

«Чувствуете ли Вы себя...»
(% от числа опрошенных)

	1994	2003
...советским человеком?		
Да, постоянно	35	33
Да, в отдельных случаях	23	28
Практически никогда	19	26
Затрудняюсь ответить	24	14
...русским человеком?		
Да, постоянно	63	77
Да, в отдельных случаях	17	13
Практически никогда	5	3
Я не русский и никогда не чувствую себя русским	7	4
Затрудняюсь ответить	8	3

Первое впечатление: «советская» идентификация не только не уменьшилась, но даже окрепла («в отдельных случаях»), хотя доля никогда не прибегающих к ней также возросла за счет тех, кто ранее затруднялся ответить. Параллельное увеличение доли «русской» идентификации вызывает как будто меньше вопросов, поскольку явно связано с переменами в официальном языке, документации и пр. Присмотримся поближе к «советскому» самоопределению.

Таблица 2

«Чувствуете ли Вы себя советским человеком?»

(% от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе)

		Посто- янно	В отдель- ных случаях	Никогда	Затруд- няюсь ответить
Возраст, лет					
15-25	1994	21	21	33	26
	2003	15	15	52	18
25-39	1994	28	23	23	26
	2003	22	27	35	17
40-54	1994	38	26	12	23
	2003	37	36	16	12
55 и старше	1994	47	21	12	21
	2003	52	30	10	8
Образование					
Высшее	1994	26	27	26	22
	2003	29	29	29	13
Среднее	1994	30	23	21	25
	2003	33	28	26	13
Ниже среднего	1994	43	20	14	22
	2003	34	26	26	15

Изменения как будто происходят одновременно в разных направлениях: самые молодые заметно реже относят себя к «советским» (как «постоянно», так и ситуативно) и чаще вообще не используют такой идентификации. Но уже в рабочих возрастных группах (как младшей, так и средней) «советское» ситуативное самоопределение встречается чаще, чем десятилетием ранее. В старшей же группе (55 лет и старше) оба типа «советской» идентификации заметно укрепились. Но аналогичные процессы произошли во всех группах по образованию (единственное исключение – снижение постоянного «советизма» среди малообразованных). В то же время

во всех группах, кроме самой старшей, в разной степени возросла доля тех, кто никогда не прибегает к «советизму» как средству самоопределения.

Стоит задуматься над особенностями «постоянного» и ситуативного («в отдельных случаях») самоопределения. Первое из них выступает как *привычное*, стабильное, не требующее особых усилий для осознания или оправдания. Второе, напротив, предполагает некую *проблемную ситуацию*, которая нуждается в определенном осмыслении, выборе адекватной реакции. Поэтому наблюдаемый в ряде социальных групп рост ситуативно-«советской» идентификации за счет привычной вряд ли может трактоваться как уменьшение значимости такого самоопределения, скорее всего речь идет о важном изменении самого механизма идентификации («от привычки – к проблеме»).

Налицо все более демонстративная – как официальная, так и массовая – ностальгия по временам ушедшим, точнее, по привычной идентификации, которую пока ничто не может заменить. Между тем «русское» самообозначение, даже становясь все более привычным в качестве «метки», «ярлыка» (обиходного или официального), не означает еще социальной идентификации; почти два десятилетия перемен и потрясений базы для такого самоопределения не создали. Об этом можно судить по данным *таблицы 3*.

Таблица 3

«Чувствуете ли Вы себя русским человеком?»

(% от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе)

		Посто- сто- янно	Иногда*	Нико- гда	Не рус- ский**	Затруд- няюсь ответить
Возраст, лет						
16-24	1994	56	20	5	7	11
	2003	78	11	2	5	3

Продолжение табл. 3

		Посто- сто- янно	Иногда*	Нико- гда	Не рус- ский**	Затруд- няюсь ответить
25-39	1994	55	20	6	8	11
	2003	74	16	2	5	3
40-54	1994	69	15	5	6	6
	2003	76	14	3	5	2
55 и старше	1994	72	13	3	7	5
	2003	79	12	4	2	4
Образование						
Высшее	1994	60	21	6	5	8
	2003	72	18	3	4	3
Среднее	1994	61	16	5	8	10
	2003	76	14	3	5	3
Ниже среднего	1994	67	16	4	7	6
	2003	79	11	3	3	4

* «В отдельных случаях».

** «Я не русский и никогда себя не чувствую русским».

В этой таблице вся динамика показателей вполне тривиальна: русское (российское) самообозначение становится все более привычным и все более универсальным, проблемные ситуации – все более редкими. Понятно, что характеристику «русские» чаще использует более молодая часть населения (ср. показатели для среднего возраста), «советские» – более пожилая.

Правомерно выяснить, несет ли такое самоопределение какую-то идеологическую нагрузку.

Таблица 4

«Согласны ли Вы, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?»

(% от числа опрошенных по группам ответивших на указанные в таблице вопросы)

		Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
<i>Чувствуете себя советским человеком?</i>				
Постоянно	1994	59	22	19
	2003	66	22	12
Иногда	1994	39	38	23
	2003	45	35	20
Никогда	1994	35	33	31
	2003	21	53	26
<i>Чувствуете себя русским человеком?</i>				
Постоянно	1994	47	32	21
	2003	46	36	18
Иногда	1994	37	40	23
	2003	41	33	26
Я не русский	1994	47	31	22
	2003	34	40	26
Никогда	1994	46	32	22
	2003	40	47	13

Среди «советских» доля согласных с тем, что было бы лучше, «если бы все было как до 1985-го», за десятилетие заметно возросла, среди «несоветских» – снизилась. Это лишний раз подтверждает, что «советское» самоопределение остается идеологически (ценностно) нагруженным и в этом смысле консервативным. Определяющие себя как «русские» в целом менее привержены образу ситуации «до 1985-го» (что объясняется более молодым возрастом). Примечательны изменения оценок среди тех, для кого это определение остается ситуативным, т.е. проблемным: доля «советских» увеличилась, а «несоветских» – уменьшилась.

Наконец, возьмем еще одну идеологически значимую установку – отношение к лозунгу «Россия для русских».

Таблица 5

«Как Вы относитесь к идее "Россия для русских"?»
(2003, % от числа опрошенных по группам ответивших на указанные в таблице вопросы)

	Поддерживаю	«В разумных пределах»	Отрицательно, это фашизм	Неопределенно*
Чувствуете себя советским человеком?				
Постоянно	27	34	14	25
Иногда	21	33	21	26
Никогда	19	32	21	28
Затрудняюсь ответить	14	29	13	44
Чувствуете себя русским человеком?				
Постоянно	23	34	16	27
Иногда	18	35	21	27
Никогда	16	20	14	50
Не русский	12	8	36	44
Затрудняюсь ответить	6	17	22	56

* Сумма ответов «меня это не интересует», «не задумывался над этим», «затрудняюсь ответить».

Человек «советский» несколько более идеологизирован (как позитивно, так и негативно) по отношению к националистической системе ценностей, чем человек «русский». Но в обоих вариантах самообозначения большинство склонно целиком или с оговоркой («в разумных пределах») поддерживать лозунг; отрицательное отношение к нему преобладает только среди этнически нерусских.

Связи между «советскими» и «русскими» самоопределениями оказываются довольно сложными. Ведь предметом

«советского» самоопределения служат не только официальная терминология и границы бывшего государства, но и «внутренние» его характеристики (общественный строй, идеология, жизненные привычки и пр. – в том виде, как они сохранились в общественном мнении). В то же время нагрузка «русского» самоопределения значительно беднее и слабее, поскольку как раз внутреннего содержания оно практически лишено. Поэтому «русская» (российская) маркировка в большинстве случаев, для большинства населения, выступает лишь новой оболочкой для старого, «советского» самоопределения, которое в общем и целом остается декларативно доминирующим. Это утверждение содержит две существенные оговорки. Во-первых, далеко не всегда – скорее даже довольно редко – численное преобладание имеет решающее значение; влияние активного меньшинства чаще всего существенно важнее. Во-вторых, демонстративное самоопределение или самообозначение, как уже отмечалось, далеко не тождественно «реальной» идентификации с определенной группой, с определенной системой ценностей, с определенным типом поведения.

Человек и работа: предпочтения и рамки выбора

Для начала, следуя советской традиции, обратимся к «трудовым» самоопределениям человека.

Таблица 6

«Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?»

(% от числа опрошенных)

	1989	1994	1999	2003
Небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	10	4	3	4
Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45	54	60	54

Продолжение табл. 6

	1989	1994	1999	2003
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	26	23	23	22
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	9	6	6	10
Затрудняюсь ответить	10	13	8	10

Как видим, за все годы распределение основных типов *предпочтений* (иными словами, идентификация с определенным предпочтительным типом поведения) остается довольно стабильным, наблюдаемые колебания невелики. Доминирующим остается «советский» тип предпочтений – небольшой, но гарантированный заработок. Было бы нелепо объяснять такие склонности привычкой или социальным характером человека, не принимая во внимание реальные обстоятельства его жизни и работы. До сих пор около половины работающего населения занято в государственном секторе, а пенсионеры и получатели пособий практически полностью зависят от бюджета. Для человека 1989 года установка на то, чтобы «много работать и зарабатывать без гарантий», – желание, для человека 2003-го – реально ограниченная возможность. Заметим, что перечисленные в таблице варианты предпочтений – по понятным причинам – не предусматривают такой возможности, как «много и гарантированно зарабатывать».

Обратимся теперь к динамике типов *реальных действий* за тот же период.

Таблица 7

**«Как Вы устраиваете свою жизнь в сложное
переходное время?»**
(% от числа опрошенных)

	1994	1999	2003
Не могу приспособиться к нынешним переменам	23	33	17
Средний возраст, лет	50	52	56
Живу, как жил раньше, для меня ничего особенно не изменилось	26	16	34
Средний возраст, лет	43	42	43
Приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь	30	38	32
Средний возраст, лет	40	39	41
Удастся использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни	5	5	10
Средний возраст, лет	32	32	30
Затрудняюсь ответить	16	9	7

Для оценки отраженной в этой таблице динамики вариантов адаптации нужно напомнить, что исследование 1999 года проводилось в обстановке переживаний после дефолта. В 2003-м происходило восстановление утраченных позиций, а по некоторым позициям («не могу приспособиться» и «удастся использовать новые возможности») заметны явные позитивные сдвиги.

Соотнесем теперь предпочтительные варианты поведения с реальными (т.е. «чего хотели бы» с тем, «что получилось») (табл. 8). Чаще всего отвечают, что «живут как раньше», предпочитающие свободное время и легкую работу; в значительной мере это женщины, домохозяйки. Но и среди сторонников «советского» образа действий относительно больше тех, кто не видит изменений в своей жизни. А желающим

много работать и зарабатывать больше других «приходится вертеться», – если, конечно, они не довольствуются жизнью по-старому.

Таблица 8

Типы предпочтений и типы приспособления
(2003, % от числа опрошенных по группам ответивших на указанные в таблице вопросы)

Что предпочли бы?	Не могу приспособиться	Живу как раньше	Приходится вертеться	Удается добиться
Свободное время, более легкую работу	16	39	23	10
Твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	19	36	33	6
Много работать и хорошо получать, без особых гарантий	12	28	40	14
Собственное дело, на свой страх и риск	5	31	26	31

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Результаты исследования 2003 года позволяют более обстоятельно выяснить, чем довольствуются российские граждане в своей жизни и работе.

Оценки достигнутого
(% от числа опрошенных по группам с разным типом приспособления)

	Добился всего, доволен жизнью	Устраи- вает то, что есть	Мало по- лучилось, недоволен	Другое, за- трудняюсь ответить
Не могу приспособиться	7	43	38	12
Живу как раньше	11	56	17	16
Приходится вертеться...	10	49	22	19
Удается добиться...	22	32	6	39
Затрудняюсь ответить	11	39	17	33
Всего	11	48	21	20

Если оставить в стороне сугубо парадоксальные – но неизменно присутствующие в общественном мнении – моменты (7% из неприспособленных «добились всего», а у 6% из самых удачливых «мало получилось...»), то бросается в глаза практически всеобщая готовность удовлетвориться «тем, что есть». Больше всего она заметна у тех, кто не замечает изменений, менее всего – у добившихся большего. Здесь перед нами – вариант известной социологической закономерности: более всего довольными бывают те, кому мало нужно, недовольными – те, кто многого достиг, но хотел бы добиться большего («правило Матфея»).

То же явление заметно в динамике показателей наиболее осязаемых дефицитов в разных сферах жизни (табл. 10).

Прежде всего обращает на себя внимание непрерывно и все более быстро растущий уровень первого показателя – не хватает материального достатка. Как известно по данным

госстатистики (а также и по опросам), за последние четыре года уровень доходов населения возрос примерно на треть, но за тот же период доля упоминаний о материальной нужде увеличилась более чем на 20%. При этом в самой нижней группе по уровню жизни («едва сводим концы с концами...») об этом говорят 82%, в следующей («на еду хватает...») – 86%, а среди самых состоятельных (могут купить все, что угодно) – даже 92%. Правда, в численно крупных группах среднего доходного уровня, где трудности возникают при покупке товаров длительного пользования или жилья, на материальную нужду жалуются несколько реже. Вероятно, фактор возрастания запросов в наиболее чистом виде действует в среде самых обеспеченных, а на низших уровнях обеспеченности главным служит ощущение собственной бедности – в том числе относительной, т.е. в сравнении с более высокими группами по доходу и статусу. Поэтому потенциал роста такого индикатора на обозримое будущее представляется неограниченным.

Таблица 10

«Чего в первую очередь не хватает сегодня человеку в России?»

(% от числа опрошенных)

	1989	1994	1999	2003
Материального достатка	51	54	68	83
Уверенности в себе	15	26	20	42
Возможности отдохнуть	6	7	5	12
Политических прав	11	5	2	8
Уважения к своему прошлому	6	13	6	16
Трудолюбия, хозяйственности	35	13	9	23
Нравственных принципов	15	12	12	15
Культуры, воспитанности	41	25	12	30

Показатели «нематериальных», социальных, ценностных дефицитов требуют иных объяснений, хотя иногда они ока-

зываются аналогичны отмеченным выше (ведь на деле в опросе выявляется не собственно экономический феномен, а его социальное восприятие). Так, на протяжении трех опросов – если опустить провал после дефолта – заметно растут упоминания недостатка «уверенности в себе». Причем наиболее заметен он в последние годы, при явном улучшении показателей социального оптимизма, имиджа власти, международного престижа страны и пр. Здесь явно действует принцип возрастания или, скажем, самоиндукции, притязаний по мере их демонстративной реализации. Следует учесть, что запуск исследовательской программы (1989) пришелся на момент наибольшего распространения настроений неуверенности, растерянности, самокритичности в обществе; в частности, это видно по оценкам нехватки трудолюбия и культурности.

«Свои» и «чужие»: рамка самоутверждения

Из обширного круга проблем, связанных с национальной самооценкой в данном случае возьмем только те, в которых проявляется тенденция *самоутверждения*. Это не просто самоопределение или самообозначение как средство отличать «своих» от «иных», «чужих», но поиск *самооправдания, обоснования* (ценностного, ролевого) своей позиции. Необходимость самоутверждения как у человека, так и у социальной общности, нации возникает преимущественно в неустойчивых, переходных ситуациях (например, в подростковом возрасте). Для устоявшихся, «зрелых» организмов, в том числе и социальных, самоутверждение не является проблемой.

В исследованиях программы «Советский человек» процедуры самоутверждения наиболее наглядно представлены суждениями о том, кем респонденты осознают себя «с гордостью».

Таблица 11

Кем Вы осознаете себя с гордостью?
(% от числа опрошенных)

		1989	1999	2003
1	Отцом (матерью) своих детей	43	57	56
2	Сыном (дочерью) своих родителей	19	24	27
3	Хозяином в своем доме	15	32	32
4	Жителем своего города, села, района	11	21	35
5	Хозяином на своей земле	10	9	9
6	Сыном (дочерью) своего народа	8	10	8
7	Специалистом в своем деле	24	23	23
8	Советским человеком	29	13	14
9	Верующим человеком	4	7	11
10	Русским человеком	–	43	49
11	Гражданином России	–	–	45
12	Членом своего кружка, компании	3	3	8
13	Работником своего предприятия, учреждения	9	9	13
14	Человеком своего поколения	13	19	25
15	Человеком, занимающим видное положение	1	2	2
16	Человеком, достигшим своим трудом материального благополучия	–	9	9
17	Представителем рода человеческого	9	9	13
18	Ветераном Великой Отечественной войны	7	2	2
19	Ветераном войны в Афганистане, в Чечне	4	1	1
20	Участником великих строек, стахановцем	1	2	1
21	Коммунистом	4	3	2
22	Демократом	–	0	2
23	Патриотом своей страны	–	–	16
24	Сторонником президента В. Путина	–	–	7

Примечание: варианты ответа не задавались.

Наиболее значимый и устойчивый вариант «горделивого» самоутверждения человека – осознание собственного отцовского (материнского) статуса. Статус «детей», младшего поколения действует заметно слабее и преимущественно в собственном молодежной среде (15-25 лет). Второй по распространенности фактор самоутверждения – принадлежность к «русским людям» (10); почти столь же значимо и положение гражданина России (11), эти признаки перекрывают друг друга более чем наполовину. Фактор «советской» принадлежности в значительной мере утратил свою роль к 1999 году и не претерпел изменений позже; он сохраняет значение преимущественно для старших возрастных групп. Примечателен рост такого показателя самоутверждения, как «малая родина» (4 – «местный» человек), житель своего города, ср. также 5 – «хозяин в доме»), вполне соответствующего распространенной (мнение 43% в 2003-м) связи представлений о своем народе прежде всего с местом рождения. В два с лишним раза реже таким фактором выступает сейчас патриотизм «большой» родины (23). Ссылка на «свое поколение» (14) становится все более значимой для самоутверждения, причем она чаще встречается у самых молодых (33% для 15-25-летних) и самых старших (29%), т.е. среди переходных групп («входящих» в социальный актив и «выходящих» из него). Более редкие апелляции к статусу ветеранов Отечественной войны объяснимы причинами естественными, а в отношении статуса ветеранов афганской и чеченских войн, скорее всего, действует общественная переоценка самих конфликтов.

Не лишена интереса новая ниша самоутверждения – «патриот России» (23). Примерно в равной мере это сторонники «Единой России» и КПРФ, среди них «постоянно» считают себя русскими 84% («иногда» – еще 9%), «советскими» – соответственно 37% и 27%.

Обратимся теперь к *этническим* самооценкам, которые под определенным углом зрения можно рассматривать как

факторы самоутверждения (иногда, впрочем, амбивалентного, неоднозначного).

Таблица 12

«Какие из перечисленных качеств чаще всего можно встретить у русских?»
(% от числа опрошенных)

	1989	1994	1999	2003
Энергичные	9	22	20	23
Открытые, простые	59	72	67	75
Надежные, верные	26	44	30	38
Миролюбивые	50	52	42	49
Ленивые	25	26	27	41
Терпеливые	52	62	63	62
Свободолюбивые, независимые	20	27	23	26
Непрактичные	31	39	22	34
Завистливые	10	12	8	13
Безответственные	22	29	16	26
Готовые прийти на помощь	51	61	55	57
Религиозные	7	14	14	16
С чувством собственного достоинства	14	22	21	21
Трудолюбивые	27	42	35	30
Забитые, униженные	10	17	16	22

Примечание: указаны только наиболее часто упоминаемые признаки.

Константы самооценок русских – миролюбие, терпение, собственное достоинство, готовность помочь – несомненно позитивные опорные точки национального самоутверждения (насколько они обоснованы реально, в данном случае не обсуждается); особые комментарии здесь вряд ли требуются. Как и в отношении несколько более частых упоминаний о религиозности. Что же касается явно изменчивых признаков, то в них наблюдаются весьма примечательные пары как буд-

то взаимосвязанных полярностей. Одна из них относится к «внешним» характеристикам *положения* группы: в 2003 году стало относительно более распространенным (по сравнению с «провальным» 1999 годом) представление о свободолюбии, но одновременно выросла заметно (и абсолютно) частота упоминаний о «забитости, униженности». Кстати, в комплекс «униженности» входит (по мнению 86% опрошенных) и самооценка «простоты», а 77% связывает униженность с терпеливостью.

Особый интерес для анализа представляют пары признаков, относящихся к «внутренним» характеристикам группы, к особенностям ее *поведения*. Заметно реже отмечается трудолюбие, заметно чаще – лень. (В списке качеств, от которых России следовало бы избавиться, эту черту национального характера упомянули в 2003 году 45% опрошенных.) С этим очевидно сопряжено и подчеркивание непрактичности, безответственности, а также и «простоты, открытости». В целом такой набор признаков воспроизводит сводный социально-типический «автопортрет» персонажа простого и доброго, ленивого и безответственного, непрактичного и постоянно кем-то унижаемого. Известно полуироническое его самоназвание – «совок», составляющее одновременно средство самоуничужения и самооправдания, точнее – самоутверждения через демонстративное самоунижение. Подобный прием означает закрепление привычного, заведомо низкого уровня социальных притязаний, отказ от ориентации на более высокие, более цивилизованные образцы. (Знаменитая «Достоевская» формула «полюбите нас черненькими...» предполагает, что «мы» сами себя в этом качестве любим и в иное переходить не намерены.) Данные *таблицы 12* показывают, что дефицит позитивных ресурсов самоутверждения вынуждает массового человека постоянно возвращаться в своих самооценках к этому комплексу.

«Обобщенный чужой»

Необходимый компонент социального самоутверждения в ситуации все более интенсивного размывания традиционных барьеров (социальных и культурных, государственных и повседневных) между странами, народами, группами – целая серия попыток конструирования искусственных заграждений, в том числе на уровне массового сознания. Они находят довольно широкую поддержку, поскольку преодоление таких барьеров оказывается болезненно противоречивым, создает сложные проблемы при отсутствии наличных средств для их решения или понимания. (В роли «новых» фортификаторов могут выступать политики, идеологи, проповедники доктрин патриотического изоляционизма.)

Простейшим, а потому, наверное, и самым распространенным способом самоутверждения при таких условиях служит снижение оценки иной культуры, традиции, ориентации и пр. («негативное самоутверждение» в терминологии Л. Гудкова²). «Иной» предстает как чужой, чуждый, заведомо непригодный в качестве универсального образца. К тому же, как видно по исследованиям общественного мнения, образ «чужого» генерализуется, как бы включая представления о конкурентах, врагах, нарушителях привычного порядка, традиций и пр. – причем напряженность установок в отношении какого-либо одного компонента такого образа распространяется на другие. (Стоит напомнить, что греческий термин *ксенофобия* в буквальном значении – опасения в отношении *любых «чужих», «посторонних»*.)

Характерный пример – обострение негативных установок по отношению к представителям различных этнических групп, замеченное в конце 2002 года, вскоре после трагических событий на Дубровке (N = 1600 человек). Нетрудно по-

² См: Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997-2002 годов. М., 2004.

нять, почему доля испытывавших раздражение, неприязнь, недоверие и страх перед чеченцами выросла с 53% (в 2000 году, N = 1600 человек) до 66%, но одновременно в том же направлении изменились оценки цыган (с 43% до 52%), азербайджанцев (с 29% до 39%), американцев (с 10% до 17%), арабов (с 15% до 28%), евреев (с 12% до 15%), немцев (с 6% до 11%), японцев (с 5% до 9%). Как будто резкая боль в одной части организма создает ощущение, что «болит все»... Спустя год, в конце 2003-го, острота переживаний боли несколько уменьшилась и уровень негативизма ко всем упомянутым группам в той или иной мере снизился³.

Противоречивую динамику показывают установки по отношению к девиантным или нетрадиционным группам.

Таблица 13

«Как следовало бы поступить с...»
(% от числа опрошенных)

	1989	1994	1999	2003
<i>Проститутками</i>				
Ликвидировать	27	18	12	14
Изолировать от общества	33	23	20	25
Оказывать помощь	8	12	20	13
Предоставить их самим себе	17	30	29	36
<i>Гомосексуалистами</i>				
Ликвидировать	31	22	15	21
Изолировать от общества	32	23	23	27
Оказывать помощь	6	8	16	6
Предоставить их самим себе	12	29	29	34
<i>Наркоманами</i>				
Ликвидировать	29	26	21	25
Изолировать от общества	24	23	24	23
Оказывать помощь	24	38	47	44
Предоставить их самим себе	39	5	3	5

³ См.: Общественное мнение 2003. М.: ВЦИОМ-А, 2003. С. 65-66.

Продолжение табл. 13

	1989	1994	1999	2003
Больными СПИДом				
Ликвидировать	13	7	8	9
Изолировать от общества	24	20	26	23
Оказывать помощь	57	68	56	62
Предоставить их самим себе	1	1	1	3
Бродягами, «бомжами»				
Ликвидировать	9	10	7	8
Изолировать от общества	25	20	15	22
Оказывать помощь	44	55	60	58
Предоставить их самим себе	7	5	5	6
Алкоголиками				
Ликвидировать	7	9	7	7
Изолировать от общества	22	20	15	18
Оказывать помощь	59	59	66	63
Предоставить их самим себе	6	5	5	7
Членами религиозных сект				
Ликвидировать	4	6	14	27
Изолировать от общества	6	12	23	27
Оказывать помощь	5	8	9	5
Предоставить их самим себе	57	51	29	24

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Обращает на себя внимание резкий рост самых жестоких предложений («ликвидировать!») в адрес гомосексуалистов, в меньшей мере – и проституток. Происходит это на фоне нынешней общемировой, цивилизационной тенденции не только более терпимого восприятия нетрадиционных сексуальных ориентации, но гражданской легитимации таковых. Призывы к ужесточению санкций в данном случае – явный признак неспособности власти и элиты предложить общест-

венному мнению цивилизованные средства решения соответствующих проблем.

Непосредственная причина поразительного массового озлобления по отношению к сектантам достаточно ясна: по мере все большего – и все более признаваемого в СМИ и в общественном мнении – фактического огосударствления «своей» патриаршей православной церкви иные конфессии (католики, сектанты, кришнаиты и пр.) становятся более «чужими», подвергаются различным ограничениям. Правда, признают необходимость привилегий для «церкви большинства» всего 22% (против 50%), но среди них доля сторонников «ликвидации» сектантов доходит до 34%.

В том же ряду изменений массовых оценок – динамика отношений населения, особенно жителей крупных российских городов, к мигрантам, приезжим с Северного и Южного Кавказа, из бывшей советской Центральной Азии, с Дальнего Востока. Для власти и для массового обывателя это прежде всего «чужаки», опасные и плохо контролируемые, поэтому преобладающей реакцией на миграционные волны остаются запреты и барьеры (впрочем, преодолеваемые традиционным способом, с помощью взяток). По исследованию 2003 года, 58% опрошенных испытывают раздражение, неприязнь или страх по отношению к «выходцам из южных республик», проживающим в их городе, районе. 66% (против 22%) одобрили бы ограничение переезда «нерусских народностей» на территорию России, а 58% (против 22%) – за то, чтобы запретить пребывание в своем городе или районе «приезжих с Кавказа».

Нельзя обойти вниманием такой специфический, хотя и привычный с советских времен, вариант официально предлагаемого – и в значительной мере принимаемого общественным мнением – самоутверждения через принижение образа внешнего «врага». Когда возникла проблема оправдания российских действий в Чечне, поначалу на первый план вышел традиционный и малоэффективный призыв к невмешатель-

ству во «внутренние дела»; после и сентября 2001 года появился новый, но тоже не слишком эффективный лозунг «антитеррористической коалиции». С началом американских операций в Ираке, особенно после обострения обстановки весной 2004-го, СМИ почти единодушно принялись убеждать россиян, что коалиционные силы действуют в оккупированной стране еще более грубо и неумело, чем отечественные на Кавказе...

Человек и государство: «лукавый» симбиоз

Текущие исследования последних лет, например в период избирательных кампаний 2003-2004 годов, неизменно показывают высокое доверие граждан России к носителям государственной власти. Но динамика представлений о «моральной» связи людей с государством обнаруживает совершенно иные тенденции (*табл. 14*).

Почти незаметны изменения только в отношении «близких родственников». Во всех остальных случаях чувства моральной ответственности сейчас слабее, чем 15 лет назад. Это значит, что страна и власть для населения все более становятся отчужденными. Наиболее заметны такие сдвиги у самых молодых. Так, безусловную ответственность за действия своего правительства отмечают в 2003 году 13% среди старших (55 и лет и более) и 9% самых молодых. В 1989 году такую ответственность признавали 22% пожилых и 11% молодых людей. А на отсутствие ответственности за события в стране указывают 26% пожилых (в 1989 году – 14%) и 36% молодых (в 1989-м – 22%).

Отсюда, между прочим, следует и оправдание лукавой «игры» человека с государством: все большая доля граждан считает правомерным не исполнять свои обязанности перед государством. По исследованию 1999 года, 48% опрошенных не видели ничего или почти ничего предосудительного в том, чтобы *уклоняться от военной службы*; в 2003 году это мне-

ние разделяют 52%. В 1999 году 58%, а в 2003-м – 64% не видели ничего особенно плохого в том, чтобы *ездить «зайцем»* в городском транспорте. А *сокрытие доходов* с целью не платить налоги в 1999 году оправдывали 42%, в 2003-м – 46%.

Таблица 14

«Несет ли человек моральную ответственность...»
(% от числа опрошенных)

	1989	1994	1999	2003
<i>За действия своего правительства?</i>				
Безусловно несет	14	8	9	11
В какой-то мере несет	29	31	31	35
Безусловно не несет	37	42	43	44
<i>За деятельность своего предприятия?</i>				
Безусловно несет	49	31	27	24
В какой-то мере несет	40	50	46	49
Безусловно не несет	5	17	14	20
<i>За действия лиц своей национальности?</i>				
Безусловно несет	20	10	10	12
В какой-то мере несет	32	28	34	38
Безусловно не несет	28	40	35	40
<i>За происходящие в стране события?</i>				
Безусловно несет	22	9	10	12
В какой-то мере несет	42	35	40	45
Безусловно не несет	17	33	27	33
<i>За действия своих близких родственников?</i>				
Безусловно несет	45	39	42	43
В какой-то мере несет	34	42	43	43
Безусловно не несет	13	11	9	9

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Неизбежным дополнением лукавства в отношении с государством, как и ранее, оказывается лукавая «игра» человека с

самим собой – сделки с собственной совестью, заведомо неправедные поступки.

Таблица 15

«Приходилось ли Вам когда-либо поступать вопреки тому, что Вы считаете правильным, справедливым?»
(% от числа опрошенных)

	1989	1999	2003
Я никогда так не поступаю	17	12	18
Приходилось, под давлением коллектива	4	6	8
Приходилось, под давлением начальства	18	13	11
Приходилось, под давлением семьи, близких	5	16	13
Приходилось, когда это было нужно для пользы дела	24	32	31
Бывало, из-за собственной слабости	13	15	12
Бывало, из-за страха за родных и близких	4	9	11
Так приходится жить постоянно	6	4	4
Затруднились ответить	21	20	15

Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как некоторые респонденты отмечали более одного варианта.

Изменения за 15 лет не слишком велики. Существенный признак времени: меньше приходится лукавить с самим собой по требованию *начальства*, но зато больше – под давлением *коллектива* или *семьи*.

В 2003 году имеющие высшее образование чаще других вынуждены кривить душой для начальства (14%), но еще чаще (41%) ради «пользы дела». На «собственную слабость» в большей мере ссылаются предприниматели и руководители.

Подведем некоторые итоги. Спустя почти двадцать лет с начала реформирования советского общества самоидентификация человека остается сложной проблемой. Не сформиро-

валась «новая» (современная, европейская, демократическая, гражданственная) основа для его самообозначения, тем более – для самоутверждения. Поэтому точкой отсчета – если не демонстративной, то реальной – остаются характеристики «человека советского». Эта тенденция подкрепляется официальными поисками «советской» легитимации через обращение к символике, стилю, приемам управления (правда, при постоянных попытках сочетать черты стиля различных периодов: победные марши военного времени со стабильностью «застоя», административные перетряски в хрущевском духе с произволом переломных лет и т.п.). Сохраняет свое значение характерный для советской эпохи механизм «негативного» самоутверждения, достигаемого с помощью понижения образов «врага» или «обобщенного чужого». Однако в массовом сознании, во многом следующем в фарватере официальной политики, нарастает отчуждение от власти и государства, а идентификация с их ценностями выглядит лукавой, двусмысленной. Человек вынужден искать защиты у власти, но не хочет ей служить.

«Вестник...» 2004. № 3

ФУНКЦИИ И ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Продолжая анализ результатов последнего опроса по программе «Советский человек» (2003, N = 2000 человек; предыдущие опросы: 1989, N = 1250; 1994, N = 3000; 1999, N = 2000), никак нельзя обойти вниманием довольно сложный кластер проблем, выраженных в динамике общественных настроений и, как представляется, приводящих к пониманию некоторых моментов природы и функций этого феномена, а также к оценке значения социологических (опросных) средств его исследования. Без обращения к таким методологическим рамкам целый ряд полученных в ходе опроса данных не поддаются объяснению. Это относится, в частности, к наблюдаемому за период между двумя волнами исследования резкому взлету ряда показателей массовых настроений.

Что изменилось?

Сопоставим данные исследований по программе «Советский человек» 1999 и 2003 годов относительно того, как сами респонденты оценивают изменения общественных настроений за минувшее десятилетие (*табл. 1*). При этом в обоих случаях имеется возможность сопоставить представления об изменениях чувств «других» («у окружающих людей») и чувств собственных («у себя лично»).

Самые общие выводы достаточно очевидны: «позитивные» показатели настроений (причем в первую очередь наиболее распространенных, описывающих собственное состояние людей) заметно выросли, а «негативные» (усталости, страха, обиды, растерянности, агрессивности и пр.) – снизились. Относительно чаще стали упоминаться и позитивные социально ориентированные настроения (уверенность, свобода, ответственность, гордость), хотя их показатели ограни-

чены немногими процентами опрошенных. Практически во всех случаях положительные показатели собственных настроений («у себя»), как и позитивной их динамики, существенно превышают соответствующие оценки настроений окружающих («у других»). В то же время остались на прежнем уровне все показатели «зависти» и возросли показатели «одинокости». Наиболее распространенными при оценке состояния «других» остаются чувства усталости и безразличия, но при характеристике собственного состояния на первый план вышла надежда. Каждая из отмеченных тенденций, выраженных в отдельных компонентах *таблицы 1*, нуждается в объяснении.

Таблица 1

«Какие чувства проявились, окрепли за последние годы...?»
(% от числа опрошенных)

			1999	2003
1	Усталость, безразличие	У других*	52	40
		У себя**	38	33
2	Надежда	У других	10	30
		У себя	23	38
3	Страх	У других	29	15
		У себя	18	10
4	Обида	У других	26	18
		У себя	29	15
5	Растерянность	У других	24	18
		У себя	20	14
6	Отчаяние	У других	37	14
		У себя	26	11
7	Ожесточение, агрессивность	У других	37	18
		У себя	13	5
8	Уверенность в завтрашнем дне	У других	3	11
		У себя	6	15

Продолжение табл. 1

9	Чувство свободы	У других	4	14
		У себя	7	17
10	Чувство собственного достоинства	У других	3	11
		У себя	8	17
11	Одиночество	У других	5	8
		У себя	10	11
12	Зависть	У других	8	8
		У себя	2	2
13	Ответственность за происходящее в стране	У других	2	4
		У себя	5	4
14	Гордость за свой народ	У других	2	4
		У себя	3	5
	Затрудняюсь ответить	Про других	3	11
		Про себя	5	8

Примечание: ответы ранжированы по частоте упоминаний.

** «У окружающих Вас людей».*

*** «У Вас лично».*

Ничего удивительного в том, что чаще всего – применительно к себе и по отношению к другим, к окружающим – респонденты указывают более «простые» чувства, характеризующие эмоциональное *состояние* человека, и значительно реже – «сложные», которые относятся к *положению* человека в обществе. Разумеется, в контексте массового опроса фиксируются преимущественно социально значимые эмоциональные состояния. Различия между показателями настроений (а так же в оценках материального положения, перспектив, опасений и др.) «у себя» и «у других» неизбежно связаны с особенностями восприятия социальной дистанции «ближних» и «дальних», «своего» и «чужого», «собственного» и «общего». Кроме фактора перспективы, здесь действуют и особенности каналов получения информации: это непосредственный, собственный опыт, трансляция чужого опыта

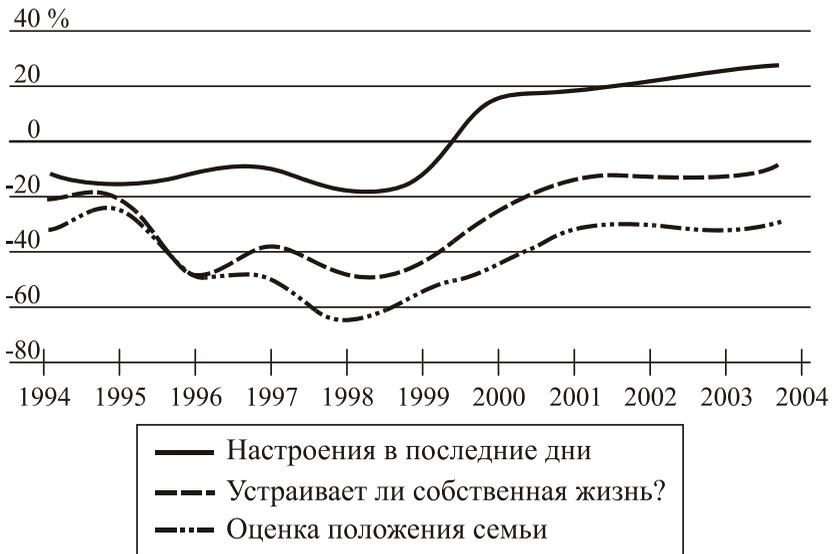
(разговоры, слухи), содержание СМИ.

Что же касается динамики оценок общественных настроений, которая видна по исследованиям программы «Советский человек», то ее можно понять с помощью более регулярных данных мониторинга социальных настроений, получаемых ВЦИОМом на протяжении более десяти лет каждые два месяца. Обобщенным выражением этих данных, как известно, служит индекс социальных настроений (ИСН). На *рисунке 1* приведены сводные значения, а также некоторые компоненты ИСН за период наблюдений.

Рисунок 1

Индекс социальных настроений и некоторые его компоненты, 1994-2004

(Разность между числом опрошенных, выбравших позитивные и негативные суждения относительно указанных вопросов, %)

На *рисунке 1* выделены моменты проведения исследований по программе «Советский человек» 1994, 1999 и 2003 годов (в опросе 1989 года аналогичные позиции отсутствовали). Первые два опроса проводились в ситуации заметной неуверенности общественных настроений, когда колебания показателей ИСН располагались в зоне негативных значений, на 20-30 процентных пунктов ниже нулевых отметок. После общественно-политического перелома 1999-2000 годов, стимулировавшего явный рост социальных надежд, такие колебания практически постоянно происходят в зоне позитивных значений, примерно на 10 процентных пунктов выше нулевой линии. (Единственное исключение за последние годы – падение показателя «настроения в последние дни» до отрицательных значений летом 2000-го, явная реакция на поведение президента после катастрофы «Курска».)

Вряд ли было бы правильно трактовать перемену общего «тона» социальных настроений в 1999-2000 годах как признак какой-то высокой «политизированности» российского общественного мнения. Скорее это показатель устойчивого *патернализма*, чуть ли не мессианского ожидания персонального «спасителя» после череды разочарований в политиках и политических комбинациях предыдущих лет. Причем, что весьма важно, с самого начала критерием оценки патерналистского доверия явились не какие-либо достигнутые успехи, а *надежды на успехи будущие* (как известно из текущих исследований, такая расстановка факторов одобрения и поддержки президента сохраняется до последнего времени). Соответственно критерием обоснованности таких надежд оказывается не столько сопоставление с перспективными целями, сколько контраст с *прошлыми неудачами* в различных сферах, далеко не только экономическими или потребительскими. Чуть ли не внезапно возникшее и все еще устойчивое массовое «легковерие» по отношению к носителю высшей власти объясняется еще и тем, что в условиях вынужденного политического «воспитания бедствиями» уровень общест-

венных притязаний оказался весьма невысоким.

Если проследить взаимные соотношения настроений в двух последних волнах «Советского человека», можно заметить изменения в *смысловых корреляциях «надежды»*: в 1999 году респонденты, отмечающие эту позицию, чаще всего указывают еще ожесточение (21%), усталость (19%), страх (18%), растерянность (17%). А в 2003 году у надежды уже совсем иные главные «попутчики»: свобода (25%), уверенность (22%), чувство собственного достоинства (19%). Правда, упоминания усталости и безразличия столь же часты (20%), и именно с этими фоновыми чувствами по-прежнему теснее всего (около 50% сочетаний) связаны переживания обиды, растерянности, отчаяния, ожесточения.

Фактор зависти

Из набора более социализированных чувств возьмем «зависть» – категорию, в которой суммируются оценки положения других лиц и групп, вариантов социальной мобильности и др. Как видно из *таблицы 1*, распространенность чувства зависти не изменилась за последние годы, а заметно более редкие упоминания этого чувства как *собственного* переживания, видимо, свидетельствуют о том, что такое переживание люди не склонны демонстрировать, как бы стесняясь его. Однако обращение к *предметам* зависти позволяет заметить некоторые особенности распространенных в обществе и довольно устойчивых ориентаций.

Таблица 2

**Зависть как черта национального характера
(«Какие из перечисленных качеств чаще всего можно
встретить у...»)**

(% от числа опрошенных, отметивших «зависть»)

	1989	1994	1999	2003
Англичан	1	3	2	6
Русских	30	12	8	13
Евреев	3	23	4	20
Узбеков	6	16	9	–
Азербайджанцев	–	–	–	19

Как можно предположить, в данном контексте зависть рассматривается как фактор достижения (или возвращения) определенных статусных позиций. Образ англичанина выступает эталоном «достигшего», которому просто некого догонять и некому завидовать. А к числу «завидующих» отнесены национальности, которые в общественном мнении выступают как догоняющие, ориентированные на достижение позиций, обозначенных другими. Поэтому посткризисный 1999 год смотрится как самый «незавидный», поскольку там доминировала установка на выживание, а не на достижение, а 2003 год как бы возвращает национальные группы – в представлении общественного мнения – на траектории статусного продвижения. Добавим, что чаще всего (18%) в 2003 году отмечали зависть как черту русских в группе 40-летних (40-49 лет).

Таблица 3

«Кому окружающие Вас люди чаще всего завидуют?»
(% от числа опрошенных)

		1999	2003
1	Богатым, обеспеченным	60	70
2	Удачливым, тем кому везет	38	39
3	Талантливым, умным	15	22
4	Сильным, упорным	9	9
5	Молодым, здоровым	20	20
6	Красивым, имеющим успех	13	11
7	Занимающим высокое положение	25	26
8	Тем, кто поездил по миру	16	11
9	Свободным, независимым	9	9
10	Никому	4	5
11	Затрудняюсь ответить	10	5

Как видим, за последнее время поднялись только показатели зависти к «богатым» и «талантливым», несколько реже высказывается зависть по отношению к «красивым» и «повидавшим мир». Основной предмет зависти – богатство, обеспеченность, все прочие позиции с этой несравнимы.

Таблица 4

«Кому окружающие Вас люди чаще всего завидуют?»
(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Возраст, лет											
	До 20		20-29		30-39		40-49		50-59		60 и старше	
	1999	2003	1999	2003	1999	2003	1999	2003	1999	2003	1999	2003
Богатым	55	69	67	72	63	73	64	77	54	66	55	62
Удачливым	42	47	38	44	43	44	38	37	37	39	30	31
Талантливым, умным	18	24	15	20	13	20	14	23	13	24	15	21

Продолжение табл. 4

	Возраст, лет											
	До 20		20-29		30-39		40-49		50-59		60 и старше	
	1999	2003	1999	2003	1999	2003	1999	2003	1999	2003	1999	2003
Сильным, упорным	7	10	10	7	9	10	9	8	9	9	9	7
Молодым, здоровым	13	10	15	20	21	17	22	19	21	25	23	22
Красивым	24	16	30	14	13	15	9	10	6	6	3	5
Высокопоставленным	16	27	28	28	23	25	28	31	22	23	25	22
Поездившим по миру	21	12	16	13	17	11	23	10	12	13	10	9
Свободным	10	12	7	7	11	11	6	9	14	12	6	7
Никому	6	7	0	3	2	3	5	4	4	6	7	6

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Только двум страстям «все возрасты покорны» – зависти к богатым и, в меньшей мере, зависти к талантливым. В обоих случаях показатели заметно выросли во всех возрастных группах. «Удачливым» больше всего завидуют, когда делают карьеру, «занявшим высокий статус» – когда ее теряют. «Сильным» и «свободным» завидуют довольно редко, заметных перемен здесь не видно. Примечательно, что зарубежные вояжи все реже служат предметом зависти, превращаясь в более или менее привычное дело.

Регулярно задаваемый (в исследованиях типа «Экспресс», ныне «Курьер») вопрос о *целях семьи* практически дает своего рода измерения действующей зависти по отношению к более благополучным.

Таблица 5

«Какие цели Вы, члены Вашей семьи ставите перед собой?»

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	1998, ноябрь	1999, март	2000, январь	2000, декабрь	2001, ноябрь	2003, март	2004, апрель
Выжить, пусть на самом примитивном уровне	28	22	21	24	18	16	18
Жить не хуже, чем большинство в своем городе, районе	48	55	46	51	48	56	50
Жить лучше, чем большинство в своем городе, районе	12	10	19	12	17	17	21
Жить так, как средняя семья в Западной Европе, США	9	10	11	11	13	9	8
Жить лучше, чем средняя семья в Западной Европе	3	2	3	3	3	2	3

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Заметим, что динамика ответов вполне понятна в свете развития социально-экономической ситуации и не содержит никаких резких перепадов.

Чувство (социальная установка, настроенность) зависти – один из самых сильных факторов человеческой деятельности в современном массовом обществе¹. Оно может быть как

¹ По замечанию известного французского исследователя общественного мнения А. де Вульпиана, зависть к более обеспеченным, более свободным, имеющим более широкий набор запросов и большие возможности

движущей силой, если «завистник» стремится освоить и превзойти достижения других, так и силой деструктивной, если усилия направлены на то, чтобы разрушить такие достижения (эгалитаризм XIX-XX веков). В некоторых – хорошо известных из отечественной истории – ситуациях зависть к чужим достижениям в сочетании с представлениями о невозможности приблизиться к их уровню стимулирует в массовом сознании новые барьеры (по известной формуле «зелен виноград»).

Сопоставление ряда полученных в нашем исследовании данных позволяет, как представляется, подойти к пониманию социальных функций чувства зависти в сегодняшнем российском обществе. Ограничусь только самым распространенным его вектором – зависти к богатым.

По данным опроса 2003 года, 25% опрошенных полностью согласны, а еще 39% скорее согласны с тем, что «мы привыкли довольствоваться самым малым и не гнаться за успехом и богатством». Но при этом из разделяющих такое мнение 70-71% признают, что окружающие их люди завидуют богатым. А из числа несогласных с приведенным суждением отмечают такое чувство у окружающих 69% и 64%, т.е. почти столько же. Перед нами как будто причудливое сочетание стереотипа демонстративной «национальной скромности» с реальной, повсеместной, действующей завистью – некий вариант *массового двоемыслия*. Последнее предположение, правда, требует своего объяснения; кроме того, вряд ли можно говорить о сознательном *массовом* лицемерии. Скорее всего, дело в том, какие функции исполняет зависть как социальная установка в конкретных общественных условиях.

для их удовлетворения, является важнейшим атрибутом общества, преодолевшего сословные и подобные им разграничения. См.: *Voulpian A. de. À l'écoute des gens ordinaires*. Paris, 2003.

Возьмем динамику отношений к миллионерам по данным разновременных исследований по программе «Советский человек».

Таблица 6

«Как Вы относитесь к тому, что у нас в стране появились люди, легально получающие миллионы?»
(% от числа опрошенных)

	1989	1999	2003
Ничего не имею против	8	14	17
Положительно, если эти деньги заработаны честно	31	34	30
Против, поскольку честно таких денег не зарабатываешь	49	42	44
Против таких денег, даже если они заработаны честно	8	4	5
Затрудняюсь ответить	8	6	5

Если теперь сравнить данные двух последних столбцов *таблицы 6* (в 1989 году вопрос не задавался) с распределением представлений о зависти, получим, что в 1999 году из числа отметивших зависть к богатым первые две позиции этой таблицы разделяют 13% и 36%, а в 2003-м – 17% и 31%, – т.е. в обоих случаях не заметно *никаких отличий от средних* показателей по всей выборке.

Обратимся к более «практическим» показателям – типам адаптивного поведения («что Вы делаете, чтобы сделать лучше свою жизнь...?»). «Не могут» приспособиться 17% из всех опрошенных в 2003 году, из отмечающих зависть к богатым – тоже 17%, живут как раньше 34% (33%), приходится «вертеться» 32% (33%), удается использовать новые возможности 10% (11%). Опять – никаких различий. 63% от всех опрошенных полагают, что свобода предпринимательства принесла больше пользы стране, 19% – что больше вреда. От числа отмечающих зависть к богатым – 65 и 19%. Ничем не

отличаются средние данные о важности появления слоя состоятельных людей (14% – очень важно, 22% – довольно важно) от аналогичных данных из числа отмечающих зависть к богатым (14% и 24%). Наконец, если рассматривать трудовые предпочтения, то на твердый заработок ориентированы 54% в целом и 55% от «завистников», а на то, чтобы много работать и зарабатывать, – 22 и 23%.

Интерпретировать изложенные данные можно следующим образом. Ссылки на зависть к богатым – не дифференцирующая характеристика определенного сегмента общественного мнения, а просто общая его черта в современных условиях, она не несет практически никакой ценностной или идеологической нагрузки. Поэтому такие ссылки легко совмещаются с самыми различными установками – от «скромной бедности» до энергичного предпринимательства. Несколько ниже мы увидим, что это не единственное общее (или «пустое»?) место в нынешнем общественном мнении.

Человек свободный: от чего?

В рамках данной исследовательской программы вопрос о «свободном человеке» задавался лишь в 1999 и 2003 годах. Чтобы представить динамику мнений более полно, привлечем данные ряда мониторинговых опросов предшествующих лет.

Таблица 7

«Можете ли Вы сказать, что чувствуете себя свободным человеком?»

(N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

	1995, январь	1996, январь	1997, январь	1999, март	2003, июль-август
Да	12	14	14	14	35
Скорее да	17	19	22	22	31

	1995, январь	1996, январь	1997, январь	1999, март	2003, июль- август
Скорее нет	29	26	26	27	21
Нет	29	27	26	24	8
Затрудняюсь ответить	14	15	14	13	5

Чтобы объяснить столь крутой подъем показателей «свободного человека» в 2003 году, нужно, видимо, более детально представить динамику этого понятия и его значение в общественном мнении.

Таблица 8

«Можете ли Вы сказать, что чувствуете себя свободным человеком?»

(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Возраст, лет	Да*		Нет**		Затрудняюсь ответить	
	1999	2003	1999	2003	1999	2003
До 20	61	82	27	15	12	2
20-29	45	80	45	17	10	3
30-39	39	72	41	24	9	3
40-49	25	58	40	37	10	5
50-59	28	53	38	40	15	8
60 и старше	31	58	45	35	18	8

* Сумма ответов «да» и «скорее да».

** Сумма ответов «скорее нет» и «нет».

Заметное увеличение доли считающих себя свободными людьми произошло во всех возрастных группах, особенно среди более молодых. Соответствующее снижение доли не разделяющих такой самооценки наблюдается преимущественно

венно среди опрошенных до 40 лет.

Из числа считающих себя свободными людьми в 1999 году 17%, а в 2003-м – 24% отмечали, что у них за последние годы окрепло «чувство свободы»; у окружающих такое чувство усматривали в 1999 году 9%, а в 2003-м – 17%.

Уровень образования практически не влияет на самоидентификацию свободного человека: из имеющих высшее образование считают себя таковыми в 2003 году 67%, среднее – 65%, ниже среднего – 69%. Но уровень благосостояния явно имеет значение: среди наиболее нуждающихся («едва сводим концы с концами») свободными людьми считают себя 46%, из тех, кому хватает только на продукты, – 58%, кому хватает и на одежду – 74%, кто без труда приобретает и так называемые «товары длительного пользования» (мебель, бытовая техника и т.п.) – 81%. Аналогичным образом влияет и статус (по 10-балльной шкале, сведенной к трем позициям): в высшей группе 80% «свободных», в средней – 65%, в низшей – 47%. Среди добившихся «всего, что хотели», довольных своей жизнью свободными людьми считают себя 76%, среди неудачников – 48%. Складывается впечатление, что самохарактеристика свободного человека выступает как *мера жизненного успеха*.

Если же рассматривать трудовые *предпочтения*, оказывается, что из выбирающих вариант небольшого гарантированного заработка таковых 64%, а среди тех, кто хотел бы много работать и хорошо зарабатывать, – 68%. Различия не столь велики. Аналогичная картина получается и с распределением *ожиданий от власти*. Среди ожидающих заботы о гражданах к свободным относят себя 66%, столько же и среди ожидающих поддержания порядка в обществе, среди ждущих охраны прав и свобод – 69%. Возникает предположение, что ценностные ориентации не имеют заметного влияния на самоопределение «свободного человека». Попытаемся проверить его по другим данным исследования 2003 года.

Из полагающих себя свободными людьми 61% (при сред-

ней 55%) положительно оценивают сближение России со странами Запада, 18% (22%) – отрицательно. Политические свободы считают «очень» и «довольно» важными 51% «свободных» (средняя – 45%). В этой группе согласны с тем, что было бы лучше, если бы все в стране сохранялось «как до 1985 года» 38%, не согласны – столько же (средние показатели – 44:35). «Русскими людьми» постоянно чувствуют себя 82% (средняя – 77%). Некоторое превышение прогрессивных мнений, очевидно, обусловлено возрастным, т.е. более молодежным, составом группы. 45% ее представителей считают нынешнее время «своим», только 26% сожалеют, что «их время» уже ушло (средние показатели – 31% и 36%).

Но вот «советскими людьми» из числа «свободных» постоянно чувствуют себя даже чаще, чем в среднем – 38% (33%). А идею «Россия для русских» полностью поддерживают среди них 26% (в среднем – 21%), в целом одобряют 54% (средняя – 53%), отрицательно оценивают 16% (18%). Время правления Сталина из числа «свободных» оценивают позитивно 28%, негативно – 45% (в среднем 28:45).

Подытоживая приведенные данные и соображения, можно утверждать, что понятие «свободного человека» в сегодняшнем общественном мнении не связано политическими, гражданскими, интеллектуальными свободами. Это прежде всего признак жизненного успеха (наличия ресурсов или надежд для него). Заметный рост числа считающих себя свободными в последнее время связан преимущественно с динамикой оптимистических настроений в обществе, о которой шла речь в начале статьи. Об их истоках и природе еще придется говорить.

Где «счастья ключи»?

Перейдем теперь к самому общему и наиболее, видимо, субъективному показателю состояния общественных настроений. Готовность определить собственное существова-

ние или жизнь своей семьи как счастливые обусловлена такими обстоятельствами, как оценки прошлого состояния, надежды на будущее, сравнения с положением и aspirations других субъектов, критерии успеха и благосостояния, а также возможности различных бедствий и т.д. Значительную роль здесь играют также национальные традиции, психологические ресурсы терпения и оптимизма. В свое время В. Даль относил к словарной статье «счастье» и успех, и удачу, и благополучие. Все эти компоненты представлений о счастье и счастливых людях заметны и в результатах исследований.

Таблица 9

«Если говорить в целом, Вы счастливы?»
(% от числа опрошенных)

	1989	1994	1999	2003
Да, совершенно	6	6	6	18
Скорее да	39	40	43	55
Скорее нет	29*	28	28	18
Нет, совершенно	2	6	9	2
Затрудняюсь ответить	24	21	14	8

* Сумма ответов «скорее нет» и «не это главное».

Очевидно резкое увеличение доли считающих себя счастливыми за последние годы; за это время заметно уменьшилось число несчастливых. Рассмотрим более внимательно соответствующие данные по различным возрастным группам (табл. 10).

«Счастливые» настроения более всего возросли среди молодых, но и в старших возрастах самооценки заметно улучшились. Более наглядно представлена динамика индекса (последней колонки табл. 10) на рисунке 2.

Уровень образования оказывает определенное, но не особенно сильное влияние на распределение «счастливых» би-

летов. Вполне счастливыми считают себя в 2003 году по 19% имеющих высшее и среднее образование и 16% – среди малообразованных. «Скорее счастливыми» – соответственно 60%, 56% и 50%, скорее и совершенно «несчастливыми» – 15%, 18% и 25%. Иное дело – уровень *благополучия*. Среди самой низшей группы («едва хватает на продукты») всего 42% счастливых, несчастливых – 48%, а среди состоятельных («хватает на товары длительного пользования, дачи и пр.») – соответственно 83% и 12%. А из тех, кто *добился всего*, что хотел, счастливыми считают себя 92% против 3%, из неудачников – 41% (не так уж мало!) против 51%. Главными признаками счастья, как и во времена В. Даля, выступают благополучие и удача (и еще в большей мере – это касается молодежи – надежды на достижение того и другого).

Таблица 10

«Счастливые» и «несчастливые» в различном возрасте
(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Возраст, лет		Да*	Нет**	Индекс***
До 20	1989	37	27	10
	1994	44	35	9
	1999	68	25	43
	2003	90	6	84
20-29	1989	47	25	22
	1994	57	24	33
	1999	62	27	35
	2003	77	11	66
30-39	1989	44	26	20
	1994	49	27	22
	1999	53	34	19
	2003	77	13	64
40-49	1989	35	40	-5
	1994	43	36	7
	1999	41	43	-2
	2003	66	25	41

Возраст, лет		Да*	Нет**	Индекс***
50-59	1989	39	35	4
	1994	43	36	7
	1999	44	45	-1
	2003	68	23	45
60 и старше	1989	38	40	-2
	1994	38	42	-4
	1999	37	45	-8
	2003	59	32	27

* Сумма ответов «да» и «скорее да».

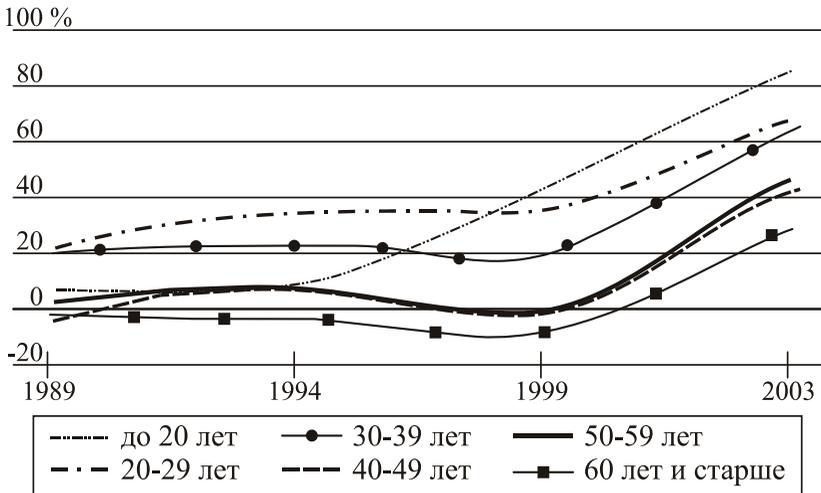
** Сумма ответов «скорее нет» и «нет».

*** Разница «положительных» и «отрицательных» ответов.

Добавим некоторые штрихи к социальному портрету «человека счастливого». Он несомненно больше живет сегодняшним днем, ищет удовлетворения своих запросов в нынешней реальности. Вполне счастливые скорее не согласны с тем, что лучше бы сохранить в стране положение «как до 1985 года» (37% против 42%), в то время как у самых несчастливых соотношение мнений обратное (65% и 22%). Счастливые чаще (48% против 42%) признают, что в последние годы произошли большие изменения, несчастливые чаще (52%) полагают, что «по сути ничего не изменилось». Среди несчастливых преобладает представление о том, что СМИ были более интересными в советское время (50%), чем сейчас (20%), тогда как «счастливые» предпочитают (52%) СМИ последних лет и только 23% выше ставят их работу в советский период.

Индекс «счастья»

(разность между числом опрошенных, назвавших себя «счастливыми» и «несчастливыми», %)

Счастливые чаще признают моральную ответственность за происходящее в стране (18% против 10%) и за работу своего предприятия. Если бы можно было выбирать, 49% счастливых и 50% не относящих себя к ним предпочло бы небольшой гарантированный заработок, – различия не столь велики. Но «много работать и хорошо зарабатывать» в первой группе хотели бы 27%, во второй – только 9%. Завидуют те и другие, конечно, прежде всего богатым, притом почти в равной мере – 69% и 65%, затем талантливым, и тоже одинаково часто (30% и 29%), зато удачливым счастливые завидуют вдвое чаще (40% против 19%), – опять выходит на поверхность связь понятий счастья и удачи.

Но вот что кажется труднообъяснимым: к счастливым готовы отнести себя многие из неудачников и даже аутсайдеров позитивных перемен. Если взять обычную шкалу вари-

антов приспособления (адаптивного поведения), то среди тех, кто «не может приспособиться» к переменам, 54% считают себя более или менее счастливыми, среди живущих «как раньше» – 75%, среди тех, которым «приходится вертеться», – тоже 75%, ну а из числа нашедших «новые возможности» таких все 90%. К счастливым относят себя 83% полностью «свободных» и 57% тех, кто совершенно не считает себя свободными. Или, скажем, 92% называющих себя «удачливыми» и 32% «неудачников».

Как у бессмертного Козьмы Пруtkова: «Если хочешь быть счастливым, будь им»? Распространенность желания видеть себя счастливым требует объяснений уже за пределами понятий удачи и благополучия. Одно из них – в массовом воображении за желанное счастье охотно принимаются отдельные признаки такого состояния или сопутствующие ему феномены, например, отсутствие крупных несчастий, бед, конфликтов, появление оптимистических надежд и, разумеется, реальные или преувеличенные сдвиги в положении страны и материальном положении граждан. В динамике социальных надежд сказывается механизм, подобный тому, который в экономике называют мультипликатором: относительно небольшие сдвиги в реальном положении (как к лучшему, так и к худшему) вызывают значительно более заметные изменения масштабов соответствующих ожиданий. В числе прочего, это связано и с масштабами самих ожиданий, запросов (в контексте данной статьи – критериев счастливых и несчастливых самооценок).

Можно отметить, что общественный оптимизм последнего времени практически во всех возрастных группах носит некоторый «ювенильный», порой даже инфантильный оттенок, поскольку обусловлен завышенными надеждами, в частности – на «отеческую» власть и ее высшего носителя.

Парадокс агрессивности

Как уже отмечалось, существование чувств озлобленности, агрессивности в 2003 году отмечают реже, чем четырьмя годами ранее, и еще реже респонденты признаются в их наличии у себя. Сейчас агрессивности чаще всего сопутствуют усталость, отчаяние, а также зависть (как «у других», так и «у себя»). Чаще всего (25%) отмечают агрессивность «у других» 50-летние, реже всего – самые молодые, до 20 лет (9%).

Но если рассмотреть реакции носителей различных общественных настроений на одну актуальную и острую проблему – отношение к приезжим «с Юга», получим картину несколько неожиданную и довольно однообразную. Наиболее распространенными оказываются в среднем подмеченные «у других» чувства раздражения (25%) и неприязни (27%) к мигрантам, реже упоминается страх (6%); почти половина (44%) никаких особых чувств не испытывает. Примечательно, пожалуй, что в этом пункте практически почти незаметны отличия в оценках чужих и собственных настроений («свои» чувства в тех же терминах описывают 23%, 28%, 4% и 43% соответственно). Признающие, что у них окрепли собственные чувства ожесточения, агрессивности, чаще других отмечают раздражение (38%) и неприязнь (36%) к чужакам. Примечательно другое: носители иных настроений в данном случае не слишком отличаются в описании своих эмоциональных установок. Скажем, из тех, кто отмечает у себя усталость, безразличие, о раздражении и неприязни говорят 31% и 30%, из отчаявшихся – 31% и 35%, из обиженных – 32% и 31%, из одиноких – 34% и 27%. Немного лучше и чувства тех, кто собственные переживания описывает скорее позитивно: так, из носителей «надежды» раздражение и неприязнь к приезжим испытывают 23% и 28%, «чувства собственного достоинства» – 23 и 29%, «свободы» – 25 и 26%, «уверенности» – 22 и 23%. Короче говоря, если не две трети, то более половины или почти половина выражают свои пе-

реживания в связи с массовой миграцией «чужих» в резко негативных терминах, – но *не связывают такие установки с ожесточением, агрессивностью*. Объяснить последнее можно, видимо, массовым характером и привычностью враждебных (как известно, действующих и на официальных уровнях) установок в отношении «чужих». Кроме того, в общественном мнении такие реакции, скорее всего, расцениваются как защитные по отношению к «коренному» большинству населения.

Примерно такую же расстановку акцентов можно отметить и в отношении к носителям нетрадиционных или отклоняющихся типов поведения². Склонные выносить самые суровые «приговоры» девиантам не усматривают у себя агрессивности. Так, из высказавшихся за «ликвидацию» протитутков отметили у себя рост агрессивности лишь 5%, надежды – 37%; из предложивших аналогичную кару гомосексуалистам признали рост агрессивных чувств 6%, надежды – 34%; из готовых уничтожать сектантов – соответственно 7% и 35%.

Чего боимся

Сравнительные данные по трем последним волнам исследования (в 1989 году вопрос о страхах не ставился) позволяют видеть снижение общего уровня тревожности как по сравнению с посткризисным 1999 годом, так и с 1994-м (*табл. 11*).

В тревожном 1999-м опрошенные в среднем чаще высказывали опасения в отношении безработицы и возврата к массовому террору, но также – очевидно, под влиянием общей атмосферы – в отношении вечных проблем болезней, смерти. А в оптимистически успокоенном 2003-м заметно реже стал

² См. статью «"Человек советский" и его рамки самоопределения» в настоящей книге.

упоминаться страх не только перед социальными бедствиями (безработица, война, насилие, криминал, произвол власти), но и перед несчастьями естественного порядка – стихийными бедствиями, болезнями. Налицо еще одно подтверждение методологически значимого феномена: наличие или отсутствие определенной эмоционально отмеченной оценки – это отнюдь не непосредственная реакция на конкретный раздражающий фактор, но скорее рамка восприятия подобных факторов.

Таблица 11

«Бойтесь ли Вы и в какой мере...»
(средняя оценка по пятибалльной шкале)

	1994	1999	2003
Стихийных бедствий	3,08	3,05	2,95
Безработицы, бедности	3,51	4,05	3,36
Болезни, мучений, смерти	3,61	3,89	3,57
Возврата к массовым репрессиям	3,22	2,86	2,43
Публичных унижений, оскорблений	3,20	2,99	2,64
Болезни близких, детей	4,34	4,51	4,17
Мировой войны	3,56	3,55	3,12
Насилия на почве национальной вражды	3,46	3,32	3,12
Нападения преступников	3,93	3,64	3,48
Произвола властей, беззакония	3,73	3,83	3,35

Примечание: шкала рассчитана от ответа (1) «совершенно не испытываю страха» до ответа (5) «испытываю постоянный страх».

Дополнение: взгляд «со стороны»

Все рассмотренные выше показатели общественных настроений были получены в результате оценки респондентами собственных эмоционально окрашенных установок. При иной постановке вопросов, когда респондентам предложено

было оценить как бы со стороны (квазиэкспертным методом) динамику настроений в стране, «у других», результаты оказываются существенно иными.

Таблица 12

«За последние четыре года в России стало больше или меньше...»

(Январь 2004 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)

	Определенно больше	Скорее больше	Скорее меньше	Определенно меньше	Затрудняюсь ответить
Радости	8	33	34	13	12
Уверенности	6	36	34	14	10
Свободы	10	42	26	7	14
Порядка	4	28	34	24	10
Страх	22	34	26	5	13

Таким образом, при взгляде «со стороны» респондентам представляется, что в стране стало *меньше* радости (41:47), уверенности (42:48), порядка (32:58), но *больше* таких явлений, как свобода (52:33) и страх (56:31).

«Больше радости» и «больше уверенности» усмотрели только в среде молодежи до 30 лет. Лишь самым юным, до 20 лет, кажется, что в стране стало больше порядка и меньше страха. Единственная позиция в списке, относительно которой во всех возрастах однородное распределение мнений, – стало «больше свободы» (в самой младшей группе так считают 62% против 19%, в самой старшей – 49% против 33%).

По опыту многих исследований за ряд лет известно, что собственное положение, как и собственные настроения, опрошенные обычно оценивают заметно лучше, чем соответствующие показатели у других, в своем городе, районе, в стране. Точнее говоря, при оценке собственной и «чужой» ситуации у человека действуют различные рамки восприятия (в

социологической терминологии – рамки соотнесения или координат, frames of reference). «Чужое» хуже не только потому, что «дальше» от непосредственно личной проблемной ситуации, но также и потому, что видится через иную «оптику» (в значительной мере через инструменты массовой информации). Эти часто используемые соображения пригодны для объяснения ряда отмеченных выше феноменов – того, что при росте массового «собственного» оптимизма преобладает мнение о том, что радости в стране стало меньше, а страха – больше. Не требует особых пояснений ситуация, когда те, кто чаще отмечают рост радости, чаще видят и рост свободы. Но для того чтобы понять, как соотносится как будто общепризнанный рост «свободы» с доминирующим представлением об уменьшении «порядка», видимо, нужно принять во внимание содержание самих этих понятий в общественном мнении. Оказывается, что отметившие «определенно больше» свободы в стране соотношение мнений о росте и падении порядка представляют как 30:67, а у отметивших уменьшение свободы в стране такое соотношение еще резче – 11:85. Скорее всего, дело в том, что сама «свобода» и в данном случае – ранее об этом шла речь применительно к понятию «свободного человека» – часто воспринимается как возможность действовать без каких-то ограничений («свобода от...»), вне установленного «порядка».

Подводя итоги изложенным выше соображениям, следует признать недостаточной, а то и просто неверной употребительную трактовку показателей общественных настроений только как некоего «эмоционального фона» или «эмоционального баланса» в социальных процессах. Скорее всего, это показатели распространенных, принятых в обществе или определенных социальных группах, *общественных установок*, т.е. обобщенных и нормативно значимых ожиданий. Такие установки определяют рамки массового восприятия событий, социальных институтов, деятелей. Общественные настроения – это не текущие эмоциональные состояния множе-

ства людей, а значимая для деятельности этих людей *«настроенность»* на определенное восприятие и оценку социальных фактов. Фигурально выражаясь, общественные установки задают не просто «фон», а скорее *«тон» общественно-го мнения* (который и делает его «музыку», придает значение совокупности изменчивых фактов). Этот «тон» изменяется медленнее, в других масштабах времени по сравнению с текущей обстановкой, поэтому в общественном мнении привычные стереотипы восприятия явлений или лиц могут сохраняться как бы вопреки очевидности. Динамика общественных настроений российских граждан на протяжении четырех волн исследований по рассматриваемой программе дает обширный материал для анализа процессов такого типа.

«Вестник...» 2004. № 4

Предварительные замечания: категории фиктивные и функциональные

При интерпретации данных изучения общественного мнения самым простым и тривиальным представляется сопоставление позиций «большинства» и «меньшинства»: большинство поддерживает, возражает, доверяет, не одобряет и т.д.; меньшинство, соответственно, придерживается противоположных мнений. Тем самым исследуемая совокупность как бы заведомо разделяется на две обособленные части, которым приписываются определенные свойства, предпочтения, установки и пр. – т.е. происходит конструирование своего рода макросубъектов социальной деятельности. Между тем опыт показывает искусственность и даже опасность такой конструкции, способной вводить в заблуждение как исследователей, так и практических пользователей полученных данных.

В настоящей статье основным материалом служат исследования по программе «Советский человек» (1989, N = 1250 человек; 1994, N = 3000; 1999, N = 2000; 2003, N = 2000), каждое из которых может рассматриваться как представляющее характерный момент социально-политической драмы совокупного, многоликого человека. Первая волна исследования отражает настроения и ожидания, которые были свойственны наиболее бурному и наименее определенному периоду пика, а затем падения ожиданий, связанных с перестройкой (т.е. примерно 1988-1991 годы). Две следующих волны относятся к разным фазам периода «постперестроечных» реформ и катаклизмов (1992-1999). Последняя волна исследования проведена уже в обстановке «авторитарной стабилизации», провозглашенной в 2000 году. В качестве дополнительного материала по каждому периоду используются

также данные других массовых опросов, проводившихся примерно в те же или близкие сроки.

О критериях

В различных ситуациях линии разделения данной совокупности на «большинство» и «меньшинство» можно проводить по различным основаниям: например, по возрасту (молодые – пожилые), уровню благосостояния (бедные – богатые), социально-групповой принадлежности (рабочие – руководители), политическим позициям («левые» – «правые») и пр. Очевидно, ни одна из таких линий не является универсально пригодной или объясняющей. Кроме того, далеко не всегда работают «парные» (дихотомические) деления, приходится учитывать промежуточные, переходные варианты позиций и положений. В социально-практическом плане понятия «большинства» и «меньшинства» применительно к обществу в целом приобретают реальный смысл довольно редко – в ситуациях всеобщих выборов или референдумов, к тому же только при дихотомическом выборе. Да и здесь обычно речь идет об *относительном* преобладании определенной позиции в числе участников голосования (известно, например, что победитель в президентской гонке 1996 года в России получил поддержку 37% населения, в 2000-м – 36%, в 2004-м – 46%; только в экстремальных обстоятельствах лета 1991 года избранника поддержали 61% граждан страны). Во всех иных ситуациях, как стабильных, так и переломных, значение имеет определенное (*необходимое, достаточное, значимое* при данных условиях) «меньшинство». В тех же случаях, когда исследования показывают уровни одобрения, доверия или, наоборот, несогласия, недоверия и т.п., выражаемых большей частью опрошенных по отношению к какому-то деятелю, партии, позиции, – то это, как правило, показатели настроений, а не готовности действовать. В любом случае действующей силой является не «большинство» или

«меньшинство», а структура, организация, институт, солидарная группа. В численном же плане (количество инициаторов и их активных сторонников) такая структура всегда составляет «лишь» *меньшинство* населения, даже одну из его фракций.

Подтвердить такую закономерность можно как социально-историческими примерами, в том числе из недавней отечественной практики, так и – что теоретически более значимо – соображениями относительно природы и функций изучаемых феноменов. «Большинство» и «меньшинство» – статистические, количественные категории, непригодные для характеристики действующих элементов (сил, структур) какого-либо социального действия. В некотором модельном («идеально-типическом») упрощении разделение функций между названными категориями можно связать с разделением способов организации жизни «обыденной» и жизни «общественной». Если для регулярного поддержания и воспроизводства «обыденной» жизни требуются «всеобщие» (в буквальном смысле) постоянные усилия, действия массового человека, то для ее организации в национальных, социетальных масштабах необходимы специализированные группы, структуры, организации. Иначе говоря, действия «специализированного» («элитарного») человека. Следует подчеркнуть, что в данном контексте «элитарность» – это никак не оценка моральных или интеллектуальных способностей индивидуума или группы, а только признак специализации его функции, подкрепленной спецификой социализации, авторитета и пр. В сложных и изменяющихся обществах именно элитарные структуры способны закреплять или переоценивать нормы, образцы, критерии социального поведения. Это относится не только к репродуктивным, но и к «реконструктивным» структурам, которые можно обнаружить во всех переменных, переворотах, сдвигах, процессах. (В таких ситуациях *динамической структурой* оказывается взаимодействие компонентов процесса.) Поэтому то, что для «количествен-

ного» наблюдателя предстает как соотношение большинства и меньшинства (или, скажем, «массы» и «элиты»), в макро-социологически понимаемом действии является функциональным механизмом общественных процессов, «связкой» массовидных и специализированных компонентов. Такое разделение, конечно, сильно упрощает реальные общественные механизмы, но дает некоторое представление об их функциях.

«Массовидные» функции в любых общественных структурах и процессах – это поддержка, одобрение, согласие с заданным образцом или направлением. А поскольку именно эти функции могут осуществляться в параметрах количественного «большинства», это последнее тривиально оказывается гомогенным, послушным, готовым к управлению «извне», т.е. со стороны специализированных структур. Разнообразными, гетерогенными, «внутренне» организованными по определению могут быть только структуры, группы, составляющие количественное «меньшинство». Становясь «большинством» – что иногда происходит, – они изменяют свои функции (например, когда претензии на изменение институциональных структур уступают место слепой поддержке режима и т.п.), а также и структурные позиции (передача элитарных ролей иному иерархическому уровню).

Особый характер имеют в обществе замкнутые (эзотерические) группы, которые не стремятся стать ни большинством, ни значимым меньшинством, но лишь сохранить свою маргинальную изолированность.

В изучении общественного мнения мы сталкиваемся с подобными механизмами, в частности, при выявлении степени массового интереса к политике или к участию в определенном электоральном процессе.

Как известно, при всех перипетиях нашей политической жизни последних лет уровень *активного интереса* к политике в обществе почти не изменяется. Для немногих процентов

этот интерес означает участие в какой бы то ни было политической деятельности¹.

Аналогичным образом данные о возможном участии населения в следующих парламентских выборах регулярно показывают, что определенные политические симпатии в относительно «спокойной» обстановке, т.е. вне предвыборной горячки, обнаруживает лишь половина потенциальных избирателей.

Наконец, если взять такой регулярно изучаемый показатель, как отношение к «продолжению реформ», то определенное мнение по этому поводу неизменно высказывают примерно 60% опрошенных, 40% воздерживаются.

Но когда возникает вопрос об одобрении/неодобрении лидера (первого лица), остающихся в стороне почти нет (например, при регулярных замерах одобрения лидера в опросах типа «Экспресс» и «Курьер» воздерживаются от ответов не более 2%). Чем еще раз доказывается приоритет личностных ориентации общественного мнения по отношению к «идейным».

Но получаемые в массовых опросах показатели симпатий, поддержки, доверия и пр. – атрибуты декларативного, вербального поведения. Они резко отличны, например, от показателей реального участия в политической деятельности. Вряд ли можно объяснить такое распределение показателей какими-то особенностями истории или современного положения российского общества. За исключением редких периодов массовой экзальтации, какова бы она ни была, повседневные интересы людей всегда и везде безусловно преобладают. По всей видимости, главный «секрет» работающей демократии заключается в способности граждан сочетать собственные (личные, семейные) обязанности с гражданскими

¹ Зоркая Н. Думские выборы 1993-2003 гг.: К проблеме социальной цены постсоветского «партийного строительства» // Вестник общественного мнения. 2004. № 4.

(региональными, общенациональными) – притом как в обычных, так и в чрезвычайных обстоятельствах. Отечественная специфика – и беда – в том, что слишком долго подобное сочетание достигалось преимущественно принудительно, а потому воспринималось населением как зло, которого следует по возможности избегать.

В первоначальных концепциях классического рационалистического либерализма (XVIII век) доминировало представление о рациональном и свободном человеке как субъекте общественного договора, а тем самым – и основе государства. Реальное становление современных государств (на «первой линии» модернизации) происходило все же несколько иначе: осевая конструкция универсалистских институтов была противопоставлена иерархическим, сословным, традиционным порядкам, а далее разворачивались два взаимосвязанных процесса – адаптации массового человека к этим институтам и модификации самих институтов (как известно, всеобщее голосование, равноправие, тем более социальные права – позднейшие нововведения). В странах поздней, «догоняющей» модернизации, к которым принадлежит и Россия, институты, а точнее, «фасады», внешние формы или ярлыки современной демократии появились первоначально как прикрытие традиционных, авторитарных, тоталитарных режимов. В различных вариантах «неклассической демократии» и элитарные, и массовые структуры оказывались неготовыми, неспособными принять всерьез «правила игры» современной демократической государственности. А «фасадная» демократия, как показывает и отечественный опыт, довольно легко трансформируется в авторитарно-популистскую, со всем набором механизмов манипуляции общественным мнением – и готовностью принять такую манипуляцию.

Более сотни лет отечественной истории заняли, как известно, попытки ряда сменявших друг друга элитарных групп «разбудить» косную народную массу. За ними следовали неизменные поиски виноватых в неудачах или непред-

виденных последствиях – то ли в природе, привычках, сознании «массы», то ли в характере самих элитарных групп. В сегодняшних условиях исследовательская мысль постоянно возвращается к истокам событий, к новому пересмотру итогов пройденных этапов, к «невозможному», в строгом смысле, вопросу «а если бы... иначе». Когда-нибудь, после исторической переоценки нынешних общественных пристрастий, перемены и катаклизмы, например, минувшего столетия послужат конкретными примерами действия структурно-функциональной парадигматики. В современных условиях довлеют другие задачи – попытаться объяснить некоторые повороты последних лет при помощи социологических категорий и, естественно, материалов массовых опросов.

Акт I: 1989-й и около него.

Структура «всеобщих» надежд как социологическая проблема

Период «развитой» перестройки, примерно 1988-1989 годы, неизменно привлекает ностальгическое (или критическое) внимание в разнонаправленных общественных течениях. По сути дела, именно в эти годы определились как крушение партийно-советской системы, так и неудача попытки ее усовершенствования или осторожного демонтажа.

В интересующем нас плане, пожалуй, самым неожиданным и явно невоспроизводимым явилось чуть ли не всеобщее – заметное приблизительно до середины 1990 года – согласие с переменами или, по меньшей мере, отсутствие скольконибудь организованного сопротивления им. В опросных данных это выражалось в весьма высоких показателях поддержки (одобрения деятельности) М. Горбачева. Притом что направленность – да и управляемость – начатых перемен воспринималась населением довольно смутно.

Таблица 1

«Как бы Вы определили главную задачу, стоящую перед страной сегодня?»

(1989, % от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Все	Возраст, лет					
		До 20	20-30	30-40	40-50	50-60	60 и старше
Установить подлинную справедливость без привилегий и льгот	30	20	30	28	35	40	27
Возродить национальную культуру	8	12	9	6	4	6	8
Снять все запреты с предпринимательской деятельности и потолка с зарплаток	8	12	9	6	4	6	8
Обеспечить каждому народу право самостоятельно решать свою судьбу	6	12	8	6	4	2	5
Вернуть стране ее первенствующее положение в мире	5	5	5	5	4	2	7
Обеспечить народу материальное благополучие	40	36	45	40	41	35	41
Возвратиться на путь строительства подлинного социализма	11	8	12	15	10	9	10
Возродить деревню, сельское хозяйство, крестьянский уклад	32	12	22	25	37	44	42
Возродить моральные устои общества	14	13	12	13	14	14	17
Построить свободное демократическое общество	15	27	21	21	10	8	7

Как видим, представления о целях изменений в массовом сознании (как и в официальных декларациях того времени) были довольно смутными, преобладали все же умеренные ожидания совершенствования уже существующих порядков. Это вполне понятно: перестройке не предшествовало никакое идеологическое или программное размежевание. *Реальный* ориентир массовых настроений – ожидания чего-то неопределенно нового от лидера, которому поверили в данный момент. Ясного представления о тех же целях не было (по крайней мере, его не было недвусмысленно выражено) у первых лиц за все последние 15 лет². Что и позволяло им получать поддержку от самых разных направлений – от либерально-коммунистических до национал-патриотических и радикально-демократических. Так, из числа полностью одобрявших деятельность М. Горбачева (в июле 1991 года, незадолго до ее завершения; N = 1600 человек) почти половина (44%) хотели бы в будущем видеть Россию «демократическим социалистическим государством», 14% – «социал-демократическим» государством, примерно по 7% предпочли бы «сталинский» социализм или западный капитализм. Но и ожидания тогдашних сторонников Б. Ельцина, как будто жаждавших более решительных перемен, отличались лишь большим акцентом на «социал-демократическую» перспективу (26%) и несколько более распространенным (11%) западным вариантом. Кстати, если бы сторонники М. Горбачева знали в 1985 году, к чему приведут начатые перемены, их поддерживали бы (по данным того же опроса) только 39% (против 31%), а из сторонников Б. Ельцина – 29% (против

² Ясности на этот счет не существует и поныне. Согласно одному из исследований июля 2004 года (N = 1600 человек), 26% опрошенных считали наиболее подходящим для России «социализм советского типа (как был в СССР)», 22% – строй, сочетающий черты социализма и капитализма, и только 12% назвали капитализм западного типа. Реже указывались варианты «китайского» социализма (7%) и «соборного» строя на основе православия (4%).

46%). На первом плане опять оказывается доверие/недоверие (одобрение, надежды) по отношению к лидеру, а не оценка содержания перемен.

Динамика отношений к основным деятелям «первого акта» видна из сопоставления опросов 1988 и 1991 годов.

Таблица 2

Степень одобрения деятельности Горбачева, Ельцина и Сахарова, 1988 и 1991

(Декабрь 1988 года, N = 2480 человек; июль 1991 года, N = 2800 человек, % от числа опрошенных)

	1988			1991		
	Вполне	Не вполне	Не одобряю	Вполне	Не вполне	Не одобряю
М. Горбачев	52	32	7	16	41	32
Б. Ельцин	29	29	18	58	24	8
А. Сахаров	45	14	7	–	–	–

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Очевидно, произошла смена лидера общественных симпатий, общественного мнения, сами же симпатии (ожидания) остались прежними и столь же малоопределенными. Уровень мобилизации общественных надежд вокруг нового лидера на первых порах оказался чрезвычайно, невероятно высоким. В том же опросе июля 1991 года 94% респондентов из числа голосовавших месяцем раньше за Б. Ельцина выразили одобрение его деятельности (в том числе 78% – полностью одобряли), причем эти оценки могли означать в тот момент всего лишь высокое доверие к декларативным обещаниям. Главной чертой личности Б. Ельцина опрошенные летом 1991 года – значит, опираясь на те же декларации – сочли его «решительность». Тем болезненнее оказалось последующее разочарование.

Важно отметить, что смена адресата общественных надежд не привела к заметному общественному разлому: «перестроечная» часть политической элиты склонилась к поддержке Б. Ельцина, массовое сознание, следуя прежним образцам, признавало авторитет власти. Попытки организовать политическую оппозицию в 1990-1991 годах («Слово к народу» и пр.) не получили заметной поддержки. Сколько-нибудь значимого оппозиционного «меньшинства» не оказалось.

Но высокий уровень общественной поддержки лидера никогда не означал и – как сейчас видно – не означает «буквального» единодушия. Многочисленные опросные данные позволяют судить о довольно сложной структуре самого феномена такой поддержки.

Как видим, даже на пике своей политической карьеры (который, по данным опросов, пришелся на время ожиданий, т.е. на время до начала деятельности во главе государства) Б. Ельцин получал безоговорочную поддержку менее чем от половины голосовавших за него на президентских выборах в июне 1991 года, остальные сопроводили свою поддержку рядом условий и оговорок.

Правомерно предположить, что на любом уровне общей поддержки (одобрения деятельности, голосования «за») определенного лидера имеется некоторая шкала позиций сторонников (как и оппонентов). Иначе говоря, даже в моменты наиболее высоких ожиданий готовность полностью одобрить лидера выражает *меньшинство* его сторонников. В тех же случаях, когда «единодушное одобрение» выражают 80-90%, а то и 99% населения, – если, конечно, принять на веру подобные цифры – имеет место иной социально-политический феномен, что-то вроде демонстрации всеобщей верности лидеру или строю. В тоталитарных государствах такая массовая реакция может быть восторженной или испуганной, лицемерной или искренней («растворение» в массе как фактор безответственности и самооправдания человека), но она никогда и нигде не прибавляла устойчивости режиму.

Таблица 3

**«С какой оценкой деятельности Б. Ельцина
на посту президента России Вы бы скорее могли
согласиться?»**

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	1991, июль	1993, ноябрь	1996, март
Полностью разделяю его взгляды и позиции	30	7	4
Поддерживаю его до тех пор, пока он является лидером демократических сил	10	12	8
До сих пор он мне не очень нравился, но надеюсь что он будет полезен России в качестве президента	16	4	6
Поддерживаю за неимением других достойных кандидатов	14	15	12
Раньше он мне нравился, но в последнее время я в нем разочаровался	7	29	20
Я не являюсь его сторонником	8	16	30
Я считаю, что следовало бы голосовать за кого угодно, только не за него	3	6	11
Затрудняюсь ответить	12	11	9
Индекс «поддержки»*	52	-13	-31

* Разница «положительных» и «отрицательных» ответов.

Если попытаться кратко подвести итоги «первого акта», можно отметить, что на всем его протяжении сохраняла действие «советская» модель взаимодействия компонентов общественной структуры: квазиединая политическая элита и послушное, временами восторженно-послушное, «большинство» (причем отнюдь не большинство населения, а лишь субэлитарной его части – более образованной и политизированной, куда входили руководители, специалисты, т.е. те, кого ранее было принято относить к «активу»). Это значит, что никакого функционально значимого «меньшинства» и

«большинства» просто не существовало. Все переакцентировки происходили в рамках старой, монопольной структуры общества и общественного мнения. Соппротивление курсу М. Горбачева (как и позднее начальная оппозиция режиму и реформам Б. Ельцина) сложилось в результате внутреннего кризиса и разложения в лидирующей элите, точнее, в ее верхушке. Вынужденные обстоятельствами демократические шаги и декларации выводили на передний план закулису личных интриг и амбиций лидеров. «Массовая» жизнь всеми этими процессами была затронута в основном через нарастающий потребительский дефицит. В этих условиях серия уникальных «протодемократических» конкурентных выборов 1989-1991 годов (народных депутатов Союза, России, президента России) играла скорее демонстративную и мобилизующую роль, не оказывая прямого влияния ни на государственное управление, ни на расстановку политических сил.

Акт II: структуры разочарований и конфронтаций

Условные границы периода – с начала 1993 года до осени 1999-го. На этот период пришлось две волны исследования «Советский человек» (ноябрь 1994-го, январь 1999-го). Внешне это был период распада властной монополии, когда на политическую сцену вышли организованные силы оппозиций – сначала «умеренные» (Верховный Совет 1992-1993 годов), позже «левые» (коммунисты и патриоты); временами казалось, что президентская власть держится на волоске, а конфронтация с «левой» оппозицией превращается в борьбу без правил, доходящую до вооруженной, как в октябре 1993 года.

Однако на деле конфронтация ограничивалась столичной окол властной площадкой, «левая» оппозиция не сумела превратить широкое недовольство результатами реформ в организованный массовый протест. Демократически ориен-

тированные группы, не имея своей массовой базы, неизменно надеялись использовать свое влияние на власть или собственное участие в ее структурах, поэтому так и не смогли составить реальной оппозиции. Не менее значимой была и программная, идейная слабость оппозиционных сил. «Левая» (точнее, консервативно-патриотическая) оппозиция надеялась на реставрацию советских порядков, демократические силы – на воспроизведение ситуации перестроечных иллюзий, т.е. те и другие в значительной мере выражали утраченные надежды прошедших лет. Никаких стратегических альтернатив программам (на деле – прагматически-неуверенным шагам) власти никто всерьез не предлагал.

Политические конфронтации 90-х предельно обострились в середине периода, в 1995-1996 годах, когда влияние оппозиции и президентской власти в общественном мнении, как казалось, единственный раз практически сравнялись и наметилась возможность успеха КПРФ на президентских выборах. Один из уроков тогдашнего кризиса (за которым нам довелось внимательно следить³) – в принципиальной невозможности понимания политической ситуации в стране по анализу внешней, зримой на уровне общественного мнения стороне происходящих процессов. При отсутствии сложившегося общественно-политического поля главным их участником, основным «игроком» оставалась *государственная власть*. Поэтому реально противостоящими силами являлись не симпатии или потенциальные голоса партий, а власть (при всей своей слабости – а точнее, именно из-за собственной слабости – готовая использовать и силу, не считаясь ни с какими законами) и ее противники. И поэтому «равновесие» сил весны 1996 года было мнимым, было как бы результатом взвешивания на несуществующих весах.

Во второй половине 90-х определилась практика вынуж-

³ См.: Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М.: ВЦИОМ, 1996.

денных сделок между номинально реформаторской властью и консервативно настроенным парламентским большинством (в обеих палатах), губернаторами «красного пояса» и др. Определенную роль в поддержании такого рода сделок играла квазиоппозиция неизменно присутствовавшей на политической сцене партии В. Жириновского (сочетавшей демонстративную оппозиционность с «теневой» поддержкой власти). Но устойчивая система взаимных сдержек и противовесов, характерная для плюралистических или дуалистических парламентских государств, даже не начала складываться. Каждая «большая» сторона вынужденной сделки видела в ней всего лишь краткосрочную уступку противнику (миноритариев такая ситуация скорее устраивала, поскольку создавала им возможность существования). При более благоприятной для себя конъюнктуре – как мы это видели позже, в последнем из наблюдаемых актов – власть готова избавиться от всех следов таких уступок.

Побочным результатом всей серии сделок и конфронтаций служило сохранение атмосферы общественных прав и свобод на протяжении 90-х годов. Но отсюда же и слабость, ненадежность таких прав; последующее развитие эти характеристики неоднократно подтвердило.

Еще одно важное следствие «государственной» принадлежности российского политического поля – неспособность моделей политического спектра западного (европейского) типа с их противопоставлением «левого» и «правого» флангов. Отечественные «левые» – вчерашняя правящая бюрократия, более или менее удачно использовавшая в 90-х годах патриотически-популистские лозунги. Причем удачи эти как будто прямо обусловлены тем, что ни власть, ни демократы не могли – и даже не пытались, что по меньшей мере непростительно, – показать, что только развитая современная экономика способна обеспечить реальное улучшение жизни человека, работающего, пенсионера, учащихся и т.д. И тем самым как будто отдавали значительную

часть общественного мнения «левым».

Нуждается в объяснении один парадокс общественного мнения образца 1999 года. Весной этого года, согласно опросам, преобладало массовое осуждение войны в Чечне, более половины опрошенных одобрило бы объявление импичмента президенту Б. Ельцину за развязывание военных действий. Но осенью, после начала новой военной кампании, большинство ее поддержало. Это показывает, что на деле тогдашнее «антивоенное» большинство (которое составляли сторонники коммунистов и, отчасти, демократов) было настроено не столько против войны, сколько против президента; фактическая смена лидера изменила общественные настроения.

Именно в годы максимальной социально-политической неустойчивости были получены основные результаты экономических и социальных перемен – со всеми их плюсами и минусами, возможностями и ограниченностью. А также со всеми последствиями на «человеческом» уровне. Стали привычными – а значит, и не привлекающими особого внимания – исчезновение потребительского дефицита, частный бизнес, зарубежные поездки, конкурентные выборы, информационные свободы и пр.

В общем за 90-е годы – в совокупном итоге реформ и кризисов – «простой человек» не стал жить лучше, но стал жить *иначе*, вынужден был шаг за шагом приспосабливаться к новой социальной и экономической реальности. И очередной раз в отечественных условиях не сработала «классическая» (а точнее, кажущаяся таковой) модель соотношения экономических структур и демократии. Вынужденное приспособление к рыночной системе само по себе не порождает и не закрепляет демократические образцы общественного устройства. На деле в России было закреплено «лояльное» *отчуждение* «массового» человека от государства, от власти, от политики.

Весьма важный показатель этого типа отношений – распределение ответов на вопрос: «Чего не хватает человеку?»

Согласно исследованию 1989 года, 51% ответили, что человеку не хватает материального достатка, 11% – что не хватает политических прав. В опросе 1994 года (N = 2000 человек) первую позицию отметили уже 54% (в 1999 году – 68%, в 2003-м – 83%), а вторую – только 5% (в 1999-м – 2%). Если воспользоваться историческими формулами, можно сказать, что «нашему» человеку, по его собственному признанию, не хватает скорее «севрюжины с хреном», чем «конституции»...

Другой показатель в том же ряду – суждения об ответственности человека по отношению к институтам и событиям.

Таблица 4

«Несет ли человек моральную ответственность...»
(% от числа опрошенных)

	1989	1994	1999	2003
За действия своего правительства				
Безусловно	14	8	9	11
В какой-то мере	29	31	31	35
Не несет	37	42	43	44
За происходящие в стране события				
Безусловно	22	9	10	12
В какой-то мере	42	35	40	45
Не несет	17	33	27	33

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Очевидный вывод из данных *таблицы 4*: с 1994 года отмечается формирование «отчужденного» типа отношений между человеком и государством, который сохраняется, даже рутинизируется, несмотря на некоторый прилив статистических ресурсов за последний период. С этим в определенной мере связано и негативное отношение к политике, политикам, политическому выбору. 50% опрошенных в 1999 году по программе «Советский человек» утверждали, что выборы,

происходящие в последние годы, скорее «раскалывают» общество, чем сплачивают его. По мнению 40%, многопартийные выборы принесли России больше вреда, чем пользы. Не согласны с таким суждением 29%, причем они составляют большинство только среди тех, кто моложе 30 лет, среди избирателей СПС и «Яблока». Почти две трети (61%) сочли «слишком большим» влияние политиков в нашем обществе. И одновременно 50% (против 8%) оценили влияние армии в обществе как «слишком малое», 37% (против 16%) таким же образом оценили влияние органов госбезопасности.

Разочарование явилось практически всеобщим, притом не только в том смысле, что оно охватило все слои населения, но и в том, что его адресатами оказались и власть (президент Б. Ельцин), и все реформаторы и сторонники реформ, да и все многообразные участники декларативной оппозиции. «Победителей» просто не оказалось. В этом, видимо, одна из причин широко распространившейся готовности обратиться надежды не на лица и партии, а на сохранившиеся структуры старого порядка. Нетрудно заметить, что распределение общественных симпатий к началу 1999 года выглядит как ожидание «сильной власти», в которой опорой для нее являлись бы армия и службы безопасности. Иначе говоря, общественное мнение было как будто готово к пришествию В. Путина задолго до того, как узнало его имя.

Здесь нужна существенная оговорка. Всякий анализ динамического ряда событий, совершаемый, естественно, задним числом, постфактум, имплицитно содержит некий соблазн исторического фатализма, т.е. установки на предопределенность, «предзаданность» наблюдаемого результата. В данном случае вопрос заключается в том, существовала ли альтернатива варианту социально-политического развития, начавшегося в конце 1999 года – в ситуации фактически всеобщего кризиса, глубина которого стала видна позже. В принципе из каждой ситуации, видимо, существуют различные выходы, более или менее вероятные, в разной мере под-

готовленные, заметные, популярные и т.д. в данный момент. А уже от соотношения действующих сил, в том числе и личностных (лидерских), зависит, какой из вариантов исторического сценария и как именно реализуется. Можно заметить, например, что в годы «перестроечного» перелома благодаря уникальному сочетанию сил и обстоятельств реализовался самый маловероятный, а потому никем не ожидавшийся сценарий. По сравнению с ним следующий перелом, 1991-1992 годов, был уже более вероятным и более ожидаемым. «Путинский» же сценарий казался весьма вероятным, по крайней мере, с середины 90-х. Альтернативу ему могла бы создать влиятельная оппозиция тогдашней власти – то ли демократическая, то ли консервативная («левая»), опирающаяся на солидное, значимое «меньшинство». Но, как мы уже видели, такой силы в стране просто не было. Отсюда – видимая безальтернативность перелома 1999-2000 годов.

Акт III: структура «безальтернативной» поддержки

Исследование 2003 года и последующие опросы показали принципиальные изменения на российской общественно-политической сцене, в том числе в характере политического лидерства и структур поддержки. За отмеченным ранее «всеобщим» разочарованием в политике и политиках последовала все более полная замена политических механизмов и ресурсов власти административными⁴. Одним из результатов этих изменений стала деградация политической оппозиции всех типов, теряющей не только парламентские места, но и свою роль в государственной системе.

Выборы в Думу в декабре 2003 года знаменовали решающую победу административных структур над политическими. Успех государственной (президентской) партии

⁴ См. статью «Свобода от выбора? Постэлекторальные сопоставления» в настоящей книге.

«Единая Россия» был обеспечен преимущественно использованием административных ресурсов, прежде всего – официальной поддержкой со стороны президентских структур и лично президента. При этом партии нового думского большинства не требовалось предъявить избирателям какой-то более привлекательной программы действий по сравнению с программами (или лозунгами) оппозиционных сил; произошло простое присвоение чужих идей и терминов, которое лишило оппозицию собственного идейного багажа. Соблазн получить реальную прибавку к зарплате или пенсии оказался сильнее «протестных» стимулов.

Согласно данным четвертой волны программы «Советский человек» (2003), 50% опрошенных считали, что люди в России больше всего ждут от власти «заботы о материальном благополучии граждан», 20% упомянули ожидание «поддержания порядка», 10% – «охраны законных прав и свобод». (Значительно меньше, 5%, отмечали ожидания снижения налогов; по мнению 4%, граждане ждали лишь того, «чтобы их оставили в покое», а 10% полагали, что люди от власти «ничего особенного не ждут».) Следует отметить, что приведенная выше иерархия приоритетов ожиданий свойственна всем возрастам и электоратам всех без исключения партий, представленных на тот момент в Думе. Понятно, что таким ожиданиям скорее соответствует не плюралистическая демократия, а патерналистская (по крайней мере, по своим декларативным намерениям) система с единой вертикалью власти, безальтернативностью правящей верхушки и пр.

Сходство с образцами не столь далекого прошлого очевидно. Вопрос в том, насколько действенной является или может являться такая имитация. Ведь ни идейного, ни репрессивного, ни массово-эмоционального механизмов поддержания былого «единодушного одобрения» власти и лидера не существует. Так, в августе 2004 года (N = 1600 человек) 68% опрошенных «в целом» одобряли деятельность президента, но 30% ее не одобряли. При общем весьма высоком

уровне доверия к президенту (те же 68%) полностью доверяли ему 11%, не доверяли 27%. Если взять показатели эмоционального отношения к В. Путину, то явно позитивные чувства (восхищение, симпатии) испытывали 29%, сдержанные (не могут сказать ничего плохого о нем, нейтральные, настороженные) – 59%, негативные (ничего хорошего, антипатия, отвращение) – 9%. Довольно сложная, многоступенчатая структура поддержки первого лица в динамике последних лет представлена в *таблице 5*.

Таблица 5

«С какой оценкой деятельности В. Путина на посту президента России Вы бы скорее могли согласиться?»

(N = 1600 человек; % от числа опрошенных)

	2001, май	2002, май	2003, декабрь	2004, июль
Полностью разделяю его взгляды и позиции	19	17	28	13
Поддерживаю его до тех пор, пока он является лидером демократических сил	28	27	25	30
До сих пор он мне не очень нравился, но надеюсь, что он будет полезен России в качестве президента	9	10	9	6
Поддерживаю за неимением других достойных кандидатов	17	18	19	19
Раньше он мне нравился, но в последнее время я в нем разочаровался	10	7	8	11
Я не являюсь его сторонником	10	12	7	14
Я считаю, что следовало бы голосовать за кого угодно, только не за него	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	6	8	3	7
Индекс «поддержки»*	52	52	65	42

* Разница между «положительными» и «отрицательными» ответами.

Таким образом, за исключением момента предвыборного накала массовых эмоций, преобладает условная поддержка президента, а доля отказывающихся от нее составляет от одной пятой до одной четвертой всех опрошенных. Кстати, в августе 2004 года (N = 1600 человек) даже среди избирателей президентской партии, «единороссов», только 26% заявили, что полностью разделяют позиции В. Путина, а 20% – что поддерживают его за неимением других достойных деятелей. А из полностью доверяющих президенту (таких, напомним, 11%) безусловно поддерживает его половина (50%), 31% – пока он считается лидером демократов, 9% – за отсутствием других достойных. Из числа же «скорее доверяющих» президенту (их 57%) полностью согласны с ним – 12%, с упомянутым условием – 42%, за отсутствием других деятелей – 24%. Если же обратиться к показателям одобрения деятельности В. Путина, оказывается, что в августе 2004 года из числа «одобряющих» полностью разделяют его позиции 13%, условно – 39%, а 10% вообще отказали президенту в поддержке. Получается, что и «одобрение деятельности» президента оказывается сложным, имеет свою многоступенчатую структуру. Одобрят «в целом» чаще, чем разделяют взгляды, чаще, чем доверяют. И, добавим, значительно чаще, чем видят успехи В. Путина в различных областях деятельности – от наведения порядка в стране до решения чеченской проблемы (соответствующие данные неоднократно публиковались).

Таким образом, отсутствие видимой *внешней* конкуренции не порождает «единодушного одобрения». В этом можно усматривать существенное отличие нынешней, имитационной модели массовой поддержки лидера от тоталитарной. Если вообразить – в порядке мысленного эксперимента – возможность массовых опросов в классические советские времена, то показатели рейтингов одобрения наверняка не отличались бы от результатов всенародных голосований, – причем не из-за всеобщего страха или организованной фальсификации данных, а просто потому, что в общественном

мнении отсутствовала модель условного одобрения, сомнения, отстранения и пр.

Объяснить же высокий (при всей тенденции к некоторому снижению, заметной в последние месяцы) уровень одобрения «в целом» деятельности президента можно, видимо, прежде всего уже упомянутым фактором «безальтернативности», отсутствием реальных конкурентов. А сам этот фактор, как приходилось писать ранее, обусловлен природой административного механизма власти, который исключает конкуренцию личностей и стратегий; в этом смысле позиция первого лица в системе всегда «исключительна».

По той же системной причине не столь уж малое число (20-30%, иногда и более) не одобряющих, не поддерживающих, не доверяющих и т.д. не составляет политически значимого «меньшинства» и не создает в нынешних условиях базы для реально значимой оппозиции. Реальный политический плюрализм, предполагающий систему взаимодействия «большинства» и «меньшинства» (точнее, наличие определенного набора или спектра «меньшинств», способных стать «большинством» или влиять на него), возможен только вне административной системы государственного управления.

Вместо заключения

Проблема «большинства» и «меньшинства» в обществе – не социально-арифметическая, а социально-политическая. Там, где в общественной жизни нет *значимого* меньшинства, где не слышен голос отдельного человека, не существует и «большинства». Всякого рода тирании и диктатуры в давнем и недавнем прошлом могли получать поддержку *толпы* (хотя опирались не на толпу, а на организованный слой преторианцев, опричников и т.п.). В толпе же – разгневанной, восторженной или напуганной – по определению *невозможно ни меньшинство, ни большинство*, там можно либо поступать «как все», либо быть раздавленным этими «всеми».

Единственный голос, который слышен в толпе, – призывный клич вожака. Конечно, сопоставлять общество, тем более современное, с толпой правомерно лишь с большой долей условности, на модельном уровне. Лет полтораста тому назад один радикальный публицист (Н. Добролюбов) с гневом и печалью писал, что, если бы на десять тысяч «дураков» нашлся один «умный», «все развалилось бы в двадцать четыре часа». Понятно, что речь шла о степени послушания режиму и правителю, на современном социологическом языке – о структуре поддержки; цифры же имели смысл сугубо метафорический. Времена меняются, нерешенные задачи остаются. В том числе – социально-историческая задача формирования общественных структур, в которых имели бы значение и большинство, и меньшинство, и отдельная личность.

«Вестник...» 2004. № 5

«ЧЕЛОВЕК ОБЫКНОВЕННЫЙ» В ДВУХ СОСТОЯНИЯХ

Поддержанию теоретического интереса к теме социального типа человека способствуют перипетии сугубо практического, событийного плана: образ человека ушедшей эпохи – на различных его уровнях – не только не уходит со сцены, но порой приобретает новые значения. Ссылки на этот образ («нашего человека», «совка», «русского человека» – «чего от него ждать?» или «что же с ним можно сделать?» и т.п.) нередко исполняют в обществе функцию оправдания сложившейся тупиковой социально-политической ситуации. Многие данные текущих опросов общественного мнения можно использовать для подтверждения тезиса о том, что именно эта ситуация соответствует интересам «большинства». Ранее приходилось рассматривать сомнительность самой аргументации в парадигме «большинства» и «меньшинства»¹. Но другая слабость, если не порочность, «социологического» оправдания действительности – в игнорировании условий сохранения, воспроизводства (и использования) получаемого в опросах образа человека. Только в последнее время становится более или менее ясно, в какой мере эти условия сохраняются или трансформируются в обстановке социальной нестабильности, как меняются функции демонстративных и латентных факторов, «большинства» и «меньшинства».

«Обыкновенность» человека: рамки и переходы

В контексте различных исследовательских задач используются различные варианты определений и классификаций типов социального человека. В частности, такие термины, как «массовый», «простой», «средний», обозначают, что предметом внимания является неспециализированный, не-

¹ См. статью «О "большинстве" и "меньшинстве"» в настоящей книге.

элитарный, неисключительный тип и т.д. В настоящей статье делается попытка рассмотреть тот же по существу предмет исследования под другим углом зрения – не содержания, а скорее *состояния*. Обыкновенное состояние человека следует ограничить от состояния *возбужденного* (напряженного, экстраординарного). Обыкновенное не сводится к «повседневному», так как с необходимостью предполагает функциональное взаимодействие будничного и праздничного, ритуального и инструментального, трагического и иронического и прочих начал или сфер жизни человеческой. Поэтому же несводимо оно и к «обычному» (возникают ненужные аналогии с обычаем, обычным правом и пр.). Нельзя описывать «человека обыкновенного» как меньшинство, большинство, часть и т.п. – это «все», но в определенном состоянии (или – соотношении компонентов), за довольно редким исключением одержимых собственным величием политических маньяков и их фанатичных поклонников. Это те самые «все», которые более или менее удачно (а чаще – просто привычно или по примеру окружающих) сочетают «дружбу» и «службу», обязанности и привязанности в различных сферах, отнюдь не противопоставляя их друг другу. Которые при определенных обстоятельствах могут выходить из состояния обыденности, отдаваясь волнам массового страха, восторга, ненависти, поклонения или какого-то безудержного увлечения (соблюдая принципы аналитической объективности, стоит остерегаться описания таких *фазовых* переходов как подъема или, наоборот, падения). И каждый раз возвращаются из особого («возбужденного», чрезвычайного) состояния к обыкновенному.

Применимо же представленное различие состояний не только к социальному типу человека, но также к типам *общества* или социального *времени* (периодам). Бывают времена напряженные (жертвенные, трагические и пр. – все это можно представить как варианты «мобилизационных» состояний) и времена обыкновенные, когда подвиги не требу-

ются, а жертвы воспринимаются как случайные и огорчительные потери.

В напряженные времена от «человека обыкновенного» требуют того, на что он в принципе не способен, поэтому его пытаются унижать, пугать, ломать, понуждая его хотя бы сделать вид, что он готов к подвигам и жертвам, точнее, к страданиям и потерям. (А он стремится лишь к тому, чтобы уцелеть в невозможных условиях.) В переходные, «разоблачительные» эпохи становится общепризнанным, что значительная часть подвигов сочинена, а позорные потери выданы за искупительные жертвы. Во времена обыкновенные все виды принудительной напряженности уходят в мифологическую память, а деятели, претендующие – по должности – на великие свершения, выдают себя за простых парней «как все». Опыт избирательных и тому подобных имиджевых кампаний в разных странах дает множество поясняющих примеров (ср. недавнее заявление российского лидера об отсутствии намерений выдавать себя за выдающегося деятеля века...).

«Смещение» времен, о котором идет речь, многократно создавало – и постоянно воссоздает вновь – почву для *имитационных* структур деятельности, соответствующих символов и персонажей. По мере того как откладывается в туманное будущее формирование общественной системы, способной к «социальному самовоспроизводству», в том числе к воспроизводству моральных и эмоциональных факторов собственного существования (например, надежд и доверия в отношении социальных институтов, властной иерархии, ее функционеров), неизбежно усиливается соблазн использования имитативных структур, легитимации существующих порядков с помощью символов исторической мифологии, апеллирующих к «великому (чаще – легендарному) прошлому» и т.п. Результатом, впрочем, оказывается также сугубо имитативная конструкция – самооправдание для какой-то части высшей элиты, которое даже она сама не принимает всерьез

(функциональная аналогия «платья» известной коронованной особы). Оказавшись в пограничном слое между вызовами реальности и навязанными иллюзиями, «человек обыкновенный» чаще всего предпочитает лукавую и, в принципе, бесперспективную позицию – не перечить, но и не принимать всерьез то, что ему предложено в качестве имитации священных символов, опор или прикрытий. Можно сформулировать содержание такого приема в более строгих терминах: определение собственной ситуации через отдаление человека от центральных (или болевых, напряженных) локусов системы социальных значений. Или, перефразируя известную фольклорную формулу: «человек обыкновенный» обыкновенно (т.е. в «нормальной» для него ситуации) ищет, где спокойнее, и эту позицию признает «лучшей».

«Близкое» и «далекое» как параметры социального расстояния

Характеризовать относительное расположение социальных феноменов, видимо, можно по-разному, учитывая варианты долгосрочных и кратковременных интересов в соответствующих условиях и пр. Один из приемлемых подходов – оценка («измерение») расстояния рассматриваемой позиции от позиции, «близкой» для человека.

Два примера. «Вторая чеченская» начиналась, как известно, под массовые аплодисменты, как решительная, но далекая от «человека обыкновенного» акция обновленной власти; массовое участие и массовые жертвы (со «своей» стороны, – а по опросным данным, людей только она и волнует) не предполагались. Когда же по обоим этим показателям война оказалась все более близкой (а ее успех – все более далеким), критерии и оценки бесповоротно изменились, поскольку военные действия стали восприниматься в плане «своих» жертв и «своей» боли, – не говоря уже о почти повсеместном страхе перед новой, террористической опасностью. Немалая часть российского населения переживает чеченский опыт как

непосредственно личный (сами или их близкие прошли через эту войну). Эту ситуацию *приближения* в принципе не изменило превращение переживаний, связанных с чеченской войной, в привычные – произошла своего рода смена острой боли хронической.

Противоположное направление смещения значений – *отстранение* – обнаружило развитие событий вокруг ЮКОСа и его руководства в 2003-2004 годах. Осенью 2003-го арест М. Ходорковского вызвал чуть ли не шоковую реакцию – недоумение, возмущение – примерно у половины опрошенных, а предстоящий суд над крупнейшим бизнесменом страны чаще оценивался как несправедливый и преимущественно политически мотивированный. Спустя несколько месяцев ситуация явно изменилась, большинство опрошенных обнаружило готовность признать преследование компании экономически обоснованным, а суд – справедливым. Как известно, и в политически ангажированном слое, и даже в бизнес-элите первоначальные голоса протеста практически смолкли. В числе факторов такой перемены – установившееся за последнее время представление о том, что давление власти направлено лишь на одну неугодную компанию, а потому вся эта история разворачивается *далеко* от жизни интересующего нас персонажа, «человека обыкновенного», к какому бы общественному слою он ни принадлежал. Судя по опросным данным, эта позиция непоследовательна и неустойчива, время от времени она уступает место сомнениям, подозрениям – например, о том, что разорение ЮКОСа принесет пользу лишь чиновникам и кучке близких к власти дельцов, или о том, что за «делом» М. Ходорковского последует череда аналогичных операций против бизнеса. Скорее всего, в данной ситуации процедура отстранения приводит к позиции упования, надежды (известно, впрочем, что как раз массовые надежды оказываются самым прочным опорным камнем социального доверия и поддержки политических авторитетов).

Прямые и косвенные последствия процедуры отстранения

многообразны. Отграничение «ближнего» круга социальной жизни от «дальнего» отделяет сферу непосредственного влияния или воздействия человека, т.е. того, что он способен изменить, от сферы (институтов, организаций, авторитетов), к которой он может лишь приспособиться. Или, иными словами, область его непосредственного личного действия и область его «зрительского» соучастия в процессах и событиях, на которые он влиять не может. (Вне пределов своего профессионального или специализированного, статусного и тому подобного действия любой и каждый человек выступает как «человек обыкновенный» и в «больших» делах принимает участие как «зритель».) Такое разделение подкрепляется принципиальным отличием информационных источников, которыми человек пользуется: в первом случае это собственный опыт, во втором – все более могущественная масскоммуникативная сеть.

Замыкание человека в собственном «малом» мире – важная предпосылка, с одной стороны, его адаптации к социальной реальности, а с другой – его изоляции в кругу собственных дел и интересов. (Точнее, пожалуй, это *такая* адаптация, которая неизбежно предполагает изоляцию.) Никакие экономические, потребительские, информационные, даже политические возможности, обретенные за последние полтора десятка лет, принципиально не изменили такого положения. Безразличное и безропотное принятие большинством населения «авторитарных» сдвигов последнего времени лишний раз это подтверждает. В какой-то мере подобная ситуация универсальна для любого современного массового общества, где человек со своим «малым» миром семьи-работы-досуга связан с «большой» социально-политической реальностью через аналогичную систему массмедиа. «Наш» вариант – это безальтернативные массмедиа, это люди, не привыкшие фильтровать и оценивать приходящую информацию. А главное же – изолированный человек, инкапсулированный в своем мире, не принимает гражданской ответственности за

«происходящее в стране» и не только не готов, но и не испытывает склонности к гражданскому, коллективно-ответственному действию. Это прямое наследие советского, тоталитарного периода, которое как будто сохранилось в «первозданном» виде – за одним, правда, исключением: рассеялся, и, видимо, безвозвратно, тот универсальный страх, который допускал лишь один вид коллективного поведения – коллективное заложничество (если «все» считаются ответственными «за одного», это означает, что «все» принуждены, вынуждены и заранее готовы ради собственного спасения этого «одного» выдать и растоптать...). Сегодня кажется, что *такой* страх снят, а «менее страшные» опасения стать объектом произвола, угрожающего карьере или благополучию, к *таким* последствиям не ведут, не могут вести. Но главный результат советского антигражданского, антиколлективистского воспитания – «человек изолированный» (и даже самодостаточный в своей изолированности) – устойчиво сохраняется и вне атмосферы всеобщего устрашения.

Свое и чужое

Свое и чужое – важнейшие категории самоопределения человека. Их не стоит смешивать с оппозициями «близкого – далекого» или «хорошего – плохого». «Свое» может выглядеть и отрицательным, а возможно и далеким, чужое – быть предметом восхищения или зависти и т.п. Но в любом случае «свое» (генетически «фамильное») оценивается по иным правилам, в другой системе координат, чем какое бы то ни было «чужое». Параметры такого разделения, простые и понятные в традиционных обществах, в условиях модернизационных перемен и растущей взаимосвязанности регионов, народов, культурных систем становятся размытыми и проблемными, но сохраняют свое значение для многих людей и сообществ.

Нельзя упускать из виду, однако, что это отчуждение не-

редко является прямым или косвенным следствием *вынужденных* процессов реального (миграционного, экономического, культурного) сближения, взаимодействия, взаимной ассимиляции (если понимать этот термин в буквальном смысле, как уподобление) людей и групп – процессов, которые приняли лавинный характер после разрушения многих локальных и социальных рамок советской системы, ее закрытой экономики и пр. Понятно, что реакция на эти процессы, стремление сохранить в неприкосновенности привычные формы локальной или этнической идентичности также могут рассматриваться как неизбежная характеристика этой ситуации. Притом что ни власть, ни общество (как элиты, так и «массы», причем со всех сторон) не готовы и не способны к «нормальному», т.е. цивилизованному, решению возникающих проблем. В том числе, к преодолению этнических фобий. В итоге действующей фигурой остается «человек обыкновенный», растерянный, не имеющий за душой (в культурном багаже) ничего, кроме утративших свою эффективность стереотипов. А потому вынужденный мучительно трудно, с постоянными срывами и катаклизмами приспосабливаться к изменяющейся обстановке (или столь же трудно сопротивляться ей).

Не происходит ли нечто подобное и с «*государственно чужими*», т.е. с новыми (да и «старыми») иностранцами? При всех существующих – и особенно декларируемых – барьерах, в истории России еще не было столь тесных контактов с «дальним Западом», в том числе на межличностном уровне. Отсюда и практическая актуальность многосторонней проблемы сближения/отдаления или контактов/изоляции в этом плане.

Один из показательных поворотов темы «своих и чужих» в сегодняшнем общественном (да и в официальном) мнении – представления о необходимости неких обязательных ограничений для «своих». Так, неприязненное, если не сказать «агрессивное» отношение к недавним переменам в Украине

явно обусловлено укорененным образом этой страны и ее народа как «своих», которым «не положено» быть самостоятельными или проявлять реальное стремление к сближению с Европой.

Новые комплексы «врага»?

В социально-политической мифологии мобилизационного общества, советского и, в значительной мере, постсоветского, образ «врага», как известно, занимал не менее важное место, чем противопоставленные ему образы «героя», «жертвы» и т.п.² Очевидным «достижением» последнего политического периода, согласно опросам, можно считать обновление общественного внимания к этому образу: по исследованию 1999 года (N = 2000 человек), 65% опрошенных (против 14%), а в 2003-м (N = 2000 человек) – уже 77% (против 9%) отмечали, что у сегодняшней России «есть враги». Причем из молодых, до 20 лет, признавали их существование 74%, а из 50-летних – 82%.

Но в последние месяцы, особенно в конвульсивной политической риторике после Беслана (сентябрь 2004 года), вариации образа врага приобрели новые смыслы: как будто после весьма долгого – более чем пятидесятилетнего – перерыва поднялись на официозную поверхность темы «мирового заговора» против нашей страны, внутренних врагов, «предателей России». Вопросы о том, насколько обоснованны или с какими целями используются такие инвективы, разумеется, не входят в рамки исследования общественного мнения. Но весьма важно представить, кто сейчас готов воспринять – и *насколько серьезно* воспринять – давно испытанную терминологию как средство объяснения современных кризисных ситуаций.

В конце сентября 2004 года (N = 1600 человек) почти по-

² См.: Гудков Л. Идеологема «врага» // Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997-2002 годов. М., 2004.

ловина опрошенных (45% против 39%), следуя официальным декларациям, усмотрела существование «мирового заговора против России». Но различия в позициях возрастных групп оказались довольно значимыми: так, среди самых молодых, до 25 лет, соотношение мнений верящих и не верящих в «заговор» составило 37:46, а у пожилых, 55 лет и старше, – 44:32. Если же взять «партийный» расклад мнений (по намерениям голосовать на будущих выборах), то получается, что наибольшей готовностью поверить в заговор отличаются избиратели «Родины» (66:25) и КПРФ (61:30), скорее не верят в него – что примечательно – в электорате «единороссов» (39:48) и, конечно, менее всего принимают эту версию потенциальные избиратели «демократического блока» (16:66). Из тех, кто «очень хорошо», относится к США, признают мировой заговор 37% против 49%, а из тех, кто обозначает свое отношение к этой державе как «очень плохое» – 79% против 15%. Наконец, может быть, наиболее показательно, что из одобряющих деятельность В. Путина принимают или не принимают идею заговора одинаково часто (41:42), а из не одобряющих – значительно чаще ее признают (58:31).

Это значит, что тема «мирового заговора» по-прежнему близка преимущественно людям старших возрастов, людям «советской» закалки, тем, кто испытывает ностальгию по старым временам, в том числе по установкам идеологического противостояния. Именно эти группы, как и ранее, составляют привычную опору консервативной оппозиции нынешнему режиму. Кстати, именно по этим группам пришелся «антильготный» удар в начале 2005 года – тем самым власть лишилась возможности найти в них опору. А на собственно путинский электорат эта тема, вброшенная «сверху» и активно распространяемая молодежным авангардом режима («Идущие вместе», «Молодежное единство»), воздействует значительно слабее. Поэтому, должно быть, и не видно сегодня в обществе сколько-нибудь массовой кампании («уроков ненависти», согласно известной формуле) против новоявлен-

ных «врагов», как не заметно и изменения общего отношения к предполагаемым центрам «заговора» (США, «Западу»).

В социологическом плане важна, разумеется, не сама по себе конструкция образа «врага», а его *функция* в общественных настроениях и общественном мнении. В определенных условиях, например под влиянием тяжелых поражений (как в начале войны в 1941 году), этот образ может оказаться пугающим, сеющим панику, дезорганизующим. Понятно, что современные идеологические «технологи» рассчитывают на такой имидж неприятелей, который исполнял бы иную, *мобилизующую* роль (т.е. на превращение массовых эмоций страха в организованную ненависть по отношению к врагу и готовность безоговорочно подчиниться военной или государственной дисциплине, жертвуя личными интересами; аналогии с событиями военных и последовавших за ними лет очевидны). Но если «мобилизация ненависти» в борьбе с таким противником, как сегодняшний чеченский сепаратизм, в определенной мере еще связана с надеждами на успех (правда, в общественном мнении в такой успех верят все меньше), то призывы к противостоянию «всемирному заговору» очевидно рассчитаны не на победу над врагом, а только на *внутреннее* потребление, на социальную мобилизацию ради решения каких-то внутривластных или даже внутрикласовых задач.

Стоит обратить внимание на то, что терминология «всемирного антироссийского заговора» как будто приходит на смену бытовавшим в последние годы, после сентября 2001 года, ссылок на «мировой терроризм». (По исследованию 2003 года, N = 2000 человек, 61% указал на «международных террористов» как на врагов России.) В этом есть своя логика: «мировой терроризм» для российского человека и власти – некая космополитическая абстракция, создававшая видимость единения России с Западом – единения скорее внешне-го, пригодного лишь для использования на уровне саммит-дипломатии и т.п. Как источники, так и адресаты угрозы ос-

таются анонимными, далекими от привычных образов. Кроме того, концепция мирового терроризма предполагает довольно рискованную для российского руководства линию международной легитимизации чеченской войны (международные корни – международное посредничество – международный контроль и т.д. – вплоть до международного трибунала по военным преступлениям). Неудивительно, что на отечественной политической почве такое направление мысли привиться не могло. А «всемирный антироссийский заговор» – совсем иная, традиционная, знакомая идеологическая конструкция; ее адресат понятен, а основные элементы, хотя еще и не названы поименно, очевидны – тот же «Запад», США, «финансово-промышленные круги» (т.е. та же «мировая буржуазия»). Но, как мы уже видели, эта конструкция приемлема в основном не для сегодняшних, а для «вчерашних» общественных слоев. Можно, правда, предположить, что идея «заговора» появилась в рамках подготовки следующего, условно говоря, «послепутинского» политического варианта; проблема его осуществимости нуждается в особом рассмотрении.

Традиционной составной частью концепции мирового заговора служит представление о «внутренних врагах» («предателях», поддерживаемых зарубежными силами во вред нашей стране и ее военным акциям). Между тем значительного резонанса в общественном мнении такие суждения не получают. Согласно данным одного из опросов (ноябрь 2004 года, N = 1600 человек), около 40% одобряют действия политиков и общественных деятелей, выступающих за переговоры с чеченскими боевиками, 12% считают их призывы к переговорам вредными для страны, но только 6% склонно видеть в таких людях «предателей и врагов России». (Такой взгляд разделяют всего 2% среди самых молодых, но 9% в 25-39 лет; по партийным электоратам – 18% сторонников ЛДПР, 16% – «Родины», как ни странно, 11% – СПС, но всего 2% – КПРФ и 5% – «Единой России».) А попытку Комите-

та солдатских матерей установить контакт с представителями противоборствующей стороны одобрили тогда же 64% опрошенных.

Чаще всего в 2003 году (N = 2000 человек) в качестве врагов страны упоминались чеченские боевики (69%), что не удивительно. Удивительным – а значит, требующим анализа – можно считать то, что после Беслана не был отмечен резкий всплеск воинственных настроений, сравнимый, например, с тем, который наблюдался после событий на Дубровке в 2002 году. Тогда почти на 20% уменьшилось число сторонников мирных переговоров, а доля сторонников продолжения военных действий возросла примерно в той же мере, так что на короткое время их позиции стали преобладающими. А после трагических событий в Беслане аналогичные изменения общественных настроений оказались заметно более слабыми: если в августе соотношение сторонников войны и переговоров составляло 21:68, то в сентябре – 32:55, т.е. сохранился значительный перевес установок на мирный выход из положения. В октябре 2003 года (N = 1600 человек) чувства «ненависти, мести» по отношению к чеченцам испытывали 24% опрошенных, не испытывали 69%; в октябре 2004-го (N = 1600 человек) – 29:57. Такой рост негативных установок уместно оценить как довольно сдержанный.

Очевидно, что патриотической мобилизации общественных настроений – сопоставимых с такой, которая отмечалась в США сразу после террористической атаки и сентября 2001 года («равнение на флаг»), – в России после серии терактов лета и осени 2004-го *не произошло*. Если полагать, что декларации, прозвучавшие как бы в ответ на бесланские вызовы, были рассчитаны на непосредственный массовый эффект, то в их действенности следует усомниться. «Человек обыкновенный» не был охвачен ни ненавидящей яростью, ни восторгом повинения, иначе говоря, не перешел из обычного состояния в возбужденное. Но нуждалась ли власть в таком переходе (или, скажем осторожнее, имела ли основания рас-

считывать на такую возможность)? Правомерно предположить, что реальной целью как будто мобилизующих акций и деклараций служит отнюдь не взвинчивание социальной атмосферы и перевод общественных настроений в фазу напряженности, возбуждения, а всего лишь *имитация* такого перехода, которая служила бы прикрытием – и признанием – собственной неспособности найти реальный выход из созданных за последние годы тупиков. В пользу такого предположения свидетельствуют и упомянутые выше воинственные демонстрации юных послушников власти.

Возникает таким образом весьма интересная в аналитическом плане проблема соотношения и взаимных переходов «прагматических» и символических (ритуальных, имитационных, коммеморативных и пр.) состояний или акций. Такое соотношение методологически удобно рассматривать в рамках смены фаз в процессах, которые можно обозначить, несколько расширяя классическую терминологию, как «рутинизация».

Рутинизация: прагматические и символические аспекты

В рамках терминологии, использованной в настоящей статье, к рутинизации можно относить, например, процессы перехода от возбужденного («героического») состояния общества к обычному, «рутинному».

Динамическая структура процессов такого типа предполагает переоценку как практических ожиданий (прагматики), так и символических облачений социального действия. Как отмечалось выше, в «героические» периоды общественных переломов происходит трансформация общественных ожиданий, представлений о социальных институтах и лидерах, о самих переменных, о противостоящих силах, о собственных потерях и достижениях и т.д. – по канонам социальной мифологии. В результате, скажем, изменения во властвующих элитах представляются переворотом исторического масшта-

ба, высокопоставленные чиновники – лидерами нации, облаченными (массовым воображением при поддержке масскоммуникативного понуждения) в тогу легендарных героев-спасителей, оппоненты и скептики приобретают значения «заклятых» врагов или их «пособников», а последствия хаоса и некомпетентности выдаются за жертвы, приносимые на алтарь будущих успехов. В той или иной форме и в различных масштабах – от гипертрофированных до пародийных – такой набор семиотических признаков обнаруживался в начале каждого значимого периода минувшего столетия, в дальнейшем происходила его деформация и переоценка, своего рода «обратный отсчет» социального времени (правда, неспособный воспроизвести пройденные этапы в их целостности). С чем-то подобным приходится сталкиваться и в последнее время.

Расставание общества (как и отдельного человека) со своими иллюзиями, как показывают исторический опыт и современные наблюдения, простым не бывает. Так, расставание общества (прежде всего его интеллектуально-политизированной элиты) с иллюзиями коммунизма заняло десятилетия, происходило в несколько этапов, с романтикой перестройки прощались не столь долго, но тоже не просто. Трансформацию ожиданий и символов последующего периода еще предстоит изучать обстоятельно.

Во всех случаях пути трансформации прагматических и символических компонентов расходились. Уровень практических действий и ожиданий шаг за шагом снижался, фантастические ожидания прорыва к новой жизни, изобилию, мировому уровню и т.п. низводились до некоторого улучшения или даже до простого сохранения достигнутого ранее. (В любом случае отсчет от воображаемого будущего заменялся отсчетом от наличных обстоятельств, происходило «приземление» образца.) Такова, в принципе, *прагматическая* составляющая рутинизации.

Иначе происходит, по-видимому, трансформация симво-

лических компонентов этого процесса. В «героические» периоды идеологические символы, лозунги, личная харизма лидеров исполняют существенные мобилизующие, консолидирующие и тому подобные функции. По мере рутинизации такие символы утрачивают «прикладные» значения, но могут относительно долго сохраняться в ином качестве – как сугубо ритуальные или церемониальные условности, как воспоминания об утраченных иллюзиях (фигурально выражаясь – как тени несбыточных надежд). Омертвевшие, опустошенные символические конструкции «второй свежести» не поддаются прагматической критике или ревизии именно в силу своей отрешенности от социальной реальности. В итоге получается, что прагматические надежды угасают, а их тени, символы надежд, остаются, практическое доверие к лидерам заменяется символическим (символы доверия), да и лидеры превращаются в *символы лидеров* (траектория образа выглядит примерно как путь от должностного лица к лидеру, от лидера к «живому» символу, затем к символу омертвевшему). Примеры таких превращений наблюдались и на исходе советской системы, и в годы кризиса перестройки и ельцинского правления. Если взглянуть на проблему с другой стороны, как бы «снизу», нетрудно заметить, что «человеку обыкновенному» в его нынешнем полудовольном и усталом состоянии вовсе не нужен решительный герой («лидер-преобразователь»), как не нужны и радикальные потрясения с их неизбежными издержками и жертвами – достаточно успокаивать себя представлением о существовании символического «гаранта стабильности». Недаром именно этой маской пользуется власть, даже принимая решения, опасные для «стабильности», в частности для наличного баланса надежд и разочарований. Но, как мы уже видели, образ «героя-лидера» в массовом сознании существует в комплексе (в «одном флаконе») с образами «врага», «жертвы» и пр. И процедура «рутинизирующей модернизации» касается всех этих компонентов: символический лидер проводит символическую мобили-

зацию под предлогом противостояния столь же символическим противникам и т.д. – впрочем, понесенные утраты нередко оказываются настоящими.

Как известно из регулярных опросов, постоянно наблюдается разительное расхождение массовых оценок деятельности президента и назначаемого им правительства (например, в январе 2005 года, N = 1600 человек, разница между позитивными и негативными оценками составляла у президента +33, у правительства – -32). Объяснить это явление можно, скорее всего, отмеченным выше расхождением прагматических и символических функций: первые в общественном мнении относятся к правительственным, а вторые сохраняются за президентом. Поэтому министрам приходится отвечать – правда, только перед общественным мнением – за все беды и трудности, а президентские рейтинги остаются почти неприкосновенными, «тефлоновыми». (Из той же логики разделения функций вытекает и приписывание президенту достижений в росте зарплат и пр.)

Ту же, по существу, картину можно выразить в терминах надежд – практических (приближенных к реальности) и предельных, как бы надежд «с большой буквы». Надежды всегда более устойчивы, чем практические расчеты, потому что люди, «человек обыкновенный», в мире неопределенности в них нуждаются постоянно, а уж абстракция «Надежды» довольно долго сохраняется почти при любых обстоятельствах. Поэтому «герой Надежды» как *символическое* средоточие общественных ожиданий – а именно эта функция возложена общественным мнением на образ президента – всегда оказывается в более выигрышном положении, чем любой практический руководитель. Правда, по мере рутинизации это положение тоже усложняется и представленная выше его логическая модель требует соответствующих оговорок. Самый распространенный массовый аргумент в пользу сохранения высокого уровня доверия и надежд в отношении нынешнего президента – «больше не на кого надеяться» (мнение 41%

опрошенных в августе 2004 года, N = 1600 человек). Показатели более приземленных надежд на то, что президент «сможет справиться» с конкретными проблемами страны, довольно устойчиво снижаются. В целом траектория трансформации общественных ожиданий выглядит примерно как последовательные переходы от реальных ожиданий к туманным надеждам, далее к символам надежд и т.д. вплоть до всеоправдывающего аргумента «безальтернативности».

Дополним приведенные выше данные ответами на другой регулярно задаваемый вопрос.

Таблица 1

«Согласны ли Вы с тем, что население России уже устало ждать от В. Путина каких-то положительных сдвигов в нашей жизни?»

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	2000, март	2000, август	2001, июнь	2003, июль	2004, апрель	2005, январь
Согласен*	45	50	47	50	57	57
Не согласен**	42	42	43	41	38	34
Индекс согласия***	3	8	4	9	19	23
Затрудняюсь ответить	13	8	10	9	5	9

* Сумма ответов «определенно согласен» и «скорее согласен».

** Сумма ответов «скорее не согласен» и «определенно не согласен».

*** «Разность» между «согласными» и несогласными».

Рутинизация общественно-политического режима или, шире, социально-политической системы – процесс довольно сложный, его последствия могут быть различными. Рутинизация советского строя, происходившая после размывания и конца сталинизма, примерно с 60-х до 90-х годов прошлого века, в конечном счете привела не к его стабилизации, а к ос-

лаблению его основ и последующему крушению. Как период правления М. Горбачева, так и период президентства Б. Ельцина привели не к рутинизации, а к *кризисам*, за которыми следовали перемены в типах режима и составе правящих элит. В нынешних условиях тенденции рутинизации сочетаются с кризисными поворотами во внутренней, внешней, экономической политике и соответствующих сдвигах на уровне лозунгов и установок. Это, видимо, свидетельствует об отсутствии достаточно стабильного баланса интересов, а также механизма принятия решений, кадровой преемственности, особенно на верхних этажах власти.

Потенциалы «человека обыкновенного»: до и после января 2005 года

Какую роль играет – или *может* играть – в таких процессах интересующий нас персонаж, «человек обыкновенный»? Как уже отмечалось, простейший и самый очевидный вариант его поведения – приспособительный (понижающая адаптация, снижение запросов, устойчивая тревожность «как бы хуже не было», сочетаемые, впрочем, с надеждами на «чудо твердой руки»). Но ни очевидность, ни распространенность не делают этот вариант *единственно возможным*. Латентные факторы вроде кризиса или неоправданных акций «сверху» при накоплении скрытого раздражения «снизу» могут приводить и к разрушению стандартных моделей массового поведения. В определенной мере это показал и опыт общественных трансформаций и кризисов последних 20 лет в России, в советских границах и вблизи их рубежей.

Каждый из таких кризисов означал – в интересующем нас плане – изменение *собственного состояния человека*, т.е. переход от «обычного» (адаптивного) состояния в возбужденное, мобилизованное. Другая примета трансформации – появление на авансцене иного типа коллективной идентичности: место коллективно-унизительного «мы-заложничества»

занимает коллективно-возвышающее «мы-освобождение». Вряд ли можно обозначить пригодные для разных условий количественные параметры подобных переходов: число их участников, никогда не достигающее большинства (неважно, населения или авангардной группы), оказывается достаточным, если способно воздействовать на значимую (опять-таки не вычисляемую заранее) массу людей.

Проникавшая на газетные плоскости перспектива «уличной» мобилизации, «баррикад» и т.п. в общероссийских масштабах (или значениях), вне зависимости от мотивов и направленности подобных акций, до последнего времени представлялась просто нереальной, точнее – крайне маловероятной. Это как будто вполне объяснимо особенностями российского социального пространства, наличными дистанциями между людьми, обсуждавшимися выше эффектами изолированности человека, настроениями равнодушия, готовностью довольствоваться малым, надеяться только на власть имущего и т.п. – при отсутствии серьезных организующих (или солидаризирующих) факторов, как внутренних, так и навязанных извне. Массовые выступления в различных регионах России с января 2005 года (по случайному историческому совпадению, в столетнюю годовщину аналогичных событий «первой» русской революции) показывают, что «маловероятные» варианты – к явному удивлению властей, наблюдателей и самих участников событий – оказываются реальными и значимыми.

Как известно, «инициатива» в данном случае исходила сверху, со стороны властей, не сумевших ни подготовить реформу монетизации льгот, ни предвидеть ее социальные последствия, ни своевременно реагировать на массовые протесты. Запоздалые и частичные корректировки скорее (на момент подготовки данной статьи, в феврале 2005 года) подливают масло в огонь массовых протестов, чем гасят его. Уже сейчас ясно, что «баррикады» (в современном смысле, т.е. акции типа перекрытия магистралей) оказались возможными

и даже эффективными средствами массового социального протеста.

Можно полагать, что действия государственных органов послужили детонатором давно назревавшего социального кризиса. Притом касающегося не только сферы социальной политики, а всего комплекса отношений между властью и народом в стране. Очевидные – при всем различии периодов и участников – дальние аналогии из отечественной истории последнего столетия дают события начала 1905 года и февраля 1917-го. Нуждаются во внимательном сравнительном анализе более близкие по времени и структуре социальные и социально-политические протесты 50-80-х годов в странах тогдашнего советского блока. В данном случае ограничимся некоторыми сопоставлениями только с самыми недавними процессами в соседних с Россией странах – Грузии и Украине.

Человек в поляризованном свете – «розовом» и «оранжевом»

Последние российские события придают особое значение анализу сходных и различных черт массовых акций в трех отмеченных ситуациях. Отличительная особенность обеих «цветных» революций состоит в том, что они явились ответной реакцией на конкретный *политический вызов* со стороны властных структур (подтасованные выборы), вызов, адресованный не только определенным политическим оппонентам, но и народу в целом (предполагалось, что последнему все равно придется принять предложенные результаты). Отсюда непосредственно политическая направленность протеста – требования пересмотра результатов выборов и устранения правящей верхушки, обвиненной в фальсификации. Причем в обоих случаях имелись заранее подготовленный состав альтернативной лидерской группы и фигура ее неоспоримого харизматического руководителя. В более широком плане существующий режим обвинялся в коррумпированности и не-

эффективности. При этом ни экономические проблемы, ни социально-экономические требования на первый план не выходили.

Главным средством воздействия на властные структуры явились умело организованные массовые акции, получавшие поддержку значительной части населения. По всей видимости, в Грузии значительную роль играла импульсивная, эмоциональная возбужденность участников действия (захвата парламента, давления на президента), в Украине – рациональная организованность массовых акций в общенациональном масштабе (прежде всего в столице, в центральных и западных областях). Ничего подобного классическим описаниям агрессивного поведения «толпы» (у С. Московичи и др.) не наблюдалось нигде. В украинской ситуации ноября-декабря 2004 года наглядными были элементы веселого и доброжелательного социально-политического карнавала.

В обоих случаях психологическим фоном и ресурсом массовых акций служила атмосфера широкой *национально-политической мобилизации*. Признаками национальной мобилизации можно считать ситуацию массового эмоционального подъема, охватывающего значительную часть социально активного населения страны и связанного с фактором коллективного самоутверждения. (Речь идет, конечно, не об этническом, а о национально-государственном самоутверждении и самоорганизации массы как «народа».) Предпосылками такой мобилизации служат сложившаяся ранее поляризация политических сил и элитарных групп в обществе, слабость правящей элиты, наличие популярных лидеров и мобилизующих символов, каналов массового воздействия, – а также, разумеется, определенного ресурса социальных иллюзий. Притом, что важно подчеркнуть, речь идет о мобилизации, позитивно ориентированной на самоутверждение участников акций и страны в целом, при фактическом отсутствии мишени какого-либо внешнего «врага».

Одно из самых устойчивых препятствий общенациональ-

ной *позитивной* мобилизации в России – пережиточный имперский комплекс, постоянно воспроизводящий фактор «мобилизации против» (*негативной мобилизации*), как выразился бы Л. Гудков). Ориентиром всех попыток имперской мобилизации служит *прошлое* состояние государства и общества, а инструментом – *старые* силы и стереотипы мышления, что обрекает такие попытки на неудачу, причем главным неудачником в конечном счете оказывается «имперская» сторона.

Непосредственные результаты «цветных» революций известны: быстрая и бескровная, институционально легитимизированная всеобщими выборами смена состава политической верхушки. Требуется определенное время, чтобы с уверенностью судить, в какой мере такие перемены скажутся на стиле и содержании общественно-политической жизни в соответствующих странах, на их демократических институтах и пр. Попытки перехода от «постсоветского тупика» к, условно выражаясь, «европейской» норме через напряжение национальной мобилизации, массовые акции, смену типа лидерства и т.п. не могут быть простыми, неизбежны откаты, сделки, расколы и пр. Поскольку ни в одной из переживших такие перемены стран нет «идеологически» оправданных и институционализированных партий, сохраняет свое значение «массовое» определение лидеров: их хотят видеть в качестве лидеров, от них чего-то ждут и им что-то позволяют. Отсюда и неизбежная проблемная «неустойчивость» самих лидеров, вынужденных постоянно подтверждать свою профпригодность.

Правомерность сравнения и различения массовых акций в Грузии, Украине и России, естественно, определяется наличием некоего «общего знаменателя» ситуации в этих странах. Таковым можно считать ситуацию «постсоветского тупика», характерного для многих стран советского наследия (кроме Балтии), а отчасти и «православного» южного угла бывшей Восточной Европы. Утвердившиеся в этом регионе

порядки уместно определять как имитативную демократию, или псевдодемократию, в которой сохраняются авторитарные или административно-бюрократические порядки, стиль личной власти при почти полном отсутствии политического плюрализма, возможностей реального выбора и пр. – и неизбежной тотальной, государственно-организованной коррумпированности власти и общества. В подобной ситуации трудно рассчитывать на какую-либо «плавную» эволюцию сложившейся системы в результате очередных выборов или парламентских голосований и тому подобных «регулярных» процедур, но сохраняется возможность воздействия внесистемных импульсов (массовых, внешних, верхушечных, личностных), которые время от времени возникают. Нечто подобное происходило и в странах классической демократии в периоды ее формирования или кризисов.

О прямом влиянии «цветных» революций (особенно украинской) на российскую ситуацию говорить трудно. Массовые настроения в России в конце 2004 года скорее отталкивали от подражания опыту соседей, чем привлекали к нему внимание³. Но с уверенностью можно отметить одно важное обстоятельство: масштабы и характер встревоженности, если не паники российских властных и околотовластных (советники, «технологи» и т.п.) структур, вызванной развитием украинских события, прямо повлияли на оценки теми же силами протестных выступлений в России.

Российский кризис начала 2005 года: ожидаемое и неожиданное

В конце минувшего года «большой» социальный кризис в стране представлялся невозможным, хотя признаки общественного беспокойства и недовольства – в большой мере связанного с ожиданием замены льгот – нарастали, и это посто-

³ См.: Дубин Б. Россия и соседи: проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения. 2005. № 1.

янно подтверждали опросы общественного мнения. Из различных источников было известно, что предлагавшиеся правительством меры по «монетизации» льгот подготовлены наспех, без должных расчетов и без необходимой разъяснительной работы среди населения. Здесь также явно сказывалась привычка авторитарной власти видеть в населении послушную массу, которая «съест все, что дают», поскольку не имеет возможности разобраться в навязанных изменениях и, тем более, сопротивляться им. Повсеместные акции массового протеста оказались шоком для властных структур и в первые же недели существенно изменили обстановку в стране. Привыкший терпеть и приспосабливаться «человек обыкновенный» впервые за многие десятилетия показал себя возмущенным и активно протестующим.

Чтобы оценить масштабы выступлений, недостаточно сведений об их непосредственных участниках, весьма важны показатели поддержки и сочувствия (обычно заявленная в ходе опроса «готовность участвовать» на деле означает выражение поддержки). В своем городе, районе 30% видели акции против замены льгот. В январе 2005 года (N = 1600 человек) лишь около полупроцента опрошенных сообщили, что сами принимали участие в таких акциях, 26% – что могли бы в них участвовать, 41% заявили, что поддерживают действия протеста, еще 41% – что относятся к ним с пониманием, хотя не поддерживают.

Чаще всего выражают поддержку протестным действиям люди старших возрастов (55 лет и старше – 51%), а также – что весьма примечательно – имеющие высшее образование (42%). Причем обратили внимание на такие действия в своем городе прежде всего высокообразованные – 44% (из имеющих низшее образование – только 22%). Непосредственно участвовали в протестах преимущественно люди в возрасте 25-40 лет, они же чаще всего (60%) полагают, что акции носят стихийный характер. Версию наличия «подстрекателей, провокаторов» разделяют 17-19%. Стоит добавить к этому

данные о том, что начало замены льгот вызвали недоумение, обиду, возмущение более чем у половины населения (56%). Сопоставление приведенных показателей приводит к выводу о существовании – впервые за многие десятилетия – серьезной волны общественного недовольства в общенациональных масштабах.

Другая сторона создавшейся ситуации – неожиданная растерянность власти, неспособной признать всерьез собственные ошибки, но готовой отступить под нажимом протестов. Это относится не только к льготам: как только появились сообщения, что в некоторых городах к возмущенным пенсионерам присоединяются студенты, встревоженные намерением военного ведомства отменить отсрочки от призыва, тут же появились официальные опровержения...

Чтобы судить о значении и потенциале нынешней протестной волны, как представляется, следует отойти от категорий социальной политики и ограниченно-экономических стереотипов наподобие оппозиции «прогрессивных» денежных выплат «консервативным» (в советском стиле) льготам. За вышедшим на улицы спором о льготах и монетизации кроется гораздо более важная проблема отношений между «властью» и «народом». Дело в том, что «льготы», унаследованные с советских времен или накопленные позже, – это ключевое звено в том негласном «социальном контракте», который обеспечивал относительную стабильность и спокойствие в дефицитарном и бедном обществе, это та самая «кость», которую бросал народу режим, неспособный обеспечить эффективность экономики и нормальный уровень благосостояния, получая в ответ дешевую и послушную рабочую силу, а также массовую готовность равнодушного одобрения власти и ее носителей. Поспешная и неподготовленная отмена льгот при отсутствии развитой экономики, при уровне жизни, не достигшем позднесоветских показателей (1991 года), фактически взрывает весь этот «социальный контракт».

Вряд ли можно объяснить такой чуть ли не самоубийственный шаг только социальной некомпетентностью или чиновным рвением каких-то функционеров. В его основе – стремление имитировать «современность» и местами даже «либерализм» существующей социально-политической системы при отсутствии действительно современной экономики, политики, правового государства и эффективного управления. Результатом оказывается убогая и социально опасная пародия на либеральные реформы, дискредитирующая и власть, и либерализм.

Пока (к началу февраля 2005 года) социальные протесты в стране носят диффузный, неорганизованный характер. Не видно политических сил (старых или новых), которые способны были бы придать движению организованный характер. Существенное значение имеет демонстративно «нестолличный» вид протестного движения, которое довольно тщательно обходит Москву стороной. Почти не видно и собственно политических лозунгов (хотя в наших исконных условиях любое несогласие несет политическую нагрузку). Не существует и никакой политической альтернативы, подобной той, что предлагалась в Грузии, в Украине. Состав сложившейся в последние годы властной верхушки, видимо, исключает какие-либо антипрезидентские реакции на этом уровне.

Варианты развития нынешней протестной волны в российском обществе зависят от многих разнопорядковых факторов – от способов политизации массовых выступлений, действий власти (например, в отношении обещанной «реформы» ЖКХ), «весенних» общественных настроений и пр. Трудно сомневаться в том, что одним из наиболее важных последствий нынешних выступлений станет дальнейшее разрушение – прежде всего в сознании «человека обыкновенного» – «нерушимого единства партии (власти, президента...) и народа» в России.

«Вестник...» 2005. № 1

О ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ*

Тема гражданской нации является сравнительно новой, во всяком случае, пока она редко обсуждается. С другой стороны, она стала сейчас настолько спекулятивной, что тут «тошнотворность» будет слабым определением. Тему гражданского общества, гражданских институтов мусолят в основном те, которые хотели бы эти понятия приспособить совсем к другим надобностям. Что связано с ситуацией – человеческой, кадровой и т.д. и не исключает обращения к каким угодно словам и понятиям, но только требует внимательно и разборчиво к ним относиться, не превращать их в размерную монету, потому что разменная монета кому только ни служит. А здесь нужно четкое определение. Сказав все это, я вынужден хотя бы коротко остановиться на понятиях гражданского общества, институтов, может быть, гражданского сознания и так далее.

Мне не нравится то, что об этом говорится чаще всего. Очень сомнительным кажется представление, что у нас существует, предположим, действительно сильная держава, у которой есть свои государственные традиции, история, а где-то на заднем дворе у нее существует что-то, что имеет прилагательное «гражданское» – какие-то самодеятельные и опасные организации, которые надо держать в жестких руках. Я не занимаюсь конкретной политикой, не собираюсь рассуждать, что здесь с этим можно сделать, я хочу сказать о том, что реального гражданского общества у нас нет и до него еще достаточно далеко, хотя некоторые его признаки, а, точнее, призраки как будто бы бродят, иногда на привязи, иногда без нее. Это, конечно, нелепая ситуация, потому что есть элемент и самостоятельных организаций и самостоятельного мышления, элемент слабый в том состоянии, в котором мы

* Выступление Ю.А. Левады на семинаре Московской школы политических исследований 31 мая 2006 г.

находимся, в сложном таком компоте, в котором плавают остатки авторитарных и тоталитарных систем и какие-то признаки иных, и в целом все это лишь увеличивает общий хаос и сложность.

Хочу напомнить, на прошлом семинаре я уже приводил, по-моему, самое интересное для меня наблюдение в ходе наших опросов, когда мы этой весной и в начале лета спрашивали людей о том, что происходит в нашем обществе. Часть опрошенных тогда говорила, что укрепляется демократия, другая часть, чуть поменьше, что у нас нарастает авторитаризм, и больше 40 процентов ответили, что происходит нарастание хаоса и беспорядка. Давно таких ответов мы не получали, и это довольно любопытно, когда что-то укрепляется, что-то закручивается, но в то же время хаос от этого тоже увеличивается.

Так вот, во всем этом мне представляется важным следующее. Если мы имеем дело с тем, что называется гражданским обществом, то это не то, что может существовать в отдельной взятой комнате или на заднем дворе государственного здания. Гражданские институты как воздух, как вообще газообразное вещество, которое, если оно есть, заполняет все пространство. А если не заполняет, значит, его просто нет, и элементы гражданского общества сами по себе в рамках совсем иначе построенного государства и не готового к этому человека существовать не могут. А если есть это общество, которое можно называть гражданским, то это такое общество, где живут граждане самостоятельные, ответственные за свое положение, где действуют властные институты, ответственные перед гражданами, контролируемые ими. Ну а другими его элементами являются организации, существующие на разных правовых началах, но равно подчиненные обязательно для всех закону. Дальше это определение развивать, наверное, бессмысленно, потому что все бывает по-разному: не только у нас, но и в других местах совершенного гражданского общества нет, и понятие это обозначает скорее,

если выразаться социологическим термином, «идеальный тип», на который можно ориентироваться.

А теперь, подходя к определению гражданской нации, попробую это сделать в порядке, повторяю, рассуждения, не поучительства.

Обычно нацией называют государственно организованную общность людей, что выражается не только в том, что эти люди являются гражданами определенного государства, имеют соответствующие документы и соответствующие права, но и в большей или меньшей мере эта их общность подкрепляется их представлениями о долге, интересах, патриотизме. А кроме этого, в какой-то форме в сознании людей существует барьер: это моя страна, а там, может быть, очень хорошая, уважаемая, но уже другая. И существование такого барьера не зависит от физических или полицейских кордонов, их можно преодолевать, они бывают почти незаметными, но, тем не менее, нации это нации.

Есть и другие подходы к нации, когда мы имеем дело с государственно-сложными образованиями: эта их сложность или неоднородность может быть этническая, религиозная, культурная, обусловленная историческим прошлым и так далее. В политическом плане это все равно будут нации: американская, индийская, бразильская да и российская, по моему, тоже; в политико-юридическом плане о нациях иначе не говорится. Но это еще совсем не то, что нация гражданская. У меня такое ощущение, что о гражданской нации можно говорить лишь в том случае, когда факт принадлежности человека к государственному образованию входит в кровь и плоть массового сознания. И когда главным цементирующим средством оказываются не формальности, не только паспортная принадлежность, а реальные связи людей, вошедшие в привычку на социально-психологическом уровне. То есть это общество, практикующее уже иной, нежели формально-юридический, уровень человеческих отношений...

Остановимся пока на том, что гражданская нация – это общность людей не только формальная, может быть, даже совсем не формальная, потому что иногда она может ощущаться людьми, которые не знают о государственных границах, законах, не имеют паспортов, а хотели бы их иметь. Речь идет о так называемых непризнанных нациях, в том числе и на бывшей советской территории. Это было в истории по-разному, и судьба у них тоже может быть разной. Очевидно, что это не совсем то, что иногда называют этническими общностями и с чем очень много связано острых периодов жизни в ушедшем веке и веке наступившем. XX век, вообще говоря, был веком наций и национальных конфликтов в такой мере, в какой ни один век нам известный еще не был. Правда, нации эти были в основном политические, государственные. Но где-то ближе к середине XIX века возникла тема этнического самоопределения, языка, культуры, отчасти религии. Ну а дальше, вы знаете: Европа разошлась по политическим уделам и привыкла считать нациями то, что существует в их границах, отодвинув на второй план вопрос этнической принадлежности. Подальше от этой классической Европы получается сложнее. Я имею в виду такие образования, как Россия, Индия, те же Соединенные Штаты, которые имели иное происхождение, складывались из разных частей, из разных компонентов, сохранивших свои разные идентичности, по крайней мере, в какое-то время и на какой-то период. Естественно, нас интересует прежде всего то, что касается нас, а остальное пусть рассматривает сравнительная этнология, история и так далее. А здесь можно представить себе, что сейчас скажем, в формально обновленной постсоветской России, из паспортов сняли графу о национальной, в смысле этнической принадлежности человека, что казалось очень серьезным шагом продвижения к мировым стандартам. Но от этого, как известно, не реализовалась общероссийская надэтническая общность.

Старшая часть аудитории, очевидно, помнит, как у нас в 70-х стали говорить о том, что в СССР появилась такая общность, как советский народ. Возможно, это было не самое вредное изобретение, но немножко фантастическое, не менее фантастическое, чем развитой социализм, поскольку считалось, что советский народ это что-то надэтническое. Как будто раньше мы имели дело с общностями разноэтническими. На мой взгляд, как показали дальнейшие события, реальных отношений между людьми это не изменило и не создало действительно сплоченной общности людей, живших когда-то в рамках большого и 15 лет назад прекратившего свое существование государства. Уже одно это показывает, как плохо наполнялись содержанием разного рода формулы и термины, которые тогда использовались. Больше того, когда кончилась советская эпоха, на первый план выступили разграничения, отторжения, конфликты, вплоть до чрезвычайно тяжелых, связанные со стремлением территорий к отделению и самоопределению, в основном, в периферийных областях, с огромной политической растерянностью Центра. И сейчас на фоне ретроградной волны мы видим, судя по призывам, что если не получается с организацией жизни с помощью новых инструментов, то давайте попробуем старые, рассчитывая на то, что они будут работать. В том числе это касается мыслительных инструментов, способов определения и названия того, что происходит. Например, в числе прочего сейчас запущено обсуждение новых вариантов национальной идеи или национального существования, и в ходу академический проект Института этнологии, фактически повторяющий слова старого гимна о том, что союз или содружество наших народов сплотил «русский народ». По-моему, во-первых, это не полезно сегодня, потому что возрождает разграничение на главных и не главных, а во-вторых, неверно исторически. Потому что принудительным сплочением разных народов и образований занимался не какой-то народ в этническом плане, а имперская государственная власть с помощью своих

имперских государственных институтов. В данном случае понятие «имперское» я не употребляю в негативном смысле, просто так все было устроено издревле и так работало, поскольку ничего другого, конкурирующего не было. Это работало с помощью институтов монархии, дворянства, армии, церкви. А в более позднее время с помощью отчасти секуляризованной русской культуры, которая имела, конечно, большое значение для развития языка, литературы, общения и так далее. Но никакой исключительной роли какого-либо этнического образования не было и вообще не бывает, потому что единообразия этнических корней нельзя найти нигде, не только в России, но и в Германии, и Франции, и Великобритании. Было соседство и соперничество разного рода образований, которые в большей или меньшей мере сплотились, гомогенизировались, но и то неполностью. Поэтому искать у нас этничность нации и бесполезно и исторически неверно. Все то, что мы называем русскими княжествами – московское, тверское, рязанское, киевское и так далее, – а потом государством, все его элементы были разные, и споры вокруг этого давние, и говорю я это к тому, что если мы этот круг вещей будем рассматривать, то это тупик, все замешано на взаимных обидах. Сейчас и вовсе перевернулась точка отсчета, если учесть, что обиженными считаются не малые нации, так называемые меньшинства, тоже нехороший термин, а обиженной считает себя самая крупная национальная группа, и очень много из-за этого возникает нелепого. Я думаю, монархия в России едва ли могла претендовать на русские корни, она, как и многие другие монархии была сначала призванной, а дальше происходили процессы перемешивания между всеми европейскими монаршьями домами. Так что Романовы были в такой же мере русскими, как Людовики, например, французами или Габсбурги немцами и т.д. Работали институты, а не какие-то особые народы.

Чтобы не было скучно, покажу вам парочку иллюстраций к тому, о чем я говорил. Вот давайте возьмем вопрос о том,

кем чувствуют себя люди и какие права они ценят. Это ответы, которые мы получили не сейчас, а в 2002 году, но это не проблема, потому что такие оценки быстро не меняются.

Итак, кем себя люди чувствуют в первую очередь? Из ответов видно, что довольно небольшая часть чувствует себя ответственными гражданами, а подавляющая часть – практически подданными государства, от которых мало что зависит. Ничего удивительного и нового ни для кого из вас и для меня, конечно, это не содержит, это просто показывает пассивность общественного сознания. И с людей за это спрашивать нелепо. Спрашивать нужно, конечно, с тех, кто претендует на лидерство – идейное, политическое, культурное. И если спрашиваешь, то раздается обычно ответ: ну люди же не готовы, а поэтому нужна плетка и прочие инструменты принуждения. Об этом когда-то еще любил рассуждать государь Николай I: конечно, хотелось бы, чтобы были права, как в Европе, но я же имею дело с людьми, которые иначе не понимают... Это из истории, хотя нечто подобное можно слышать и о сегодняшней ситуации в России.

Теперь другая тема, но с этой связанная. Она возникла из двух исследований: одно – 1999 года, кстати, мы тогда вместе с Московской школой делали это, потом еще раз я к этому материалу вернусь, а второе – совсем недавнее. Я беру из него небольшую часть о том, какие права для людей важны.

Здесь много любопытного. Дело в том, что людей гораздо больше интересуют практические права, связанные с повседневной жизнью. Это образование и медицина, причем бесплатные, это право на бесплатное жилье, по которому люди стали в два раза больше тосковать, чем несколько лет назад. Почему – понятно. Люди говорят о том, чего им не хватает. Пока воздух есть, мы не замечаем, что им дышим. А ежели его перекрывают, то тут начинаются переживания. Но есть еще две позиции. Во-первых, свобода слова, которая 7 лет назад мало кого интересовала. С одной стороны, люди не так уж много и хотели от этой свободы, а с другой стороны, ду-

мали, что раз хотели, то ее и хватит, это был 1998 год, другие времена. Сегодня ситуация поменялась. Почему? Потому что опять-таки начинают чувствовать, что что-то здесь перекрывается. Хотя значительно меньше чувствуют, чем практические проблемы. Во-вторых, это право избирать своих представителей. Вроде бы тоже лет семь назад было все мило и в порядке и даже несколько надоело, потому что не всегда это решает все проблемы жизни, в этом мы тоже успели убедиться. Ну а затем происходит то, что оказывается, это далеко не вечное право, это такая лесенка, которую можно и убрать. И убирают. И люди начинают на это реагировать. Опять-таки значительно меньше, чем на покушение на материальные, жизненные интересы. Так устроено общественное сознание, которое мы видим через общественное мнение.

Теперь по поводу смешения национального с этническим. Посмотрим следующую табличку. Этот вопрос мы ставим регулярно, раз или два, а то и больше каждый год. Динамика здесь любопытная и структура ответивших тоже. Я хочу немножко об этом поговорить. Это вопрос об отношении к лозунгу «Россия для русских!». Мы видели его вживую примерно месяц тому назад, когда с этим лозунгом в регионализированном варианте маршировали по Москве, и некоторые политические силы, прежде всего партия «Родина», но не только она, пытались под московские городские выборы подsunуть публике требование «Москва – для москвичей!»! Что тут делают, которые понаехали?! В политической практике обращение к этому лозунгу возникает по очень простой и всем известной причине: из всех призывов, которые только раздавались на земле нашей в последнее время, этот самый зажигающий. Никакие призывы, даже призывы к свободе, к державному величию, к каким-то социальным правам, не производит такого воздействия на людей, как призыв, за которым лежит в принципе старая формула – бить инородцев и спасать Россию. Имена инородцев можно как табличку менять. Сейчас это приезжие, в основном с Кавказа. Во время

избирательной кампании недели две назад, мне в ящик кинули голубую листовку от партии Жириновского, где шапка была такая «Освободим Москву от чужаков-инородцев». Правда, они не попали в московское собрание, что, впрочем, не так важно, но интересно, что потом партия оказалась даже борцом с национализмом «Родины». Это из ряда технологических игр, но меня интересует не технология и не технологи, а почему это доходит до людей, почему этим можно людям зажигать.

Перед выборами Госдуме Москвы мы спрашивали людей о намерениях при голосовании. Выходило, что эта самая «Родина» могла получить около 15 процентов голосов москвичей. Этого не случилось: «Родину» сняли с выборов. Но самое главное вот что. Говорят, что власти разрешили одно, не разрешили другого, марш наших родных нацистов благополучно прошел, а попытку контрдемонстрации попытались запретить. А потом наша новая городская дума обрадовалась и решила вообще всякие шествия в Москве запретить, потому что, оказывается, уличное движение у нас и так большое, а тут еще всякие демонстрации. Довод очень убедительный, совершенно не политический, но настоящая его суть понятна. Но главное не в том, что власти сложную игру играют вокруг этнической проблемы, а то, что находится все-таки немало людей, которые на лозунги такого типа обиженного и рассерженного национализма покупаются.

Посмотрим на данные опроса. Больше половины согласно с призывом «Россия для русских». И в два с лишним раза реже люди решаются сказать, что это очень плохо. Как видим, люди очень легко поддаются на эти призывы. Хотя есть две степени приверженности к русской России – одни вполне согласны и другие согласны с оговорками. Нынешним летом мы попытались задать поясняющие вопросы и разобраться, что именно понимают под этим лозунгом одни и другие. Первые, их около 20 процентов полагает, что нужны ограничения для приезжих и вообще для нерусских.

Это в своем роде позиция такого предельного испуга людей, апеллирующих к большой и как будто бы обиженной нации. Вторая группа, она чуть больше, около 30 процентов, – это люди, которые принимают лозунг «Россия для русских» с некоторыми оговорками. Оговорки в основном состоят в том, что нужно не столько вводить ограничения для «чужих», сколько установить преференции для своих, то есть предпочтения при поступлении на учебу, для занятия должностей, специально поощрять развитие русской культуры и даже сохранение русского языка и так далее. На самом деле, второй вариант немножко перекрывает первый, и оба они работают на то, чтобы нас подвинуть на одно-два столетия куда-нибудь назад, к временам межэтнических разборок, которые классическая часть Европы переступила лет полтораста тому назад, а неклассическая, вроде южных славян, проходила с величайшей кровью на наших глазах с десятков лет назад. Но все эти довольно милые перспективы носят не только умозрительный характер, а реально воспринимаются сознанием народа, что означает, насколько мы далеки от гражданского понимания нации. Иногда говорят, и это правда, что этнических предрассудков и конфликтов на свете хватает. Хватает их и в Западной Европе, хватает и в более-менее вчера еще близкой к нам Центральной Европе: в Польше, в Австрии, в Венгрии, в Украине.

Мне кажется, главная разница между ними и нами не в том, что у нас чего-то чуть больше или чуть меньше, а в том, что у нас явно меньше сопротивления этим настроениям. И не только со стороны власти, от которой мы всегда чего-то ждем и мало чего дожидаемся: она маневрирует, не решается ссориться с националистами, осторожненько иногда их журит. Но население не выражает отвращения к национализму и не сопротивляется ему. Когда у нас если не каждый день, то каждую неделю убивают приезжих – из Африки, из Азии, из Армении, из Грузии, власти каждый раз стараются объяснить это мелким хулиганством, бытовыми конфликтами:

случайно подрались, деньги, женщины, еще что-нибудь... Лишь бы не апеллировать к сознанию массы людей. Мне кажется, что было бы лучше не заниматься махинациями насчет выборов, это не так важно, кто туда попадет, в эту послушную Московскую думу, а создавать атмосферу отторжения и возмущения. Когда в давние времена Россию сотрясали погромы, российская прогрессивная интеллигенция считала долгом чести выразить свое возмущение по этому поводу и разъяснить народу, почему надо возмущаться этим. А сегодня не пытается, полагая, что можно кого-то переназначить, найти бог весть какую придирку и т.д. Это означает, что этим путем идти к гражданской нации нам далековато, сложно. Но все равно придется, потому что другого варианта у нашей вчерашней и позавчерашней империи все равно нет. Все равно рано или поздно мы придем к граждански организованному обществу и к гражданского типа человеческой солидарности.

Добавлю еще одну ссылку на наши данные. Мы время от времени спрашиваем людей о том, отвечает ли человек за действия своего правительства и за судьбу своей страны. Мы спрашивали об этом 4 раза в рамках исследования по «Советскому человеку» за последние 16 лет. И мы видим очень устойчивый тренд снижения уровня понимания этой ответственности. Человек все меньше чувствует себя ответственным за то, что делается в стране и что делает его власть. С одной стороны, это освобождение, и в этом можно видеть кое-что хорошее – человек отрывается, рвет, что ли, поводок, на котором он был привязан многие десятки лет. Но ведь это не гражданский способ. Это способ замкнуться в своей конуре и считать, бог с ним, что там происходит, что там они делают, лишь бы меня не трогали, лишь бы не было слишком страшной инфляции, безработицы. И это отчуждение не дает нам намека на какой-то выход. Дает нам ощущение движения скорее от прошлого общества, но путь к обществу граждан-

скому и к пониманию гражданской ответственности и гражданской сплоченности не близок.

Раз я уже дошел до отношения к власти, не могу удержаться, чтоб не показать одно наше исследование. Как я уже сказал, несколько лет назад, точнее в 1999 году, по инициативе Московской школы политических исследований мы провели специальное изучение отношения людей к власти. В числе прочих у нас был ряд вопросов: по поводу отношения людей к власти советской и к власти нынешней. Мы включили в этот список примерно 25 разных характеристик. Опрос повторили в 2001 году и третий раз в ноябре 2005 года. Вот только последние данные.

Приводилась такая черта власти – «власть, близкая народу, людям». Оказалось, что советскую власть, правда, мы спрашивали о брежневской эпохе, потому что люди ее лучше помнят, считают «близкой» 34 процента, а сегодняшнюю – только 5 процентов. Вторая позиция, похожая на эту: «своя власть, привычная». Соответственно 26 процентов и 4 процента. И третья позиция: «далекая от народа, чужая». Советская – 10 процентов, а сейчас 42. Единственное, что тут без перемен, – бюрократическая власть. Прежнюю таковой считают 30 процентов, нынешнюю – 39 процентов. Таким образом, за прошедшие 7 лет советская власть вдруг стала лучше. А нынешняя стала чуть-чуть получше, чем была при опросе в 1999 году. Об этом мы спрашивали еще во время Ельцина, до дефолта и многих других драматических событий, после чего наступило очень резкое разочарование во власти, в реформах, переменах, в чем угодно. Сейчас, как вы знаете, настроение у народа несколько более оптимистично – и платят лучше, все еще существует доля надежды на носителя верховной власти, не на власть, а только на одного человека. Тем не менее, разрыв громадный. Советская власть стала значительно лучше, чем была, а нынешняя местами немножко лучше, поскольку привыкли к ней.

Я помню, когда мы стали публиковать данные первого исследования на эту тему, на меня чуть не ногами топали, говорили, ну как же это может быть, что ж народ у нас только и смотрит назад, что это за люди, как вы получаете такие данные? Повторяем – ничего лучше не получается. Такое зеркало ругать бессмысленно, если такова массовая физиономия. К сожалению, мы живем в категориях «власть своя – чужая», «привычная – непривычная». Хотя разделение на свое и чужое опасно, потому что власть бывает законная или незаконная, эффективная и не эффективная и т.д., демократическая или диктаторская.

Как связана эта очень сложная проблема с темой гражданской нации? Могу лишь повторить уже сказанное: нация это некое единство людей, пропитанных гражданским осознанием своей роли, своего долга, своих возможностей в том районе, в той стране, которая считается ими своей. И вот здесь, оказывается, доминирует прежде всего: раз своя, то хорошая, как футбольная команда. Своя, значит, надо болеть за нее. Это спортивная экзотика и одновременно характерная черта жизни. Или как в экстраординарных условиях, например, на войне. На войне ведь не рассуждают о том, глупый или умный полководец – свой, надо слушаться, идти, куда прикажет, а что еще делать? Война есть война, это мы, это они, не мы их убьем – они нас убьют. Но война – это экстремальное состояние человечества: военная мобилизация, мобилизация совести, сознания, и все это в краткий момент можно пережить, хотя тоже с большими оговорками, так как она всегда несет с собой непредвиденную опасность и калечит людей, даже если ее трижды правильной считают. Сделать это образцом жизни пытались у нас, результат известен. Выигрыш был на время, большой ценой достигнутый. Есть люди, которые хотели бы повторить опыт, когда у нас практически несформированное общество пытались обратить в нечто подобное казарменной общине или стаду. Вспоминать об этом надо тогда, когда перед глазами попытка повторить,

точнее, имитировать ситуацию, которую очень трудно считать приемлемой для общества.

Мне кажется, если в современном обществе что-то одобряется или осуждается, то делается это не однотипными, одинаково думающими, чувствующими, голосующими и кричащими от радости или от горя людьми, а их великим разнообразием. Когда-то Аристотель говорил, что город – это единство разнообразных. Современное городское общество заведомо предполагает разнообразие людей, взглядов, мыслей, чувств, позиций. Сегодня, когда волна нас несет к полузабытому, но так и не умершему единогласию, единомыслию, единообразию, это результат и безмыслия, и безгласия. Мы знаем, что из этого получается и для общества, и для носителей власти. Сказано было давно, что власть разлагает людей, а абсолютная власть разлагает абсолютно, в том числе и даже в первую очередь тех, кто этой властью пользуется и владеет. И мы об этом можем читать, можем видеть, что происходит на разных этажах власти и насколько хорошо и ловко люди умеют с этим смиряться, отчасти даже этим и пользоваться. Пока мы имеем дело с такими механизмами взаимодействия людей и даже их сплачивания, мы очень далеки от идеальной ответственности и гражданского сплочения нации. Когда-нибудь может быть единогласие уйдет в область спортивных страстей: все за своих! Но если бы это осталось только в спорте, хотя и спорт дает дикие образцы и заражает общество. Самое худое, когда возрождается ситуация, когда общество сводится к общине, к имитации стадности человеческой. Когда сегодня у нас очень много говорят и спорят о том, нужна ли нам политическая оппозиция и есть ли она у нас. Мы спрашивали об этом людей и получили два ответа. Все, включая сторонников правящей, точнее, государственной партии и президента, считают, что оппозиция нужна. Когда мы спрашиваем, есть ли она, ну конечно, отвечают, нет ее, не видать. Третьи отвечают, что ее нет и это вполне справедливо. Ну а дальше идут известные рассужде-

ния, из кого, из чего ее можно было бы слепить. Я в эту тонкую область не вторгаюсь, она не моя, не только потому, что сегодня времени нет.

В заключение я хочу подчеркнуть только одну мысль. Мне кажется, что нам нужно в первую очередь, и это даже важнее, чем политическая оппозиция, утвердить человеческое разнообразие. Разнообразие мыслей человеческих, возможность свободно думать означает возможность по-разному думать, серьезно и по-разному оценивать и одних, и других, и третьих, и разные компоненты нынешней власти и ее сторонников, и тех, кто ее с разных позиций ругает. Это важно с точки зрения будущего, а развитие в сторону гражданского общества и гражданской нации, это основание будущего. Это важнее, чем сегодняшние группировки «за» и «против», хотя конечно, они создают иногда на базе самых благородных и понятных стремлений.

*Общая тетрадь. Вестник Московской школы
политических исследований. М., 2007, № 3*

Научное издание

Левада Юрий Александрович

Сочинения

Проблема человека

Составитель **Левада** Тамара Васильевна.

Технический редактор **Шталова** Лариса Владимировна.

В книге использованы фотографии
из личного архива Ю.А. Левады.

Подписано в печать 28.07.2011.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 33.
Тираж 200 экз. Заказ № 1786.

Издатель Карпов Е.В.
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29

Отпечатано в типографии
ООО «Бизнес континент»
101000, г. Москва, Лучников переулок, д. 4